Ивановъ-Разумникъ

СОЧИНЕНІЯ

т. V

ПУШКИНЪ и БѢЛИНСКІЙ

Статьи историко-литературныя

Собраніе сочиненій Иванова-Разумника расчитано на *семь* томовъ, по слѣдующему плану:

т. I — Исторія русской общественной мысли, т. I.
„ II — Исторія русской общественной мысли, т. II.
„ III — О смыслѣ жизни.
„ IV — Великія исканія.
„ V — Статьи историко-литературныя.
„ VI — Статьи публицистическія.
„ VII — Статьи критическія.

Томъ пятый выпускается прежде другихъ, такъ какъ статьи, напечатанныя въ немъ, впервые собраны въ отдѣльной книгѣ.

Остальныя сочиненія въ прежнихъ изданіяхъ продаются въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, Петроградъ, Вас. остр., 5 лин., д. 28.

Ивановъ-Разумникъ

СОЧИНЕНІЯ

ТОМЪ ПЯТЫЙ

1916

Ивановъ-Разумникъ

ПУШКИНЪ и БѢЛИНСКІЙ

СТАТЬИ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ

1916

Типографія М. М. Стасюлевича.
Петроградъ, Вас. остр., 5 лин., 28.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

ПУШКИНЪ и БѢЛИНСКІЙ

Пушкинъ и Бѣлинскій.

Основная статья настоящей книги — обширная статья о „Евгеніи Онѣгинѣ“, а значитъ и обо всемъ творчествѣ Пушкина. „Державинъ“—это только предисловіе къ пушкинскому творчеству, „Поэмы Пушкина“ — это только предисловіе и комментарій къ „Евгенію Онѣгину“, въ которомъ — весь Пушкинъ, все его творчество, все его сокровенное міровоззрѣніе, вся его религія жизни. Подробно сказать о „Евгеніи Онѣгинѣ“, значитъ сказать о всемъ Пушкинѣ.

Бѣлинскій—это уже послѣсловіе къ Пушкину; его критическая работа—цѣннѣйшій, до сихъ поръ мало тронутый временемъ анализъ пушкинскаго періода русской литературы. „Бѣлинскій о Пушкинѣ“ — основная статья нашего критическаго изученія историко-литературной работы Бѣлинскаго; далѣе слѣдуетъ изученіе ряда его статей о русской поэзіи эпохи Пушкина.

Поэзія гармоническаго единства — поэзія Пушкина, лермонтовская поэзія „рефлексіи“ и раздвоенія, поэзія безтрагичнаго и трагическаго — поэзія Майкова и Баратынскаго, кольцовская поэзія земледѣльческаго быта,—вся эта поэзія пушкинской и послѣ-пушкинской эпохи получила отъ Бѣлинскаго иногда не полное, но почти всегда глубоко вѣрное въ своей основѣ опредѣленіе.

Въ концѣ идутъ статьи, посвященныя духовному творчеству самого Бѣлинскаго: изученіе его философскаго пути, его вѣры въ соціализмъ, его войны съ идейными противниками. Все это—прямое историко-литературное дополненіе

къ книгѣ „Великія исканія“ (Сочиненія, т. IV), освѣщеніе душевной трагедіи Бѣлинскаго его творчествомъ; бо̀льшая часть статей этихъ собрана, въ переработанномъ видѣ, изъ комментированнаго мною въ 1910 году собранія сочиненій Бѣлинскаго.

Статьи о Бѣлинскомъ освѣщаютъ его великія *исканія*,— статьи о Пушкинѣ говорятъ намъ о великомъ *достиженіи* поэта. Исканія, это — вражда, отрицаніе, непримиренность, бунтъ; достиженіе, это—пріятіе, примиренность, просвѣтленіе. Что̀ кому дороже, тотъ тому и отдаетъ предпочтеніе, не переставая глубоко цѣнить, однако: одинъ, пріемлющій— непримиренныя исканія Бѣлинскаго; другой, непримиримый— просвѣтленное достиженіе Пушкина.

Г. Р. Державинъ.

Ломоносовъ былъ еще живъ, когда началъ писать Державинъ; Державинъ былъ еще живъ, когда появился въ литературѣ Пушкинъ. За эти полвѣка—отъ шестидесятыхъ годовъ XVIII-го столѣтія до двадцатыхъ годовъ XIX-го—русская общественная мысль и русская литература прошли черезъ рядъ глубоко-важныхъ фазисовъ своего развитія: общественное теченіе (Фонвизинъ, Новиковъ, Радищевъ), мистическое и соціальное масонство, сентиментализмъ, романтизмъ; но все это прошло мимо Державина, почти что не задѣвая его. Онъ создалъ свою область творчества, оказалъ громадное вліяніе на русскую литературу, закончилъ собою „ломоносовскій" періодъ этой литературы и началъ періодъ реалистическій „до-пушкинскій"; онъ развилъ въ своей поэзіи только одну главную тему — но тему такого громаднаго значенія, что она одна обезпечила ему литературное безсмертіе. Тема эта — *человѣкъ*, каждая отдѣльная индивидуальность, каждая наслаждающаяся и страдающая реальная человѣческая личность, заранѣе обреченная на смерть и ищущая спасенія отъ смерти. Новая тема требовала новыхъ словъ, новыхъ красокъ; и Державинъ только тогда выдѣлился изъ безчисленнаго ряда стихотворцевъ екатерининской эпохи, только тогда сталъ великимъ поэтомъ, когда нашелъ эти новыя краски и слова.

Случилось это въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII-го вѣка, когда Державинъ сознательно порвалъ съ ломоносовской традиціей и ломоносов-

скими темами. Въ началѣ своей дѣятельности Державинъ, по его собственнымъ словамъ, „хотѣлъ подражать Ломоносову“, хотя и чувствовалъ, что талантъ его, Державина, „не былъ внушаемъ одинаковымъ геніемъ: онъ хотѣлъ парить и не могъ постоянно выдерживать красивымъ наборомъ словъ свойственнаго единственно россійскому Пиндару велелѣпія и пышности; а для того, въ 1779 году, избралъ онъ совершенно особый путь“. Примѣромъ такого „ломоносовскаго“ произведенія Державина можетъ служить „Ода Екатеринѣ II“, написанная еще въ 1767 году — „въ Ломоносовъ слѣдъ“ (какъ выразился Державинъ пятью годами позднѣе, въ стихотвореніи „Fragmentum“); уже и въ этой одѣ мы находимъ чистосердечное сознаніе: „я слабость духа признаваю, чтобъ лирнымъ тономъ мнѣ гремѣть“, и восклицаніе — „поди ты прочь, витійскій громъ!“ Однако только десять лѣтъ спустя Державинъ отогналъ отъ себя прочь этотъ „витійскій громъ“ и отказался отъ мысли гремѣть „лирнымъ тономъ“; только въ 1779 году появляются знаменитыя „На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока“ и „На смерть князя Мещерскаго“, гдѣ Державинъ вступаетъ на новый *реалистическій* путь, находитъ новыя краски и слова; рожденіе и смерть — вообще жизнь человѣка становится его главной задушевной темой. Трагедія личнаго человѣка впервые съ такой остротой вырисовывается въ русской литературѣ.

Трагическій вопросъ объ участи человѣка долженъ быть такъ или иначе разрѣшенъ Державинымъ; и рѣшеніе это опредѣляетъ собою характеръ и сущность его поэзіи. Ода „На смерть князя Мещерскаго“ является въ этомъ отношеніи центральной для пониманія всего творчества Державина, будучи въ то же время однимъ изъ самыхъ могучихъ и сильныхъ его произведеній. Человѣкъ умеръ—и Державинъ въ ужасѣ останавливается передъ образомъ смерти. Правда, умеръ не просто „человѣкъ“, умеръ сановный князь, „сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ“; можно думать, что смерть какого-нибудь „раба подъяремнаго“ не поразила бы такъ воображеніе Державина — и это очень характерно для XVIII-го вѣка и для наивнаго міропониманія поэта: смерть

поразила его не какъ самъ по себѣ „безсмысленный“ фактъ, — его поразила прежде всего антитеза пиршественнаго ликованія и надгробнаго рыданія.

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о, сильный человѣкъ?

—вотъ что̀ поразило мысль Державина; его поразила кромѣ того и вторая противоположность — между силою и безсиліемъ, могуществомъ и ничтожествомъ. И только послѣ этого вопросъ о смерти самой по себѣ встаетъ передъ поэтомъ, только послѣ этого онъ слышитъ страшный бой часовъ смерти — „глаголъ временъ, металла звонъ!“—и видитъ, что „вся наша жизнь не что иное, какъ бы мечтаніе пустое...“ А если такъ, если „сей день иль завтра умереть... должно намъ конечно“, то чѣмъ жить и зачѣмъ жить? Отвѣтъ самый неожиданный: „жизнь есть небесъ мгновенный даръ—устрой ее себѣ къ покою...“

Такова несложная житейская мудрость Державина; но было бы несправедливо оцѣнивать этотъ наивный эпикуреизмъ, уклоняясь отъ исторической точки зрѣнія. Этотъ наивный эпикуреизмъ Державина является не только характернѣйшимъ историческимъ фактомъ, внѣ котораго непонятна русская жизнь XVIII-го вѣка, но и зародышемъ глубоко-важнаго типа міропониманія, впослѣдствіи достигшаго изумительной силы, яркости и красоты въ творчествѣ Пушкина. Устами Державина впервые въ русской литературѣ XVIII вѣка заявлялъ о своей глубокой душевной трагедіи реальный человѣкъ, человѣческая личность. Правда, „личность“ эта являлась пока лишь въ образѣ „сына роскоши, прохладъ и нѣгъ“, и не мало времени должно было пройти, пока за каждымъ „рабомъ подъяремнымъ“ увидѣли такую же личность, не только полноправную соціально, но и ищущую спасенія отъ тѣхъ же ударовъ судьбы, рока, неизбѣжнаго. Общественники XVIII-го вѣка ставили вопросъ о соціальномъ положеніи массъ — вопросъ, совершенно непонятный для Державина, котораго мучала индивидуалистическая проблема личной трагедіи, какъ ни узко понималъ онъ эту трагедію.

Въ области соціально-политической Державинъ былъ типичнымъ консерваторомъ. Когда въ началѣ царствованія Александра I пошли слухи объ освобожденіи крестьянъ, Державинъ написалъ „Голубку", въ которой огорченно комментировалъ эту возможность отдѣленія крестьянъ отъ помѣщиковъ: „какая это воля, летала чтобъ одна, была-бъ безвѣстна доля, была бы голодна?" Эта идиллія не мѣшала Державину описывать, какъ его рабы „не смѣютъ и дохнуть", ожидая около пышно убраннаго стола поэта разныхъ его милостивцевъ и покровителей. Нѣсколькими годами позднѣе, когда въ Англіи аболиціонисты вели борьбу за прекращеніе торга невольниками, Державинъ написалъ ироническую похвалу: „прекрасно, хорошо, и можно подтвердить, чтобъ дать невольникамъ отъ ихъ работъ свободу"— что̀, по его мнѣнію, было столь же разумно, какъ „съ звѣрьми въ норахъ сидѣть, и лѣсъ звать городомъ, а пить за кофе воду". Когда вскорѣ начались либерально-бюрократическія реформы Сперанскаго, то Державинъ написалъ противъ послѣдняго нѣсколько басенъ и очень сердито отозвался о немъ въ своихъ „Запискахъ". „Записки" эти воскрешаютъ передъ нами образъ Державина — типичнаго низкопоклоннаго вельможи XVIII-го вѣка, хотя и честнаго, правдиваго, но ограниченнаго, медленно возвышающагося по ступенямъ бюрократической лѣстницы (въ 1802—1803 г. Державинъ былъ даже министромъ юстиціи); для него не существовало *общественнаго служенія*, какъ для Новикова, Радищева и ихъ друзей, — онъ понималъ лишь *государственную службу*. Отсюда и отрицательное его отношеніе къ масонству, въ которомъ тогда сильна была общественная струя. Соціальныхъ и общественныхъ запросовъ своего времени Державинъ или не понималъ, или относился къ нимъ отрицательно, и въ этомъ отношеніи цѣлая бездна лежитъ между нимъ и „лучшими людьми" русскаго общества XVIII-го вѣка.

Вмѣсто общественнаго служенія—государственная служба: вотъ взглядъ Державина, который, вѣроятно, даже и не понималъ, какое это можетъ быть общественное служеніе внѣ государственной службы. Знаменитый афоризмъ Козьмы Пруткова — „только на государственной службѣ познаешь

истину“, можетъ вполнѣ серьезно быть примѣненъ къ Державину... И для того, чтобы дойти на этомъ пути „до степеней извѣстныхъ“, Державинъ долженъ былъ приноровиться ко взглядамъ и порядкамъ окружающей его среды, долженъ былъ низкопоклонствовать передъ временщиками, „любимцами“ Екатерины II и камердинерами Павла I. Онъ и самъ иногда съ горечью сознавалъ это:

Дòлжны мы всегда стараться,
Чтобы сильнымъ угождать,
Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать...

Но зато, когда ему удавалось попасть на высшую ступень бюрократической лѣстницы — стать, напримѣръ, письмоводителемъ при важномъ чиновникѣ, генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, то тутъ уже можно было вознаградить себя, ставъ на положеніе сильнаго міра сего; и самъ Державинъ описываетъ это — въ шуточномъ тонѣ, за которымъ чувствуется однако глубокая правда:

. . . . . . беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры
И жаждутъ слова моего;
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету
И въ грошъ не ставлю никого.

Конечно, нельзя обвинять Державина за отрицательныя стороны среды его времени — и самъ онъ высказалъ это въ своемъ интересномъ посланіи Храповицкому.

Державинъ былъ типичнымъ *среднимъ человѣкомъ* своей эпохи; онъ держался „середины“ не только въ своемъ наивномъ эпикуреизмѣ, въ смыслѣ гораціанскаго „aurea mediocritas“. „Завиденъ тотъ лишь состояньемъ, кто среднею стезей идетъ“; „блаженъ, кто... идетъ середнею стезей“; „держися лучше середины“: всѣ эти восклицанія рисуютъ намъ не только нравственную философію Державина. „Злодѣйства малаго мнѣ мало, большого дѣлать не хочу“, восклицалъ поэтъ, но

ошибался: онъ долженъ былъ бы сказать не „не хочу“, а „не могу“. Онъ былъ типичный среднiй человѣкъ, неспособный ни на большое злодѣянiе, ни на великiй подвигъ; „правдолюбивый“ и неуживчивый, онъ однако умѣлъ, когда нужно, обивать пороги временщиковъ и писать имъ льстивыя оды. Пороки Державина—пороки его времени, какъ сказалъ еще Бѣлинскiй; сознавая ихъ и видя много пятенъ на своей лирѣ, Державинъ старался найти въ своей поэзiи то, что̀ дастъ ему славу и безсмертiе. „Потомство — грозный судiя,—восклицалъ Державинъ:—оно разсматриваетъ лиры, услышитъ гласъ и твоея, и пальмы взвѣситъ и перуны, кому твои гремѣли струны!“

Извѣстно, въ чемъ видѣлъ Державинъ свои права на безсмертiе—достаточно вспомнить его стихотворенiя „Приношенiе монархинѣ“, „Памятникъ“, „Лебедь“:

Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить...

Вотъ права Державина на безсмертiе,—такъ понималъ поэтъ самъ себя. Намъ остается только посмотрѣть, можетъ ли потомство согласиться съ поэтомъ и видѣть его безсмертiе въ томъ, въ чемъ видѣлъ его онъ самъ.

Поэтъ „истину царямъ съ улыбкой говорилъ“. Повидимому, поэтъ высоко цѣнилъ эту свою заслугу; по крайней мѣрѣ въ написанномъ тогда же двустишiи „Къ портрету князя Якова Долгорукова“ Державинъ восклицаетъ: „великъ сей мужъ: царю онъ правду говорилъ“. Однако дѣло въ томъ, что къ этой добродѣтели нашъ поэтъ совершенно не причастенъ—и самъ онъ это прекрасно сознавалъ:

Гдѣ чертогъ найду я правды?
Гдѣ увижу солнце въ тьмѣ?
Покажи мнѣ тѣ ограды,
Хоть близъ трона въ вышинѣ,
Чтобъ гдѣ правду допущали
И любили бы ее.

Гдѣ и когда могъ Державинъ „истину царямъ съ улыбкой говорить"? Попробовалъ бы онъ сказать Екатеринѣ II настоящую *истину* о ней, о положеніи Россіи — пришлось бы ему испытать участь Радищева. „Страдать за правду"—Державинъ не былъ на это способенъ, онъ былъ, повторяю, типичнымъ среднимъ человѣкомъ своего времени. Вотъ если бы „правду допущали и любили бы ее"—тогда и Державинъ смѣло сталъ бы „говорить истину" и „гремѣть уроки для владыкъ". Но возможное Радищеву было невозможно для Державина. Невинную „истину" о придворныхъ кругахъ — вотъ все, что̀ могъ позволить себѣ Державинъ въ своихъ шуточныхъ одахъ; когда же онъ попробовалъ только переложить 81-ый псаломъ, отнесенный къ „царямъ" вообще, то убѣдился, что даже и такую общую истину говорить не разрѣшается. Когда на престолъ вступилъ Павелъ, Державинъ написалъ оду „На новый 1797 годъ", въ которой уже забытъ „вѣкъ Екатерины славный" и воспѣвается Павелъ, которому-де въ риѳму годится только „ангелъ"... И когда четыре года спустя въ одѣ „На восшествіе на престолъ императора Александра I" Державинъ такъ же восхвалялъ, на этотъ разъ искренне, новаго владыку, то Александръ I имѣлъ основаніе сказать: „пусть онъ вспомнитъ, что̀ писалъ при восшествіи на престолъ моего отца". А между тѣмъ Державинъ въ этой же одѣ Александру I увѣрялъ себя и другихъ, что его муза и „въ дни Борея"—т.-е. въ царствованіе Павла [1])—дерзала „блаженству общему радѣя, уроки для владыкъ гремѣть!" Это самообольщеніе отчасти объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что въ 1797 г. Державинъ написалъ стихотвореніе „Развалины", въ которомъ оплакивалъ запустѣніе Царскаго Села; эта совершенно невинная пьеска была напечатана за границей гр. Алексѣемъ Орловымъ, высланнымъ въ то время

[1]) «Умолкъ ревъ Норда сиповатый, закрылся грозный страшный взглядъ»—такъ привѣтствовалъ въ указанной одѣ Державинъ насильственную смерть Павла I; вслѣдствіе этого ода осталась ненапечатанной до 1808 года. Державинъ утверждалъ впрочемъ, что въ этихъ словахъ онъ имѣлъ въ виду не сиповатый дѣйствительно голосъ Павла I и не его грозный взглядъ, а только описаніе Борея въ одѣ «На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока».

изъ Россіи. Къ Павлу I, быть можетъ, относятся еще послѣднія строки изъ стихотворенія того же года „Правосудіе“ (Богъ „изъ одного долготерпѣнья... счастье, славу днямъ твоимъ и продолженіе даруетъ: страшись, когда вознегодуетъ!“); но и это стихотвореніе, напечатанное впервые въ 1808 году, никѣмъ не могло быть понято, какъ направленное по адресу императора Павла. Наконецъ, въ одѣ „На рожденіе великаго князя Михаила Павловича“ (1798 г.) есть одна строфа, въ которой современники хотѣли видѣть „урокъ“ Павлу I („престола хищнику, тирану прилично устрашать рабовъ; но Богомъ на престолъ воззванну любить ихъ должно, какъ сыновъ“); однако за эту именно оду Державинъ получилъ отъ государя золотую табакерку, осыпанную брилліантами. Всѣ эти анонимныя или тщательно замаскированныя выступленія противъ Павла I Державинъ и имѣлъ въ виду, говоря, что его муза дерзала „въ дни Борея... уроки для владыкъ гремѣть“,—самообольщеніе отчасти понятное, но которое трудно раздѣлить съ поэтомъ. Никогда его муза не „гремѣла уроковъ“ царямъ; никогда не дерзала она даже и „истину царямъ съ улыбкой говорить“, если это не была невинная „истина“ о безобидныхъ чудачествахъ и увлеченіяхъ екатерининскихъ вельможъ. И не на этомъ пути могъ найти Державинъ свои права на безсмертіе: это былъ путь Радищева и его друзей-единомышленниковъ.

Другое дѣло — „въ забавномъ русскомъ слогѣ о добродѣтеляхъ Фелицы возвѣстить“; но и здѣсь Державинъ ошибался въ частностяхъ. Если бы онъ былъ только „пѣвцомъ Фелицы“, то одно это было бы слишкомъ недостаточнымъ поводомъ къ безсмертію: мало ли было въ то время пѣвцовъ добродѣтелей Екатерины! Дѣло не въ томъ, *что* воспѣвали эти поэты (безпристрастная историческая критика теперь достаточно ясно возстановила подлинный обликъ императрицы Екатерины II), а въ томъ, *какъ* они воспѣвали; значитъ главное здѣсь не въ „добродѣтеляхъ Фелицы“, а въ „забавномъ русскомъ слогѣ“. Забавный русскій слогъ существовалъ и до Державина—первыя попытки реалистическаго письма относятся еще къ началу XVIII-го вѣка; но надо было прійти такому громадному таланту, какъ Державинъ, чтобы этотъ

„забавный русскій слогъ“ — яркая реалистическая манера — получилъ всѣ права гражданства въ русской литературѣ. Сперва этотъ реализмъ непремѣнно скрывался подъ маской шутливости, „забавности“, подчасъ простонародности, но чѣмъ дальше, тѣмъ шире распространялась его область; быть можетъ, мы не имѣли бы и Крылова, если бы не было Державина. И хотя языкъ Державина вскорѣ очень устарѣлъ (Карамзинъ, Дмитріевъ и Жуковскій вскорѣ далеко обогнали „престарѣлаго барда“), однако фактъ тотъ, что въ семидесятыхъ-восьмидесятыхъ-девяностыхъ годахъ, въ эпоху расцвѣта своего таланта, Державинъ сильно способствовалъ и усиленію до-пушкинскаго реализма и развитію русскаго литературнаго языка. Это не была методичная стилистическая реформа Карамзина; это были отдѣльныя яркія вспышки могучаго таланта, умѣющаго показать, что̀ можно сдѣлать съ русскимъ языкомъ. Реализмъ въ картинахъ, подернутыхъ легкимъ налетомъ ироніи, и своего рода импрессіонизмъ въ выраженіяхъ — вотъ „забавный русскій слогъ“ Державина, вотъ его первое несомнѣнное право на безсмертіе; стоитъ прочесть лучшія его произведенія указанной эпохи, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Реализмъ картинъ Державина слишкомъ ясенъ, о немъ уже съ давнихъ поръ много говорено; другое дѣло внѣшняя форма выраженій, на которой мы здѣсь немного остановимся. Еще современникъ Державина, извѣстный адмиралъ Шишковъ восторженно отзывался о слѣдующихъ стихахъ Державина: „воздухъ дышитъ ароматомъ, усмѣхается заря, *чешуятся рѣки златомъ*“; и дѣйствительно, сказать такъ въ концѣ XVIII вѣка значило дать могучій толчекъ не только русскому языку, но и зрѣнію и чувству читателей. Или удивительныя строки въ началѣ „Видѣнія мурзы“: луна „палевымъ своимъ лучемъ златыя окна рисовала на лаковомъ полу моемъ“. Державинъ заботился о музыкѣ стиха, освѣщая рельефность картины яркостью сочетанія словъ: „Дымятся сѣрымъ дымомъ домы“; „Грохочетъ эхо по горамъ, какъ громъ гремящій по громамъ“. Къ этому же относится и слѣдующее изумительное по силѣ описаніе хаоса, отмѣченное еще Бѣлинскимъ и предшествовавшими ему критиками:

На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тьмѣ возносился;
Какъ орелъ надъ яйцомъ, надъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣздился.
Огнь, земля и вода и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой внутрь и внѣ безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣ являли въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались.
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ
Какъ катясь, какъ вратясь даль и близь оглушали,
Бездны безднъ, хляби хлябь колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ представляли.

(„Цѣленіе Саула", 1809 г.). Тяжелые стихи эти являются по смѣлости и силѣ совершенно исключительными въ русской литературѣ того времени. Пушкинъ восхищался цѣлымъ рядомъ „смѣлыхъ выраженій" Державина, отмѣчая, напримѣръ, что „описаніе водопада—Алмазна сыплется гора съ высотъ, и пр.— есть высшая смѣлость, смѣлость воображенія, созданія"; онъ же ставилъ въ примѣръ смѣлости выраженія слѣдующее мѣсто изъ оды графу В. Зубову: „счастіе къ тебѣ хребетъ свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло... Мечты сіянье вкругъ тебя заснуло"... И это не единичныя выраженія у Державина: „Гробы—сѣдины дряхлѣющей вселенной", „пустыня дремлетъ, насупя свой взоръ"—такіе образы попадаются у Державина на каждомъ шагу. Замѣтимъ кстати, что Пушкинъ впослѣдствіи взялъ у Державина цѣлый рядъ образовъ, картинъ и отдѣльныхъ выраженій [1]).

[1]) Приводимъ нѣсколько примѣровъ такого вліянія Державина на Пушкина; часть изъ нихъ была указана еще Я. Гротомъ, часть приводится здѣсь впервые. 1) Державинъ: «*Не печалься, не сердися*... Паче въ доблестяхъ крѣпися»... («Утѣшеніе добрымъ»); Пушкинъ: «Если жизнь тебя обманетъ, *не печалься, не сердись*»... 2) Державинъ: «Ужъ, *свыше вдохновенный*, Благословляетъ Сергій путь» («На Мальтійскій орденъ»); Пушкинъ: «Тогда-то, *свыше вдохновенный* раздался звучный гласъ Петра»... 3) Державинъ: «Держись и ты сихъ правилъ... Счастливъ, коль отличаетъ Павелъ» («Похвала за правосудіе»); Пушкинъ: «Душа моя Павелъ, Держись моихъ правилъ»... 4) Державинъ: «Смотрѣлъ я сентябремъ» («Бой»): Пушкинъ: «Августъ смотритъ сентябремъ»; 5) Державинъ: «Какіе разные народы, Языкъ, одежда, лица, станъ!» («На рожденіе царицы Гремиславы»); Пушкинъ: «Какая смѣсь одеждъ и лицъ, Племенъ, нарѣчій, состояній!»; 6) Державинъ: «Герои

Вотъ громадная заслуга Державина: не только „*забавный* русскій слогъ", реалистическая манера письма, но и *смѣлый* русскій слогъ—своего рода импрессіонистическая манера письма; въ этой *эстетической* сторонѣ вопроса Державинъ могъ бы найти достаточное право на безсмертіе. Правда, поэзія Державина загромождена соромъ: у него мало цѣльныхъ, выдержанныхъ произведеній и даже лучшія его вещи испорчены длиннотами, прозаизмами, слабыми мѣстами; еще Пушкинъ отмѣтилъ, что„ кумиръ Державина 1/4 золотой, 3/4 свинцовый". Но именно это чистое поэтическое золото въ произведеніяхъ Державина даетъ имъ не только историческое, но и поэтическое безсмертіе (исторически безсмертенъ вѣдь и всякій графъ Хвостовъ). Сознавалъ или не сознавалъ это Державинъ, когда отыскивалъ для потомства свои права на безсмертіе?

Поэтическій даръ самъ по себѣ еще не многаго стоитъ; поэтъ только тогда безсмертенъ, когда прицѣпится, какъ паукъ къ хвосту орла въ баснѣ Крылова, къ какому-нибудь „высокому" предмету, будь то „добродѣтели Фелицы" или не-

росски всколебались... Чтобы узрѣть Варшавы плѣнъ»; Пушкинъ: «Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы» и «Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы»...— Число такихъ примѣровъ можно было бы удесятерить. Кромѣ всего этого можно указать на рядъ мотивовъ въ поэзіи Пушкина, которые мы находимъ и у Державина; таково, напримѣръ, отношеніе Державина и Пушкина къ свѣтской «*черни*» (Державинъ; «Умолкни, чернь непросвѣщенна»; «Прочь, буйна чернь, непросвѣщенна И презираемая мной!»; «Умѣй презрѣть и ты златую, Злословно площадную чернь»; у Пушкина см. «Чернь»); таково описаніе русской зимы, въ которомъ у Пушкина слишкомъ явно чувствуется вліяніе Державина. Не говоримъ уже о «Памятникѣ» Державина и Пушкина,—двухъ варіаціяхъ на одну и ту же гораціанскую тему.— Не лишнее будетъ указать, что и у Грибоѣдова мы находимъ отголоски державинской поэзіи. Какъ извѣстно, знаменитый стихъ, вложенный въ уста Чацкаго «И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ», составляетъ буквальное повтореніе (— вѣроятно, цитату Чацкаго) изъ «Арфы» Державина,—не одинъ разъ и до того встрѣчавшееся выраженіе.—Точно также и фраза Софьи, на вопросъ о Чацкомъ: «Ужель съ ума сошелъ?—«*Не то, чтобы совсѣмъ*»....—почти дословно взята изъ діалога Заруцкаго съ Мариной въ «Пожарскомъ» Державина: «Онъ недругъ съ нами?—*Не такъ, чтобы совсѣмъ*»... Число такихъ примѣровъ. которые показываютъ вліяніе Державина на послѣдующихъ русскихъ писателей, можно было бы, повторяемъ. значительно увеличить.

постижимыя свойства Божьи:—такъ, повидимому, думалъ Державинъ. И однако нельзя сказать, чтобы онъ не сознавалъ, не чувствовалъ силы и значенія поэзіи какъ красоты, какъ искусства самого по себѣ; нельзя сказать, чтобы онъ не видѣлъ эстетическаго значенія своей поэзіи. Знаменитая пятнадцатая строфа въ „Фелицѣ", гдѣ Державинъ называетъ поэзію „забавой ума" и воздаетъ хвалу Екатеринѣ за то, что поэзія ей „любезна, пріятна, сладостна, полезна, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ"—строфа эта, написанная „въ забавномъ слогѣ", не можетъ, конечно, считаться выраженіемъ взглядовъ Державина на поэзію [1]); тѣмъ болѣе, что въ написанномъ тогда же „Видѣніи мурзы" Державинъ, устами Фелицы, высказываетъ уже не въ „шуточномъ слогѣ" свое завѣтное мнѣніе, что „поэзія не сумасбродство, но вышній даръ боговъ"... Правда, этотъ „вышній даръ боговъ" Державинъ ставилъ ниже своихъ служебныхъ занятій, видя въ нихъ „дѣло", а въ поэзіи—занятіе между дѣлами („когда отъ бремя дѣлъ случится и мнѣ свободный часъ имѣть...—тогда ко мнѣ пріидутъ Музы"...); правда, Державинъ говорилъ про свою поэзію, что „мои бездѣлки безумно столько уважать", чтобы за нихъ дѣлать его „безсмертный истуканъ"; однако въ то же время Державинъ сознавалъ, что безсмертіе дадутъ ему не служебныя дѣла, не ордена и звѣзды, не чины и не мѣсто министра, а именно эти его „бездѣлки".

Да, такъ! хоть родомъ я не славенъ,
Но, будучи любимецъ Музъ,
Другимъ вельможамъ я не равенъ
И самой смертью предпочтусь:
Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ...

Не одинъ разъ повторялъ Державинъ эту мысль. „Я піитъ— и не умру!"—восклицаетъ онъ въ одѣ „На смерть графини

[1]) Интересно отмѣтить, что какой-то анонимный критикъ еще въ 1783 г. напалъ на этотъ стихъ, заявляя, что «уподобленіе поэзіи лимонаду» есть сравненіе «не только непристойное, но еще и несправедливое», такъ какъ-де «лимонадъ можетъ быть вкусенъ только лѣтомъ», а «хорошая поэзія можетъ нравиться и лѣтомъ и зимою!» Державинъ отвѣчалъ, что по его мнѣнію «въ шуточномъ слогѣ» сравненіе поэзіи съ лимонадомъ является «не непристойнымъ».

Румянцевой“ (1788 г.); „памятникъ вѣчный оставь въ звукахъ...—то и въ гробѣ насъ червь не сгрызетъ“ („Издателю моихъ пѣсней“—т.-е. Лабзину; 1808 г.); „ввѣкъ безсмертно эхо лиръ“... „Чрезъ Музъ живутъ піиты ввѣкъ: пусть въ персть тѣла ихъ возвратятся, но вновь изъ персти возродятся“ („Эхо“, 1811 г.). Поэтическое вдохновеніе Державинъ цѣнилъ очень высоко, и за поэтическій „восторгъ всѣхъ чувствъ“— „короны тогда бы взять не пожелалъ“; это вдохновеніе, этотъ восторгъ онъ считалъ „пророческимъ“, не одинъ разъ подчеркивая впослѣдствіи въ объясненіи къ своимъ стихотвореніямъ „пророческія предсказанія, которыя и сбылись“. Устами поэта вѣщаетъ „небесна истина, священна“, передъ которой должна умолкнуть „чернь непросвѣщенна—слѣпые свѣта мудрецы“. На эту „свѣтскую чернь“ Державинъ смотритъ съ высоты своего поэтическаго величія; не одинъ разъ обращается онъ къ ней съ восклицаніями въ родѣ: „прочь, буйна чернь, непросвѣщенна и презираемая мной!“ Судьба,—говоритъ Державинъ,—дала мнѣ въ утѣшеніе даръ поэзіи — „да правду возглашу святую: умѣй презрѣть и ты златую, злословну, площадную чернь“ (оды „Капнисту“, „О удовольствіи“ и др.). Пушкинъ впослѣдствіи съ еще большей силой высказалъ эту же мысль о великомъ значеніи поэзіи, поэта; и въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ своимъ предшественникомъ Державина. Нельзя, поэтому, сказать, чтобы Державинъ не сознавалъ въ глубинѣ души великой цѣнности искусства, равноправности эстетики съ другими сторонами человѣческаго духа; но опять-таки и въ этомъ случаѣ онъ былъ сыномъ своего времени, среднимъ человѣкомъ своей эпохи; службу было принято считать дѣломъ, искусство — пріятнымъ отдыхомъ; а потому и Державинъ искалъ своихъ правъ на безсмертіе въ другихъ областяхъ— въ томъ, что онъ дерзнулъ „о добродѣтеляхъ Фелицы возвѣстить, въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ“...

Намъ осталось взглянуть именно на эту послѣднюю сторону творчества Державина, на его „бесѣды о Богѣ“, которыми онъ снискалъ себѣ такую славу у современниковъ. Ода „Богъ“ появилась въ 1784 году и вскорѣ была переведена на всѣ европейскіе языки. Самъ Державинъ считалъ

ее перломъ своего творчества и открывалъ ею изданія своихъ стихотвореній. Современники и потомки раздѣляли это восхищеніе, считая оду „Богъ“ своего рода вершиной русской литературы—и это уже въ серединѣ XIX вѣка (Жуковскій, Гоголь)... Правда, не всѣ такъ думали; въ нѣкоторомъ родѣ исключеніемъ было проницательное мнѣніе Пушкина: „Кумиръ Державина, 1/4 золотой 3/4 свинцовый, донынѣ еще не оцѣненъ. *Ода къ Фелицѣ* стоитъ на-ряду съ *Вельможей*, ода *Богъ*—съ одой *На смерть Мещерскаго*“ (письмо къ Бестужеву отъ марта 1825 года). Отсюда видно, что Пушкинъ относилъ оду „Богъ“ къ „свинцовымъ“ произведеніямъ Державина, противопоставляя ее поистинѣ „золотой“ одѣ „На смерть Мещерскаго“. И Пушкинъ былъ глубоко правъ.

Богъ всегда былъ *внѣ* Державина, а не *въ немъ*. Мистицизма въ Державинѣ не было ни искры; въ своемъ отношеніи къ Богу онъ былъ типичнымъ раціоналистомъ. Этотъ раціонализмъ въ религіи, соединенный съ несомнѣнными анти-общественными тенденціями въ сферѣ соціальнаго, объясняетъ—замѣтимъ это еще разъ—отрицательное отношеніе Державина къ масонству въ двухъ основныхъ его направленіяхъ. Масонство раціоналистическое (группы Grand Orient) отвращало отъ себя Державина, какъ уже сказано выше, своими соціальными тенденціями; другая вѣтвь масонства, чуждая до извѣстной степени всему соціальному и политическому, была зато мистическаго устремленія—и потому тоже не могла быть принята Державинымъ. Холодное *самовзвинчиваніе раціонализма*—вотъ участь Державина въ его безчисленныхъ религіозныхъ одахъ и стихотвореніяхъ. Иногда это было подлиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ — хотя бы, напримѣръ, многія мѣста той же оды „Богъ“; мы знаемъ, что нѣкоторыя части этой оды были написаны Державинымъ въ состояніи подлиннаго поэтическаго экстаза [1]);

[1]) Не излишнимъ будетъ привести интересное примѣчаніе Державина къ послѣднимъ строкамъ оды «Богъ». Онъ сообщаетъ, что оду эту началъ писать еще въ 1780 году, но не могъ закончить, «будучи занятъ должностію и разными свѣтскими суетами». Въ 1784 году, послѣ отставки, онъ «безпрестанно былъ побуждаемъ внутреннимъ чувствомъ» дописать эту оду, «и для того, чтобы удовлетворить оное» — уѣхалъ въ Нарву, нанялъ

но отсюда еще далеко до экстаза религіознаго, до мистическаго воспріятія Бога. Державинъ всегда подчеркивалъ, что поэтическое вдохновеніе неизбѣжно ведетъ къ религіозному откровенію; въ примѣчаніяхъ къ своимъ стихотвореніямъ онъ то и дѣло указываетъ на осуществившіяся „пророчества“ въ его стихахъ. Въ дѣйствительности же никто не былъ дальше его отъ „воспріятія Бога“; религіозный экстазъ его былъ порывомъ раціоналиста, убѣждающаго себя въ величіи Божьемъ.

„Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ“—обращался Державинъ къ Богу; и это для него характерно: именно *мысль* поэта говорила ему о Божьей *непознаваемости* и исполняла сердце его трепетомъ. Внутри себя онъ не познавалъ Бога. Въ позднѣйшей одѣ „Христосъ“, отъ которой былъ въ такомъ восторгѣ Мицкевичъ, мы попрежнему слышимъ только вопрошающую мысль:

Кто ты?—и какъ изобразить
Твое величье и ничтожность,
Нетлѣнье съ тлѣньемъ согласить,
Слить съ невозможностью возможность?

Прочтите строфы этой оды отъ четырнадцатой до двадцать четвертой: вѣдь это точно математическое доказательство религіозной теоремы, въ которую хочется вѣрить поэту. И, вопреки мнѣнію Мицкевича, нѣтъ даже ничего поэтическаго въ этихъ холодныхъ строфахъ перелагающихъ въ стопы и риѳмы теоремы догматическаго богословія. Напримѣръ:

Такъ подлинно, безъ плоти духъ
Не могъ въ тлѣнъ пасть. Безъ духа-жъ силы

комнату у какой-то старушки и прожилъ тамъ цѣлую недѣлю; «запершись, сочинялъ оную оду нѣсколько дней, но, не докончивъ послѣдняго куплета сей оды, что было уже ночью, заснулъ передъ свѣтомъ. Видитъ во снѣ, что блещетъ свѣтъ въ глазахъ его, проснулся, и въ самомъ дѣлѣ воображеніе такъ было разгорячено, что казалось ему вокругъ стѣнъ бѣгаетъ свѣтъ, и съ симъ вмѣстѣ полились потоки слезъ изъ глазъ у него; онъ всталъ и ту-жъ минуту, при освѣщающей лампадѣ, написалъ послѣднюю сію строфу, окончивъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ проливалъ онъ благодарныя слезы за тѣ понятія, которыя ему вперены были»...

И плоть слаба духовъ втечь въ кругъ
Къ землѣ съ прикованными крылы:
То по совѣту трисвяту,
Скудель въ санъ серафимскъ возставить,
Безсмертьемъ смертнаго прославить
Предоставлялося Христу.

И такимъ языкомъ написана почти вся ода. Ода „Богъ", несравненно лучше написанная, все же полна примѣрами взвинченнаго раціонализма. Стоитъ только спросить себя: ну, а въ „любовныхъ", въ „анакреонтическихъ" стихотвореніяхъ писалъ ли Державинъ такимъ холоднымъ языкомъ?— чтобы сразу увидѣть, гдѣ и въ чемъ были его мысль и разсудокъ, а гдѣ и въ чемъ—подлинное чувство.

Теперь мы разсмотрѣли всѣ тѣ „права на безсмертіе" Державина, которыя самъ онъ провозглашалъ въ извѣстныхъ стихахъ, уже приведенныхъ выше:

Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить...

И теперь мы видимъ, какъ ошибался поэтъ, перечисляя свои права и надежды на безсмертіе: изъ всего перечисленнаго имъ вѣчной заслугой его осталось только одно, мимоходомъ имъ отмѣченное — „забавный русскій слогъ", въ томъ его смыслѣ, который мы установили выше. Все остальное отпало, отмерло, поблекло, ушло туманомъ... Истина, сказанная съ улыбкою царямъ, оказалась миѳомъ; добродѣтели Фелицы— подлинную „истину" о нихъ хорошо зналъ Державинъ; сердечная простота въ бесѣдѣ о Богѣ выявилась какъ холодный, взвинченный раціонализмъ. Остался вѣчнымъ „забавный русскій слогъ"—реализмъ и импрессіонизмъ поэтической формы.

Неужели же однако въ новыя и замѣчательныя внѣшнія формы было влито Державинымъ старое, изжитое „до-державинской" поэзіей содержаніе? Въ исторіи литературы это бываетъ очень рѣдко. Новое вино иной разъ вливаютъ въ

старые мѣха—вливаютъ иной разъ новое содержаніе въ старыя „классическія“ формы; но въ новые мѣха почти никогда не вливаютъ стараго вина, въ новую форму не вкладываютъ стараго содержанія. Разъ создана новая поэтическая форма, то въ нее неизбѣжно будетъ вложено и новое поэтическое чувство, и новая поэтическая мысль. И это оттого, что содержаніе и форма не есть нѣчто случайно сложенное и смѣшанное, содержаніе и форма органически соединены, причинно связаны, телеологически обусловлены. И еще глубже: новое „содержаніе“ вырастаетъ изъ исторической почвы общественной жизни—и только тогда рождается (или заимствуется) новая „форма“. *Ода*, напримѣръ, могла появиться въ русской литературѣ только тогда, когда сама жизнь создала „содержаніе“ для нея; трубный, фанфарный патріотизмъ идеально укладывался въ эту новую форму.

Вотъ почему было бы уже a priori невѣроятно, чтобы новыя державинскія формы („забавный русскій слогъ“) покрывали собою содержаніе старой, до-державинской поэзіи. И мы знаемъ, что дѣйствительно въ поэзіи Державина есть это „свое“, „новое“, „державинское“, объясняющее собою самое появленіе „забавнаго русскаго слога“; мы уже сказали, что Державинъ въ своей поэзіи развилъ тему такого громаднаго содержанія, что она одна обезпечила ему литературное безсмертіе—совсѣмъ не въ той области, гдѣ самъ онъ этого ожидалъ. Эта главная „державинская“ тема—*человѣкъ*, жизнь и смерть каждаго отдѣльнаго наслаждающагося и страдающаго, живущаго и обреченнаго на гибель человѣка. Здѣсь „паѳосъ“ державинской поэзіи, для котораго нужны были ему и новыя краски и новыя слова.

Человѣкъ имѣетъ „право на жизнь“; его стремленіе жить „во всѣ стороны“—законно, благо, согласно съ божественной волей:

Коль странники страны вы сей,
Вкушать спѣшите блага свѣта:
Теченье кратко вашихъ дней
. . . .
Но если тѣло услаждаемъ
И душу благостьми питаемъ:

Почто съ небесъ перуна ждать?
Для жизни человѣкъ родится,
Его стихія — веселиться;
Лишь нужно страсти побѣждать
И въ счастіи не забываться...

(Изъ оды „Аристиппова баня", 1811 г.). Этотъ наивный эпикуреизмъ послѣдовательно проходитъ черезъ все творчество Державина. „Блаженъ, кто можетъ веселиться безперерывно въ жизни сей" — восклицаетъ поэтъ. Или:

Блаженъ . . . ., кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ...

И вообще — „цѣль нашей жизни—цѣль къ покою"; „покою, мой Капнистъ! покою!" („Капнисту", 1797 г.). Но однако „покой" этотъ долженъ умѣряться „добродѣтелью", долгомъ, вѣрой въ Бога; съ негодованіемъ приводитъ Державинъ „развращенныя" слова своего „Вельможи":

„Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки"...

„Злодѣй... увы!.. и грянулъ громъ" — заканчиваетъ отъ себя эту рѣчь Державинъ... Этотъ „громъ" — разумѣется *смерть*, мысль о которой тоже послѣдовательно проходитъ черезъ все творчество Державина, тѣсно переплетаясь съ мотивомъ безмятежной, радостной жизни. Смерть эту надо принять такъ же, какъ и жизнь; надо жить, помня о смерти и спокойно смотря на нее:

Не предавай себя печали,
Не сокращай стенаньми вѣкъ:
Блаженны небеса создали
Тебя къ блаженству, человѣкъ!
Умѣй сей жизнью наслаждаться,
Умѣй ты всѣмъ довольнымъ быть:
Сколь много ни грустить, ни рваться,
Твоихъ судебъ не премѣнить.
Летитъ Сатурнъ, стремятся годы,
Смерть близится всечасно къ намъ...

(Отрывокъ, неизвѣстнаго года). Мотивъ этотъ, въ связи съ наивнымъ эпикуреизмомъ, проходитъ, повторяю, черезъ все творчество Державина; и читатели его стихотвореній на каждомъ шагу будутъ встрѣчаться съ подобными мыслями:

Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя —
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно...

Но именно потому, что „жить намъ время срочно", именно потому и надо *жить*, а не скорбѣть въ вѣчномъ чаяніи смерти:

Я знаю то, что вѣкъ нашъ тѣнь,
Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ
И Смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ:
Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?

Или еще, въ той же одѣ:

Итакъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
. . . .
Доколѣ не пришли морозы
Въ саду благоухаютъ розы,
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться,
По платью ноги протягать...

Или, наконецъ, еще одинъ примѣръ:

Если по моей кончинѣ
Въ скучномъ безконечномъ снѣ,
Ахъ! не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ;
Ни похвалъ, ни звуковъ славы,
Ни лобзанья, ни забавы
Чувствовать не буду я:
Стану-жъ жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться,
Слушать пѣсни соловья...

Такихъ примѣровъ можно было бы привести десятки и сотни, но намъ не для чего ихъ „сугубить" (говоря любимымъ сло-

вомъ Державина): и безъ того ясенъ, съ перваго же примѣра, наивный эпикуреизмъ этого поэта. Все пройдетъ, все минется, все „вѣчности жерломъ пожрется и общей не уйдетъ судьбы“... И вотъ—

Философамъ тутъ вопросъ:
Силенъ ли надъ нами рокъ?
Есть ли звѣздъ опредѣленье?
Есть ли вышнее правленье?

Наивный эпикуреизмъ Державина не мѣшалъ ему отвѣчать утвердительно на эти и подобные имъ вопросы. Отчего же ему и не надѣяться, что „эпикуреизмъ“ *здѣсь* совмѣстенъ съ безсмертіемъ *тамъ*? Прочтите его посланіе Ѳ. Львову „Надежда“ (1810 г.), и вы увидите, что къ старости Державинъ пришелъ именно къ такимъ взглядамъ. Но именно только къ старости, послѣ того, какъ поэту „пятьдесятъ ужъ било“ и когда труднѣе стало выполнять рецепты наивнаго эпикуреизма, когда

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость.
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ...

А теперь сравните эти строки съ безсмертными проводами своей молодости Пушкинымъ, въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ (глава VI, строфы 43—45) и вы поймете, почему всюду приходится говорить о *наивномъ* эпикуреизмѣ Державина, а также почему приходится, начиная разговоръ Державинымъ, закончить его Пушкинымъ.

Пушкинъ досказалъ въ русской литературѣ то, что̀ началъ говорить Державинъ. Но какая разница въ пониманіи *жизни* тѣмъ и другимъ поэтомъ! Одинъ изъ нихъ спѣшитъ „вкушать благи свѣта“, подъ которыми съ достолюбезной наивностью понимаетъ „славу“, „лобзанья“, „забавы“, „пиршественные клики“ и тому подобное; онъ не хочетъ умирать, не хочетъ лишиться всѣхъ этихъ „благъ свѣта“... И другой поэтъ тоже говоритъ о своей любви къ жизни:

. . . не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать...

Какая разница! Между „Аристипповой баней“ Державина и этими строками Пушкина легъ промежутокъ всего въ четверть вѣка; но мысль, но чувство русскаго поэта совершили за это время громадный путь отъ наивнаго эпикуреизма къ строгому и глубокому пріемлющему жизнь міровоззрѣнію. Жить всей полнотой, всѣми сторонами души, не только для „забавъ“, но и для страданій, не только для пиршественныхъ кликовъ, но и для тяжкаго труда, не только порхая по цвѣтамъ жизни, но и познавая всю горечь ея глубины, весь холодъ ея высоты—вотъ во что черезъ четверть вѣка обратился у величайшаго представителя русской литературы наивный эпикуреизмъ великаго поэта XVIII вѣка. Объ этомъ глубокомъ „пушкинскомъ“ воззрѣніи на міръ подробнѣе сказано въ слѣдующихъ статьяхъ; здѣсь же я хочу только подчеркнуть, что истоковъ пушкинской поэзіи, ея сущности и смысла надо искать въ поэзіи Державина. И уже одно это дѣлаетъ поэзію Державина безсмертной, уже это одно дѣлаетъ Державина великимъ предтечей величайшаго изъ русскихъ поэтовъ. Для своего времени Державинъ былъ славенъ кромѣ того и темами *государственно-національными*, какъ признанный „бардъ“ екатерининской и даже александровской эпохи; однако потомство осталось равнодушнымъ къ блеску и треску его патріотическихъ одъ. Но вотъ тихая тема „*человѣкъ*“—главная „душевная“ тема Державина—дѣлаетъ его поэзію вѣчно-человѣческой, дѣлаетъ безсмертнымъ и міровымъ другого русскаго поэта,—того, котораго

Старикъ Державинъ... замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ...

Эта *своя*, постоянная тема и была тѣмъ „своимъ словомъ“ Державина, которое онъ смѣло могъ бы противопоставить другимъ лозунгамъ русской мысли XVIII вѣка. Масоны-общественники, Радищевъ, Новиковъ Пнинъ, Фонвизинъ, провозглашавшіе благо народа и благо человѣчества—одна

группа русскаго общества той эпохи; масоны-мистики (въ родѣ Лабзина), проповѣдывавшіе Бога и самосовершенствованіе—другая группа. Раціоналистъ и анти-общественникъ Державинъ стоитъ внѣ теченія той и другой группы; онъ не умѣлъ ни воспринять Бога, ни понять общественные идеалы и устремленія лучшихъ людей своего времени. Но зато у него была *своя* тема, въ то время еще мало замѣтная, которая впослѣдствіи изъ непримѣтнаго ручейка обратилась въ мощную и широкую рѣку. Въ „забавномъ русскомъ слогѣ" Державинъ говорилъ о „человѣкѣ"—вотъ его „право на безсмертіе" въ исторіи русской литературы.

1911 г.

Поэмы Пушкина.

Механическое расчлененіе произведеній писателя на „роды“ и „виды“ давно уже — и совершенно основательно — осуждено историками литературы. Еще Бѣлинскій говорилъ, что единственный правильный принципъ расположенія произведеній въ „собраніи сочиненій“ писателя — принципъ хронологическій, непосредственно выясняющій намъ развитіе писателя, ростъ его таланта, эволюцію его воззрѣній.

И однако каждый, вѣроятно, чувствуетъ, что, напримѣръ, „поэмы“ Пушкина или „драмы“ Лермонтова можно разсматривать, какъ одно цѣлое, можно временно выдѣлять изъ ихъ общей совокупности произведеній этихъ писателей, не теряя изъ вида общей связи этой выдѣленной группы со всѣмъ творчествомъ изучаемаго писателя. Вѣдь форма произведенія находится въ тѣсной зависимости отъ той задачи, которую ставитъ себѣ и которую въ этомъ произведеніи желаетъ разрѣшить художникъ; вотъ почему бываютъ большею частью такъ неудачны всѣ попытки „передѣлать“ повѣсть въ драму или, наоборотъ, драму въ повѣсть. Попробуйте сдѣлать „повѣсть“ или „поэму“ изъ пушкинскаго „Скупого рыцаря“ или „Моцарта и Сальери“: то, что сконцентрировано въ драматической формѣ на нѣсколькихъ страницахъ, то будетъ въ повѣсти или блѣднымъ, или неминуемо расплывется на десятки страницъ. Наоборотъ, — попробуйте сдѣлать драму изъ пушкинской повѣсти или поэмы! Попытокъ въ послѣднемъ родѣ было не мало: стоитъ вспомнить

всѣ многочисленныя „либретто“ русскихъ оперъ на пушкинскіе сюжеты, начиная съ „Руслана и Людмилы“ Глинки и кончая „Капитанской дочкой“ Цезаря Кюи [1]).

Неудачи такихъ попытокъ объясняются главнымъ образомъ значительной трудностью переработки *формы* произведенія при сохраненіи *задачи* его; задача художественнаго произведенія, повторяю, настолько тѣсно связана съ его формой, что форма „драмы“ или „поэмы“ является въ томъ или иномъ случаѣ *эстетическимъ императивомъ*. И при этомъ не столько задача поэмы и драмы можетъ быть различна, сколько должно быть различно художественное *рѣшеніе* этой задачи. Задача поэмы или драмы можетъ быть психологическая, этическая, эстетическая, религіозная, философская, соціальная, но процессъ рѣшенія этой задачи въ драмѣ — одинъ, въ поэмѣ — другой. Въ поэмѣ рѣшеніе это обыкновенно обрисовывается общими штрихами, широкими мазками; детали психологическаго анализа не интересуютъ здѣсь художника: ему важно рѣзко очертить своихъ героевъ, ярко освѣтить узелъ поэмы и путемъ своеобразнаго „лирическаго аккомпанимента“ внушить читателю свое настроеніе, свою вѣру, свою мысль. Другое дѣло — драма: въ ней художника занимаютъ прежде всего тѣ детали, мимо

[1]) Еще при жизни Пушкина начались передѣлки его поэмъ въ разныя «драматическія представленія» и «героико-трагическія пантомимы»: такъ было въ двадцатыхъ годахъ съ «Русланомъ и Людмилой», «Кавказскимъ плѣнникомъ», «Бахчисарайскимъ фонтаномъ». Позднѣе принялись за передѣлку поэмъ и повѣстей для оперныхъ «либретто», въ большинствѣ случаевъ крайне неудачныхъ. Таковъ текстъ геніальнаго «Руслана и Людмилы» Глинки, «Кавказскаго плѣнника» Ц. Кюи, «Евгенія Онѣгина» и «Пиковой дамы» Чайковскаго, «Дубровскаго» Направника и «Цыганъ» («Алеко») Рахманинова. Особнякомъ стоятъ удачныя переработки В. Бѣльскимъ текста пушкинскихъ сказокъ «О царѣ Салтанѣ» и «О золотомъ пѣтушкѣ»; на этотъ текстъ написаны Римскимъ-Корсаковымъ двѣ великолѣпныя «оперы-сказки». Но и здѣсь все же наиболѣе удачными по конструкціи являются тѣ музыкальныя произведенія, которыя написаны на текстъ драматическихъ произведеній Пушкина; таковы: «Каменный гость» и «Русалка» Даргомыжскаго, «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго и «Моцартъ и Сальери» Римскаго-Корсакова, а также и менѣе значительныя въ музыкальномъ отношеніи «Пиръ во время чумы» Ц. Кюи и «Скупой Рыцарь» Рахманинова.

которыхъ онъ проходитъ въ поэмѣ; малѣйшія душевныя движенія, мельчайшіе душевные изгибы героевъ хочетъ показать намъ художникъ. Поэма—это своего рода „интегралъ", говоря математически: въ ней поэтъ даетъ намъ уже сумму безконечнаго числа безконечно малыхъ душевныхъ движеній; драма, наоборотъ—это именно область „дифференціальнаго анализа": въ ней художникъ воочію показываетъ намъ иной разъ тончайшія духовныя переживанія. Вотъ почему по существу немыслимо сдѣлать изъ „Гамлета" поэму или изъ „Евгенія Онѣгина" драму, сохраняя поставленную въ томъ и другомъ произведеніи задачу.

Не будемъ вдаваться въ развитіе выставленнаго положенія, не будемъ указывать на возможность „гибридныхъ" формъ драмы и поэмы, на возможность введенія драматической задачи въ поэму или наоборотъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Намъ достаточно было показать, что есть возможность соединить въ одно цѣлое „поэмы" Пушкина и разсматривать это одно цѣлое въ связи со всѣмъ творчествомъ Пушкина. Мы еще увидимъ, что поэмы Пушкина можно соединить въ одно цѣлое не только „по роду" поэзіи, по внѣшней задачѣ, внѣшнему построенію произведеній, но и по единству внутренней темы, проходящей почти черезъ всѣ поэмы Пушкина. Особнякомъ стоитъ, казалось бы, юношеская поэма „Русланъ и Людмила"; но и она является необходимымъ введеніемъ въ рядъ другихъ поэмъ, будучи своеобразнымъ „сведеніемъ счетовъ" поэта съ до-пушкинской литературой.

Пушкинъ задумалъ писать „Руслана и Людмилу" еще будучи ученикомъ Лицея, въ 1816 году. Въ это время онъ перешагнулъ уже черезъ такъ называемыя „ложно-классическія" и „сентиментальныя" наслоенія русской поэзіи; отъ Державина и Дмитріева онъ переходилъ къ Жуковскому—то-есть ко всему тому, что̀ начинало въ то время носить смутное названіе „романтизма". Теперь уже всецѣло признана справедливость той мысли Бѣлинскаго, что этотъ „романтизмъ" Жуковскаго и его школы состоялъ только въ „*мечтательности*, соединенной съ ложнымъ *фантастическимъ*", что романтизмъ этотъ „былъ не что иное, какъ нѣсколько воз-

вышенный, улучшенный и подновленный *сентиментализмъ*". Годы 1816—1820, годы написанія „Руслана и Людмилы", были для Пушкина годами преодолѣнія этого *сентиментальнаго псевдо-романтизма;* періодъ „ученичества" Пушкина закончился, и глубоко-знаменательное значеніе имѣетъ извѣстная надпись Жуковскаго на своемъ портретѣ, подаренномъ Пушкину: „побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго учителя въ тотъ высокоторжественный день, въ который онъ окончилъ свою поэму *Русланъ и Людмила.* 1820, марта 26, великая пятница".

Но смыслъ этихъ словъ гораздо глубже имѣвшагося въ виду самимъ Жуковскимъ: послѣдній говорилъ о формѣ поэмы, о стихѣ—и признавалъ себя „побѣжденнымъ учителемъ" именно въ этой области; онъ и не подозрѣвалъ, что побѣда одержана Пушкинымъ не столько надъ внѣшними трудностями формы, сколько надъ внутренней сущностью сентиментальнаго романтизма. Правда, и въ области внѣшней формы Пушкинъ одержалъ въ этой поэмѣ большую побѣду— не надъ Жуковскимъ, а надъ самимъ собою. Около пяти лѣтъ писалъ Пушкинъ эту свою первую поэму, потратилъ громадный трудъ („дни и ночи необычайнаго труда", — по выраженію Анненкова) на отдѣлку этой поэмы, на борьбу съ трудностями стиха. Въ этой борьбѣ онъ одержалъ блестящую побѣду и далъ удивленнымъ читателямъ „легкое", „воздушное" произведеніе, написанное—казалось читателю— съ шутливой легкостью. Этотъ внѣшній блескъ и имѣлъ главнымъ образомъ въ виду Жуковскій, поздравляя „побѣдителя-ученика"; однако съ этой стороны „побѣжденный учитель" былъ не совсѣмъ правъ: черезъ два года Жуковскій достигъ въ „Шильонскомъ узникѣ" такой силы и высоты, до которой еще не могъ подняться молодой Пушкинъ. „Учитель" былъ побѣжденъ въ совсѣмъ другой области — въ области внутренняго содержанія, сущности поэмы.

Поэма юноши-Пушкина нанесла смертельный ударъ сентиментальному псевдо-романтизму Жуковскаго и его послѣдователей. „Послѣ появленія этой поэмы — говорили мы въ другомъ мѣстѣ („Ист. русск. общ. мысли")—стали смѣшными и комичными всѣ эти, взятые на прокатъ изъ нѣмецкой ли-

тературы, воющіе трупы, мрачные колдуны и вѣдьмы; стала излишней вся эта бутафорія псевдо-романтизма... Въ *Русланѣ и Людмилѣ* вся эта бутафорія высмѣяна Пушкинымъ... Своей шутливой поэмой Пушкинъ нанесъ рѣшительный ударъ тоскливой и прозаичной фантастикѣ Жуковскаго; онъ сдѣлалъ это совершенно сознательно и явно бросилъ перчатку сентиментальному псевдо-романтизму: въ IV-й пѣснѣ *Руслана и Людмилы* мы находимъ насмѣшливую пародію на *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ* Жуковскаго". Это видѣлъ еще Бѣлинскій, указывавшій, что „романтизма" въ поэмѣ молодого Пушкина нѣтъ ни искорки, и что, напротивъ — „романтизмъ даже осмѣянъ въ ней, и очень мило и остроумно". И именно въ этомъ—главное внутреннее значеніе „Руслана и Людмилы".

Черезъ десять лѣтъ послѣ появленія этой поэмы извѣстный „ексъ-студентъ Нікодимъ Надоумко" (Надеждинъ) выступилъ противъ Пушкина съ рѣзкой критической статьей, разбирая только-что вышедшую тогда „Полтаву"; въ статьѣ этой онъ называлъ Пушкина „пародіальнымъ геніемъ", утверждалъ, что „поэзія Пушкина есть просто пародія", говорилъ, что Пушкинъ можетъ считаться „геніемъ на каррикатуры" и считалъ, что лучшимъ произведеніемъ Пушкина является *Графъ Нулинъ*... „Здѣсь поэтъ въ своей стихіи и его пародіальный геній является во всемъ своемъ арлекинскомъ величіи. Засимъ слѣдуетъ непосредственно *Русланъ и Людмила.* Какое обиліе самыхъ уродливыхъ гротесковъ, самыхъ смѣшныхъ каррикатуръ! Истинно — животики надорвешь!" Въ самомъ вздорномъ мнѣніи можно иной разъ найти долю истины; доля ея есть и въ приведенномъ мнѣніи Надеждина: дѣйствительно, въ „Русланѣ и Людмилѣ" мы встрѣчаемся съ „пародіальной" стороной генія Пушкина, но съ пародіальностью нарочитой, съ каррикатурностью вполнѣ намѣренной. Весь „комизмъ" этой поэмы былъ тяжелымъ ударомъ по „романтизму" Жуковскаго и его не въ мѣру ретивыхъ послѣдователей.

Въ самой завязкѣ поэмы—комизмъ, подчеркнутый Пушкинымъ: похищеніе Людмилы Черноморомъ онъ сравниваетъ съ похищеніемъ „трусливой курицы" ястребомъ. Да и вообще героиня поэмы, „прекрасная Людмила", все время

трактуется авторомъ съ легкой ироніей и подчеркнутымъ юморомъ—въ противовѣсъ тѣмъ безчисленнымъ Людмиламъ, Свѣтланамъ и прочимъ героинямъ „романтизма", которыхъ описывали всегда съ паѳосомъ, съ таинственностью... Тамъ—неземныя созданія, здѣсь — весьма „земная" дѣвица. И во всей поэмѣ—добродушный юморъ автора. Похищенная Людмила плачетъ и тоскуетъ, не хочетъ даже взглянуть въ зеркало, а поэтъ комментируетъ: оттого-то и стало Людмилѣ грустно не на шутку, что она на зло привычкѣ забыла заглянуть въ зеркало. Зато на другой уже день Людмила хотя и плакала „съ досады", „однако съ вѣрнаго стекла, вздыхая, не сводила взора". Та же добродушная иронія поэта заставляетъ плѣнную княжну восклицать по адресу Черномора, при видѣ „роскошнаго обѣда", сопровождаемаго звуками незримой арфы: „не стану ѣсть, не буду слушать, умру среди твоихъ садовъ!" Но тутъ же она „подумала — и стала кушать"... А когда Людмила рѣшилась умереть въ волнахъ бурнаго потока, то она „въ слезахъ на воды шумныя взглянула, ударила, рыдая, въ грудь,... — однако въ волны не прыгнула и далѣ продолжала путь"...

Подобныя мѣста—а ими переполнена вся поэма—приводили критику двадцатыхъ годовъ въ величайшее негодованіе. Такъ, напримѣръ, Воейковъ, написавшій о „Русланѣ и Людмилѣ" обширную и бездарнѣйшую критическую статью (ту самую, которая была „ужасно какъ тяжка" для Крылова—см. предисловіе Пушкина ко 2-му изд. „Руслана и Людмилы"), возмущался такимъ легкомысленнымъ отношеніемъ автора къ героинѣ поэмы. „Жаль,—писалъ Воейковъ,—что авторъ некстати шутитъ надъ ея чувствительностью; *его долгъ — вселить въ читателя уваженіе къ своей героинѣ...* Совсѣмъ неприлично блистать остроуміемъ надъ человѣкомъ, убитымъ несчастіемъ, а Людмила несчастна. Увѣряю автора, что читатель на сторонѣ страждущей супруги Руслановой, разлученной со всѣмъ, чтò для нея въ свѣтѣ драгоцѣнно: съ любезнымъ мужемъ, нѣжнымъ родителемъ, милымъ отечествомъ"... И далѣе, пересказавъ, какъ Людмила „стала кушать" и въ „воду не прыгнула", критикъ назидательно продолжалъ: „человѣкъ, терпѣливо умѣющій сносить жизнь,

показываетъ силу души, самоубійца же—подлость и малодушіе. Самъ авторъ впослѣдствіи оправдалъ свою героиню: она освободилась отъ ненавистнаго ей похитителя, возвращена отечеству, родителю и милому другу. Оставшись жить, она думала не объ одной себѣ; ибо если-бъ лишила себя жизни, то сдѣлала бы Руслана и Владимира вѣчно несчастными" („Сынъ Отечества", 1820 г., ч. LXIV).

Вся эта критика — лучшій образецъ того, какъ не понимали современники юношески-задорной поэмы Пушкина: они требовали морали, они восклицали, что „долгъ автора вселить въ читателя уваженіе къ своей героинѣ"; а молодой авторъ вовсе не желалъ быть въ роли дьявола, qui prêche la morale. Вся его „легкомысленная" поэма — вполнѣ искренняя; онъ, сознательно и безсознательно, потѣшался надъ своими героями и героинями. Ужъ если свою „прекрасную Людмилу" онъ трактовалъ, какъ видимъ, со значительной долей юмора и ироніи, то чтò же сказать о другихъ лицахъ поэмы? Нечего и говорить о Фарлафѣ, надутомъ, хвастливомъ и трусливомъ; вѣдь даже Воейковъ называлъ его „паяцомъ поэмы". Гораздо важнѣе, что все *страшное* представлено въ поэмѣ *смѣшнымъ*. Вспомнимъ злую колдунью Наину, которая „пищитъ", объясняясь въ любви „сквозь кашель"; вспомнимъ юмористическое описаніе Черномора, его ночной визитъ къ Людмилѣ, его паническій страхъ и бѣгство передъ „визгомъ" княжны, его угрозу рабамъ „удавить бородою", его курьезное сраженіе съ Русланомъ. Все это „страшное", вызывавшее въ читателяхъ Жуковскаго и его послѣдователей пріятный „ужасъ" и щекочущій нервы страхъ, могло вызывать только веселый смѣхъ въ читателяхъ поэмы Пушкина. Въ этомъ отношеніи весь смыслъ „Руслана и Людмилы" заключенъ въ слѣдующихъ стихахъ про Черномора:

(Онъ) былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.

И именно этотъ добродушный смѣхъ автора приводилъ въ величайшее недоумѣніе и негодованіе критиковъ двадцатыхъ годовъ. Русланъ, садясь на коня, „присвистываетъ".

остановившись передъ спящей головой, онъ „щекотитъ ноздри копіемъ“: какъ все это возмущало въ то время блюстителей „литературныхъ основъ“! „Классики“ негодовали на такое легкомысленное отношеніе къ литературѣ; а „романтики“ — т.-е. псевдо-романтики школы Жуковскаго — не видѣли и не сознавали, что этотъ „смѣхъ надъ ужасами“ является гробовымъ камнемъ надъ всей ихъ поэзіей „таинственныхъ видѣній, любви, мечтаній и чертей“... Имъ не открыло глаза даже то обстоятельство, что въ четвертой пѣснѣ поэмы Пушкинъ явно высмѣялъ эту псевдо-романтическую поэзію, пародируя „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ и замѣняя „монастырь уединенной и робкихъ инокинь соборъ“ — „веселымъ теремомъ“ (намекъ на французское: „maison de joie“)... Впослѣдствіи самъ Пушкинъ осуждалъ эту пародію и говорилъ, что за нее „можно было бы меня — слова Пушкина — пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе...“ Но мы знаемъ теперь, какой внутренній смыслъ имѣла эта пародія, какъ и вообще „пародіальность“ всей поэмы: это былъ расчетъ Пушкина съ сентиментальнымъ псевдо-романтизмомъ, царившимъ тогда въ русской передовой литературѣ. Только съ этой точки зрѣнія можно понять все громадное значеніе поэмы молодого Пушкина. Пусть современники считали эту поэму ярко „романтической“: они были правы, такъ какъ противопоставляли романтизму все устарѣлое, отжившее, „псевдо-классическое“ (по позднѣйшему слову Бѣлинскаго); но теперь, когда мы знаемъ, что и „романтизмъ“ Жуковскаго былъ только псевдо-романтизмомъ, можно только повторить слова Бѣлинскаго, что въ „Русланѣ и Людмилѣ“ не было ни искорки романтизма, хотя и были насмѣшки надъ россійскимъ псевдо-романтизмомъ той эпохи. Пушкину надо было перешагнуть черезъ это уже отживавшее литературное теченіе; онъ и сдѣлалъ это въ своей юношеской поэмѣ.

Но перешагнувъ черезъ это теченіе, онъ тѣмъ самымъ сразу изъ „многообѣщающаго таланта“ сталъ первой величиной современной ему литературы. Онъ шагнулъ настолько

далеко, что поспѣть за нимъ могли очень немногіе. Имъ восхищались, потому что смысла и значенія поэмы его не понимали; а „критики“ той эпохи (когда критика только-что зарождалась въ лицѣ Бестужева-Марлинскаго) остались далеко позади юноши-Пушкина—и это продолжалось затѣмъ въ теченіе всей его жизни и литературной дѣятельности. Большинство критиковъ двадцатыхъ годовъ было настолько неосвѣдомлено, что и не подозрѣвало, напримѣръ, заимствованности цѣлаго ряда частностей въ поэмѣ молодого Пушкина. „Поэма Русланъ и Людмила — сообщалъ своимъ читателямъ одинъ журналъ того времени — могла бы почесться народнымъ стариннымъ разсказомъ, если бы борода Черномора и голова брата его существовали хотя въ изустныхъ преданіяхъ (!). Поэтъ сотворилъ ихъ самъ, подражая только онымъ, и представилъ никѣмъ нечитанныя и неслыханныя чудеса“... („Невскій Зритель“, 1820 г. № 7). Этому критику, очевидно, неизвѣстны были даже Русскія Сказки Чулкова, изъ которыхъ Пушкинъ взялъ и бороду Черномора и голову его брата. Другіе критики знали и отмѣчали это, но зато разрывали поэму на части, кусочки, полустишія и критиковали отдѣльныя слова и выраженія, восхищаясь тѣмъ, что̀ не заслуживало восхищенія, и упрекая автора за то, что̀ давало главное значеніе его поэмѣ. Такова была „тяжкая“ критика знаменитаго въ то время Воейкова. Однимъ словомъ — Пушкинъ первымъ своимъ дебютомъ далеко опередилъ и „читающую публику“ и „критику“; и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше возрастало это разстояніе между поэтомъ и „толпой“. „Кавказскимъ плѣнникомъ“, „Бахчисарайскимъ Фонтаномъ“, „Цыганами“, первыми главами „Евгенія Онѣгина“ восхищались, не понимая ихъ; послѣднія главы „Онѣгина“, „Полтава“ и позднѣйшія произведенія были непоняты и осмѣяны. Немногіе умѣли цѣнить и понимать Пушкина; общій же смыслъ его поэмъ не могъ быть ясенъ для современниковъ: для этого надо было охватить однимъ взглядомъ всю дѣятельность Пушкина, что̀ впослѣдствіи и сдѣлалъ Бѣлинскій.

Этотъ общій смыслъ поэмъ Пушкина, послѣдовавшихъ за „вступленіемъ“ — за „Русланомъ и Людмилой“ — заклю-

чался въ развитіи двухъ основныхъ темъ: соціально-психологической и соціально-философской. Конечно, смыслъ этотъ ясенъ только теперь, когда мы можемъ однимъ взглядомъ окинуть и всѣ поэмы Пушкина и вообще всю его литературную дѣятельность; конечно, самъ Пушкинъ и не подозрѣвалъ, чѣмъ и какъ могутъ быть объединены всѣ его поэмы; конечно, онъ свободно творилъ, не желая связывать себя никакими соціально-психологическими или философскими задачами. Но — независимо отъ воли человѣка, всякій причинный рядъ, разсматриваемый въ обратномъ направленіи, есть рядъ цѣлесообразный; и если проходишь этотъ причинный рядъ, уже зная его напередъ, то неизбѣжно видишь и разсматриваешь его sub specie teleologiae, подъ знакомъ цѣли. Такъ въ великомъ, такъ въ маломъ, такъ и во всемъ; и развитіе писателя мы неизбѣжно изучаемъ въ его причинахъ и слѣдствіяхъ, средствахъ и цѣляхъ.

Слабый мужчина и сильная женщина — вотъ психологическая задача почти всѣхъ поэмъ Пушкина; *личность и общество* — вотъ философская ихъ проблема. Но и философская и психологическая задача ставится и рѣшается Пушкинымъ на почвѣ соціальной: не онъ ли далъ намъ такой „соціальный типъ" слабаго мужчины своего времени, что историки имѣютъ возможность изучать вопросъ о предкахъ этого казалось бы литературнаго отвлеченія? (Я говорю объ извѣстной статьѣ В. Ключевскаго: „Евгеній Онѣгинъ и его предки", 1887 г.). И психологическая и философская проблемы, поставленныя Пушкинымъ, тѣсно переплетаются другъ съ другомъ на соціальной почвѣ; изучать его поэмы—значитъ прежде всего дать себѣ отчетъ въ развитіи этихъ темъ, начиная съ „Кавказскаго плѣнника", проходя черезъ „Евгенія Онѣгина" и кончая „Мѣднымъ Всадникомъ".

Только-что закончивъ „Руслана и Людмилу", не успѣвъ даже довести до конца печатаніе этой поэмы, молодой Пушкинъ былъ высланъ, за „вольнолюбивыя мечты", изъ Петербурга въ Бессарабію, откуда тотчасъ же попалъ на Кавказъ, а оттуда въ Крымъ. Кавказъ поразилъ его и показался ему великолѣпнымъ фономъ для „романтической поэмы":

. . . отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ...
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ;
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Въ примѣчаніи къ этимъ стихамъ Пушкинъ указывалъ на стихотворенія Державина и Жуковскаго, посвященныя тоже описанію Кавказа; но Кавказъ, какъ фонъ „романтической поэмы"—это была еще новость въ русской литературѣ. Чье вліяніе отразилось въ этой поэмѣ — Шатобріана или Байрона,—объ этомъ спорятъ историки русской литературы и пушкинисты, но во всякомъ случаѣ именно съ этого времени начинается для Пушкина періодъ „байронизма". Съ Байрономъ Пушкинъ былъ еще мало знакомъ, когда задумалъ и дѣлалъ первые наброски своей поэмы (съ 6-го іюня по 15 августа 1820 г.); но какъ-разъ къ концу этого времени онъ попалъ въ Крымъ, въ Гурзуфъ Раевскихъ, гдѣ началъ изучать Байрона въ подлинникѣ, и въ то же самое время началъ, въ концѣ августа, писать „Кавказскаго плѣнника". Ко времени окончанія его — это было въ февралѣ 1821 года — Пушкинъ отъ Байрона уже „съ ума сходилъ", по собственному позднѣйшему признанію.

Итакъ, преодолѣвъ сентиментальный псевдо-романтизмъ Жуковскаго, молодой Пушкинъ вступилъ, казалось бы, въ совершенно иную область чувствъ и настроеній. Мрачная сила, богоборчество, титанизмъ — вотъ „романтизмъ" Байрона, полная противоположность сентиментализму и піетизму Жуковскаго. Незачѣмъ, однако, особенно подробно доказывать, что ни силы, ни богоборчества, ни титанизма мы не находимъ въ байроническихъ поэмахъ Пушкина, что удѣломъ его былъ псевдо-байронизмъ и псевдо-романтизмъ: доказывать это значило бы ломиться въ открытую дверь. Молодому поэту казалось, что онъ выводитъ на сцену сильныхъ людей, героевъ, могучихъ духомъ; такими въ его гла-

захъ были и Кавказскій плѣнникъ, и татарскій ханъ Гирей, и оцыганившійся Алеко. Но не успѣвалъ онъ дорисовать своего героя, какъ тотчасъ же и развѣнчивалъ его, смѣялся надъ нимъ въ бесѣдахъ съ друзьями; это было тѣмъ легче, что уже въ самыхъ поэмахъ „герои“ низводились Пушкинымъ — порою безсознательно — съ пьедестала героевъ, и подъ маской титанизма ясно становились видны добрые малые — „какъ вы, да я, да цѣлый свѣтъ“...

Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ Пушкинъ хотѣлъ въ лицѣ безыменнаго героя изобразить себя. Вскорѣ онъ призналъ, что „характеръ плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія“ (писалъ онъ въ 1821 году). Герой долженъ былъ быть чуть-ли не титаномъ, могучей душой,—а вышелъ, совершенно неожиданно для автора, слабымъ человѣкомъ. Правда, по замыслу автора герой долженъ былъ представлять собою только „подъ бурей рока — твердый камень“, но зато „въ волненьяхъ страсти—легкій листъ“; однако замыселъ этотъ такъ и не осуществился въ поэмѣ: безыменный герой такъ и остался „легкимъ листомъ“ на протяженіи всей поэмы. Если въ этомъ могло быть какое-либо сомнѣніе, въ виду того, что плѣнникъ „бури немощному вою съ какой-то радостью внималъ“, или въ виду того, что

Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего,

— то сомнѣніе это разрушилъ самъ авторъ окончаніемъ своей поэмы. Можно было не видѣть, что герой поэмы— слабый человѣкъ, до тѣхъ поръ, пока не столкнулся онъ съ сильной женщиной, „черкешенкой младой“. Слишкомъ явно окончаніе поэмы является апоѳеозомъ этой сильной душою женщины; слишкомъ явно окончаніе это развѣнчиваетъ героя. Героя, впрочемъ, и нѣтъ; есть героиня, приносящая себя въ жертву, и слабый, безвольный, тоскующій москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ.

Такимъ образомъ Пушкинъ, самъ того не желая, разгримировалъ своего героя, спустилъ его съ ходуль на землю.

Но все же онъ не отказался еще отъ „сильныхъ людей", героевъ,—будь-то разбойникъ у костра въ лѣсу, или татарскій ханъ „въ сѣчахъ роковыхъ". Только-что закончивъ „Кавказскаго плѣнника", онъ пишетъ „Братьевъ Разбойниковъ" (въ 1821—1822 г.), а закончивъ эту поэму, вскорѣ имъ же уничтоженную, приступаетъ къ „Бахчисарайскому фонтану" (начатъ лѣтомъ 1822 года, оконченъ въ 1823 году). Отъ „Братьевъ Разбойниковъ" сохранился только небольшой отрывокъ, изъ котораго видно, какъ далеки были пушкинскіе „разбойники" отъ своихъ романтическихъ байроновскихъ прототиповъ; что же касается „Бахчисарайскаго фонтана", то ханъ Гирей играетъ въ немъ только эпизодическую роль. Мы знаемъ о немъ, что послѣ гибели Маріи и Заремы—

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ...

Вскорѣ самъ авторъ съ друзьями добродушно смѣялся надъ этимъ своимъ мелодраматическимъ героемъ; и нужно ли доказывать, что и робкая Марія и пылкая Зарема—обѣ, каждая по-своему, сильнѣе этого татарина въ гарольдовомъ плащѣ, окутаннаго дымкой титанизма?

Пушкину не удавалась поставленная задача. Въ поэмахъ этихъ ему удалось другое: сдѣлать громадный шагъ впередъ въ развитіи слога, стиля, формы. Пушкинъ упорно работалъ надъ эпитетами, надъ ассонансами, надъ риѳмами; трудно повѣрить, чтобы черезъ годъ-другой послѣ „Руслана и Людмилы" Пушкинъ могъ дойти до мужественнаго, холоднаго слога „Братьевъ Разбойниковъ", или до эстетической роскоши „Бахчисарайскаго фонтана". Бѣлинскій, съ вѣчной своей неистовостью, писалъ впослѣдствіи объ этой послѣдней поэмѣ: „мнѣ открылся Бахч. Фонтанъ,—мнѣ кажется, я въ состояніи написать объ этой крошечной пьескѣ цѣлую книгу — великое, міровое созданіе"... Бѣлинскій увлекался, но былъ правъ

по существу; дѣйствительно, по роскоши колорита, по богатству красокъ и тоновъ „Бахчисарайскій фонтанъ“ до сихъ поръ является непревзойденнымъ во всей русской литературѣ. Прошелъ еще годъ — и Пушкинъ приступилъ къ „Цыганамъ“, къ „Евгенію Онѣгину“: въ три года онъ совершилъ путь отъ дѣтской поэмы къ величайшему своему произведенію.

Возвращаемся однако къ основной задачѣ, которая сознательно или безсознательно ставилась и рѣшалась Пушкинымъ во всѣхъ этихъ его поэмахъ. Мы видѣли, что Пушкинъ сознательно ставилъ себѣ одну задачу (байроническую — „сильный человѣкъ“), а рѣшалъ ее безсознательно въ совершенно другую сторону („слабый мужчина — сильная женщина“), гораздо болѣе приближающуюся къ былому сентиментальному псевдо-романтизму, чѣмъ къ байронизму. Такъ напримѣръ, вся сущность характера кавказскаго плѣнника выражена въ слѣдующихъ строкахъ жалобной „элегіи“:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокій,
И жду—придетъ ли мой конецъ...

Конечно, эти самыя слова могли бы сказать и Манфредъ Байрона, и Фаустъ Гете; поэтому молодой Пушкинъ вѣроятно былъ убѣжденъ въ полной „байроничности“ своихъ героевъ и старался въ новыхъ своихъ поэмахъ давать еще болѣе яркіе примѣры „плодовъ сердечной пустоты“. Но литературная теорія влекла его въ одну сторону, а творческій инстинктъ—въ другую; глубокій реализмъ поэта заставлялъ его волей-неволей спускать съ ходуль на землю всѣхъ его псевдо-байроническихъ героевъ.

Такъ было отчасти и съ „Кавказскимъ плѣнникомъ“, такъ было и съ героемъ „Цыганъ“ (1824 г.). Алеко—несомнѣнно самый „сильный“ изъ всѣхъ предыдущихъ героевъ Пушкина, но насколько сильнѣе его Земфира, яркая и

въ своей любви, и въ своей ненависти. Герой поэмы, у котораго достало силы разорвать съ обществомъ, не смогъ — какъ и всѣ герои поэмъ Пушкина—устоять „въ волненьяхъ страсти"; конецъ поэмы слишкомъ явно является осужденіемъ этого слабаго человѣка, который попытался быть сильнымъ.

Все больше и больше сознавалъ Пушкинъ эту истину— что герои его только загримированы „сильными людьми", что они только москвичи въ гарольдовомъ плащѣ, что имъ не къ лицу байроническая поза. Когда онъ созналъ это до дна, до конца — онъ создалъ типъ Евгенія Онѣгина, этого уже безспорно слабаго человѣка, сталкивающагося съ сильной женщиной, Татьяной. Кавказскій плѣнникъ и черкешенка, Алеко и Земфира, Онѣгинъ и Татьяна — всѣ эти типы являются послѣдовательнымъ развитіемъ одной и той же основной темы поэмъ Пушкина; Онѣгинъ это — завершеніе, конецъ, послѣдняя точка. Вотъ почему только подробный анализъ „Онѣгина" даетъ возможность осмыслить и понять значеніе героевъ болѣе раннихъ поэмъ Пушкина; вотъ отчего мы здѣсь только слегка разбираемъ нить психологической темы этихъ поэмъ: она становится ясной только на соціальной почвѣ, а эта соціальная почва станетъ намъ понятной только послѣ изученія „Евгенія Онѣгина". Въ статьѣ, посвященной разбору этого романа, мы еще разъ вернемся и къ кавказскому плѣннику, и къ Алеко, и вообще ко всѣмъ первымъ поэмамъ молодого поэта.

„Евгеніемъ Онѣгинымъ" Пушкинъ исчерпалъ и заключилъ основную (сперва безсознательную) тему первыхъ своихъ поэмъ. Если вспомнить, что этотъ „романъ въ стихахъ" онъ писалъ почти десять лѣтъ, что еще въ 1831 году онъ дописывалъ и додѣлывалъ строфы послѣдней главы, то можно сказать, что тема „слабый мужчина и сильная женщина" прошла черезъ все творчество Пушкина. Мелькомъ, какъ къ побочной, не главной, онъ еще нѣсколько разъ обращался къ ней. Намеки на эту тему есть и въ шуточномъ „Графѣ Нулинѣ" — великолѣпной „реалистической" поэмѣ; есть эта побочная тема и въ „Полтавѣ", въ типахъ Мазепы и Маріи; на эту же тему написанъ впослѣдствіи и „Анджело". Но послѣ „Евгенія Онѣгина" Пушкинъ не могъ

уже сказать ничего новаго на эту тему; двѣ послѣднія свои поэмы, „Галубъ“ и „Мѣдный Всадникъ“, онъ всецѣло посвятилъ второй своей темѣ, тоже постоянно проходящей отъ первыхъ до послѣднихъ его поэмъ. Мы знаемъ, что эта вторая, соціально-философская тема имѣла своимъ содержаніемъ противопоставленіе *личности и общества.*

Тема эта, конечно, тоже была „байроническая“, но и въ ней Пушкинъ проявилъ себя—въ первыхъ поэмахъ—только „псевдо-байронистомъ“. Одинокая и могучая личность разрываетъ у Байрона не только съ окружающей соціальной средой, но и со всѣмъ міромъ; личность эта бросаетъ вызовъ обществу чаще всего именно тѣмъ, что отвергаетъ и міръ, и Бога. Герои молодого Пушкина далеки отъ подобнаго „міроборчества“ и „богоборчества“. Они уходятъ только отъ общества, а не отъ міра, идутъ противъ окружающей среды, а не противъ Бога. Свобода личности — вотъ чего требуютъ отъ общества и кавказскій плѣнникъ, и Алеко; не находя этой свободы въ своей общественной средѣ, въ своихъ соціальныхъ условіяхъ, они покидаютъ это общество. Первый изъ нихъ

Покинулъ... родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы,—

и очутился рабомъ у черкесовъ; второй — добровольно попалъ въ цыганскій таборъ, спасая свою личность отъ путъ современнаго ему общества. Плѣнникъ еще мечтаетъ о „либеральныхъ“ реформахъ, объ общественной свободѣ:

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ!
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ
Одушевленныя тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Таковы были мечты плѣнника-Пушкина въ 1820 году; тремячетырьмя годами позднѣе Алеко-Пушкинъ уже разочаровался

во всѣхъ своихъ былыхъ „либеральныхъ мечтаніяхъ", но не отказался отъ тѣмъ болѣе рѣзкаго противопоставленія интересовъ личности и общества. Спасаясь отъ тиранніи общественныхъ формъ, Алеко бѣжитъ, что называется, куда глаза глядятъ; онъ предпочитаетъ водить медвѣдя, „косматаго гостя его шатра", чѣмъ порабощать свою личность „неволѣ душныхъ городовъ", гдѣ

. . . люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей...

Алеко бѣжалъ отъ этого общества въ свободную цыганскую общину; но что же сдѣлалъ онъ въ ней? Потребовалъ безусловнаго подчиненія себѣ другой, не менѣе свободной человѣческой личности, а когда подчиненія не достигъ, то убилъ. Конечно, этимъ онъ показалъ не силу, а слабость свою — мы это уже знаемъ; и правъ старый цыганъ, совѣсть поэмы: Алеко не рожденъ для дикой доли, онъ *для себя лишь* хочетъ воли... Чѣмъ отличается онъ въ этомъ отношеніи отъ дѣйствующихъ лицъ „Братьевъ Разбойниковъ", которые вѣдь тоже всей своей дѣятельностью отрицаютъ общество, олицетворяютъ собою безсознательно соціальный протестъ противъ него. Эта ли свобода личности нужна была Алеко?

Очевидно, вопросъ о личности и обществѣ требовалъ болѣе глубокаго развитія въ дальнѣйшихъ поэмахъ Пушкина. Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" и „Цыганахъ" мы видѣли искусственное, „экспериментирующее" рѣшеніе этой проблемы молодымъ поэтомъ; герои ставились тамъ въ неожиданныя, такъ сказать, „лабораторныя" условія опыта: личность переносилась то въ черкесскій плѣнъ, то въ свободу цыганскаго табора. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ" мы видимъ постановку той же проблемы въ ея естественныхъ условіяхъ. Не будемъ говорить объ этомъ здѣсь, такъ какъ въ статьѣ объ „Евгеніи Онѣгинѣ" мы достаточно подробно останавливаемся на взаимоотношеніи Онѣгина и окружающей его среды. Но

и послѣ „Евгенія Онѣгина“ Пушкинъ не переставалъ ставить, разрабатывать и расширять все ту же тему о личности и окружающей средѣ. Въ „Полтавѣ“ (1828 г.) мы видимъ введеніе новаго элемента: кромѣ личности и общества поэтъ показываетъ намъ еще и *государство*—въ лицѣ Петра. Не эта тема соблазнила поэта, когда приступалъ онъ къ „Полтавѣ“: его поразило положеніе Мазепы—убійцы Кочубея и любовника его дочери; его поэтическую мысль плѣнила та трагедія, которая должна была происходить въ глубинахъ душъ и Мазепы и Маріи. Вышло иначе: поэма не даромъ озаглавлена „Полтава“, и герой ея, конечно, Петръ; двѣ первыя пѣсни поэмы блѣднѣютъ передъ третьей, послѣдней, гдѣ на сценѣ появляется герой Полтавы. Всѣ герои поэмы стушевываются передъ нимъ, не только какъ передъ гигантской личностью, но и какъ передъ воплощеніемъ болѣе сильнаго, чѣмъ личность, начала — государства. Интересы общаго затемняютъ собою всѣ личныя страсти, страданія, волненія; тяжкая колесница „Общаго“ давитъ собою отдѣльныя личности — и Кочубея, и Искру, и Марію. Казнь невинныхъ Кочубея и Искры—казнь съ разрѣшенія Петра, ссылка ихъ семействъ въ Сибирь — все это не кладетъ, для Пушкина, тѣни на „героя Полтавы“ и героя его поэмы. Искра и Кочубей казнены, невинность ихъ скоро обнаруживается; тогда—

Съ бреговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ,
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью и добромъ...

Но вернетъ ли все это жизнь тѣмъ двумъ несчастнымъ, которые

. . . . . всевѣчно правы
Посѣчены заставше топоромъ во главы?

Не осуждено ли этимъ самымъ и „общее“—Молохъ, пожирающій человѣческія личности? Нѣсколькими годами раньше, въ періодъ своего псевдо-байронизма, Пушкинъ несомнѣнно проклялъ бы всякую „государственную необходимость“ и

сталъ бы на сторону гибнущихъ личностей; теперь, въ 1828 году, онъ оправдываетъ это „Общее“, прославляетъ государство въ лицѣ Петра. Всѣ страсти, волненія, мученія умерли вмѣстѣ съ личностями; дѣло Петра переживетъ столѣтія.

Прошло сто лѣтъ—и что̀-жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ...

Личность совсѣмъ стушевалась, отошла на второй планъ передъ этими интересами и задачами „Общаго“, подавляющаго всѣ отдѣльныя индивидуальности.

Закончивъ этимъ „Полтаву“, Пушкинъ еще дважды вернулся все къ той же темѣ личности и общества, личности и государства—въ двухъ послѣднихъ своихъ поэмахъ, „Галубѣ“ (1829—1833 г.) и „Мѣдномъ Всадникѣ“ (1833 г.). Въ первыхъ поэмахъ Пушкинъ, мы знаемъ, пытался „байронствовать“, пытался изображать „сильныхъ людей“—и фатально рисовалъ слабаго человѣка, неизбѣжно развѣнчивая его въ концѣ концовъ. Теперь, когда онъ давно уже пережилъ свои байроническія желанія и разлюбилъ свои титаническія мечты, теперь въ „Галубѣ“ онъ даетъ образъ поистинѣ сильнаго человѣка, безъ всякихъ титаническихъ замашекъ. И этотъ сильный человѣкъ, Тазитъ, снова сталкивается съ окружающимъ его обществомъ, и хотя погибаетъ отъ него, но не побѣждается имъ. Въ своемъ кругу чеченцевъ, въ ихъ средѣ, въ ихъ понятіяхъ—онъ трусъ, онъ робокъ, онъ слабъ; недаромъ Галубъ восклицаетъ и имѣетъ право восклицать, изгоняя его:

Поди ты прочь, ты мнѣ—не сынъ,
Ты—не чеченецъ, ты—старуха,
Ты—трусъ, ты—рабъ, ты—армянинъ!
Будь проклятъ мной! Поди, чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ...

На все это Тазитъ, „блѣденъ, какъ мертвецъ“, молчитъ „потупя очи“; старикъ отецъ и не подозрѣваетъ, какая нравственная сила скрывается за этимъ молчаніемъ—сила новой, высшей морали, сила христіанской этики: Тазитъ—„*черкесъ-христіанинъ*“, что̀ подчеркнуто самимъ Пушкинымъ. Но эта новая мораль не нужна тому обществу, въ которомъ онъ живетъ; въ этомъ обществѣ презираютъ и гонятъ того,

. . . . кто въ бой идти не смѣетъ,
Кто мстить за брата не умѣетъ,
Кто робокъ даже предъ рабомъ,
Кто изгнанъ и проклятъ отцомъ...

Тазитъ изгнанъ, Тазитъ погибаетъ, но погибаетъ какъ сильный человѣкъ, не побѣжденный, а лишь отверженный. Борьба личности съ обществомъ оканчивается гибелью личности, переросшей общественныя формы.

Бываютъ другіе случаи, когда личность гибнетъ, сама того не желая, именно во славу новыхъ общественныхъ формъ, когда эти новыя общественныя формы — иной разъ въ минуту своего рожденія, иной разъ столѣтія спустя — обрушиваютъ камни на голову ни въ чемъ неповинной личности. Первое мы видѣли въ „Полтавѣ“, второе поэтъ показываетъ намъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, послѣдней своей поэмѣ, продолжающей развитіе темы, намѣченной уже въ „Полтавѣ“.

Въ поэмѣ два героя—„Онъ“, Петръ, гигантъ на бронзовомъ конѣ, мощный властелинъ судьбы, и ничтожный, безличный, жалкій, маленькій Евгеній; этотъ намѣренный контрастъ нуженъ Пушкину, въ немъ смыслъ поэмы. Петръ, Левіаѳанъ-Государство, создалъ Петербургъ; сто лѣтъ спустя Нева заливаетъ Петербургъ и разрушаетъ на своемъ пути ветхій домикъ, гдѣ живетъ „его Параща“—невѣста Евгенія. Много ли нужно было для счастья бѣдняги чиновника?

„. . . Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ
И въ немъ Парашу успокою.
Кровать, два стула, *щей горшокъ*,
Да самъ большой... чего мнѣ болѣ?
Не будемъ прихотей мы знать;

По воскресеньямъ лѣтомъ въ полѣ
Съ Парашей буду я гулять;
Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
Препоручу хозяйство наше
И воспитаніе ребятъ...
И станемъ жить, и такъ до гроба
Рука съ рукой дойдемъ мы оба
И внуки насъ похоронятъ"...

„Такъ онъ мечталъ",—заключаетъ поэтъ. И неужели же мечтанія эти такъ чрезмѣрны, что отвѣтомъ на нихъ могла быть только смерть Параши въ „пѣнѣ разъяренныхъ водъ" Невы? И изъ-за того, что гиганту Петру надо было для блага „государства" заложить городъ на берегу пустынныхъ волнъ Невы, изъ-за этого сто лѣтъ спустя несчастный маленькій чиновникъ долженъ потерять свою невѣсту и сойти съ ума отъ ужаса? Это противопоставленіе звучитъ смѣшно, а между тѣмъ только въ немъ весь смыслъ поэмы. Конечно, не въ Евгеніи, не въ Парашѣ тутъ дѣло, а во всякой хотя бы самой ничтожной, самой жалкой *личности*, которую Молохъ-государство смалываетъ въ своихъ челюстяхъ. А если такъ, то и весь комизмъ сопоставленія „мощнаго властелина судьбы" и забитаго, загнаннаго Евгенія исчезаетъ и превращается въ глубокій трагизмъ. Уже однимъ этимъ сопоставленіемъ Пушкинъ какъ бы предвосхитилъ мысль и чувство Л. Толстого, который „осмѣлился" ставить на одну линію „великаго Наполеона" и маленькихъ людей. „Человѣческое достоинство говоритъ мнѣ, что всякій изъ насъ ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ", — говоритъ Л. Толстой („Война и миръ"). Эти слова Пушкинъ, если бы дожилъ до нихъ, могъ бы поставить эпиграфомъ къ „Мѣдному Всаднику". И тамъ, гдѣ изнывающій въ смертельномъ ужасѣ, запуганный Евгеній задается вопросами отчаянія—

. . . или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?—

—тамъ онъ смѣло можетъ стать лицомъ къ лицу со „всякими Наполеонами", которые вѣдь тоже, въ концѣ концовъ,

раньше или позже не избѣгнутъ этихъ вопросовъ... Такъ лицомъ къ лицу становится Евгеній противъ Мѣднаго Всадника:

Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ
И взоры дикіе навелъ
На ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь; онъ мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ—
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
„Добро, строитель чудотворный!“
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
„Ужо тебѣ!...“

„И вдругъ стремглавъ бѣжать пустился“: не выдержала душа его этого страшнаго единоборства. Онъ и погибъ, и былъ побѣжденъ; но эту дуэль его съ „Мѣднымъ Всадникомъ“ (будь то не только государство, но и міръ, но и Богъ) продолжали въ русской литературѣ болѣе сильные, чѣмъ онъ, люди. Не вся дальнѣйшая русская литература вышла изъ „Шинели“ Гоголя, какъ сказалъ когда-то Достоевскій; Раскольниковъ и Иванъ Карамазовъ того же Достоевскаго слишкомъ явно вышли изъ „Мѣднаго Всадника“ Пушкина.

„Мѣдный Всадникъ“ завершилъ собой рядъ поэмъ Пушкина; послѣдній кончилъ тѣмъ же, съ чего началъ, поднявшись въ то же время на недосягаемую высоту. Преодолѣвъ „Русланомъ и Людмилой“ сентиментальный псевдоромантизмъ Жуковскаго и его школы, Пушкинъ сталъ „байронистомъ“ и въ первой же поэмѣ захотѣлъ нарисовать „сильнаго человѣка“, разорвавшаго съ обществомъ. Вскорѣ самому поэту стало ясно, что байронизмъ его является въ сущности „псевдо-байронизмомъ“, что тема его иная; эта тема—мы видѣли—слабый мужчина и сильная женщина. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ поэтъ твердо поставилъ эту тему на почвѣ уже реалистическаго творчества. И другая тема его, тема личности и общества, продолжала на этой почвѣ разви-

ваться въ послѣдующихъ поэмахъ. То, что въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ и „Цыганахъ“ выражалось еще въ формахъ „байроническихъ“, то въ „Полтавѣ“, „Галубѣ“ и „Мѣдномъ Всадникѣ“ (особенно въ послѣднемъ) приняло уже глубоко реалистическую разработку темы о личности. Правда, здѣсь передъ нами только наброски и намеки, развитіе которыхъ дало содержаніе русской литературѣ второй половины XIX вѣка, но намеки и наброски постинѣ геніальные. Не говорю уже о формѣ, о словѣ: въ этой области хотя бы одна послѣдняя поэма Пушкина является вершиной поэтическаго мастерства; тайна *такого* творчества погибла вмѣстѣ съ Пушкинымъ.

Но въ иныхъ формахъ, иной разъ даже въ другихъ плоскостяхъ творчество это продолжалось и шло отъ Пушкина по двумъ линіямъ. Одинъ рядъ писателей сталъ продолжать и развивать тему соціально-психологическую; въ этой области величайшимъ изъ наслѣдниковъ Пушкина былъ Тургеневъ, яркій „пушкинскій“ талантъ, главной темой всего творчества котораго недаромъ была именно тема *о слабомъ мужчинѣ и сильной женщинѣ.* Другой рядъ писателей, изъ которыхъ величайшіе Достоевскій и Левъ Толстой, продолжили и развили соціально-философскую нить пушкинскаго творчества: тема о личности и обществѣ, личности и государствѣ, личности и мірѣ, вообще *личности и Мѣдномъ Всадникѣ* (будь то общество, государство, міръ, случай, судьба, Богъ) стала ихъ главной, основной темой. Отъ этихъ великихъ наслѣдниковъ Пушкина идетъ вся современная русская литература; тѣ самыя темы, которыя въ безконечно усложненномъ видѣ развиваются въ ней теперь, тѣ самыя темы позволяютъ объединить въ одно цѣлое разбросанныя на протяженіи полутора десятка лѣтъ „поэмы“ Пушкина.

1911 г.

„Евгеній Онѣгинъ“.

I.

4-го ноября 1823 года, посылая изъ Одессы кн. Вяземскому только-что законченный „Бахчисарайскій Фонтанъ“, Пушкинъ сообщалъ, между прочимъ, своему „милому ангелу Асмодею“: „пишу теперь не романъ, а романъ въ стихахъ: дьявольская разница! Въ родѣ Донъ-Жуана. Первая пѣснь или глава кончена; я тебѣ ее доставлю. Пишу его съ упоеньемъ, что̀ ужъ давно со мной не бывало. О печати и думать нельзя“... („Переписка“, изд. Имп. Ак. Наукъ подъ ред. В. И. Саитова, т. I, стр. 83—84; черновикъ).

Вотъ первое изъ дошедшихъ до насъ извѣстій объ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Имя это, которому суждено было создать вокругъ себя цѣлую литературу, впервые встрѣчается въ пушкинской перепискѣ мѣсяцемъ позднѣе: „я на досугѣ пишу новую поэму, *Евгеній Онѣгинъ*, гдѣ захлебываюсь желчью. Двѣ пѣсни уже готовы“,—писалъ Пушкинъ 1-го декабря 1823 года А. И. Тургеневу (ibid. I, 91). А въ началѣ слѣдующаго года „Литературные Листки“ уже оповѣстили читающую публику, что „Александръ Пушкинъ написалъ Поэму подъ заглавіемъ *Онѣгинъ*, которой содержаніе чрезвычайно разнообразно“... Наконецъ, въ началѣ 1825-го года вышла въ свѣтъ первая глава этого „романа въ стихахъ“, окончаніе котораго публика увидѣла только черезъ семь лѣтъ.

Значенія и смысла „Евгенія Онѣгина“ современники Пушкина не могли, конечно, понять; говорю *конечно*—такъ какъ

всякое художественное произведеніе, въ которомъ обрисовывается новый общественный типъ, требуетъ нѣкоторой историко-литературной перспективы, нуждается въ изученіи на разстояніи; въ немъ таится своего рода „actio in distans"... Обломова поняли сразу, такъ какъ онъ былъ „послѣсловіемъ", былъ типомъ, резюмирующимъ собою цѣлую полосу нашего общественнаго и умственнаго развитія; Онѣгину же, волею судебъ, пришлось стать своего рода „предисловіемъ" къ дальнѣйшей исторіи развитія русской интеллигенціи. И современникамъ Онѣгина приходилось по предисловію судить о еще ненаписанной книгѣ; немудрено, если они плохо поняли то, что геніальный поэтъ предугадалъ силой творческой интуиціи. Баратынскій писалъ Пушкину, послѣ появленія уже пятой главы этого романа: „большее число его не понимаютъ. Ищутъ романтической завязки, ищутъ обыкновеннаго и, разумѣется, не находятъ. Высокая простота созданія кажется имъ бѣдностію вымысла; они не замѣчаютъ, что старая и новая Россія, жизнь во всѣхъ ея измѣненіяхъ проходитъ передъ ихъ глазами"... (ibid., II, 54—55).

И несмотря на это, „Евгенія Онѣгина" читали, имъ зачитывались. Выходившія главы расхватывались съ рѣдкой для того времени быстротой; исписывались цѣлыя горы бумаги различныхъ критикъ и антикритикъ. Находились цѣнители, въ родѣ Булгарина, провозглашавшіе „chute complète", полное паденіе таланта Пушкина въ одной изъ лучшихъ главъ этого романа; находились другіе судьи, въ родѣ Надеждина, осуждавшіе весь романъ въ его цѣломъ, за мелкость, за безсодержательность и беззубо острившіе: „для генія не довольно смастерить Евгенія"... Но все это глубочайшее непониманіе не могло помѣшать широкому распространенію „Евгенія Онѣгина" среди читающей публики; значенія Онѣгина не понимали, но все же его читали и перечитывали. „Его читаютъ во всѣхъ закоулкахъ русской имперіи, во всѣхъ слояхъ русскаго общества,—говоритъ въ 1840-мъ году одинъ изъ современниковъ поэта:—всякій помнитъ наизусть нѣсколько куплетовъ. Многія мысли поэта вошли въ пословицу. *Онѣгина* покупали, *Онѣгина* списывали, *Онѣгина* учили на память". Къ этому времени стало возмож-

нымъ нѣкоторое обобщеніе онѣгинскаго типа, такъ какъ передъ глазами читателей и изслѣдователей въ это время было уже не одно „предисловіе“, но и первыя страницы самой книги: николаевская система оказалась благопріятной почвой для культивированія десятковъ „лишнихъ людей“, родоначальникомъ которыхъ нельзя было не признать Онѣгина. Бѣлинскій, въ серединѣ сороковыхъ годовъ, впервые далъ глубокую психологическую и общественную характеристику Онѣгина; нѣсколько позднѣе Герценъ поставилъ Онѣгина въ связь съ духомъ николаевской системы, заявивъ (и это невѣрное, какъ увидимъ, утвержденіе стало вскорѣ общепринятымъ), что Евгеній Онѣгинъ есть результатъ эпохи, послѣдовавшей за 14 декабря 1825 г. Наконецъ, еще позднѣе, въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, выросшее на „Евгеніи Онѣгинѣ“ молодое поколѣніе впервые поняло глубокій внутренній смыслъ этого романа и его историческое значеніе, прочитавъ „Дворянское гнѣздо“ и „Обломова“ (такъ разсказываетъ намъ человѣкъ того поколѣнія, проф. В. Ключевскій, къ остроумной статьѣ котораго „Евгеній Онѣгинъ и его предки“ мы еще обратимся). „Предисловіе“ стало вполнѣ яснымъ только послѣ появленія „послѣсловія“; родоначальникъ „лишнихъ людей“ сталъ понятнымъ для историка культуры и общественной мысли только послѣ появленія на сценѣ всѣхъ своихъ потомковъ, вплоть до Рудина и Лаврецкаго. Болѣе того, когда пришли и прошли шестидесятые годы, когда жестокое развѣнчиваніе Писаревымъ Пушкина (именно за „Евгенія Онѣгина“) отошло уже въ область исторіи, когда и семидесятые годы подходили къ концу, то тутъ стало еще яснѣе все значеніе Онѣгина въ исторіи русской интеллигенціи, стало ясно, что не только Рудины и Лаврецкіе, но и Базаровы, и кающіеся дворяне необъяснимы безъ Онѣгина. Достоевскій въ своей знаменитой пушкинской рѣчи 1880-го года ясно и рѣзко сформулировалъ этотъ „онѣгинскій вопросъ“, сводя его къ вопросу о разобщенности „интеллигенціи“ и „народа“, и этимъ вернулся отчасти къ классическому объясненію Бѣлинскаго.

Итакъ, значеніе „Евгенія Онѣгина“ открывалось лишь мало-по-малу цѣлому ряду поколѣній. По мѣрѣ того, какъ

въ русской жизни и литературѣ появлялись одинъ за другимъ различные потомки Онѣгина—Печорины и Грушницкіе, уѣздные Гамлеты и Рудины, Чулкатурины и Лаврецкіе—становилось яснымъ значеніе самого Онѣгина, выяснялось его происхожденіе; познакомившись съ потомками Онѣгина, возстановляли историко-генетическую линію его предковъ. Выяснялось, такимъ образомъ, *громадное значеніе „Евгенія Онѣгина" для исторіи литературныхъ типовъ*; а вѣдь литературный типъ является только фиксированіемъ жизни, закрѣпленіемъ ея въ художественномъ творчествѣ. Это съ одной стороны. Съ другой—слишкомъ яснымъ является *громадное значеніе „Евгенія Онѣгина" для исторіи творчества самого Пушкина*, для послѣдняго уясненія духовнаго облика великаго поэта. Почти девять лѣтъ лучшаго періода своей жизни Пушкинъ трудился надъ этимъ своимъ любимѣйшимъ произведеніемъ, то работая запоемъ („пишу съ упоеньемъ"), то надолго забрасывая работу („Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ я его не бросилъ"), то снова возвращаясь къ своему роману. Съ весны 1823-го по осень 1831-го года Пушкинъ писалъ этотъ свой романъ, переписывалъ, набрасывалъ на-черно строфы, безпощадно маралъ и передѣлывалъ ихъ. Вся его жизнь за этотъ періодъ времени, его духовное развитіе, стихійная мудрость его отношенія къ міру, къ людямъ, къ жизни—все это отражалось въ строфахъ „Евгенія Онѣгина". Самъ Пушкинъ видѣлъ въ своемъ романѣ

... собранье пестрыхъ главъ
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Но, конечно, мы найдемъ въ этомъ романѣ не только холодныя наблюденія ума и горестныя замѣты сердца; мы найдемъ въ немъ прежде всего цѣльное и ясное пониманіе міра, пониманіе жизни, найдемъ то, что можно назвать безсознательнымъ и стихійнымъ міровоззрѣніемъ и міровосчувствованіемъ Пушкина.

Такимъ образомъ, выясняются двѣ стоящія передъ нами задачи. Громадное значеніе „Евгенія Онѣгина“, во-первыхъ, для исторіи литературныхъ типовъ и, во-вторыхъ, для исторіи творчества и міровоззрѣнія самого Пушкина заставляетъ насъ изучать этотъ романъ, во-первыхъ, какъ проявленіе и отраженіе русской жизни опредѣленной эпохи и, во-вторыхъ, какъ проявленіе и отраженіе взглядовъ самого Пушкина на всю эту жизнь въ ея цѣломъ. *„Евгеній Онѣгинъ“ и Россія XVIII и XIX вв.*—съ одной стороны, *„Евгеній Онѣгинъ“ и міровоззрѣніе Пушкина*—съ другой стороны: вотъ двѣ темы, которыхъ, конечно, мы не можемъ исчерпать на послѣдующихъ страницахъ; но именно эти двѣ темы опредѣляютъ собой все содержаніе настоящаго очерка.

II.

„Онѣгинъ,—говоритъ Бѣлинскій,—есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазіи, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась бы съ такой полнотой, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ „Онѣгинѣ“ личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Оцѣнить такое произведеніе—значитъ оцѣнить самого поэта во всемъ объемѣ его творческой дѣятельности“. Этими извѣстными и глубоко вѣрными словами Бѣлинскій начинаетъ свою статью объ „Евгеніи Онѣгинѣ“; эти же слова приводитъ Писаревъ въ началѣ своей статьи „Пушкинъ и Бѣлинскій“ („Русское Слово“ 1865 г., № 4, стр. 1). Какъ извѣстно, основываясь на этихъ словахъ, Писаревъ и приступилъ къ „развѣнчиванію“ Пушкина: отождествивъ Пушкина съ Онѣгинымъ и „доказавъ“ ничтожность послѣдняго, Писаревъ вынесъ Пушкину безапелляціонный обвинительный приговоръ, признавъ его за „легкомысленнаго версификатора..., погруженнаго въ созерцаніе мелкихъ личныхъ ощущеній и совершенно неспособнаго анализировать и понимать великіе общественные и философскіе вопросы нашего вѣка“... (ibid., № 6, стр. 66). Этотъ вы-

водъ навсегда останется образцомъ историко-литературнаго курьеза; тѣмъ болѣе необходимо подчеркнуть, что исходная точка Писарева вполнѣ сохраняетъ свое значеніе. Вслѣдствіе цѣлаго ряда сложныхъ общественныхъ условій, Писаревъ не сумѣлъ понять ни „Евгенія Онѣгина", ни Пушкина, но онъ ясно чувствовалъ существующую между Пушкинымъ и Онѣгинымъ тѣсную связь; онъ понялъ ее слишкомъ грубо, слишкомъ примитивно, сочтя ее простымъ тождествомъ, но онъ былъ правъ по существу: жизнь Пушкина и жизнь Онѣгина тѣсно переплетаются, и распутать эту связь—значитъ сдѣлать первый шагъ къ пониманію всего романа. Поэтому мы прежде всего прослѣдимъ шагъ за шагомъ за такъ хорошо извѣстной каждому изъ насъ шумной и неудачной жизнью Евгенія Онѣгина, намѣчая попутно хронологическую нить событій; мы изложимъ краткую біографію Онѣгина, изучая его не только, какъ нѣкоторый общественный типъ, но и какъ рѣзко опредѣленную индивидуальность, ибо намъ интересенъ тотъ Евгеній Онѣгинъ, который былъ одно время другомъ Пушкина, съ которымъ они собирались вмѣстѣ „увидѣть чуждыя страны", котораго черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ неожиданно встрѣтилъ въ Одессѣ... На этомъ пути мы дойдемъ до кое-какихъ, быть можетъ, не лишенныхъ интереса выводовъ. —

Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,—

этими словами Пушкинъ начинаетъ біографію своего друга (глава I, строфа 2). Объ отцѣ и предкахъ Евгенія Онѣгина рѣчь будетъ впереди, а пока намъ слѣдуетъ возстановить годъ рожденія Онѣгина: онъ родился въ 1796 г., ибо послѣ убійства Ленскаго и передъ путешествіемъ по Россіи Онѣгину былъ двадцать шестой годъ („доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ до двадцати шести годовъ" VIII, 12), а это случилось, какъ будетъ показано ниже, въ 1821 году.

Въ Петербургѣ прошло все дѣтство, вся юность Евгенія: мы знаемъ, что „сперва madame за нимъ ходила, затѣмъ monsieur ее смѣнилъ" и сталъ „учить его всему шутя", — пока научившемуся „чему-нибудь и какъ-нибудь"

Евгенію пришла пора „увидѣть свѣтъ“; тогда „monsieur прогнали со двора“ (I, 4). Это событіе—появленіе Онѣгина въ „свѣтѣ“ — случилось въ 1812 году. Ибо, во-первыхъ, мы знаемъ изъ черновыхъ рукописей романа, что „лѣтъ шестнадцати мой другъ окончилъ курсъ своихъ наукъ“, а, значитъ, это было въ 1796 + 16 = 1812 году; а во-вторыхъ, Пушкинъ сообщаетъ, что на жизнь въ „свѣтѣ“ Онѣгинъ „убилъ восемь лѣтъ“, бросилъ же онъ „свѣтъ“ и уединился въ своей деревнѣ въ 1820 году, какъ увидимъ ниже; опять-таки 1820 — 8 = =1812 г. Итакъ, Онѣгинъ появился въ „свѣтѣ“ въ 1812-мъ году—и для него началась угарная, однообразная и пестрая свѣтская жизнь. Интересно отмѣтить, что самъ Пушкинъ, въ дошедшихъ до насъ автобіографическихъ набросках, относитъ къ 1812 году свое первое появленіе въ „свѣтѣ“...

„Наука страсти нѣжной“, балетъ, вечера и балы, „красотки молодыя“, днемъ — сонъ, ночью — скука на балахъ: „вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ, утратя жизни лучшій цвѣтъ“ (IV, 9). Вся первая глава романа посвящена описанію послѣдняго года этой свѣтской жизни Онѣгина въ сезонъ 1819—1820 года: „первая глава, — писалъ въ предисловіи къ ея первому и второму изданію Пушкинъ — ...заключаетъ въ себѣ описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодого человѣка въ концѣ 1819 года“... Кстати замѣтить, что это былъ также послѣдній годъ свѣтской петербургской жизни Пушкина до его ссылки въ Бессарабію; окончивъ въ 1817 году Лицей, Пушкинъ прожилъ цѣлыхъ три года той же угарной свѣтской жизнью, какую онъ описалъ позднѣе въ „Евгеніи Онѣгинѣ“; такая жизнь очень скоро, однако, пріѣлась Пушкину. Къ этому времени (1819—1820 гг.) относится начало его дружбы съ Онѣгинымъ:

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время... (I, 45).

И въ слѣдующихъ строфахъ этой главы Пушкинъ нѣсколькими штрихами описываетъ черты этой дружбы; въ дружбѣ этой Онѣгинъ игралъ роль пушкинскаго Демона „духа отрицанія, духа сомнѣнія“, который такъ ярко проявился въ среднемъ періодѣ развитія Пушкина и преодолѣ-

ніе котораго является—мы это увидимъ—ключемъ ко всему гармоничному и ясному міровоззрѣнію нашего поэта.

Дружба Пушкина съ Онѣгинымъ продолжалась; они собирались даже вмѣстѣ ѣхать за границу, „но скоро были судьбою на долгій срокъ разведены“: у Онѣгина скончался отецъ, а вслѣдъ за нимъ, въ началѣ лѣта 1820 года, умеръ дядя, „деревенскій старожилъ“, оставившій Онѣгину въ наслѣдство свою деревню со включеніемъ „заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель“. И въ то время, когда Пушкинъ, въ началѣ мая 1820 года, уѣзжалъ изъ Петербурга въ свою бессарабскую ссылку, Онѣгинъ „летѣлъ въ пыли на почтовыхъ“ получать наслѣдство умирающаго дяди; съ этого и начинается романъ.

Возстановимъ въ краткихъ чертахъ дальнѣйшую хронологическую нить событій жизни Евгенія Онѣгина.

Итакъ, съ лѣта 1820 года Онѣгинъ поселился въ деревнѣ. Во второй, третьей и четвертой главахъ (до 40 строфы), время дѣйствія—лѣто 1820 года: тутъ знакомство и съ Ленскимъ, и съ Лариными, тутъ и любовь Татьяны, и ея письмо къ Онѣгину, и его отвѣтная проповѣдь... Строфы 40 и 41 четвертой главы—осень 1820 года; конецъ главы—зима этого же года. Время дѣйствія пятой и шестой главъ можно опредѣлить еще точнѣе: это январь 1821 года. Гаданье и сонъ Татьяны—въ крещенскій сочельникъ, ея именины и балъ у Лариныхъ—12 января. Кстати сказать: Пушкинъ устами Ленскаго сообщаетъ намъ, что „Татьяны именины въ субботу“ (IV, 49); но это несомнѣнная licentia poetica, такъ какъ въ дѣйствительности 12 января 1821 года приходилось на среду... [1]). Черезъ день послѣ бала—дуэль Онѣгина съ Ленскимъ и смерть Ленскаго; это было, слѣдовательно, 14-го января 1821 года. Описаніемъ весны этого же года начинается седьмая глава романа. Онѣгина уже нѣтъ въ деревнѣ:

[1]) Согласно изысканіямъ гг. Шлякова и Степанова (см. «Извѣстія отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ» 1905 г., т. X, кн. 3, стр. 264, и 1908 г., т. XIII, кн. 2, стр. 108—109), «Татьяны именины въ субботу» были въ 1818 и 1824 гг.; но эти года совершенно не подходятъ къ очень стройному хронологическому остову романа Пушкина. Другіе годы, въ которые 12 января приходилось на субботу,—напримѣръ, 1807 или 1829,—подходятъ еще менѣе.

онъ уже уѣхалъ сперва въ Петербургъ, а потомъ („іюня третьяго числа")—скитаться по Россіи; невѣста убитаго Ленскаго „не долго плакала" и лѣтомъ того же года вышла замужъ за улана. А въ началѣ зимы бѣдную Татьяну везутъ „въ Москву, на ярманку невѣстъ"; ее привозятъ туда въ началѣ новаго, 1822 года (только-что минулъ рождественскій сочельникъ, см. VII, 41). Ее вывозятъ на балы,—и Пушкинъ, заканчивая главу, „поздравляетъ съ побѣдою Татьяну милую свою": она становится княгинею, выходитъ замужъ за „толстаго генерала"; это происходитъ въ концѣ того же 1822-го или въ самомъ началѣ 1823 года (ибо, какъ увидимъ ниже, къ осени 1824 года она замужемъ уже „около двухъ лѣтъ").

А Онѣгинъ въ это время—съ „іюня третьяго числа" 1821 года (см. „Странствіе Онѣгина", строфа III) — скитается по Россіи: онъ ѣдетъ по Волгѣ, попадаетъ на Кавказъ, оттуда въ Крымъ; въ 1823 году посѣщаетъ Бахчисарай („спустя три года вслѣдъ за мною",—пишетъ Пушкинъ, ibid., XVII, а Пушкинъ былъ въ Бахчисараѣ въ сентябрѣ 1820 года). Изъ Крыма Онѣгинъ неожиданно пріѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ въ то время—съ начала іюля 1823 по конецъ іюля 1824 года—жилъ Пушкинъ.

. . . . Какимъ же изумленьемъ,
Судите, былъ я пораженъ,
Когда ко мнѣ явился онъ
Неприглашеннымъ привидѣньемъ,
И какъ заахали друзья,
И какъ обрадовался я! (Ibid., XXVII).

Но недолго друзья пробыли вмѣстѣ въ Одессѣ: „недолго вмѣстѣ мы бродили по берегамъ Эвксинскихъ водъ; судьбы насъ снова разлучили..." Пушкинъ уѣхалъ 30-го іюля 1824 г. изъ Одессы въ Михайловское, „подъ сѣнь лѣсовъ Тригорскихъ", а Онѣгинъ, не разсѣявъ своей тоски въ скитаніяхъ, около того же времени вновь „пустился къ Невскимъ берегамъ". Въ началѣ сезона 1824 — 1825 г. Онѣгинъ, послѣ трехлѣтнихъ скитаній, возвратился въ Петербургъ: „возвратился и попалъ, какъ Чацкій, съ корабля на балъ" (VIII, 13). Тутъ онъ встрѣчаетъ Татьяну — теперь уже княгиню, уже замужнюю „около двухъ лѣтъ" (VIII, 18). Вся восьмая глава

посвящена переживаніямъ Онѣгина этой зимой 1824—1825 г. Въ началѣ весны 1825 года (см. VIII, 39) происходитъ послѣднее объясненіе Татьяны съ Онѣгинымъ—и этимъ объясненіемъ заканчивается романъ; мы навсегда разстаемся съ Онѣгинымъ.

III.

Таковъ возстановленный нами точный хронологическій остовъ романа, несомнѣнно имѣвшійся въ виду самимъ Пушкинымъ. „Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю“,—иронически отвѣчалъ Пушкинъ критикамъ, находившимъ анахронизмъ въ третьей главѣ (изъ-за опечатки: *зимой летятъ* вмѣсто *домой летятъ*, III, 4). Говоря такъ, какъ видимъ теперь, Пушкинъ не только иронизировалъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ дѣйствительно имѣлъ передъ своими глазами возстановленную выше хронологическую канву романа. Предположить это вполнѣ необходимо: иначе совершенно невѣроятными являются всѣ эти точныя совпаденія событій жизни Пушкина и Онѣгина, причемъ нѣкоторыя изъ датъ получаются отсчитываніемъ отъ одного года назадъ, другія — присчитываніемъ отъ другого года впередъ, какъ мы только-что дѣлали, возстановляя эту хронологическую схему. Вѣроятность случайныхъ совпаденій до того ничтожна (ее легко вычислить математически), что почти съ полной увѣренностью мы можемъ сказать: Пушкинъ, несомнѣнно, самъ составилъ приведенную выше хронологическую канву своего романа.

Это интересно во многихъ отношеніяхъ. Не говоря уже о томъ, что интересно по отдѣльнымъ разбросаннымъ хронологическимъ замѣчаніямъ Пушкина возстановить ту страничку, которая несомнѣнно была въ пушкинскихъ черновикахъ, хотя и совершенно не дошла до насъ; не говоря уже объ этомъ, еще болѣе важными представляются два другіе вывода. Первый и главный—это та тѣсная переплетенность событій жизни Онѣгина и жизни самого Пушкина, которую мы подчеркнемъ нѣсколько ниже, изучая „Евгенія Онѣгина“,

какъ проявленіе и отраженіе чувствъ самого поэта. Второй выводъ, ясный и по другимъ соображеніямъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, заключается въ подтвержденіи того обстоятельства, что *самъ Пушкинъ вполнѣ намѣренно и совершенно опредѣленно ограничилъ время дѣйствія своего романа 1820—1825 годами.* Это важно вотъ почему.

Герценъ въ своей извѣстной книжкѣ „Du développement des idées revolutionnaires en Russie" счелъ Онѣгина слѣдствіемъ „печальныхъ годовъ, послѣдовавшихъ за 14 декабря 1825 г.", и мнѣніе это стало одно время почти общепринятой формулой. Герценъ имѣлъ право на свой выводъ потому, что онъ могъ руководствоваться только *годами появленія* „Евгенія Онѣгина" въ печати, а мы знаемъ, что это были какъ-разъ 1825—1832 годы. Но непонятно, какимъ образомъ мнѣніе это могло сохранить силу въ глазахъ тѣхъ историковъ нашего общественнаго развитія, которые знали *годы написанія* отдѣльныхъ главъ „Евгенія Онѣгина", а это стало общеизвѣстно въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ появленія анненковскаго изданія сочиненій Пушкина. Стало извѣстно, что къ концу 1825 года было закончено почти пять главъ — около 273 строфъ изъ всѣхъ 410 строфъ романа, т.-е. ровно 2/3 его; къ веснѣ 1826 года были закончены первыя шесть главъ романа, въ которыхъ Онѣгинъ обрисованъ уже съ ногъ до головы. Однако, несмотря на это, многіе продолжали держаться явно ошибочнаго герценовскаго мнѣнія. Въ своей интересной рѣчи въ собраніи московскаго университета 6 іюня 1880 г. проф. В. О. Ключевскій подчеркнулъ, что потомки служилаго русскаго дворянства были съ 1815 по 1825 годъ декабристами, а съ 1825 года разбитые декабристы стали лишними людьми; изъ записокъ и воспоминаній декабристовъ мы знаемъ, — говоритъ Ключевскій, — „чѣмъ *были* Онѣгины послѣ 1815 года; поэма Пушкина разсказываетъ, чѣмъ *стали* они послѣ 1825 года..." Формула эта совершенно вѣрна, поскольку она относится къ Онѣгинымъ, но она совершенно ошибочна, поскольку касается Евгенія Онѣгина. Дѣйствительно, на почвѣ эпохи, послѣдовавшей за 14 декабря, выросли всѣ духовные потомки Евгенія Онѣгина, всѣ многочисленныя разновидности Онѣгиныхъ, но пушкинскій Евгеній Онѣгинъ сформи-

ровался, какъ типъ, несомнѣнно до 1825 года. Евгеній Онѣгинъ есть именно типъ двадцатыхъ годовъ, показывающій намъ вовсе не то, чѣмъ *стали* сторонники декабризма послѣ 1825 года, а то, чѣмъ *были* нѣкоторые русскіе люди какъразъ въ эпоху декабризма, т.-е. въ десятилѣтіе 1815—1825 годовъ. Это неоспоримо хотя бы по одному тому, что Онѣгинъ былъ вполнѣ нарисованъ Пушкинымъ въ 1823—1825 гг.; это подтверждается и полученнымъ нами выводомъ, что самъ Пушкинъ совершенно точно опредѣлилъ время дѣйствія своего романа пятилѣтіемъ съ 1820 по 1825 годъ. Конечно, этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ седьмой главѣ романа „большой свѣтъ" описанъ Пушкинымъ по его впечатлѣніямъ 1827—1830 гг., что впечатлѣнія и настроенія этихъ лѣтъ отразились на двухъ послѣднихъ главахъ романа; несомнѣнно то, что впечатлѣнія эти не отразились и не могли отразиться на уже вполнѣ законченномъ къ тому времени типѣ Евгенія Онѣгина. Правда, по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ романъ, мѣнялось его отношеніе къ Онѣгину, но иначе, конечно, и быть не могло. Пушкинъ началъ писать романъ „буйнымъ юношей", а кончилъ его зрѣлымъ мужемъ; постепенное преодолѣніе Онѣгина—это, какъ мы уже замѣтили, ключъ къ пониманію развитія пушкинскаго міросозерцанія. Отношеніе Пушкина къ Онѣгину измѣнялось, измѣнялось пушкинское пониманіе Онѣгина, но, обрисованный съ самаго начала твердой рукой, Онѣгинъ оставался величиной постоянной.

Итакъ, повторяю еще разъ: Евгеній Онѣгинъ есть типъ, вполнѣ сформировавшійся уже въ 1820 году; Пушкинъ рисовалъ этотъ типъ въ 1823—1826 гг.; дѣйствіе романа отнесено самимъ Пушкинымъ къ 1820—1825 годамъ [1]). Все это достаточно ясно вскрываетъ непростительный, но довольно обычный анахронизмъ объясненія онѣгинскаго типа результатами и слѣдствіями катастрофы 14 декабря. Дѣйствительно, широкое распространеніе онѣгинства, словно эпидемической болѣзни, въ различныхъ кругахъ русскаго общества тридца-

---

[1]) Еще одно подтвержденіе послѣдняго обстоятельства легко найти въ новооткрытой десятой главѣ «Евгенія Онѣгина».

тыхъ и сороковыхъ годовъ, въ значительной мѣрѣ объясняется николаевской системой оффиціальнаго мѣщанства; но при чемъ же тутъ самъ Евгеній Онѣгинъ? И какъ можно объяснять характеръ и типъ человѣка событіями *послѣдующаго* десятилѣтія? Существованіе „лишнихъ людей", духовныхъ потомковъ Онѣгина можно объяснять николаевской системой, но, чтобы понять самого Евгенія Онѣгина, мы должны подняться къ истокамъ русской жизни XVIII вѣка, познакомиться съ предками Онѣгина. Надо узнать, нѣтъ ли въ прошломъ какихъ-либо явленій, которыми можно было бы объяснить существованіе онѣгинскаго типа въ эпоху декабризма. Вѣдь не какъ deus ex machina появился Онѣгинъ въ русской жизни; вѣдь были же соціальныя условія и причины, способствовавшія нарожденію этого типа. Когда мы соединимъ эти общія причины съ частнымъ фактомъ, съ уже извѣстной намъ біографіей Евгенія Онѣгина, то тогда только мы будемъ въ состояніи понять самого Онѣгина и оцѣнить значеніе этого типа въ русской жизни.

IV.

Вопросъ о предкахъ „лишнихъ людей", а значитъ и о предкахъ Евгенія Онѣгина, былъ уже давно блестяще и тонко разработанъ Тургеневымъ въ его родословной Лаврецкаго (Дворянское гнѣздо, гл. VIII); позднѣе мысль Тургенева развилъ и дополнилъ проф. В. Ключевскій въ своей остроумной статьѣ „Евгеній Онѣгинъ и его предки" („Русская Мысль", 1887 г. № 2, стр. 291 — 306). Мы остановимся на той историко-генетической нити, которую прослѣживаютъ и Тургеневъ и Ключевскій. Оба они видятъ предковъ Онѣгина въ старинномъ служиломъ русскомъ дворянствѣ, которое въ теченіе всего XVIII вѣка, послѣ революціонной реформы Петра, приспособлялось къ различнымъ быстро смѣнявшимся вѣяніямъ и теченіямъ. Школьная латынь и религіозныя разномыслія русской жизни конца XVII вѣка смѣняются военно-технической выучкой эпохи Петра; затѣмъ идетъ бироновщина, за нею — гвардейскіе

кутежи елизаветинской эпохи, и, наконецъ, европейская лощеность двора Екатерины. Не успѣвало одно поколѣніе служилаго дворянства приспособиться къ новому пути, какъ неожиданный толчокъ выбивалъ его изъ колеи и бросалъ на непроторенную дорогу, къ которой снова приходилось приспособляться. Прапрадѣдъ Евгенія Онѣгина былъ, вѣроятно, чѣмъ-нибудь въ родѣ Гаврилы Аѳанасьевича Ржевскаго (изъ пушкинскаго „Арапа Петра Великаго“): въ юности—походы въ Крымъ, позднѣе—молчаливая оппозиція петровскимъ реформамъ. Но несмотря на эту оппозицію, ему пришлось отдать своего сына въ петровскій полкъ или волей-неволей послать за границу. Этотъ прадѣдъ Евгенія Онѣгина, родившійся, вѣроятно, въ самомъ началѣ XVIII вѣка, былъ либо, подобно прадѣду Пушкина, чѣмъ-нибудь въ родѣ каптенармуса лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, либо изучалъ за границей навигацію и фортификацію; сынъ его, дѣдъ Евгенія Онѣгина, тоже прошелъ въ ранней юности черезъ военную выправку школы Петра, тоже ломалъ голову надъ навигаціей и остался совершенно не у дѣлъ въ эпоху Елизаветы, когда всѣ эти навигаціи оказались въ совершенномъ загонѣ. Тогда, вѣроятно, онъ, подобно Андрею Петровичу Гриневу (отцу героя „Капитанской дочки“), вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ и поселился въ своей деревнѣ, гдѣ впослѣдствіи съ желчью и досадой читалъ получаемый имъ ежегодно „Придворный Календарь“, пожимая плечами и повторяя вполголоса: „Генералъ-поручикъ!.. Онъ у меня въ ротѣ былъ сержантомъ!.. Обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ!.. А давно ли мы?..“ Когда у него въ серединѣ XVIII вѣка родился сынъ, то онъ записалъ его сержантомъ въ Семеновскій полкъ и въ свое время — вопреки тому, что̀ разсказано въ „Капитанской дочкѣ“—отправилъ его въ Петербургъ получать свѣтское воспитаніе и дѣлать карьеру. Такъ какъ этотъ „гвардіи сержантъ“ былъ отцомъ Евгенія Онѣгина, то намъ слѣдуетъ остановиться на немъ немного подробнѣе.

Къ шестилѣтнему гвардейцу—говоритъ объ отцѣ Евгенія Онѣгина В. Ключевскій — выписывали какого-нибудь M-r Raoult, который не только могъ „преподавать le français“,

„но и въ томъ, что̀ называется belles lettres—былъ гораздо свѣдущъ". Кромѣ того, быть можетъ по совѣту этого же „гораздо свѣдущаго" француза, „отецъ выписывалъ для сына изъ Голландіи, пріюта французскихъ мыслителей, библіотеку assez bien choisie изъ лучшихъ французскихъ поэтовъ и историковъ, и лѣтъ съ 12-ти гвардейскій сержантъ уже освоивался съ Расиномъ, Корнелемъ, Буало и даже съ самимъ Вольтеромъ". Немного позднѣе юноша ѣхалъ за границу — конечно въ Парижъ, гдѣ на него смотрѣли какъ на русскаго дикаря; вернувшись на родину, онъ поступалъ на службу въ какую-нибудь Комиссаріатскую комиссію и самъ начиналъ считать всѣхъ русскихъ дикарями. Онъ былъ типичнымъ „вольтерьянцемъ" и, разумѣется (подобно и отцу Пушкина), членомъ масонской ложи какого-нибудь „Сѣвернаго Щита". Но вольтерьянство — само по себѣ, а крѣпостничество—само по себѣ: въ этомъ была наиболѣе характерная черта всѣхъ людей этого поколѣнія; Вольтеръ и Руссо съ одной стороны, конюшня и арапникъ съ другой вполнѣ совмѣщались въ громадномъ большинствѣ русскихъ „культурныхъ" людей конца XVIII вѣка. Объ этомъ много говорилось и писалось, но никто не вскрылъ этого явленія глубже, лучше и художественнѣе, чѣмъ Тургеневъ: вспомните его „Дворянское гнѣздо". Европейская лощеность и западное просвѣщеніе были только внѣшней оболочкой этихъ вольтерьянцевъ и крѣпостниковъ XVIII вѣка, иногда только позой, о которой такъ ядовито писалъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ" Пушкинъ:

Намъ просвѣщенье не пристало
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего (II, 24).

Таковы были отцы, таковы были предки Онѣгиныхъ; такое духовное наслѣдство получилъ Евгеній Онѣгинъ. Въ наслѣдствѣ этомъ наиболѣе характерными являются двѣ черты, которыя необходимо обрисовать съ возможной рельефностью. Это, во-первыхъ, отмѣченное Пушкинымъ „жеманство", поза; во-вторыхъ—это разладъ со средой, возрастающій съ каждымъ новымъ поколѣніемъ.

Обратите вниманіе: отъ прапрадѣда Евгенія Онѣгина до его отца мы имѣемъ прогрессивно возрастающій разладъ со средой. Тутъ рѣчь идетъ не о томъ расхожденіи „интеллигенціи“ и „народа“, которое было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ петровской революціи, которое стало трагичнымъ для русской интеллигенціи только во второй половинѣ минувшаго вѣка и которое въ наши дни нѣкоторые наивные публицисты открываютъ точно какую-то новую Америку. Нѣтъ, тотъ разладъ, о которомъ мы говоримъ по поводу предковъ Онѣгина, есть не только ихъ расхожденіе съ народомъ, но и разладъ съ ихъ же средой, съ массой приспособившихся людей, съ той соціальной сословной атмосферой, которой дышали всѣ эти люди. Массы людей всегда приспособляются къ средѣ и составляютъ ту плотную стѣну духовнаго мѣщанства, передъ которой иногда опускаются въ безсиліи руки даже самыхъ сильныхъ людей. Эти сравнительно немногіе сильные духомъ люди, представители индивидуализма, представители настоящей интеллигенціи, не примиряются съ пассивнымъ приспособленіемъ къ средѣ; ихъ задача обратная—приспособленіе среды къ вѣчно новымъ запросамъ человѣческаго духа. А между этими двумя берегами мѣщанства и индивидуализма, между молотомъ и наковальней — находятся люди, не умѣющіе ни приспособиться къ средѣ, ни приспособить ее. Ихъ можно назвать вообще „лишними людьми“; ихъ можно найти всюду и вездѣ—во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ; они — типичные „ни павы, ни вороны“, отставшіе отъ одного берега и не приставшіе къ другому.

Этотъ „лишній человѣкъ“—не *типъ* своего времени, ибо такимъ типомъ является человѣкъ массы, представитель мѣщанства; но онъ и не *исключеніе*, такъ какъ такимъ исключеніемъ является представитель индивидуализма своей эпохи. Кто же въ такомъ случаѣ этотъ лишній человѣкъ? Онъ— *типическое исключеніе* (по счастливому выраженію Ключевскаго); онъ слишкомъ типиченъ, чтобы быть исключеніемъ и достаточно исключителенъ, чтобы быть типомъ. Все это относится ко всѣмъ лишнимъ людямъ всѣхъ эпохъ; но бываютъ эпохи, особенно благопріятствующія появленію лишнихъ людей — и именно такой эпохой русской обще-

ственной жизни было столѣтіе съ середины XVIII по середину XIX вѣка. Все сказанное выше относится ко всѣмъ предкамъ Онѣгина и притомъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ ближе мы подходимъ къ самому Евгенію Онѣгину. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ" все это впервые закрѣпляется геніальнымъ художникомъ; отмѣченная нами черта достигаетъ въ немъ своего апогея и дѣлаетъ Онѣгина настоящимъ духовнымъ родоначальникомъ всѣхъ лишнихъ людей послѣдующихъ поколѣній.

Вторая характерная черта — отмѣченная Пушкинымъ „поза", „жеманство" — является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ первой. Вспомните, сколько неестественныхъ позъ, сколько жеманныхъ гримасъ пришлось перемѣнить предкамъ Онѣгина, начиная со временъ петровской реформы! Разладъ со средой шелъ crescendo, а потому и позы становились все неестественнѣе, пока не достигли своего апогея опять-таки въ Евгеніи Онѣгинѣ. У предковъ Онѣгина, и чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ больше, „были естественныя позы, нервные судорожные жесты, вызывавшіеся мѣстными неловкостями общихъ положеній, — скажемъ мы въ послѣдній разъ словами Ключевскаго. — Эти неловкости чувствовались далеко не всѣми, но жесты и мины тѣхъ, кто ихъ чувствовалъ, были всѣмъ замѣтны, бросались всѣмъ въ глаза, запоминались надолго, становились предметомъ художественнаго воспроизведенія. Люди, которые испытывали эти неловкости, не были какіе-либо особые люди, были какъ всѣ, но ихъ физіономіи и манеры не были похожи на общепринятыя. Это были не герои времени, а только сильно подчеркнутые отдѣльные нумера, стоявшіе въ ряду другихъ, *общія мѣста*, *напечатанныя курсивомъ*. Такъ какъ масса современниковъ, усѣвшихся болѣе или менѣе удобно, рѣдко догадывалась о причинѣ этихъ ненормальностей и считала ихъ капризами отдѣльныхъ лицъ, не хотѣвшихъ сидѣть, какъ сидѣли всѣ, то эти несчастныя жертвы неудобныхъ позицій слыли за чудаковъ, иногда даже „печальныхъ и опасныхъ". — И чѣмъ ближе дѣло шло къ началу XIX вѣка, къ типу самого Евгенія Онѣгина, тѣмъ ярче и рельефнѣе проявлялись эти характерныя черты лишнихъ людей, и въ этомъ случаѣ Евгеній Онѣгинъ является

опять-таки истиннымъ родоначальникомъ лишнихъ людей послѣдующихъ поколѣній.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ условія, которыя объясняютъ не только причины появленія Онѣгиныхъ, но и самый характеръ Евгенія Онѣгина. Теперь, зная и его происхожденіе, и его личную біографію, мы можемъ вплотную подойти къ изученію этого *типическаго исключенія* русской жизни двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка.

V.

Теперь ясно: не какъ deus ex machina явился Евгеній Онѣгинъ въ русской жизни начала XIX вѣка; нѣтъ, онъ былъ

Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ (I, 2)

—и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ. Онъ былъ наслѣдникомъ не только денегъ и долговъ, „заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель“ своихъ предковъ, но и духовныхъ свойствъ ихъ, ихъ характерныхъ чертъ. Между этими двумя родами наслѣдствъ есть большая разница: отъ денегъ и долговъ своихъ предковъ можно отказаться, если пассивъ больше актива, а отъ духовныхъ свойствъ — нельзя. Когда умеръ отецъ Евгенія Онѣгина—тотъ самый, который „земли отдавалъ въ залогъ“, жилъ долгами, „давалъ три бала ежегодно и промотался наконецъ“ (I, 3)—и когда „передъ Онѣгинымъ собрался заимодавцевъ жадный полкъ“, то Онѣгинъ—

Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалека.
Кончину дяди-старика (I, 51).

Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности отказаться тѣмъ же способомъ отъ другого рода наслѣдства—отъ наслѣдственности... Ее всегда получаютъ полностью, независимо отъ того, чего въ ней больше — актива или пассива, и даже, пожалуй, въ послѣднемъ случаѣ ее получаютъ съ особенной щедростью и неизбѣжностью.

Такова была судьба и Евгенія Онѣгина. „Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ", онъ получилъ отъ нихъ въ наслѣдство всѣ выясненныя выше черты разлада со средой, всю вѣковую изломанность духа, и притомъ всѣ эти типичныя черты достигли въ Онѣгинѣ исключительной степени. Конечно, все это старое наслѣдство вылилось въ новую форму, старый разладъ и изломанность задрапировались новымъ плащемъ, новой позой; но сущность осталась прежняя, наслѣдственная. „Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ"—вотъ геніальная формула, вскрывающая одновременно и старую сущность и новую позу. Да, Евгеній Онѣгинъ—„москвичъ" по своей духовной сущности, по тому наслѣдству, которое онъ получилъ отъ своихъ предковъ, типичныхъ moscovites civilisés; но эта его наслѣдственная сущность проявляется въ новой позѣ, „въ Гарольдовомъ плащѣ", потому что ко времени возмужалости Онѣгина старую позу вольтерьянства смѣнила новая поза—нарождающагося байронизма.

Мы знаемъ, когда наступила для Евгенія Онѣгина пора возмужалости, пора „юности мятежной... пора надеждъ и грусти нѣжной": это было въ эпоху войны съ Наполеономъ за освобожденіе Европы. Когда улеглась военная буря, когда въ 1815—1816 гг. русское служилое дворянство вернулось домой изъ европейскаго похода съ запасомъ новыхъ чувствъ, мыслей, идеаловъ, то яснѣе, чѣмъ раньше, обозначилось дѣленіе русскаго „культурнаго" общества на тѣ три слоя, о которыхъ у насъ была рѣчь выше. Съ одной стороны — та ко всему приспособляющаяся мѣщанская толпа, которую мало интересовали всѣ эти новые идеалы и чувства; съ другой—та сравнительно небольшая группа интеллигенціи, дѣятельностью которой характеризуется вся исторія русской общественной мысли эпохи 1815—1825 г., т.-е. будущіе декабристы, и наконецъ, посрединѣ между этими двумя полюсами русской жизни — слабовольные, изломанные лишніе люди, „типическія исключенія", одинаково неспособные и смѣшаться въ толпѣ приспособляющейся массы и увлечься идеалами борьбы за приспособленіе среды.

Одинъ изъ такихъ „типическихъ исключеній" своего времени—Евгеній Онѣгинъ. Онъ не типъ своего сословія, своей

эпохи, потому что такимъ типомъ является тотъ человѣкъ массы, толпы, сплоченной посредственности, портретъ котораго Пушкинъ такъ удивительно нарисовалъ двумя-тремя штрихами въ десятой строфѣ послѣдней главы своего романа: это тотъ, кто постепенно созрѣвалъ, постепенно приспособлялся къ жизни и средѣ,

Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать—выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N.—прекрасный человѣкъ!

Евгеній Онѣгинъ—не этотъ „прекрасный человѣкъ" толпы, мѣщанства, сплоченной посредственности; самъ Пушкинъ беретъ его подъ свою защиту отъ тѣхъ людей, которымъ „посредственность одна... по плечу и не странна", которые хотѣли бы и въ Онѣгинѣ видѣть эту посредственность, хотѣли бы, чтобы и онъ былъ „добрый малый, какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ"... (VIII, 8—9). Но въ томъ-то и дѣло, что Онѣгинъ выше посредственности, хотя бы по одному тому, что скоро „ему наскучилъ свѣта шумъ", что имъ овладѣла хандра, что, бросивъ свѣтъ, не добиваясь ни денегъ, ни чиновъ, онъ засѣлъ за чтеніе: „отрядомъ книгъ уставилъ полку, читалъ, читалъ..." (I, 37—44). Нѣтъ, онъ не человѣкъ посредственности; отъ мѣщанскаго берега онъ отчалилъ безповоротно.

Но онъ не могъ пристать къ другому берегу, не могъ, въ силу полученнаго имъ духовнаго наслѣдства,—и въ этомъ вся трагедія Онѣгина, какъ и вообще всѣхъ лишнихъ людей. Онъ не могъ стать тѣмъ „исключеніемъ", какимъ были лучшіе представители декабризма; онъ былъ волею судебъ „наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ"... Не было силы воли, не было дисциплины ума, не было энергіи, настойчивости, вѣры въ себя. И Онѣгинъ не могъ бы стать ни членомъ Союза Благоденствія, ни членомъ кружка „любомудровъ"

двадцатыхъ годовъ, ни товарищемъ Павлова и Веневитинова, ни сотрудникомъ Пестеля, Муравьева, Николая Тургенева. А вѣдь теченіе „декабризма“ было тогда (послѣ 1816 года) въ полномъ блескѣ своего развитія; серьезные политическіе и соціальные вопросы волновали общество и стали модными даже среди „свѣтской черни“ того времени. Въ одномъ неоконченномъ произведеніи Пушкина („Отрывки изъ романа въ письмахъ“, 1831 г.), герой его, Владиміръ Z., представляющій собой варіацію типа Онѣгина, такъ вспоминаетъ въ письмѣ къ другу объ эпохѣ декабризма: „.... ты отсталъ отъ своего вѣка — и цѣлымъ десятилѣтіемъ. Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ къ 1818 году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ: намъ неприлично было танцовать и некогда заниматься дамами. Честь имѣю донести тебѣ, что это все перемѣнилось: французская кадриль замѣнила Адама Смита“... Такова была мода той эпохи, когда общественными вопросами и политической экономіей занялись даже свѣтскія дамы („иная дама толкуетъ Сея и Бентама“ I, 42). Сила моды захватила и Онѣгина; вѣдь мы знаемъ, что онъ „читалъ Адама Смита и былъ глубокій экономъ“ (какъ иронически сообщаетъ про своего друга самъ Пушкинъ),—

То-есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ... (I, 7).

Дальше этой характерной для эпохи двадцатыхъ годовъ амальгамы физіократизма съ фритредерствомъ Онѣгинъ не пошелъ, ограничившись салонными разговорами съ дамами объ Адамѣ Смитѣ, Сеѣ и Бентамѣ... И это какъ-разъ въ то время, когда Николай Тургеневъ печаталъ свой серьезный „Опытъ теоріи налоговъ“, а Пестель писалъ свою замѣчательную „Русскую Правду“. Онѣгинъ не могъ стать такимъ, сравнительно говоря, исключеніемъ изъ общаго типа приспособившихся къ жизни, точно такъ же, какъ не могъ стать и типичнымъ представителемъ такихъ приспособив-

шихся. Ему суждено было стать „типическимъ исключеніемъ“, ни павой, ни вороной, вѣчнымъ скитальцемъ между двумя полюсами русской жизни. И когда онъ, желая порвать съ нелѣпой жизнью среди „свѣтской черни“, заперся въ своемъ кабинетѣ и „отрядомъ книгъ уставилъ полку“, то онъ не могъ, несмотря на все свое желаніе, дойти и доплыть до другого берега: для этого у него не было достаточнаго запаса духовныхъ силъ. Онъ „читалъ, читалъ — а все безъ толку“: чтеніе не могло помочь ему побѣдить того разлада со средой, которымъ болѣли всѣ его предки. Приспособиться къ средѣ онъ не могъ: онъ былъ выше нея; приспособлять среду онъ тоже не могъ: у него для этого не хватало силы. Оставалась одна дорога—дорога непроизвольной, безсознательной „позы“, опять-таки полученной по наслѣдству отъ предковъ, и позой этой явилось *разочарованіе*:

Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ—а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ,
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна... (I, 44).

И разочарованіе это какъ-разъ пришлось ко времени, чтобы его можно было облечь въ новую тогу — въ „Гарольдовъ плащъ“; лишенный почвы, уставшій отъ нелѣпой жизни, лишній человѣкъ ищетъ опоры въ кстати нарождающемся байронизмѣ. Этимъ онъ окончательно входитъ въ рядъ своихъ предковъ; разладъ со средой и вѣковая изломанность духа достигаютъ въ Онѣгинѣ своего апогея, хотя и проявляются въ новой формѣ. И вотъ какъ-разъ къ тому времени, когда Онѣгины охладѣли къ „шуму свѣта“ и стали со скучающимъ видомъ то читать книги, то продолжать по инерціи жить въ свѣтѣ, какъ-разъ къ этому времени (1818—1820 гг.) появляются и въ жизни и въ литературѣ первые „москвичи въ Гарольдовомъ плащѣ“, первые байроническіе герои на русской почвѣ, появляются „Кавказскіе плѣнники“, Алеко, Онѣгины. Не потому появились они, что пришла мода на разочарованность, хандру, байронизмъ, а наоборотъ,

потому-то такъ и пришелся ко двору байронизмъ, что въ Онѣгиныхъ были уже налицо всѣ его элементы. Оттого-то и байронизмъ оказался у насъ такимъ руссифицированнымъ, такимъ московскимъ.

VI.

Кавказскій плѣнникъ, Алеко, Онѣгинъ—все это родные братья по духу и по историко-генетическому происхожденію; это одинъ и тотъ же типъ, почти одинъ и тотъ же характеръ, но въ различныхъ его проявленіяхъ, въ различныхъ положеніяхъ. И всѣ они нарисованы или, по крайней мѣрѣ, задуманы Пушкинымъ въ періодъ его южной ссылки 1820—1824 гг., т.-е. въ тотъ періодъ пушкинскаго творчества, который былъ отмѣченъ вліяніемъ Байрона. Интересно, однако, отмѣтить, что „Кавказскій плѣнникъ", въ которомъ Пушкинъ, по собственному признанію, хотѣлъ обрисовать свой же характеръ, былъ написанъ Пушкинымъ до знакомства съ Байрономъ, или, по крайней мѣрѣ, при самыхъ первыхъ шагахъ этого знакомства. Сравнительно недавно историки литературы обратили вниманіе на старое замѣчаніе критики двадцатыхъ годовъ, что въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" отразились черты вліянія Шатобріана, что въ „плѣнникѣ" нѣтъ почти никакихъ характерно-байроническихъ чертъ. Это лишній разъ подтверждаетъ, что байронизмъ былъ только одной изъ возможныхъ формъ проявленія „онѣгинства"; герои Байрона были только одними изъ духовныхъ предковъ Онѣгиныхъ, но вовсе не ихъ родоначальниками. Начиная отъ Saint-Preux, героя „Новой Элоизы" Руссо, проходя черезъ гетевскаго Вертера и героевъ нарождающагося нѣмецкаго и французскаго романтизма, въ родѣ Ренэ того же Шатобріана, и кончая героями Байрона [1]),

[1]) Несомнѣнное вліяніе Шатобріана на Байрона — давно извѣстный фактъ; еще болѣе тѣсная связь Шатобріана съ творчествомъ Руссо также достаточно извѣстна. Здѣсь передъ нами постепенное развитіе одной и той же нити литературной эволюціи, имѣющей свое основаніе и обоснованіе въ исторіи общественной жизни Европы второй половины XVIII вѣка.

мы имѣемъ рядъ духовныхъ предковъ и родственниковъ Онѣгина, мы имѣемъ однородные по существу характеры и типы при всемъ громадномъ различіи ихъ проявленій. Психологическая основа въ нихъ почти одна и та же; мы уже говорили, что „лишніе люди" — явленіе всеобщее, міровое, но что въ различныхъ условіяхъ они проявляются различно. Характерныя же черты ихъ типа всюду и всегда остаются тождественными: у всѣхъ ихъ неизбѣженъ разладъ со средой, у всѣхъ неизбѣжна та или иная поза (часто далекая отъ всякаго жеманства, часто наполовину безсознательная). Разладъ со средой еще со временъ Руссо характеризуется возрастающимъ разрывомъ съ формами и духомъ современной культуры; эта черта стала одной изъ главнѣйшихъ въ физіономіи нарождающагося „романтизма". Черта эта своеобразно преломилась и въ творчествѣ Пушкина („плѣнникъ" и черкесы, Алеко и цыганы) въ наиболѣе „романтическій" періодъ его жизни и творчества — въ указанную выше эпоху 1820—1824 гг.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что извѣстное мнѣніе Мицкевича — да и не одного его — объ этомъ періодѣ творчества Пушкина должно считаться сильно преувеличеннымъ. Именно, по мнѣнію великаго польскаго поэта, въ отмѣченные нами выше годы „Пушкинъ попалъ въ сферу притяженія Байрона и вращался около этого свѣтила, какъ освѣщенная его лучами планета. Сюжеты, характеры, идея, форма — все это байроновское въ произведеніяхъ Пушкина его перваго періода". Да и самъ Пушкинъ замѣтилъ, что въ эту эпоху (1820—1824 гг.) онъ отъ Байрона „съ ума сходилъ". Конечно, вліяніе Байрона на Пушкина еще болѣе несомнѣнно, чѣмъ предшествовавшее вліяніе Шатобріана на Байрона и Руссо на Шатобріана; несомнѣнно, что форму и отчасти сюжеты Пушкинъ бралъ не безъ вліянія Байрона, но настолько же несомнѣнно, что и идея и характеры произведеній оставались вполнѣ пушкинскими, вполнѣ русскими, вполнѣ „московскими". Иначе и быть не могло, такъ какъ слишкомъ различны были по существу своихъ талантовъ великій „романтикъ" Байронъ и великій реалистъ Пушкинъ.

У Байрона обычный разладъ „лишнихъ людей“ со средой углубляется до разрыва человѣка съ міромъ, съ вселенной, съ Богомъ. Безмѣрныя, титаническія силы нужны для того, чтобы нести на себѣ слѣдствія этого разрыва, этого „богоборчества“, какъ принято говорить въ настоящее время, и всѣ настоящіе герои Байрона—такіе титаны по силѣ духа. Безпредѣльная мощь человѣческаго духа, смѣло возставшаго противъ Бога, противъ всего міра, — вотъ постоянная тема Байрона, вотъ характерная черта его „романтизма“, его стремленія „за предѣлы предѣльнаго“ человѣческаго дерзанія. Этотъ романтизмъ англійскаго поэта былъ совершенно чуждъ Пушкину, который—мы это еще увидимъ—съ такой удивительной ясностью духа принималъ весь міръ въ его цѣломъ, который доходилъ до разрыва съ обществомъ, но не человѣчествомъ, до разрыва съ культурою, но не съ міромъ. Пушкинъ былъ въ этомъ смыслѣ, быть можетъ, величайшимъ „реалистомъ“ изъ всѣхъ великихъ поэтовъ; онъ былъ „весь земной“, онъ любилъ это солнце, эту землю, этотъ міръ трехъ измѣреній, эту темную, слабую душу человѣческую; титанизмъ былъ ему совершенно чуждъ. Никогда онъ не былъ романтикомъ; его байроническій псевдо-романтизмъ былъ поэтому только вполнѣ мимолетнымъ и неглубокимъ явленіемъ даже въ его творчествѣ 1820—1824 гг.

И когда Пушкинъ самъ понялъ, вѣрнѣе—безсознательно почувствовалъ это, онъ задумалъ „Евгенія Онѣгина“; крайне интересно отмѣтить, что онъ задумалъ его еще въ Крыму, т.-е. какъ-разъ въ то время, когда писалъ „Кавказскаго плѣнника“ (Крымъ—„c'est le berceau de mon Онѣгинъ“, замѣтилъ въ одномъ изъ писемъ 1836 г. самъ Пушкинъ). Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, въ „Братьяхъ разбойникахъ“, въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, наконецъ въ „Цыганахъ“—онъ пробовалъ придавать черты титанизма, черты духовной силы тому „онѣгинскому“ типу, происхожденіе котораго мы прослѣдили и въ которомъ Пушкинъ такъ вѣрно видѣлъ, какъ уже сказано выше, собственныя свои черты. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовалъ онъ, что въ сопоставленіи „онѣгинства“ съ „силою духа“ таится какое-то непримиримое противорѣчіе, что „волна и камень, стихи и проза, ледъ и

пламень не столь различны межъ собой“, какъ сила духа съ одной стороны и „лишніе люди“—съ другой. И замѣтьте—характернѣйшее явленіе!—что и въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, и „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, и „Цыганахъ“ Пушкинъ, быть можетъ самъ того не сознавая, въ концѣ концовъ, снималъ со своихъ героевъ маску силы, смывалъ гримировку титанизма; не характерно ли, что во всѣхъ этихъ поэмахъ передъ нами проходитъ одинъ и тотъ же мотивъ: *противопоставленіе слабаго мужчины сильной женщинѣ?* Мотивъ этотъ, съ такой геніальной простотой проведенный Пушкинымъ и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, впослѣдствіи не даромъ сталъ главнымъ мотивомъ всего творчества Тургенева, этого наиболѣе „пушкинскаго“ таланта русской литературы, этого постояннаго бытописателя типа „лишняго человѣка“ въ его разновидности сороковыхъ-пятидесятыхъ годовъ. На русской почвѣ лишній человѣкъ всегда былъ слабымъ человѣкомъ, безконечно далекимъ отъ байроновскаго титанизма, и Пушкинъ прозрѣлъ это даромъ творческой интуиціи еще задолго до „Евгенія Онѣгина“. Столкновеніе этого „типическаго исключенія“ своей среды съ женщиной всегда кончалось духовной побѣдой послѣдней и нравственнымъ пораженіемъ слабаго духомъ героя. Вспомните: вялый, тоскующій Кавказскій плѣнникъ, который „безъ упоеній, безъ желаній“ вянетъ „жертвою страстей“,—и освобождающая его изъ плѣна цѣною своей жизни черкешенка; нѣсколько мелодраматическій, тоскующій татарскій ханъ, надъ которымъ вскорѣ смѣялся самъ авторъ съ друзьями,—и Зарема, готовая принести въ жертву своей любви и свою и чужую жизнь. Еще рельефнѣе это противопоставленіе въ „Цыганахъ“: къ этому времени поэтъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что постоянный герой его поэмъ—слабый человѣкъ, которому совершенно не къ лицу тога демонизма и титанизма. Алеко, несомнѣнно, самый сильный духомъ изъ всѣхъ героевъ Пушкина—но насколько слабѣе онъ этой сильной въ своей непосредственности Земфиры! Окончаніе „Цыганъ“—слишкомъ явное признаніе нравственнаго пораженія Алеко; то, что̀ еще не ясно намѣчается въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ и „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, уже ясно сказывается въ „Цыганахъ“. Пушкинъ

все яснѣе и яснѣе осознавалъ характеръ и типъ своего героя; въ то же время онъ все болѣе и болѣе *преодолѣвалъ въ себѣ самомъ* отрицательныя черты обрисовываемаго характера. И если въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ онъ хочетъ выставить самого себя, если онъ герою „Цыганъ“ довольно подчеркнуто даетъ свое имя, то тутъ же вскорѣ онъ и смѣется надъ своими созданіями („мы вдоволь надъ нимъ—Кавказскимъ плѣнникомъ—посмѣялись“). И когда Пушкинъ пишетъ „Евгенія Онѣгина“, то тутъ онъ уже торопится въ первой же главѣ подчеркнуть, что Онѣгинъ—не онъ, не Пушкинъ:

Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ... (I, 56).

Конечно, въ Пушкинѣ было много онѣгинскихъ чертъ, такъ же какъ и во всѣхъ герояхъ „байроническихъ“ поэмъ Пушкина, но въ тѣхъ герояхъ черты эти были закутаны флеромъ демонизма и титанизма; тѣхъ героевъ Пушкинъ старался выставить сильными людьми, хотя это ему и не удавалось. Теперь онъ творческимъ чутьемъ пришелъ къ признанію своей ошибки; онъ понялъ, *что слабый духомъ человѣкъ въ плащѣ титана*—характерная черта руссифицированнаго московскаго байронизма. Вотъ что значитъ яркое опредѣленіе—„москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ“; это значитъ: слабый человѣкъ, пытающійся загримироваться—ну, титаномъ не титаномъ, а по крайней мѣрѣ сильнымъ душою героемъ. И когда Пушкинъ понялъ, когда Пушкинъ почувствовалъ это,—онъ пересталъ ставить на ходули тотъ типъ, который подсказывался ему самой жизнью. Онъ взялъ слабаго душою потомка изломанныхъ душою предковъ, взялъ его такимъ, какимъ видѣлъ въ жизни—закутаннаго въ Гарольдовъ плащъ, по байронической модѣ и позѣ той эпохи,

но только спустилъ его съ ходуль на землю. Тогда появился Онѣгинъ.

Вотъ связь „Евгенія Онѣгина" со всѣмъ предшествовавшимъ творчествомъ Пушкина; вотъ связь его и съ „байронизмомъ" поэта. Несомнѣнно, что начало „Евгенія Онѣгина" относится еще къ „байроническому" періоду жизни Пушкина; не даромъ и самъ Пушкинъ въ предисловіи къ первому и второму изданію первой главы своего романа отмѣтилъ, что глава эта „напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона". Позднѣйшей критикой дѣйствительно установлена нѣкоторая чисто-внѣшняя связь между манерой письма „Беппо" и „Евгенія Онѣгина", также какъ и между героями этихъ произведеній, графомъ и Онѣгинымъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ связь эта до того внѣшняя, до того маловажная, что должна быть отмѣчена только мимоходомъ, какъ интересная мелочь, характерная для изученія байроновскаго вліянія на форму письма Пушкина двадцатыхъ годовъ, но не для изученія внутренней сущности пушкинскаго „романа въ стихахъ". Эта сущность мало-по-малу складывалась и выяснялась подъ давленіемъ „романтизма" вообще и байронизма въ частности еще въ періодъ 1820—1824 г.; туманный обликъ Кавказскаго плѣнника пріобрѣлъ болѣе опредѣленныя черты въ Алеко, а поставленный съ ходуль на землю Алеко оказался Онѣгинымъ. И по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ свой романъ, все яснѣе и яснѣе дѣлался для него обликъ героя всѣхъ его поэмъ. Слабый человѣкъ—вотъ его сущность; стремленіе казаться сильнымъ и „разочарованность"—вотъ его поза; его столкновеніе съ сильной женщиной—вотъ фатальная психологическая завязка и развязка пушкинскихъ поэмъ и романовъ.

И все это выражено Пушкинымъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ" съ особенной ясностью, съ окончательной опредѣленностью. То, что смутно было намѣчено поэтомъ въ „плѣнникѣ" и черкешенкѣ, въ Алеко и Земфирѣ, теперь раскрылось во всей своей полнотѣ въ Онѣгинѣ и Татьянѣ; то, что тамъ было окутано псевдо-романтическимъ флеромъ, здѣсь сведено на землю, выражено въ яркихъ реалистическихъ образахъ, въ безсмертныхъ реальныхъ типахъ. При столкновеніи

съ Татьяной обнаруживается въ конецъ духовная сущность Онѣгина, и намъ необходимо познакомиться поближе съ Татьяной, понять ее и сказать тогда послѣднее слово о герое ея романа, о героѣ всѣхъ поэмъ Пушкина. Вѣдь последнее слово объ Онѣгинѣ сказала именно Татьяна.

VII.

Итакъ—она звалась Татьяной...
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой... (II, 25).

Этими словами Пушкинъ начинаетъ характеристику Татьяны, и слова эти сразу вскрываютъ передъ нами главную черту того типа, къ которому принадлежитъ Татьяна: намъ сразу становится ясно, что Татьяна—такое же *типическое исключенiе* своей среды, какъ Евгенiй Онѣгинъ—своей. А если мы прибавимъ, что среда эта въ обоихъ случаяхъ одна и та же, то сразу намъ станетъ яснымъ полное сходство и историко-генетическаго происхожденiя Онѣгина и Татьяны, и ихъ принадлежности къ промежуточному слою нарождающихся лишнихъ людей. При этомъ, однако, они принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ психологическимъ типамъ, что̀ съ неизбѣжностью обусловливаетъ собою и завязку и развязку пушкинскаго романа.

Что историко-генетическое происхожденiе Татьяны и Онѣгина общее—въ этомъ врядъ ли возможны сомнѣнiя. Почти все, что̀ мы говорили о дѣдахъ и прадѣдахъ Евгенiя Онѣгина, можно чуть ли не дословно повторить о бабушкахъ и прабабушкахъ Татьяны, и это въ значительной степени объяснитъ намъ ея характеръ. Дѣйствительно, за два вѣка европейскаго просвѣщенiя русскiя женщины испытали не меньше „волшебныхъ измѣненiй милаго лица“, чѣмъ ихъ отцы, мужья и братья. Если прапрабабушка Татьяны была еще русской боярыней-затворницей середины XVII вѣка, то зато прабабушка ея—какая-нибудь Наталья Гавриловна

Ржевская, невѣста „арапа Петра Великаго“ — была уже насильно вывезена на петровскую ассамблею, такъ красочно и ярко нарисованную Пушкинымъ въ третьей главѣ только-что названнаго романа. Изъ душегрѣекъ и шушуновъ ее насильно нарядили въ фижмы и робронды и заставили кланяться и присѣдать въ менуэтахъ—„по царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маниру“. Ея дочь, бабушка Татьяны, уже съ молодыхъ лѣтъ воспитывалась по такому „нѣмецкому маниру“, а позднѣе—вращалась въ обществѣ, зараженномъ, словно эпидемической болѣзнью, галломаніей; просмотрите любой изъ сатирическихъ листковъ начала царствованія Екатерины, и вы найдете портретъ бабушки Татьяны въ безчисленныхъ снимкахъ и копіяхъ. У этой петербургской культурной дикарки середины XVIII вѣка была дочь Pachette—мать Татьяны. Этой ci-devant Pachette, впослѣдствіи Парасковьѣ Лариной, Пушкинъ посвятилъ рядъ мѣткихъ, добродушно-ядовитыхъ строфъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“; какъ живая стоитъ она передъ нами. Она получила бонтонное воспитаніе въ московскомъ французскомъ пансіонѣ, у какой-нибудь „эмигрантки Фальбала“; въ результатѣ этого воспитанія—

. . . . . писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ N французскій,
Произносить умѣла въ носъ (II, 33);

конечно, она была тайно влюблена; предметомъ ея страсти былъ нѣкій „славный франтъ, игрокъ и гвардіи сержантъ“. Но „скоро все перевелось“: ее выдали замужъ за бригадира въ отставкѣ Дмитрія Ларина, который увезъ ее „въ свою деревню, гдѣ она, Богъ знаетъ кѣмъ окружена, рвалась и плакала сначала“, а потомъ „привыкла и довольна стала“. Покойно катилась привольная помѣщичья жизнь, вся пропитанная той смѣсью старо-русскаго помѣщичьяго быта съ французскимъ языкомъ, которая и понынѣ еще сохранилась въ рѣдкихъ глухихъ уголкахъ. Ларины —

Хранили въ жизни мирной
Привычки мирной старины,

они „любили круглыя качели, подблюдны пѣсни, хороводъ“, и въ то же время дѣти ихъ росли на французскихъ романахъ, на французской литературѣ: Татьяна „по-русски плохо знала... и выражалася съ трудомъ на языкѣ своемъ родномъ“ (III, 26), что даже совершенно неправдоподобно, если вспомнить о нянѣ Филипьевнѣ, взлелѣявшей Татьяну. Но, во всякомъ случаѣ, вотъ обстановка, въ которой воспиталась и выросла Татьяна.

И Татьянѣ, подобно Онѣгину, нельзя было отказаться отъ духовнаго наслѣдства, и въ ней съ неизбѣжностью отразились черты, воспитанныя въ русской женщинѣ всей жизнью XVIII вѣка. Конечно, въ Татьянѣ не было и не могло быть никакихъ чертъ того городского „вырожденства“, которыя, несомнѣнно, просвѣчивали въ Онѣгинѣ; не могло быть хотя бы по одному тому, что всю свою дѣвичью жизнь Татьяна прожила въ глухой деревнѣ.. Уже по одному этому изъ Татьяны не могло выйти той полной аналогіи Онѣгину, какою были жеманныя „младыя граціи Москвы“, ея кузины, съ которыми она познакомилась впослѣдствіи. Но зато не могла не отразиться на Татьянѣ та наслѣдственная раздвоенность понятій, мыслей, чувствъ, та душевная раздвоенность, которая сказалась на Онѣгинѣ гримасой, позой; быть можетъ, безсознательной гримасой, искренней позой — пусть такъ, но все же позой. Избѣжать этой раздвоенности Татьяна не могла.

Умъ съ сердцемъ не въ ладу, книжныя французскія мысли не въ ладу съ чувствомъ, не въ ладу со всѣмъ бытомъ,—въ этомъ была трагедія многихъ Татьянъ той эпохи. Передъ нами

Татьяна — русская душою,
Сама не зная почему,

какъ великолѣпно говоритъ о ней Пушкинъ (V, 4); передъ нами до глубины души русская дѣвушка. Такова ея внутренняя сущность, таковъ глубокій складъ ея духа; но на этой сущности — рядъ постороннихъ наслоеній. Знакомясь съ Татьяной, мы невольно вспоминаемъ ея далекую предшественницу,

отдѣленную отъ Татьяны столѣтіемъ, невѣсту арапа Петра Великаго, Наталью Гавриловну Ржевскую. Пушкинъ набросалъ ея недоконченный портретъ легкими и тонкими штрихами. Передъ нами дѣвушка, которая была „воспитана по старинному, т.-е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золотомъ и не знала грамоты“; и въ то же время она учится „пляскамъ нѣмецкимъ... менуэтамъ и курантамъ“ у плѣннаго шведскаго офицера. Не то ли же самое было и съ Татьяной: воспитаніе подъ крыломъ старушки-няни Филипьевны (пушкинская Арина Родіоновна), яркаго воплощенія русскаго народнаго духа, и рядомъ съ этимъ, вмѣсто „плясокъ нѣмецкихъ“—французскіе романы? На душу русской дѣвушки ложились наслоенія чужихъ, наносныхъ идей и чувствъ, и вотъ, выбитая изъ колеи, бродитъ она „съ печальной думою въ очахъ, съ французской книжкою въ рукахъ“ (VIII, 5). Старушка-няня, русскія сказки и поговорки, „старинныя были и небылицы“, разговоры о старинѣ—и тутъ же рядомъ, въ письмѣ къ Онѣгину, пересказъ вычитанной изъ романовъ, а можетъ быть и слышанной отъ Ленскаго, теоріи предназначенности другъ другу „родныхъ душъ“. Вѣдь Ленскій недаромъ былъ „поклонникъ Канта и поэтъ“; „поклонникъ Шеллинга“, долженъ былъ сказать Пушкинъ, если бы хотѣлъ взять наиболѣе общій типъ „любомудровъ“ двадцатыхъ годовъ. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что проповѣдуемыя Ленскимъ мысли почти буквально повторяетъ Татьяна.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она (II, 8).

Вѣдь почти все письмо Татьяны къ Онѣгину составляетъ перифразу этихъ мыслей Ленскаго:

„То въ высшемъ суждено совѣтѣ,
То воля Неба: я твоя!
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой“...

Итакъ, „круглыя качели, подблюдны пѣсни, хороводъ“—

съ одной стороны, а съ другой — романтическая теорія любви, французскіе романы,—какъ же не сказать, что и Татьяна не могла избѣгнуть той искренней позы, которая была удѣломъ *типическихъ исключеній* этого поколѣнія?

Искренняя поза—это сочетаніе словъ нѣсколько странно, но оно вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Искренняя поза — это значитъ непроизвольная поза, безсознательная поза, и именно таково было положеніе типическихъ исключеній онѣгинскаго поколѣнія. Правда, когда онѣгинство разлилось широкой волной, когда оно перешло въ мѣщанскую массу, то оно дѣйствительно стало дѣланной, сознательной позой, — мы это еще увидимъ; тогда появились безчисленные уѣздные кавалеры, напускавшіе на себя разочарованность, хандру, байронизмъ. А Онѣгинъ—и въ этомъ вся разница, и большая разница — не напускалъ на себя хандры, но былъ дѣйствительно въ ея власти. Точно такъ же и Татьяна: она дѣйствительно была во власти своихъ двойственныхъ чувствованій и переживаній; она не была одной изъ тѣхъ „идеальныхъ дѣвъ", у которыхъ весь романтическій экстазъ наполовину дѣланный, напускной.

Татьяна не была ни „идеальной дѣвой", о которыхъ такъ зло писалъ Бѣлинскій, ни одной изъ тѣхъ „уѣздныхъ барышень", о которыхъ такъ часто съ добродушною ироніей говорилъ Пушкинъ. „Тѣ изъ моихъ читателей, которые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни!"—восклицаетъ Пушкинъ устами Бѣлкина въ „Барышнѣ-крестьянкѣ"; въ „Евгеніи Онѣгинѣ" поэтъ посвящаетъ двѣ строфы описанію альбома уѣздной барышни (IV, 28, 29) и даетъ этимъ прелестную характеристику всего типа уѣздныхъ барышень. Наконецъ, очень милую уѣздную барышню Пушкинъ нарисовалъ въ образѣ Ольги Лариной—веселой, простодушной дѣвицы, какихъ такъ много и въ жизни и въ литературѣ:

> . . . . любой романъ
> Возьмите и найдете вѣрно
> Ея портретъ: онъ очень милъ;
> Я прежде самъ его любилъ,
> Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно... (II, 23).

Эти уѣздныя барышни являются типомъ дѣвушки той среды и эпохи; сравнительнымъ исключеніемъ изъ нихъ, но исключеніемъ довольно печальнымъ, являются „идеальныя дѣвы". Это о нихъ говорилъ Пушкинъ въ одной изъ черновыхъ строфъ четвертой главы своего романа:

Что̀ можетъ быть, страна святая,
Несноснѣй барышень твоихъ,
Плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ...
Простилъ бы имъ ихъ сплетни, чванство...
И неопрятность, и жеманство —
Но какъ простить имъ модный бредъ
И неуклюжій этикетъ?

Объ этомъ типѣ „идеальныхъ дѣвъ" очень мѣтко и зло писалъ Бѣлинскій, разсказывая, какъ эти идеальныя дѣвы запоемъ читаютъ книги и думаютъ, что понимаютъ ихъ; какъ онѣ мечтаютъ, глядя на луну; какъ списываютъ стишки въ завѣтныя тетрадки; какъ ведутъ переписку (огромными тетрадищами) съ какой-нибудь подругой, которая живетъ въ томъ же домѣ, только въ разныхъ комнатахъ. „Сверхъ того, каждая изъ нихъ ведетъ свой дневникъ, весь наполненный «выписными чувствами», въ которыхъ... нѣтъ ничего живого, истиннаго, только претензіи и идеальничанье. Онѣ презираютъ толпу и землю, питаютъ непримиримую ненависть ко всему матеріальному... Многія изъ нихъ не прочь бы и отъ замужества, и при первой возможности вдругъ измѣняютъ свои убѣжденія и изъ идеальныхъ дѣвъ скоро дѣлаются самыми простыми бабами; но въ иныхъ способность обманывать себя призраками фантазіи доходитъ до того, что онѣ на всю жизнь остаются восторженными дѣвственницами и, такимъ образомъ, до семидесяти лѣтъ сохраняютъ способность къ сентиментальной экзальтаціи, къ нервическому идеализму". Вотъ кто получилъ сполна по наслѣдству всю духовную изломанность цѣлаго ряда предковъ, вотъ чьей участью стала дѣланная поза, гримаса, жеманство...

Татьяна, повторяю еще разъ, и не несносная „уѣздная барышня" и не слезоточивая „идеальная дѣва"; она и не общій шаблонный типъ и не печальное исключеніе, не дѣланная поза и гримаса; она, какъ я уже сказалъ, *типиче-*

ское исключеніе своей среды и эпохи. Въ ней мы имѣемъ передъ собою типъ дѣвушки съ сильной душой, порывающейся прочь отъ той среды, въ которую ее закинула судьба. Правда, отъ наслѣдственныхъ вліяній никто не можетъ отказаться; но вотъ яркій примѣръ борьбы сильно очерченной индивидуальности съ наслѣдственными родовыми и бытовыми типическими чертами. Почему Ольга Ларина—кость отъ костей и плоть отъ плоти своихъ родителей, типичная „уѣздная барышня", а ея сестра, Татьяна—съ раннихъ лѣтъ „въ семьѣ своей родной казалась дѣвочкой чужой"? Здѣсь вступаетъ въ свои права, какъ говоритъ устами добродушнаго Бѣлкина Пушкинъ, „особенность характера, самобытность (individualité), безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, не существуетъ человѣческое величіе" („Барышня-крестьянка"). Сильная и глубокая индивидуальность Татьяны жаждетъ цѣльности, единства, но ей не дано преодолѣть наслѣдственнаго раздвоенія души и найти самоё себя. Русская душою, она всегда будетъ думать по-французски; есть печать эпохи, печать воспитанія, печать быта, которую могутъ до извѣстной степени стереть только совершенно исключительные люди. Это было не по силамъ милой, поэтичной Татьянѣ; не находя исхода, она искала спасенія въ одиночествѣ, въ замкнутости, въ книгахъ.

И вотъ судьба столкнула ее съ человѣкомъ, котораго она полюбила, въ которомъ надѣялась найти поддержку, защитника, спасителя. Два раза пришлось ей столкнуться съ нимъ въ жизни, и оба эти столкновенія окончательно вскрываютъ передъ нами характеры Татьяны и Онѣгина.

VIII.

Если бы Татьяна была представительницею массоваго типа русской провинціальной дѣвушки того времени, если бы Татьяна была того же типа, какъ ея сестра Ольга, то романъ Пушкина терялъ бы свой смыслъ, или, вѣрнѣе сказать, пріобрѣталъ бы совершенно иной смыслъ: встрѣчи Онѣгина съ одной изъ тьмы темъ „уѣздныхъ барышень".

Конечно, и эта задача представляетъ художественный интересъ, и интересно, что, только-что окончивъ „Евгенія Онѣгина", Пушкинъ въ 1831 г. принялся именно за такой романъ (отъ него остались только „Отрывки изъ романа въ письмахъ"). Герой этого романа, Владиміръ Z., о которомъ мы уже упоминали—все тотъ же Онѣгинъ, настолько тотъ же, что даже „надпись къ портрету княжны Ольги" онъ сочиняетъ въ стилѣ сужденій Онѣгина про Ольгу Ларину (Онѣгинъ: „кругла, красна... какъ эта глупая луна"; Владиміръ Z: „глупа, скучна — et cetera"...). Это второе изданіе Онѣгина ухаживаетъ въ деревнѣ за своей петербургской знакомой, Лизой, и въ то же время „развлекается" со своей родственницей Машей, типичной „уѣздной барышней". На этомъ романъ обрывается, но дальнѣйшій ходъ его ясенъ: конечно, Владиміръ Z. разорветъ нить своего романа и съ той и съ другой и вернется продолжать онѣгинствовать въ Петербургъ; одна изъ главныхъ темъ этого неоконченнаго романа — столкновеніе этого Онѣгина съ „уѣздной барышней". Но психологическая задача „Евгенія Онѣгина" совсѣмъ другая; эта тема, эта задача, которую впослѣдствіи такъ богато развилъ и разработалъ Тургеневъ, является въ то же время и постоянной темой Пушкина. Я уже указывалъ, что тема эта—*столкновеніе слабаго мужчины и сильной женщины.*

Сильная женщина, сама не сознающая своей духовной силы, и въ то же время безсильная въ борьбѣ со средою, полюбила слабаго мужчину, загримированнаго чуть ли не титаномъ. Уже давно ея „душа ждала... кого-нибудь", кто-бъ не былъ похожъ на уѣзднаго франтика Пѣтушкова, на Буянова, на гусара Пыхтина—вообще на всѣхъ тѣхъ, за кого мечтали бы выйти замужъ всѣ „уѣздныя барышни". Душа ждала—

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это онъ! (III, 8).

Этотъ „онъ"—былъ Евгеній Онѣгинъ. Конечно, Татьяна не могла видѣть въ немъ того, кѣмъ онъ дѣйствительно былъ; вѣдь онъ былъ героемъ ея романа, въ немъ она видѣла черты всѣхъ героевъ прочитанныхъ ею романовъ:

Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились... (III, 9).

Она мечтаетъ о немъ; она идеализируетъ своего героя; она вѣритъ, что съ нимъ начнется для нея новая жизнь; что самой судьбой предназначены они другъ для друга; что онъ спасетъ ее отъ той среды, гдѣ она задыхается.

Все это выражено въ томъ письмѣ Татьяны, равнаго которому нѣтъ въ русской литературѣ; все оно пропитано ароматомъ нѣжной и глубокой распускающейся дѣвической души. Тутъ все такъ наивно и такъ глубоко по чувству, тутъ такая глубокая страсть и такой горькій призывъ о помощи, что даже Онѣгинъ „живо тронутъ былъ"; но, конечно, разочарованный во всемъ, онъ совершенно не сумѣлъ оцѣнить всей непосредственной прелести этого письма, всей глубины натуры Татьяны. Онѣгинъ не былъ Пушкинымъ, который „свято берегъ" это письмо и перечитывалъ его „съ тайною тоскою". [1]) Онѣгинъ не могъ понять и оцѣнить мятущуюся душу Татьяны. А вѣдь она искала въ немъ защиты, опоры, спасенія. Она убѣждена, что онъ, сильный духомъ герой, посланъ ей Богомъ, что онъ ея избавитель. Въ уцѣлѣвшей программѣ письма Татьяны Пушкинъ заставляетъ ее высказывать слѣдующія мысли: „Я ничего не хочу, я хочу васъ видѣть; у меня нѣтъ никого, *придите, вы должны быть то и то; если нѣтъ, меня Богъ обманулъ*"... Подчеркнутая нами фраза не передана дословно въ самомъ письмѣ, хотя этой мыслью и проникнуто все письмо; мысль эта—какъ-бы лейтъ-мотивъ его. Татьяна готова на все; она готова на жертву, на страданія, но въ то же время она ждетъ защиты и спасенія:

---

[1]) «Письмо Татьяны предо мною, его я свято берегу, читаю съ тайною тоскою—и начитаться не могу» (III, 31); повидимому, это—автобіографическое признаніе Пушкина. Эти строки написаны имъ въ Михайловскомъ, въ концѣ 1824 г., когда Пушкинъ читалъ и перечитывалъ письмо своей «Татьяны» — графини Е. К. Воронцовой. См. стих. «Сожженное письмо», 1825 г. О литературныхъ источникахъ письма Татьяны — французскихъ романахъ — см. статью В. Сиповскаго: «Онѣгинъ, Ленскій, Татьяна».

. . . . судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи...

Никто ее не понимаетъ; но—что̀ еще хуже—она сама себя не можетъ понять. Гдѣ-то и въ чемъ-то есть спасеніе... Но гдѣ и въ чемъ? О, конечно, въ сильномъ героѣ, въ Онѣгинѣ: „вы должны быть то и то (читай: сильный духомъ герой, руководитель и т. п.); если нѣтъ—меня Богъ обманулъ“...

Да, дѣйствительно, „Богъ обманулъ“ бѣдную Таню: вѣра въ Онѣгина обманула ее. Это случай общій, характерный для цѣлой эпохи развитія русской женщины. Долго и мучительно искала она дороги и всегда избирала путеводителями Онѣгиныхъ разныхъ родовъ: княжна Мери — Печорина, Лиза—Лаврецкаго, Наталья—Рудина. И всѣ Онѣгины отвѣчали всѣмъ Татьянамъ однимъ и тѣмъ же: полнымъ непониманіемъ. И всегда это столкновеніе Онѣгиныхъ съ Татьянами происходило точно по одному трафарету, такъ геніально просто намѣченному Пушкинымъ: сильная женщина встрѣчалась со слабымъ мужчиной и искала въ немъ поддержки, пути къ новой жизни, спасенія; Онѣгины почти всегда или не умѣли поддержать, или отталкивали ее, и только впослѣдствіи понимали, что̀ они утратили... Но тогда было уже поздно: всѣ эти сильныя женщины начинали понимать всю духовную слабость своихъ героевъ. Такъ это было и съ Татьяной. Послѣ холодной отповѣди Онѣгина на письмо Татьяны, послѣ убійства имъ Ленскаго

. . . начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной...

Когда она прочла книги библіотеки Онѣгина—произведенія Байрона и еще „два-три романа, въ которыхъ отразился вѣкъ", — то она, вѣроятно, съ трепетомъ, съ болью подумала, что, быть можетъ, ея герой вовсе не титанъ, не „надменный бѣсъ", а только

. . . . подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ...
Ужъ не пародія ли онъ?
Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено? (VII, 24—25).

Мы уже знаемъ, что въ слѣдующей главѣ самъ Пушкинъ отвѣтилъ отрицательно на послѣдніе вопросы (VIII, 8—10); мы знаемъ, что Евгеній Онѣгинъ не только подражаніе, не только пародія; что не случайно надѣлъ онъ на себя Гарольдовъ плащъ; что причины этого коренились глубоко въ общественной почвѣ. Но мы знаемъ также — и это хорошо поняла Татьяна, что этотъ москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ вовсе не титанъ, не „надменный бѣсъ", а слабый, безвольный, тоскующій человѣкъ.

И когда Татьяна, на этотъ разъ уже „равнодушная княгиня", черезъ три года снова сталкивается съ Онѣгинымъ— она уже хорошо его понимаетъ; его слабость теперь для нея слишкомъ очевидна. Теперь ей обидна—и за себя и за него обидна — „мелкость" героя ея романа; она еще любитъ его („къ чему лукавить?"), но ей больно сознавать слабость бывшаго титана, котораго она въ немъ хотѣла когда-то видѣть. О, какъ бы она и теперь хотѣла видѣть его прежнимъ сильнымъ, твердымъ, могучимъ героемъ (вспомните: „прямо передъ ней, блистая взорами, Евгеній стоитъ подобно грозной тѣни", III, 41, — такимъ она представляла себѣ его). И вдругъ—вмѣсто былого героя передъ нею слабый, растерянный, безвольный человѣкъ, какимъ онъ былъ всегда въ дѣйствительности; она окончательно убѣждается въ этомъ. Этимъ онъ наноситъ ей неизмѣримо болѣе жестокій ударъ, чѣмъ въ первый разъ, когда онъ

въ отвѣтъ на ея письмо читалъ ей холоднымъ тономъ прописную мораль: „учитесь властвовать собою... Не всякій васъ, какъ я пойметъ (!); къ бѣдѣ неопытность ведетъ"... (III, 16). О, какъ бы она хотѣла услышать отъ него и теперь „холодный разговоръ", вмѣсто жалкихъ слезъ и умоляющихъ посланій!

„ . . . Знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда-бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла-бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ, и слезамъ...
А нынче!—Чтó къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!" (VIII, 45).

Какая малость — вотъ чтò ей обиднѣе, вотъ чтò ей горьче всего! Она обманулась въ своемъ идеалѣ; слабаго, безвольнаго человѣка она приняла за сильнаго духомъ героя...

И это разочарованіе—ключъ ко всему поведенію „бѣдной Тани" при послѣдней встрѣчѣ съ героемъ ея романа. Въ ней еще сохранилась любовь къ нему, но ни за что и никогда не рѣшится она связать свою и его судьбу... Легкая свѣтская интрига (былая спеціальность Онѣгина — I, 8—12) омерзительна для этой сильной душою женщины: ей нужно или все, или ничего. „Я другому отдана—и буду вѣкъ ему вѣрна",—эти слова Татьяны, вызвавшія такъ много комментаріевъ на этической почвѣ (начиная съ Бѣлинскаго и вплоть до Достоевскаго [1]), эти слова должны быть поняты прежде всего на почвѣ психологической: это отказъ связать свою судьбу — съ *Онѣгинымъ*. О, если бы Татьяна могла вѣрить въ силу Онѣгина, въ его любовь! О, если бы онъ былъ тѣмъ сильнымъ человѣкомъ, который тоже имѣетъ своимъ

[1]) Какъ извѣстно, Бѣлинскій негодовалъ: «Я другому отдана — именно отдана, а не отдалась! Вѣчная вѣрность — кому и въ чемъ? Вѣрность такимъ отношеніямъ, которыя составляютъ профанацію чувства и чистоты женственности»... а Достоевскій въ своей знаменитой «Пушкинской рѣчи» отвѣчалъ на это: «кому, чему вѣрна?... Да вѣрна этому генералу, ея мужу, честному человѣку, ее любящему и уважающему и ею гордящемуся... Пусть она вышла за него съ отчаянія, но теперь онъ ея мужъ, и измѣна ея покроетъ его позоромъ, стыдомъ и убьетъ его. А развѣ можетъ человѣкъ основать свое счастье на несчастіи другого?»

девизомъ: или все, или ничего! Тогда, быть можетъ, Татьяна— а если не пушкинская Татьяна, то одна изъ послѣдующихъ многочисленныхъ Татьянъ, героинь Тургенева, въ родѣ Елены изъ „Накунунѣ“ — быть можетъ она и нашла бы въ себѣ силы разорвать со средой, съ „мертвящимъ упоеньемъ свѣта“, съ традиціонной моралью, съ кастовыми предразсудками... Но вѣдь герой Татьяны—Онѣгинъ! Вѣдь онъ попрежнему охотно удовлетворится свѣтской интригой! Вѣдь любовь Онѣгина нуждается въ привычной атмосферѣ! Вѣдь онъ увлеченъ не прежней Таней Лариной,

Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,—
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной царственной Невы... (VIII, 27).

И Татьяна знаетъ это. „Вдали отъ суетной молвы я вамъ не нравилась“—говоритъ она Онѣгину (VIII, 44). И съ такимъ человѣкомъ связать свою судьбу? Для его, быть можетъ, минутной вспышки сломать свою и не только свою жизнь? Она отталкиваетъ его, еще продолжая любить; но онъ уже болѣе не герой ея романа. Она плачетъ надъ его письмами: она оплакиваетъ свою былую любовь, свои былыя мечты и надежды; но съ Онѣгинымъ ихъ пути разошлись навсегда...

IX.

Эти двѣ встрѣчи, два столкновенія Татьяны съ Онѣгинымъ не только окончательно уясняютъ намъ ихъ характеры, но болѣе того—даютъ намъ въ руки путеводную нить для пониманія цѣлаго ряда послѣдующихъ явленій русской общественной жизни, закрѣпленныхъ въ художественной литературѣ. И Татьяна и Онѣгинъ не сходили со сцены русской жизни и литературы, по крайней мѣрѣ, до эпохи шестидесятыхъ годовъ, да и врядъ ли когда-либо сойдутъ окончательно, такъ какъ въ нихъ есть элементы вѣчной сущности человѣческаго духа.

Татьяна стала родоначальницей *лишнихъ женщинъ*; онѣ

будутъ существовать въ русской жизни и литературѣ до той поры, пока существуютъ Онѣгины. Кстати замѣтить, Пушкинъ вовсе не показалъ намъ въ Татьянѣ того „истинно-колоссальнаго исключенія", той „геніальной натуры", какую въ ней видѣлъ Бѣлинскій; Пушкинъ далеко не идеализировалъ Татьяны, хотя и придалъ ея образу такую чарующую поэтическую прелесть. Татьяна, конечно, стоитъ выше окружающаго ея и въ деревнѣ и въ Петербургѣ общества, благодаря индивидуальнымъ особенностямъ своей натуры, но все же она—дочь своей эпохи, своего круга людей. Не только стремиться, но и дѣйствительно стать выше ихъ можетъ только слишкомъ исключительная „геніальная натура", какою Татьяна не была. Вырваться своими силами изъ этой среды, приспособить ее къ себѣ, т.-е. создать себѣ особую цѣнную жизнь Татьяна не можетъ, и при первомъ крушеніи своихъ мечтаній и надеждъ она сама быстро приспособляется къ окружающей ея атмосферѣ.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро поняла! (VIII, 28).

И то уже признакъ ея недюжинной натуры, что это приспособленіе является для нея только внѣшнимъ, видимымъ, только формой, подъ которой еще не потухли былыя мечты, былая любовь:

„. . . . . сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище..." (VIII; 46).

Но эту сильную, недюжинную натуру сковываютъ условія жизни окружающей среды; одна она безсильна спасти себя. А когда она пытается найти поддержку, спасенье, она находитъ—Онѣгина... Гибнетъ сильная натура, ненужной и лишней становится жизнь. И это—общая участь всѣхъ сильныхъ женщинъ, всѣхъ Татьянъ послѣдующей эпохи: всѣ онѣ становятся лишними женщинами; всѣ онѣ гибнутъ, не находя

опоры и поддержки въ своихъ Онѣгиныхъ. Возьмите почти всѣхъ героинь Тургенева — и вы увидите, какъ въ нихъ повторялась въ общихъ чертахъ судьба „бѣдной Тани“. Только въ эпоху нашего Sturm und Drang Period'a, въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, русская женщина, благодаря духу времени, выбивается изъ-подъ давящей ее среды, гдѣ Онѣгины— еще одни изъ лучшихъ.

И Онѣгинъ, въ свою очередь, сталъ родоначальникомъ цѣлаго ряда лишнихъ людей, но не сильныхъ, а слабыхъ душою героевъ. Сначала Онѣгины были немногочисленны; они были тѣмъ типическимъ исключеніемъ, о которомъ мы говорили выше; но вскорѣ онѣгинство, словно эпидемическая болѣзнь, быстро распространилось въ массѣ, въ мѣщанской толпѣ; оно стало модой, дѣланной позой, костюмомъ, стало достояніемъ не только типическихъ исключеній, но и широкой улицы. Еще въ началѣ 1825 года, послѣ появленія въ печати первой главы „Евгенія Онѣгина“, А. А. Бестужевъ писалъ Пушкину про героя его романа: „Я вижу франта, который душой и тѣломъ преданъ модѣ; вижу человѣка, которыхъ тысячи встрѣчаю на яву, ибо самая холодность и мизантропія и странность теперь въ числѣ туалетныхъ приборовъ“ („Переписка“, ed. cit. I, 187). Годомъ позднѣе Булгаринъ писалъ почти то же самое въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1826 г., № 132), послѣ появленія второй главы романа: „До сихъ поръ,—писалъ онъ,—Онѣгинъ принадлежитъ къ числу людей, какихъ встрѣчаемъ дюжинами на всѣхъ большихъ улицахъ и во всѣхъ французскихъ рестораціяхъ...“ А двумя годами позднѣе Иванъ Кирѣевскій, въ своей цѣнной статьѣ „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина“, отозвался объ Онѣгинѣ еще болѣе рѣзко: „Онѣгинъ есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное... Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей и всего меньше поэзіи въ такомъ характерѣ...“ („Московскій Вѣстникъ“ 1828 г., ч. VIII, № 6, стр. 178—179). Все это показываетъ, что критики той поры не могли еще понять типа Онѣгина; но, кромѣ того, это показываетъ, что уже къ концу двадцатыхъ и началу тридцатыхъ годовъ онѣгинство было широко распространеннымъ, массовымъ явленіемъ.

Пушкинъ не могъ не замѣтить массовости этого явленія, пока писалъ свой романъ; въ этомъ—одна изъ причинъ нѣкоторой перемѣны отношенія Пушкина къ своему герою. Пушкинъ преодолѣвалъ и преодолѣлъ въ себѣ Онѣгина,—и въ это же время онъ видѣлъ, что внѣшнія стороны онѣгинства стали достояніемъ мѣщанской массы. На вопросъ: неужто вся молодежь такова? — Пушкинъ могъ бы предвосхитить позднѣйшія слова Лермонтова о „печоринствѣ“: „что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что, впрочемъ, разочарованіе, какъ и всѣ моды, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ“ („Герой нашего времени“; „Бэла“). Пушкинъ видѣлъ это и, быть можетъ, отчасти потому сталъ относиться къ своему герою отрицательнѣе, чѣмъ раньше. Онъ готовъ былъ допустить,—хотя выразилъ это только въ вопросительной формѣ, и то отъ лица Татьяны, — что его герой—„пародія“, „словъ модныхъ полный лексиконъ“, что онъ только „щеголяетъ маской“, но, въ концѣ концовъ, онъ возсталъ противъ такого пониманія Онѣгина. „Зачѣмъ же такъ неблагосклонно вы отзываетесь о немъ?“ (VIII, 9)—спросилъ онъ и читателей и критиковъ въ родѣ И. Кирѣевскаго. Этимъ онъ подчеркнулъ, что Онѣгинъ—одно, а онѣгинство—другое, что „странность“ Онѣгина—„неподражательная“ (I, 45), что не надо смѣшивать Онѣгина съ тѣми добрыми малыми, которые донашивали его костюмъ. Заканчивая въ концѣ 1830 года свой „романъ въ стихахъ“, Пушкинъ въ то же время написалъ свои „Повѣсти Бѣлкина“, въ одной изъ которыхъ выводитъ на сцену такого добраго малаго, Алексѣя Берестова, донашивающаго онѣгинскій костюмъ; этотъ провинціальный герой сводилъ съ ума всѣхъ уѣздныхъ барышень, такъ какъ „первый явился передъ ними мрачнымъ и разочарованнымъ, первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того, носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи...“ („Барышня-крестьянка“). Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше это входило въ моду; въ тридцатыхъ годахъ всѣ уѣздные кава-

леры были уже Онѣгиными и сводили этимъ съ ума всѣхъ уѣздныхъ барышень.

Но, конечно, не эти уѣздные кавалеры были духовными потомками Онѣгина; ими были тѣ „лишніе люди“ николаевской эпохи, о которыхъ намъ уже приходилось упоминать выше. Этимъ духовнымъ потомкамъ Евгенія Онѣгина слѣдовало бы удѣлить не меньше вниманія, чѣмъ его историко-генетическимъ предкамъ; обширной темѣ этой посвященъ многочисленный рядъ работъ, начиная отъ книги Авдѣева „Наше общество 1820—1870 гг. въ герояхъ и героиняхъ литературы“ (1874 г.) и вплоть до аналогичной по типу книги Овсянико-Куликовскаго „Исторія русской интеллигенціи“. Замѣчу только, что какъ ни разнообразны характеры многочисленной группы лишнихъ людей, но всѣ они принадлежатъ къ одному и тому же типу: все это, начиная отъ Чацкаго и Онѣгина и кончая героями Чехова, — ни павы, ни вороны; все это люди, отъ мѣщанскаго берега отставшіе и къ берегу индивидуализма не приставшіе; все это слабые, безвольные, мятущіеся люди. Николаевская система оффиціальнаго мѣщанства создала удобную почву, на которой развивались такіе характеры не только въ зависимости отъ историко-генетическаго происхожденія, но и въ силу соціально-политическаго положенія. Въ силу этого положенія и роль лишнихъ людей сороковыхъ-пятидесятыхъ годовъ (Бельтовъ, Рудинъ) была иная, чѣмъ въ свое время роль Евгенія Онѣгина: Онѣгинъ былъ почти пассивнымъ статистомъ на сценѣ русской общественной жизни, а Бельтовъ или Рудинъ были активными дѣятелями, хотя и безсильными свершить что-либо. Правда, они ничего не сдѣлали; они „говорили, говорили, говорили — и только“; но уже давно замѣчено, что бываютъ времена, когда слово—большое дѣло. За Онѣгинымъ же не было ни слова, ни дѣла. Ну, конечно: „яремъ онъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ, и рабъ судьбу благословилъ“, на что̀ до надоѣдливости единодушно указываютъ всѣ комментаторы „Евгенія Онѣгина“; но вѣдь и это Онѣгинъ сдѣлалъ лишь для того, „чтобъ только время проводить“! (II, 4). То, что для современника Онѣгина, дека-

бриста Якушкина, было дѣломъ нравственнаго долженствованія, для Онѣгина было лишь средствомъ какъ-нибудь убить время. Во сколько же разъ выше такого онѣгинскаго „дѣла“ горячія „слова“ Рудина, будившія мысль, поднимавшія энергію, пробуждавшія человѣка!

Въ шестидесятыхъ годахъ на смѣну лишнимъ людямъ, потомкамъ стараго служилаго дворянства, загубленнымъ и духовной наслѣдственностью и глухой петлей николаевскаго режима, пришли сильные и бодрые „разночинцы“; казалось, что онѣгинство навсегда похоронено. Такъ казалось; оказалось же нѣчто совершенно противоположное; оказалось, что чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ яснѣе и живѣе воскресаютъ среди русской интеллигенціи черты навсегда похороненнаго онѣгинства. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ разладъ со средой сталъ больно чувствоваться, какъ оторванность отъ почвы, какъ разрывъ между „интеллигенціей“ и „народомъ“; понадобилась еще четверть вѣка жизненнаго опыта и народа и интеллигенціи, чтобы выяснился путь ихъ взаимнаго пониманія. А если прибавить, что, кромѣ оторванности отъ почвы и разлада со средой—стараго наслѣдства всего XVIII и XIX вв., — интеллигенція все это время испытывала тяжелое давленіе извнѣ, что борьба ея становилась все героичнѣе, но и все безнадежнѣе вплоть до восьмидесятыхъ годовъ минувшаго вѣка, то станетъ ясной неизбѣжность возрожденія къ этому времени онѣгинства, конечно, въ новыхъ формахъ. Появились слабые, безвольные, лишніе люди восьмидесятыхъ годовъ, чеховскіе герои, Лаевскіе, Ивановы и имъ подобные.

Всѣ они—несомнѣнные потомки Онѣгина, несомнѣнные наслѣдники его характера, его міропониманія. Еще въ 1821—1822 г. Пушкинъ писалъ, что въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ онъ хотѣлъ изобразить „это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка“ („Переписка“, I, 36). Прибавимъ: молодежи и начала и конца XIX вѣка, какъ ни различны тѣ формы, въ которыхъ проявлялась ихъ преждевременная старость души. Пусть въ этой преждевременной старости соціологъ ищетъ призна-

ковъ дегенератства, „собачьей старости“, вырожденія; черты эти несомнѣнны, хотя бы по одному тому, что на всемъ протяженіи исторіи русской интеллигенціи эта старость души всегда была слѣдствіемъ великой усталости послѣ безплодной борьбы цѣлыхъ поколѣній за жизнь. Пусть такъ; пусть онѣгинство—болѣзнь или усталость духа: пусть правъ осуждающій его историкъ и соціологъ. Но вотъ вопросъ: нѣтъ ли въ этой „болѣзни“ такихъ элементовъ, которые дороже и цѣннѣе самого здоровья? Или, возвращаясь къ Онѣгину, тотъ же вопросъ въ болѣе опредѣленной формѣ: не является ли „болѣзнь“ Онѣгина для Пушкина самымъ цѣннымъ въ немъ свойствомъ, самой цѣнной стороной героя его романа и всѣхъ его поэмъ?

Да, это несомнѣнно такъ. Въ Онѣгинѣ, несомнѣнно, были такія черты, которыя ставили его выше „хладной посредственности“, и черты эти были особенно не по душѣ той массѣ, которой „посредственность одна по плечу и не странна“; въ этомъ состояла и „болѣзнь“ Онѣгина. Болѣзнь эта — le mal du siècle — та „міровая скорбь“, которой страдали многіе изъ лучшихъ людей на Западѣ, особенно послѣ крушенія надеждъ и иллюзій 1789—1793 гг.; на этой почвѣ выросъ, этимъ страданіемъ пропитался и байронизмъ, слабое отраженіе котораго мы видѣли въ русской литературѣ. Вопросы о цѣнности бытія, о смыслѣ существованія стали во всей своей остротѣ передъ наиболѣе чуткими людьми, искавшими послѣднихъ отвѣтовъ на послѣдніе вопросы: „зачѣмъ я существую?.. Зачѣмъ все живущее въ мірѣ такъ несчастно?“ (Байронъ, „Каинъ“); а безсиліе отвѣтить на подобные вопросы было одною изъ причинъ „міровой скорби“. Конечно, Онѣгинъ не былъ и не могъ быть носителемъ этой скорби за людей, за человѣчество, за міръ; конечно, въ Онѣгинѣ не было никакихъ элементовъ „богоборчества“, какъ слѣдствія, проявленія и выраженія этой міровой скорби. И мы видѣли, что когда Пушкинъ понялъ это, то пересталъ воспѣвать титаническихъ героевъ и перешелъ къ обрисовкѣ типа Евгенія Онѣгина. Все это такъ, но тѣмъ не менѣе крайне ошибочно было бы утверждать, что вся хандра и разочарованность Онѣгина—исключительное слѣдствіе Кат-

zenjammer'а безъ малѣйшей черты Weltschmertz'а, какъ это утверждалъ когда-то Писаревъ. Да, конечно, Онѣгинъ не носитель осознанной міровой скорби; его хандра („недугъ, котораго причину давно бы отыскать пора", I, 38) имѣетъ своей причиной не этическіе, философскіе или религіозные мотивы, а историческія, общественныя и сословныя условія; но въ то же время въ Онѣгинѣ впервые—по крайней мѣрѣ впервые въ нашей литературѣ — русская интеллигенція подошла вплотную къ началу проклятыхъ вопросовъ, неразлучныхъ съ міровой скорбью:

Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто боленъ!
Надъ тѣмъ лежитъ судьбы рука.
Но я здоровъ, я молодъ, воленъ;
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

Такъ восклицаетъ Онѣгинъ и уже однимъ этимъ пріобщается къ „міровой скорби", правда, въ самомъ ея примитивномъ видѣ; уже однимъ этимъ Пушкинъ отдѣляетъ его отъ безчисленной толпы добрыхъ малыхъ, донашивающихъ онѣгинскій костюмъ. Вопросы о цѣли бытія, о цѣли собственной жизни никогда не мучаютъ добрыхъ малыхъ Алексѣевъ Берестовыхъ или позднѣйшихъ чеховскихъ „нормальныхъ" людей въ родѣ фонъ-Кореновъ и докторовъ Львовыхъ („Дуэль", „Ивановъ"); эти вопросы и эта иной разъ безсознательная тоска — удѣлъ Онѣгиныхъ. Онѣгинъ впервые подошелъ къ истоку этихъ „проклятыхъ вопросовъ", которые впослѣдствіи такимъ широкимъ потокомъ залили собою русскую жизнь и литературу и все глубже и больнѣе становились для русской интеллигенціи ея жизненной трагедіей.

И вотъ эта-то „болѣзнь" Онѣгина для Пушкина (да и для насъ) дороже всякаго здоровья добрыхъ малыхъ Алексѣевъ Берестовыхъ и всѣхъ, иже съ ними. Пусть эта болѣзнь была въ Онѣгинѣ мало осознанной, но съ тѣмъ большей силой онъ страдалъ отъ нея. Пусть Онѣгинъ по умственному развитію былъ неизмѣримо ниже лучшихъ людей своей эпохи—Пестелей, Тургеневыхъ и прочихъ главарей декабристовъ, но зато была область, въ которой онъ, самъ того не сознавая, былъ гораздо выше ихъ: это именно

область тѣхъ мучительныхъ недоумѣній о цѣли жизни, которыя были совершенно чужды позитивному міровоззрѣнію декабризма. Это не значитъ, разумѣется, что онѣгинство есть конечный этапъ чувства и мысли; онѣгинство есть первый вопросъ, на который надо такъ или иначе отвѣтить, и мы сейчасъ увидимъ, какъ отвѣчалъ и отвѣтилъ на этотъ вопросъ самъ Пушкинъ. Но, во всякомъ случаѣ, вотъ что̀ несомнѣнно: поскольку онѣгинство есть „болѣзнь", близкая міровой скорби, постольку оно было дорого Пушкину. Это болѣзнь, которая дороже всякаго нравственнаго здоровья, всякой духовной сытости и ограниченности; это болѣзнь, которой только и можно желать для всѣхъ погруженныхъ въ самодовольную духовную спячку, для всѣхъ добровольныхъ кастратовъ духа, для всѣхъ слѣпо вѣрующихъ въ ту или иную догму или систему. Но въ то же время это болѣзнь, которой надо переболѣть не для того, чтобы погрузиться въ прежнюю духовную спячку, а для того, чтобы подняться на болѣе высокую ступень самосознанія; этой болѣзнью надо переболѣть, но ее необходимо и преодолѣть.

Какъ преодолѣлъ ее Пушкинъ и къ чему онъ, мало-помалу, пришелъ въ то время, когда писалъ свой романъ,— вотъ о чемъ намъ предстоитъ еще сказать. *«Евгеній Онѣгинъ» и Россія XVIII и XIX вв.*—этой темѣ мы посвятили предыдущія страницы; намъ осталось заключить нашъ очеркъ краткимъ развитіемъ второй темы—*«Евгеній Онѣгинъ» и міровоззрѣніе Пушкина.*

X.

Пушкинъ началъ писать „Евгенія Онѣгина" (9 мая 1823 года) еще въ Бессарабіи, когда онъ былъ, по удачной игрѣ словъ его друзей, не столько „бессарабскій", сколько „бѣсъ арабскій"; онъ продолжалъ его въ 1823—1824 гг. въ „Одессѣ пыльной" (закончена первая глава, написана вторая, начата третья), въ 1824—1826 гг. въ Михайловскомъ, „въ тѣни лѣсовъ Тригорскихъ" (закончена третья глава, написаны четвертая, пятая, шестая); наконецъ, послѣднія двѣ главы писались въ 1827—1830 гг. то въ Москвѣ, то

въ Михайловскомъ, то въ Петербургѣ, то въ Болдинѣ; 25 сентября 1830 года Пушкинъ дописалъ послѣднія строки романа. Итакъ, по подсчету самого Пушкина, онъ писалъ этотъ свой романъ „7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней“, а въ дѣйствительности гораздо больше, такъ какъ въ теченіе почти всего 1831 года онъ продолжалъ работать надъ послѣдней главой романа; онъ былъ тогда уже женатъ, „остепенился“ и вообще вступилъ въ послѣдній періодъ своей короткой и бурной жизни. Если же мы вспомнимъ, что колыбелью своего „Онѣгина“ Пушкинъ считалъ Крымъ, и что въ Крыму онъ былъ въ 1820 году, то увидимъ, что „Онѣгинъ“ сопровождалъ Пушкина въ теченіе всего лучшаго десятилѣтія его жизни, и что Пушкинъ имѣлъ основаніе заключить свое прощаніе съ Онѣгинымъ многознаменательными словами: „прости-жъ и ты, *мой спутникъ странный*“ (VIII, 50).

Только къ концу романа, только къ концу эпохи 1820—1830 гг. стали приходить къ гармоническому сочетанію разныя стороны мятущагося духа Пушкина; только къ этому времени у него сложилось въ окончательной формѣ и осозналось „міровосчувствованіе“, свойственное его психологическому типу; только къ этому времени проявился во всей своей силѣ и чарующей красотѣ яркій, гармоничный „пушкинскій“ взглядъ на міръ, на жизнь, на человѣка. Развитіе этого взгляда закрѣплено въ лирическихъ произведеніяхъ Пушкина, начиная отъ лицейскаго періода и до 30-хъ годовъ; но развѣ и весь „Евгеній Онѣгинъ“ не удивительная лирическая поэма? И такимъ образомъ, если въ лирикѣ отражается сознательная или безсознательная „философія“ поэта, то развѣ не въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ намъ надо искать эту „философію“ Пушкина или, вѣрнѣе, его стихійную мудрость? Попробуемъ же снова обратиться къ „Евгенію Онѣгину“, но оставимъ совершенно въ сторонѣ и Онѣгина и Татьяну, какъ типовъ опредѣленной эпохи, и петербургскій „большой свѣтъ“, и провинціальныхъ чудаковъ; обратимся снова къ „Евгенію Онѣгину“, но въ „небрежныхъ строфахъ“ этого романа будемъ искать только самого Пушкина, только его чувства, мысли, настроенія; посмотримъ, какъ и въ какомъ направленіи развивалось отношеніе Пушкина къ міру, къ

жизни, къ человѣку въ эти „7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней“ (а въ сущности около десяти лѣтъ), когда онъ обдумывалъ и писалъ этотъ свой „романъ въ стихахъ“.

Въ 1823 году, начиная „Евгенія Онѣгина“, Пушкинъ написалъ своего знаменитаго „Демона“; въ 1830 году, только-что закончивъ этотъ романъ, Пушкинъ написалъ тѣсно связанный по идеѣ съ „Демономъ“ отрывокъ „Въ началѣ жизни школу помню я...“ Оба эти стихотворенія—исповѣдь поэта, и оба они тѣсно связаны съ „Евгеніемъ Онѣгинымъ“. Еще „въ началѣ жизни“, еще въ тѣ дни, когда поэту „были новы всѣ впечатлѣнья бытія“, его вниманіе привлекли „двухъ бѣсовъ изображенья“.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной...

Это былъ „сей ангелъ, сей надменный бѣсъ“, который надолго сталъ Демономъ Пушкина, „страннымъ спутникомъ“ его жизни:

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ...

Но этотъ Демонъ, знакомый Пушкину, по собственному признанію поэта, уже съ начала его сознательной жизни, сперва стоялъ въ тѣни и посѣщалъ поэта лишь мимолетно. Въ послѣдніе годы лицейской жизни и въ первые годы свѣтской петербургской жизни Пушкина, т.-е. въ періодъ его жизни до 1820 года, властителемъ души поэта былъ

Другой—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный...

Это была пора необузданнаго, безмѣрнаго пушкинскаго „эпикуреизма“, та пора, о которой онъ самъ вспоминалъ въ одной изъ позднѣйшихъ строфъ „Евгенія Онѣгина“:

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ...
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары
И какъ вакханочка рѣзвилась... (VIII, 3).

Это была пора, когда „волшебный демонъ“ нашептывалъ поэту простую и соблазнительную мудрость жизни: розы наслажденья, круговая чаша, „пиры, любовницы, друзья“, жизнь, проведенная „межъ Вакха и Амура“, и легкая смерть на груди любовницы—вотъ мудрость жизни, вотъ ея „философія“ (см., напримѣръ, „Кн. А. М. Горчакову“, 1815 г.). „Гоните мрачную печаль,—*плѣняйте умъ обманомъ,—и милой жизни свѣтлу даль — кажите за туманомъ*“ („Мечтатель“, 1815 г.): вотъ краткая формула этой философіи, удивительная по своей яркости и сжатости въ устахъ шестнадцатилѣтняго поэта. И тутъ же надо замѣтить, что нѣкоторыя черты этой „эпикуреистической“ философіи остались у Пушкина навсегда, сдѣлавшись характерными чертами пушкинскаго отношенія къ жизни: молодое вино перебродило и изъ него вышелъ напитокъ достойный боговъ, но главныя заложенныя въ немъ свойства остались прежними. Налетъ „эпикуреизма“ до конца оставался на міровоззрѣніи Пушкина; девизъ „carpe diem“, въ безконечно углубленномъ смыслѣ, навсегда остался девизомъ пушкинскаго міропониманія.

Какъ извѣстно, этотъ легкомысленный, юношескій эпикуреизмъ сталъ понемногу уступать мѣсто болѣе строгому взгляду на міръ и на жизнь еще въ періодъ свѣтской петербургской жизни Пушкина, до его ссылки 1820 года. Не надо забывать, что послѣ лицея Пушкинъ попалъ въ среду военной молодежи, весьма высокую въ ту эпоху по своему умственному уровню и проникнутую общественными и политическими интересами; къ этой эпохѣ относится и благо-

творное вліяніе Чаадаева на Пушкина. Въ рядѣ стихотвореній той эпохи, на ряду съ прежнимъ восхваленіемъ даровъ Вакха и Амура, мы слышимъ также первые звуки „разочарованія“, первые звуки голоса пушкинскаго Демона; одновременно съ этимъ Пушкинъ былъ увлеченъ политическимъ либерализмомъ эпохи и впослѣдствіи самъ считалъ себя пѣвцомъ декабризма (см. „Аріонъ“, 1827 г.). Его рѣзкія эпиграммы на Аракчеева, ода „Вольность“, „два иль три Ноэля“ были выраженіемъ этихъ его чувствъ и послужили причиной его ссылки на югъ весною 1820 года. Творческій даръ его къ этому времени возмужалъ, окрѣпъ и каждое новое произведеніе его этой эпохи было новымъ шагомъ впередъ; ссылка же, каковы бы ни были ея отрицательныя стороны, оказала на Пушкина громадное благотворное вліяніе: она оторвала его отъ нелѣпаго свѣтскаго прожиганія жизни (которое такъ хорошо описано въ первой главѣ „Евгенія Онѣгина“), она дала ему возможность увидѣть Россію, увидѣть Кавказъ, Крымъ; она уединила его отъ „свѣтской черни“ и поставила его лицомъ къ лицу съ самимъ собой. Пушкинъ нуждался въ этомъ; быть можетъ, всего необходимѣе было для него остаться „наединѣ съ своей душой“, прислушаться къ голосу своего „злобнаго генія“, вливающаго въ душу „хладный ядъ“ отрицанія какой бы то ни было цѣнности жизни.

Къ этому времени впервые Пушкинъ глубоко призадумался надъ жизнью; въ своемъ посланіи къ Чаадаеву Пушкинъ писалъ (въ апрѣлѣ 1821 года) изъ своей бессарабской ссылки:

. . . сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну
Для сердца новую вкушаю тишину;
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій...

Несомнѣнно, что въ это время Пушкина „къ размышленію влекло“ все то, о чемъ онъ говоритъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“: „плоды наукъ, добро и зло, и предразсудки вѣковые, и гроба тайны роковыя, судьба и жизнь...“ (II, 16). Правда, во все это время Пушкинъ по внѣшности оставался тѣмъ же необузданнымъ повѣсой, какимъ былъ въ Петербургѣ; онъ

все еще былъ неперебѣсившійся „бѣсъ арабскій“; онъ часто вспоминалъ о своей былой шумной и угарной жизни въ Петербургѣ, изнывалъ отъ скуки и бранилъ „проклятый городъ Кишиневъ“, какъ позднѣе и Одессу. Эта внѣшность часто обманываетъ тѣхъ узкихъ ригористовъ, которые не могутъ понять,

. . . . что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ...

Такъ не понимали и Пушкина. А между тѣмъ въ глубинѣ его души все сильнѣе и сильнѣе звучалъ голосъ разочарованія былой жизнью: „увы! на разныя забавы я много жизни погубилъ!“ (I, 30). Но тутъ же рядомъ сталъ звучать и другой голосъ—голосъ пушкинскаго Демона. Правда, „кто чувствовалъ, того тревожитъ призракъ невозвратимыхъ дней; тому ужъ нѣтъ очарованій, того змія воспоминаній, того раскаянье грызетъ“; но непосредственно за этимъ раскаяніемъ—прелестная ядовитая выходка pro domo sua: „все это часто придаетъ большую прелесть разговору!“ (I, 46). Какъ видимъ, во всемъ этомъ есть еще много „разговора“; и эту ядовитую бутаду нашепталъ поэту его Демонъ. Этотъ Демонъ, „духъ отрицанья, духъ сомнѣнья“ заставилъ поэта не ограничиться легковѣснымъ порицаніемъ эпикуреизма былыхъ „невозвратимыхъ дней“, а заставилъ его подойти къ болѣе острому вопросу: да есть ли въ жизни вообще что-либо цѣнное, во имя чего слѣдовало бы порицать былое прожиганіе жизни? Быть можетъ, свобода и любовь—сказки, жизнь — насмѣшка, природа и окружающій міръ—сплошное зло, прекрасное—недостижимая мечта? Мы знаемъ, что именно это и именно такими словами нашептывалъ Пушкину его Демонъ; онъ нашептывалъ ему, что жизнь — безсмыслица, что въ мірѣ и жизни нѣтъ никакой (ни объективной, ни субъективной) цѣнности.

И Пушкинъ одно время, повидимому, внялъ этому своему Демону, вѣрнѣе—былъ побѣжденъ имъ:

Мнѣ было грустно, тяжко, больно,
Но, одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ...

Первая борьба съ Демономъ окончилась пораженіемъ поэта; Пушкинъ призналъ, по его же выраженію, „вѣчныя противорѣчія существенности“; онъ написалъ тогда своего „Демона“ и „Телѣгу жизни“ (1823 г.). Въ чемъ цѣль, въ чемъ смыслъ жизни?—Ихъ нѣтъ; цѣль—„ночлегъ“, могила, къ которой „время гонитъ лошадей“...

XI.

И вотъ, въ такую полосу своей жизни Пушкинъ началъ писать „Евгенія Онѣгина“; въ героѣ этой поэмы Пушкинъ мало-по-малу и наполовину безсознательно преодолѣвалъ своего „злобнаго генія“, Демона, какъ это уже давно отмѣчено изслѣдователями, начиная съ Анненкова. Громадное значеніе имѣетъ поэтому тоже давно доказанная въ пушкинской литературѣ тѣсная связь типа Онѣгина съ чертами Демона [1]); строфы 45—46 первой главы „Евгенія Онѣгина“ составляютъ разработку тѣхъ же мотивовъ, которые выражены въ „Демонѣ“ и въ черновыхъ набросках къ нему:

Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ... (I, 45).

„Рѣзкій, охлажденный умъ“ Онѣгина и его „язвительный споръ“ — это тѣ самыя „язвительныя рѣчи“ Демона, которыя вливали въ душу Пушкина „хладный ядъ“; насколько въ самомъ Пушкинѣ были тогда ярки эти общія и Онѣгину и Демону черты — ясно изъ того, что близко узнавшій Пушкина Мицкевичъ видѣлъ въ указанныхъ строфахъ „Евгенія Онѣгина“ (I, 45—46) вѣрный портретъ самого поэта. Когда Пушкинъ нѣсколько привыкъ къ голосу своего

---

[1]) См. объ этомъ статью Л. Поливанова «Демонъ Пушкина» («Русск. Вѣстн.» 1886 г., № 8, стр. 827—850), и подробное примѣчаніе къ «Демону» въ т. II, стр. 618 сочиненій Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Тамъ же можно найти указанія на связь образа Демона и типа Онѣгина съ лицомъ А. Н. Раевскаго,—вопросъ, который мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ.

Демона, „лукаваго“, „злобнаго генія“, то понялъ, что въ нашептываемыхъ имъ словахъ нѣтъ ничего „демоническаго“. Да, ни міръ, ни жизнь не имѣютъ абсолютной цѣнности, не имѣютъ объективнаго смысла; но для того, чтобы придти къ этой истинѣ, нѣтъ никакой необходимости быть „надменнымъ бѣсомъ“, Демономъ, достаточно быть только человѣкомъ. Правда, Демонъ шелъ дальше: онъ нашептывалъ поэту, что жизнь и міръ не имѣютъ вообще *никакой* цѣнности—и вотъ именно это утвержденіе абсолютнаго нигилизма преодолѣвалъ Пушкинъ. Въ Онѣгинѣ мы имѣемъ такое отрицаніе всякой цѣнности жизни; одно время именно такой взглядъ на жизнь сталъ удѣломъ Пушкина:

Открылъ я жизни бѣдный кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ... [1]).

А эта вѣра и надежда нашла свое олицетвореніе въ поэтическомъ образѣ Ленскаго.

Фарнгагенъ-фанъ-Энзе въ своей статьѣ о Пушкинѣ (въ „Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik“, 1838 г., Oct.) одинъ изъ первыхъ отмѣтилъ, что Онѣгинъ и Ленскій—раздвоеніе души самого поэта, подобно братьямъ Фультъ и Вальтъ у Ж.-П. Рихтера. Это положеніе стало вскорѣ общепринятымъ; слишкомъ несомнѣнно, что Пушкинъ одновременно заключалъ въ своей душѣ и Онѣгина и Ленскаго. Конечно, въ то же самое время оба они не отвлеченные символы, а вполнѣ реальные общественные типы, но въ томъ-то и состоитъ искусство художника, что онъ объективируетъ въ реальномъ образѣ свои внутреннія переживанія и мысли. Такъ и Ленскій, часть души поэта, сталъ въ то же время реальнымъ типомъ; его характеристика во второй главѣ романа—цѣнный общественно-бытовой и психологическій портретъ „романтика“ двадцатыхъ годовъ. Его романтизмъ

---

[1]) Этотъ черновой отрывокъ (1823 г.) относится или къ «Демону», или къ 45—46 строфѣ I главы «Евгенія Онѣгина», настолько они близки другъ другу.

очерченъ сжато, мастерски; теорія любви, какъ соединенія предназначенныхъ другъ другу „родныхъ душъ“, шеллингіанская вѣра въ „генія“, мистическая вѣра въ прогрессъ—все это списано прямо съ натуры; съ натуры списанъ и тотъ сентиментальный псевдо-романтизмъ школы Карамзина-Жуковскаго, который въ то время считался истиннымъ романтизмомъ. „Темно и вяло“ Ленскій „пѣлъ любовь..., разлуку и печаль, и нѣчто, и туманну даль, и романтическія розы“,—вообще, все то, „что̀ романтизмомъ мы зовемъ, хоть романтизма тутъ нимало не вижу я“, какъ иронически замѣтилъ самъ Пушкинъ (II, 10; VI, 23). Во всякомъ случаѣ, Ленскій — яркій типъ той эпохи, одинъ изъ представителей философско-художественнаго теченія 1818 — 1826 годовъ, одновременнаго декабризму.

И въ то же время Ленскій, несомнѣнно, часть души самого Пушкина; если Онѣгинъ—это тотъ Пушкинъ, который отрицаетъ какую бы то ни было цѣнность жизни, то Ленскій—это тотъ Пушкинъ, который пытается противопоставить абсолютному нигилизму вѣру въ осмысленность жизни, въ ея тайную цѣль:

Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ
И чудеса подозрѣвалъ (II, 7).

Эти „чудеса“ заключались не только въ соединеніи родныхъ душъ, но и въ блаженномъ будущемъ людей, счастіи человѣчества: на пути къ совершенству ведутъ насъ избранные герои духа, геніи, и „ихъ безсмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь насъ озаритъ и міръ блаженствомъ одаритъ“ (II, 8; ср. II, 38). Но Ленскому мало было этой „вѣры въ прогрессъ“, выражаясь современнымъ терминомъ; ему мало было вѣры въ блаженство будущихъ поколѣній; онъ хотѣлъ еще и личнаго безсмертія—и этимъ выражалъ собою чувства самого Пушкина. Пушкинъ страшился загробнаго „ничтожества“, и въ то самое время, когда его все болѣе и болѣе склоняла къ себѣ система „чистаго Аѳеизма“ („система...., къ нещастію, болѣе всего правдоподобная“; „Переписка“, I, 103), въ это самое время онъ еще

борется за вѣру, ищетъ спасенія въ „мечтахъ поэзіи прелестной“ (см. отрывокъ „Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный“, 1822 г., особенно въ его первоначальномъ видѣ). Такъ въ Пушкинѣ боролся абсолютный нигилизмъ Демона-Онѣгина съ простодушной вѣрой Ленскаго; не трудно было предсказать, кто выйдетъ изъ этой борьбы побѣдителемъ: „романтикъ“ Ленскій былъ убитъ въ Пушкинѣ скептикомъ Онѣгинымъ. Хотя Пушкинъ всегда завидовалъ вѣрѣ и осуждалъ сухой раціонализмъ (см. „Безвѣріе“, 1817 г., и ср. „Евг. Он.“, IV, 51), но все же всегда Ленскій въ немъ оказывался побѣжденнымъ и, наконецъ, былъ побѣжденъ окончательно.

Но Онѣгинъ, въ свою очередь, оказался побѣжденнымъ; Пушкинъ преодолѣлъ и необоснованную слѣпую вѣру и разочарованное абсолютное отрицаніе. Правда, борьба съ Онѣгинымъ и преодолѣніе его были неизмѣримо болѣе трудными; не сразу одержалъ Пушкинъ побѣду, не сразу разогналъ тучи и разсѣялъ бурю: это былъ тяжелый и постепенный процессъ освобожденія отъ путъ абсолютнаго нигилизма. Путы эти долго скрѣпляла та „скука“, которой не могъ не испытывать Пушкинъ, отрѣзанный отъ привычной обстановки сперва въ южной ссылкѣ, а затѣмъ въ Михайловскомъ, и которой онъ продолжалъ платить дань и въ Москвѣ и въ Петербургѣ по своемъ возвращеніи [1]). Но скука эта — не только онѣгинская „хандра“; въ ней есть значительная доля горькаго пессимизма, — результата согласія съ Демономъ, что въ жизни нѣтъ никакой цѣнности, никакого смысла. Міромъ и жизнью правитъ не Богъ, не міровой разумъ, а безсмысленная, слѣпая сила, которая не

[1]) Письмо къ Рылѣеву, 1825 г.: «Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть...»; изъ письма 1827 г.: «Здѣсь (въ Москвѣ) тоска попрежнему...»; изъ письма конца 1829 г.: «Въ Петербургѣ тоска, тоска»... («Переписка», I, 220; II, 7, 100 и др. Кстати замѣтить, въ послѣдней фразѣ Пушкинъ повторяетъ слова, вложенныя имъ въ уста Онѣгина). И въ эту же эпоху, въ 1826 г., Пушкинъ началъ свою «Сцену изъ Фауста» развитіемъ приведенной выше мысли изъ письма къ Рылѣеву: «Мнѣ скучно, бѣсъ! — Что дѣлать, Фаустъ! Таковъ вамъ положенъ предѣлъ, его-жъ никто не преступаетъ: вся тварь разумная скучаетъ»...

вѣдаетъ, что̀ творитъ. „Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля,—пишетъ Пушкинъ въ серединѣ 1826 года кн. Вяземскому,—кто посадитъ ее на цѣпь? Не ты, не я, никто...“ („Переписка“, I, 349). И если дѣйствительно такой намъ положенъ предѣлъ, если міромъ, жизнью и человѣкомъ безсмысленно правитъ огромная Обезьяна-судьба, если въ жизни нѣтъ рѣшительно никакой цѣнности, то какъ и чѣмъ побороть „хладный ядъ“ абсолютнаго нигилизма? Остается сложить въ безсиліи руки и признать, что Демонъ правъ. И подъ вліяніемъ такого настроенія Пушкинъ пишетъ вещи въ родѣ „26 мая 1828 г.“: „даръ напрасный, даръ случайный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?... Цѣли нѣтъ передо мною: сердце пусто, празденъ умъ, и томитъ меня тоскою однозвучный жизни шумъ“... Бѣлинскій вѣрно замѣтилъ, что это и подобныя ему стихотворенія были не „выраженіемъ паѳоса пушкинской поэзіи“, а скорѣе противорѣчіемъ этому паѳосу; но изъ этихъ вспышекъ мрачнаго пессимизма видно, что не легко давалась Пушкину его побѣда надъ Онѣгинымъ, какъ выраженіемъ всеотрицающаго начала.

Что же было, однако, этимъ „паѳосомъ“ пушкинской поэзіи, пушкинскаго міровосчувствованія? Или, иначе говоря, какъ и чѣмъ преодолѣлъ Пушкинъ Онѣгина, чѣмъ побѣдилъ онъ отрицаніе всякой цѣнности въ человѣческой жизни?—Въ Пушкинѣ побѣдила сама жизнь, радостное чувство красоты ея, признаніе не цѣнности *въ ней*, а цѣнности ея *самой по себѣ*. Въ жизни нѣтъ никакой абсолютной цѣнности—пусть такъ; но *сама жизнь* есть цѣнность, которая дала Пушкину твердую точку опоры. И Ленскій, и Онѣгинъ—оба были побѣждены этой стихійной мудростью великаго поэта; и хотя въ немъ до конца остались элементы и онѣгинскаго отрицанія и яснаго „пріятія міра“ Ленскимъ, но все же онъ сталъ выше и того и другого. Да, Онѣгинъ („демоническій“ Онѣгинъ первой-второй главы) правъ: въ мірѣ и въ жизни нѣтъ никакого объективнаго смысла; но правъ и Ленскій: міръ долженъ быть принятъ нами во всей его полнотѣ. Выше-всего стоитъ, надъ всѣмъ царитъ ясная, солнечная, радостная *жизнь*, не имѣющая объективнаго смысла,

но великая въ своей субъективной цѣнности: вотъ постоянный „паѳосъ“ поэзіи Пушкина, ея вѣчная сущность...

XII.

Все это ясно теперь, на разстояніи столѣтія отъ пушкинской поэзіи, но врядъ ли сознавалось самимъ поэтомъ. Однако, сознательно или безсознательно, но все ярче и сильнѣе выражалъ онъ эти свои чувства и настроенія въ своей лирикѣ, въ своемъ романѣ. И прежде всего онъ разгримировалъ Онѣгина изъ Демона въ простого москвича въ гарольдовомъ плащѣ; онъ понялъ, что демоническаго въ его героѣ нѣтъ ничего. Демонъ сыгралъ свою роль: „хладнымъ ядомъ“ своего скептицизма онъ убилъ „романтизмъ“ Пушкина-Ленскаго; нѣтъ ничего цѣннаго, — нашептывалъ онъ:—все въ жизни одинаково безсмысленно, все одинаково ненужно, нелѣпо, безцѣльно. Но—

Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ; но я привыкъ
Къ его язвительному спору... (I, 46).

И преодолѣвъ первое смущенье, Пушкинъ противопоставилъ отрицанію объективной цѣнности жизни — признаніе ея великой субъективной цѣнности, отрицанію объективнаго смысла жизни — признаніе ея великаго субъективнаго смысла.

Въ концѣ второй главы романа эти мотивы звучатъ съ достаточной опредѣленностью. Правда, мечтанія Ленскаго уже разбиты („для призраковъ закрылъ я вѣжды“, II, 39); правда, объективной цѣнности въ мірѣ нѣтъ никакой: „на жизненныхъ браздахъ“ поколѣнья восходятъ „мгновенной жатвой“ и вытѣсняются одно другимъ, но выводъ отсюда— не отчаяніе, не міровая скорбь, а признаніе красоты и радостности этой мимолетной человѣческой жизни:

Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья;
Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я... (II, 39).

Это написано въ 1824 году, и въ словахъ этихъ еще слишкомъ много былого легкаго пушкинскаго эпикуреизма и слишкомъ мало признанія субъективной цѣнности жизни. Но во всякомъ случаѣ здѣсь сохранена вѣрная мысль періода эпикуреизма: признаніе цѣли жизни въ самой жизни; я уже сказалъ, что въ такомъ признаніи выражается, быть можетъ, вся сущность, весь „паѳосъ" великой радостной поэзіи Пушкина.

Ленскій былъ въ немъ убитъ, но Пушкинъ не отвергъ ни Ленскаго, ни Онѣгина [1]). Изъ взгляда Онѣгина поэтъ навсегда сохранилъ его отрицаніе абсолютной цѣнности міра, изъ философіи Ленскаго—ея ясное „пріятіе міра", принятіе жизни въ ея цѣломъ, со всѣми ея радостями и горестями, съ ея добромъ и зломъ, мрачными и свѣтлыми переживаніями: „правъ судьбы законъ"—

Все благо: бдѣнія и сна
Приходитъ часъ опредѣленный;
Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тьмы приходъ... (VI, 21).

Въ такія формы вылилось ясное, простое и величавое въ своей простотѣ отношеніе поэта къ „міровому злу"; это была не надуманная теорія, это было врожденное міровосчувствованіе, стихійная мудрость яснаго эллинскаго отношенія къ міру. Проклятія міру, негодующіе вопли, онѣгинская хандра—безсильны; надо или устранить себя отъ міра, или принять міръ въ его цѣломъ, принять не только его добро, но и его зло, принять не только жизнь, но и смерть. И Пушкинъ принималъ смерть (и свою и чужую) съ такой ясной, величавой простотой, которой нѣтъ равнаго примѣра въ русской, а быть можетъ и не только русской литературѣ; онъ принималъ смерть и побѣждалъ ее жизнью. „Спящій въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій"— это языческое міропониманіе отразилось съ новой силой въ творчествѣ Пушкина.

Ленскій убитъ. „Друзья мои, вамъ жаль поэта?" —спра-

---

[1]) Характерно, что тотчасъ же вслѣдъ за убійствомъ Ленскаго Онѣгинымъ Пушкинъ подчеркиваетъ свою любовь къ нимъ обоимъ («...Я сердечно люблю героя моего», VI, 43; о Ленскомъ см. VI, 36—37).

шиваетъ насъ Пушкинъ и рисуетъ двѣ картины возможной жизни Ленскаго: быть можетъ, его „ждала высокая ступень“, быть можетъ, онъ унесъ съ собой въ могилу „святую тайну“ поэзіи, „быть можетъ, онъ для блага міра, или хоть для славы былъ рожденъ“. „А можетъ быть и то: поэта обыкновенный ждалъ удѣлъ“, быть можетъ, онъ „узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ“:

Подагру-бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И, наконецъ, въ своей постелѣ
Скончался-бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей... (VI, 37—39).

Изъ этихъ двухъ картинъ вѣроятнѣе, конечно, вторая, но если бы даже съ Ленскимъ погибли и великія неисполненныя надежды, если даже онъ унесъ съ собой въ могилу „святую тайну“, то все же мы должны твердо принять и эту смерть, разъ мы принимаемъ весь міръ. Проклинать, негодовать — не въ духѣ ясной, языческой мудрости Пушкина:

Поэта память пронеслась,
Какъ дымъ по небу голубому;
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ... На что грустить?... (VIII, 14).

И таково было вѣчное міропониманіе, вѣрнѣе сказать—міровосчувствованіе Пушкина; такова была его вѣчная, стихійная мудрость. Еще въ 1821 году въ элегическомъ отрывкѣ „Гробъ юноши“ (очень схожемъ со строфами VI, 40—41 и VII, 14 „Евгенія Онѣгина“ 1826—1827 гг.) мы встрѣчаемъ этотъ же вопросъ: „изъ милыхъ женъ, его любившихъ, одна, быть можетъ, слезы льетъ... Къ чему?...“ Ни слезы, ни разговоры не помогутъ; „дѣлать нечего, такъ и говорить нечего“, какъ писалъ Пушкинъ въ 1826 г. кн. Вяземскому, узнавъ о смерти его трехлѣтняго сына. И въ 1831 году, глубоко потрясенный извѣстіемъ о смерти Дельвига, Пушкинъ пишетъ Плетневу о своей грусти, тоскѣ, но заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: „Вчера... (мы) говорили о немъ, называя его *покойникъ Дельвигъ*, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣ-

лать! Согласимся. Покойникъ Дельвигъ. Быть такъ... Будь здоровъ—и постараемся быть живы" („Переписка", II, 220; ср. II, 286—7, письмо отъ 22/VII 1831 г.). Постараемся быть живы, а когда придетъ смерть, то—

. . пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...

Такое пушкинское рѣшеніе о смерти, о жизни, о смыслѣ бытія кажется многимъ слишкомъ элементарнымъ, простымъ, ничего не рѣшающимъ; думающіе такъ не видятъ, не чувствуютъ всей стихійной мудрости, всей безсознательной глубины пушкинскаго міропониманія. Выражаясь современными философскими терминами, можно сказать, что Пушкинъ безсознательно преодолѣвалъ *метафизическій пессимизмъ* силою *психологическаго оптимизма*, силою чувства цѣнности и радостности переживаній, полноты бытія—взглядъ, который позднѣе нашелъ выраженіе и въ философіи Герцена, и въ творчествѣ Л. Толстого 60—70-хъ годовъ. Но ярче и гармоничнѣе, чѣмъ у Пушкина, взглядъ этотъ не былъ выраженъ никѣмъ и никогда во всей русской литературѣ.

Вотъ чѣмъ преодолѣвалъ Пушкинъ хандру Онѣгина, вотъ чѣмъ онъ сметалъ съ дороги всѣ капканы своего Демона, чѣмъ разрывалъ всѣ его путы, отражалъ всѣ его ядовитыя сомнѣнія: въ Пушкинѣ побѣдила стихійная, ясная, солнечная, безсознательная мудрость пріятія жизни, полноты бытія. И на этой высотѣ ничто не страшно—ни страданія, ни зло, ни самая смерть. Посмотрите, съ какой душевной ясностью, съ какой гармоніей духа Пушкинъ прощается со своей уходящей юностью или вспоминаетъ ее... [1]). Ему грустно встрѣчать каждую новую весну („съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ я наслаждаюсь дуновеньемъ въ лицо мнѣ вѣющей весны...", VII, 2), грустно потому, что никогда не вернутся его былые годы, потому, что невольно въ мысль ему приходитъ „иная, старая весна"; потому, что весна его

[1]) См., напримѣръ, «Вновь я посѣтилъ» (1835 г.) и ср. «Е. О.», II, 38; см. также «19 октября 1836 г.» (третья строфа) и ср. «Е. О.», VI, 44—46.

дней промчалась безвозвратно... Казалось бы, вотъ благодарная тема для „элегическихъ ку-ку“, надъ которыми смѣялся Пушкинъ („Соловей и Кукушка“, 1825 года); и всякій другой поэтъ кромѣ Пушкина непремѣнно принялся бы куковать на столь благодарную тему, или взывать: „о, возврати мнѣ мою юность!“ — какъ взывалъ даже великій германскій поэтъ. А теперь вспомните отвѣтъ самого Пушкина, его прощанье со своей уходящей юностью:

Такъ полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но такъ и быть: простимся дружно,
О, юность легкая моя...
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары—
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я насладился—и вполнѣ;
Довольно. Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть... (VI, 45).

Эта божественная, солнечная ясность и гармонія души — вотъ путь преодолѣнія онѣгинской тоски и демоническихъ сомнѣній; полнота бытія — вотъ отвѣтъ Пушкина на вопросъ о смыслѣ и цѣли существованія. Другого отвѣта нѣтъ; по крайней мѣрѣ Пушкинъ не видитъ никакой объективной цѣнности и цѣли жизни. Въ послѣдней главѣ своего романа онъ мимоходомъ только иронизируетъ надъ блаженствомъ того,

Кто цѣль имѣлъ и къ ней стремился,
Кто зналъ, зачѣмъ онъ въ свѣтъ родился,
И Богу душу передалъ,
Какъ откупщикъ иль генералъ (VIII, 10; черн. рук.).

Правда, это сознаніе отсутствія объективнаго смысла жизни давалось Пушкину не даромъ; мы знаемъ, что бывали мрачныя минуты и въ ясномъ пушкинскомъ пониманіи міра, минуты усталости, тоски, разочарованія, стремленія къ объективной цѣнности жизни. Въ такія минуты онъ писалъ стихо-

творенія въ родѣ „Три ключа“ (1827), „Даръ напрасный, даръ случайный“ (1828 г.) и т. п.; но настроеніе минуты не мѣняетъ „пaѳoca“ пушкинской поэзіи, какъ это замѣтилъ еще Бѣлинскій. Къ тому же—чѣмъ дальше шло время, тѣмъ эти минутныя вспышки становились рѣже; онѣ замѣнились вспышками возрастающей вражды къ безсмысленной „свѣтской жизни“, вспышками протеста противъ той жизни, какую Пушкинъ принужденъ былъ вести въ 1831—1836 гг. Но на „паѳосъ“ поэзіи Пушкина это не могло оказать никакого вліянія; къ тому времени, когда поэтъ кончалъ „Евгенія Онѣгина“, сущность его творчества проявилась уже окончательно; уже окончательно преодолѣлъ въ себѣ поэтъ абсолютный нигилизмъ Демона и разочарованность Онѣгина признаніемъ цѣнности жизни самой по себѣ. Жизнь, полнота бытія—явилась „паѳосомъ“ поэзіи Пушкина, и быть можетъ лучшей характеристикой сущности всей стихійной мудрости поэта является одна изъ строкъ довольно слабой передѣлки Ѳ. Клюшниковымъ стихотворенія „26 мая 1828 г.“:

Жизнь для жизни мнѣ дана...

И самъ Пушкинъ почти буквально этими же словами высказалъ свою мысль въ посланіи „Къ вельможѣ“ (1830 г.):

Ты понялъ жизни цѣль; счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь...

Въ этомъ переработанномъ и углубленномъ эпикуреизмѣ—задушевное, главное чувство Пушкина, „лейтъ-мотивъ“ его поэзіи; цѣль жизни—въ ней самой, въ полнотѣ бытія, въ каждомъ текущемъ моментѣ. И съ этой точки зрѣнія правъ Катковъ, заявившій въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ о Пушкинѣ („Русскій Вѣстникъ“, 1856 г., т. I и II), что Пушкинъ былъ „поэтъ мгновенія“. Да, Пушкинъ былъ поэтъ мгновенія въ томъ смыслѣ, что въ мгновеніи, въ настоящемъ онъ видѣлъ всю цѣль жизни; на предыдущихъ страницахъ я попробовалъ намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ это воззрѣніе Пушкина на міръ и жизнь росло и крѣпло въ немъ въ тѣ годы, когда онъ писалъ „Евгенія Онѣгина“, какъ оно проявлялось въ этомъ романѣ. Заканчивая этимъ краткое изученіе связи „Евгенія

Онѣгина“ и міровоззрѣнія Пушкина, еще разъ въ двухъ словахъ повторю намѣченное выше положеніе пушкинскаго романа и всего міровоззрѣнія поэта:

Полнота бытія и его напряженность—величайшая субъективная цѣль жизни человѣка: вотъ глубокая стихійная мудрость Пушкина, вотъ безсознательная философія „Евгенія Онѣгина“, вотъ что̀ таится въ поэзіи „легкомысленнаго версификатора“ (по печально извѣстнымъ словамъ Писарева, приведеннымъ выше).

Исполненныя прозрачной грусти послѣднія строки романа заключаютъ созвучнымъ аккордомъ эту стихійную мудрость великаго поэта. Не въ объективныхъ цѣляхъ Бога или природы смыслъ жизни, не въ продолжительности переживаній цѣль человѣка, а въ полнотѣ и яркости этихъ переживаній, въ ихъ силѣ, разнообразіи, стройности; и не тотъ мудръ и счастливъ, кто, подобно гончаровскому Штольцу (и самому Гончарову), считаетъ нормальнымъ назначеніемъ человѣка „прожить... четыре возраста безъ скачковъ и донести сосудъ жизни до послѣдняго дня, не проливъ ни одной капли напрасно“, а тотъ, кто жилъ всѣми сторонами души, всей полнотой бытія — и не дожилъ до ужасной старости Штольца-Гончарова; тотъ счастливъ и блаженъ,

. . . . . . кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ...

1908—1909 г.

Поэзія душевнаго единства.

(Бѣлинскій о Пушкинѣ).

Когда Бѣлинскій, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, вступалъ на литературно-критическое поприще—Пушкинъ подходилъ уже къ концу своего жизненнаго пути. Это время—начало тридцатыхъ годовъ — было періодомъ охлажденія „толпы“ къ Пушкину, и Бѣлинскій не избѣгъ этой общей участи и раздѣлялъ мнѣніе большинства о „паденіи таланта“ Пушкина.

Уже въ это время Бѣлинскій собирался писать о Пушкинѣ статью или рядъ статей; первое указаніе на это мы встрѣчаемъ еще въ 1835 году. Но вскорѣ послѣ этого погибъ журналъ „Телескопъ“, въ которомъ работалъ тогда Бѣлинскій, и его литературная дѣятельность прервалась на полтора года — съ осени 1836-го до весны 1838 года, когда вышелъ первый номеръ „Московскаго Наблюдателя“ редакціи Бѣлинскаго и его друзей. Впрочемъ и въ этомъ промежуткѣ вынужденнаго перерыва, Бѣлинскій не оставлялъ мысли писать о Пушкинѣ; въ письмѣ къ М. Бакунину отъ 1 ноября 1837 года онъ сообщаетъ между прочимъ: „скоро примусь за статью о Пушкинѣ; это должно быть лучшею моею критическою статьею“. Хотя и это намѣреніе осталось невыполненнымъ, но въ первомъ же номерѣ „Московскаго Наблюдателя“ за 1838 г. Бѣлинскій дѣйствительно помѣстилъ статейку о посмертныхъ произведеніяхъ Пушкина. Какъ ни незначительна эта статейка, но въ ней уже ясно

сказался переломъ и философскихъ воззрѣній Бѣлинскаго и его взглядовъ на Пушкина. Ревностный неофитъ гегеліанства, поклонникъ „разумной дѣйствительности“, объективной разумности міра и жизни—Бѣлинскій увидѣлъ въ Пушкинѣ величайшаго поэта „дѣйствительности“ въ этомъ смыслѣ; кромѣ того Бѣлинскій сумѣлъ оцѣнить теперь „художественную“ сторону значенія Пушкина. Первая изъ этихъ мыслей при дальнѣйшей эволюціи Бѣлинскаго подверглась значительному измѣненію, а вторая — о „художественномъ“ значеніи Пушкина—стала „лейтъ-мотивомъ“ его знаменитыхъ „пушкинскихъ статей“ сороковыхъ годовъ. Въ письмѣ къ Станкевичу (отъ сент.—окт. 1839 года) Бѣлинскій, какъ бы резюмируя отдѣльныя мѣста своихъ статей 1838 — 1839 гг., особенно подчеркнулъ и эту „художественность“ Пушкина, и его „міровое“ значеніе: „...Шиллеру до Пушкина—далеко кулику до Петрова дня. Какая полная *художественная* натура!.. Нѣтъ, пріятели, убирайтесь къ чорту съ вашими нѣмцами—тутъ пахнетъ Шекспиромъ новаго міра!“

Здѣсь достигаетъ апогея преклоненіе Бѣлинскаго предъ Пушкинымъ. Если въ указанной выше статейкѣ 1838 года Бѣлинскій еще находилъ, что „какъ поэтъ Пушкинъ принадлежитъ къ міровымъ, *хотя и не первостепеннымъ* геніямъ“, то въ статьяхъ 1839—1841 годовъ мы уже не находимъ подобной оговорки. Наоборотъ, въ одной изъ статей начала 1839 года („Русскіе журналы“, „Моск. Набл.“ 1839 г., № 4) Бѣлинскій восторженно повторяетъ слова Каткова: „какъ народъ Россіи не ниже ни одного народа въ мірѣ, такъ и Пушкинъ не ниже ни одного поэта въ мірѣ“... „Эти строки—прибавляетъ Бѣлинскій — ...составляютъ одну изъ самыхъ основныхъ опоръ нашей внутренней жизни, одно изъ самыхъ пламеннѣйшихъ вѣрованій, которыми живетъ духъ нашъ“... И это восторженное отношеніе къ Пушкину продолжало быть „основной опорой внутренней жизни“ Бѣлинскаго вплоть до періода его духовнаго кризиса 1840—1841 гг., когда всѣ опоры рушились, когда твердая почва вѣры въ „объективную разумность міра“ ушла изъ-подъ ногъ Бѣлинскаго. Именно къ этому времени относится начало охлажденія Бѣлинскаго къ Пушкину: поэзія его перестала „консонировать“ душѣ

Бѣлинскаго, впервые глубоко пораженной и измученной „нестерпимыми диссонансами бытія“; „паѳосъ“ поэзіи Пушкина— ясное, солнечное, художественное „пріятіе міра“—пересталъ быть родственнымъ и понятнымъ Бѣлинскому, которому теперь стала ближе, роднѣе—непримиримая и мучительная поэзія Лермонтова [1]).

Извѣстно, чѣмъ и какъ разрѣшился этотъ духовный кризисъ: Бѣлинскій нашелъ спасеніе на почвѣ вѣры въ прогрессъ, на почвѣ „соціальности“, общественности. На этой почвѣ укрѣпилось то пониманіе Бѣлинскимъ поэзіи Пушкина, которое мы найдемъ въ его „пушкинскихъ статьяхъ“ сороковыхъ годовъ. Мы не увидимъ въ нихъ прежняго пылкаго обожанія Пушкина, превознесенія его выше всѣхъ поэтовъ, наименованія его „Шекспиромъ новаго міра“; наоборотъ, начиная съ 1841—1842 года Бѣлинскій отказывается отъ прежней своей мысли, что Пушкинъ—„міровой“ поэтъ: впервые это выражено Бѣлинскимъ въ обзорѣ русской литературы за 1841 г. „Пушкинъ обладалъ міровою творческою силою,—говоритъ тамъ Бѣлинскій:—по формѣ онъ соперникъ всякому поэту въ мірѣ, но по содержанію, разумѣется, не сравнится ни съ однимъ изъ міровыхъ поэтовъ“... Причину этого Бѣлинскій видитъ въ неразвитости историческаго и общественнаго уклада русской жизни, ибо „поэту принадлежитъ форма, а содержаніе—исторіи и дѣйствительности его народа“. И въ статьѣ 1842 г. о „Рѣчи“ Никитенко Бѣлинскій снова повторяетъ эти свои мысли; онъ подчеркиваетъ великое *художественное* значеніе Пушкина, заслонившее собою отъ самого поэта общественное содержаніе его поэзіи. „Пушкинъ—говоритъ онъ—художникъ въ полномъ значеніи этого слова; это его преобладающее значеніе, его высочайшее достоинство, и, быть можетъ, его недостатокъ, вслѣдствіе котораго онъ чѣмъ болѣе становился художникомъ, тѣмъ болѣе отклонялся отъ современной жизни и ея интересовъ и принималъ аскетическое направленіе, наконецъ охолодившее къ нему общество“... Пушкинъ—повторяетъ Бѣлинскій нѣсколькими строками ниже—„былъ слишкомъ поэтъ, слишкомъ художникъ, можетъ быть, въ ущербъ своей великости въ другихъ значеніяхъ“...

[1]) См. ниже статью «Поэзія душевнаго раздвоенія».

Насколько въ настоящее время можно согласиться съ такими мнѣніями Бѣлинскаго — объ этомъ скажу ниже; теперь достаточно только указать на нихъ [1]). Съ такими взглядами вплотную подошелъ, наконецъ, Бѣлинскій къ давно задуманнымъ и давно обѣщаннымъ статьямъ о Пушкинѣ.

Преклоняясь предъ художественной мощью поэта, Бѣлинскій именно эту *художественность* поставилъ во главу угла своихъ статей, онъ сдѣлалъ Пушкина главнымъ выразителемъ теоріи „искусства для искусства" и назвалъ эту теорію уже миновавшимъ фазисомъ развитія русской литературы, русскаго сознанія; онъ связалъ этотъ миновавшій фазисъ съ условіями соціальнаго развитія Россіи и увидѣлъ въ Пушкинѣ „идеолога дворянства", выражаясь современными словами. И все это — на фонѣ восторженнаго восхищенія красотой и художественной мощью поэзіи Пушкина; восхищеніе это оставалось неизмѣннымъ съ начала и до конца „пушкинскихъ статей", съ 1843-го до 1846 года, хотя въ другихъ отношеніяхъ Бѣлинскій за это время все болѣе и болѣе охладѣвалъ къ Пушкину. Два-три примѣра. Въ началѣ 1841 года, въ статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова, Бѣлинскій говорилъ о Пушкинѣ, что „во всѣхъ томахъ его произведеній едва-ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выраженіе, даже слово"; а три года спустя, въ обзорѣ русской литературы за 1844 годъ, одновременномъ съ восьмой-девятой изъ „пушкинскихъ статей", Бѣлинскій подвергаетъ придирчивому и несправедливому анализу со стороны слога прелестное, тонко стилизованное „подъ Языкова", посланіе Пушкина къ Языкову, находя неточными, слабыми и непонятными такія выраженія, какъ „удалое посланіе", „молодое буйство", „разымчивая, хмельная брага", „свободная жажда". Другой примѣръ: прежде Бѣлинскій видѣлъ въ Пушкинѣ не только колоссальный творческій даръ,

---

[1]) Замѣчу кстати, что этотъ «общественный критерій» творчества Пушкина былъ по существу повтореніемъ аналогичныхъ мыслей Полевого, высказанныхъ еще въ началѣ 30-хъ годовъ и вызывавшихъ ранѣе рѣзкій отпоръ со стороны Бѣлинскаго. Особенно ясно сказалось вліяніе мыслей Полевого на пониманіи Бѣлинскимъ «Бориса Годунова», какъ это еще будетъ отмѣчено ниже.

но и великую умственную силу, а подъ конецъ своихъ „пушкинскихъ статей", въ 1846 г., онъ указываетъ на Пушкина и на Гоголя какъ на примѣръ „художественныхъ натуръ", у которыхъ „умъ уходитъ въ талантъ, въ творческую фантазію; и потому въ своихъ твореніяхъ, какъ поэты, они страшно, огромно умны, а какъ люди — ограничены и чуть не глупы"... (письмо къ Герцену отъ 6 апрѣля 1846 года). Какъ ни несправедливо подобное отношеніе къ Пушкину— въ которомъ даже мало компетентный въ этомъ Николай I видѣлъ „самаго умнаго человѣка въ Россіи"—однако характерно здѣсь прежнее преклоненіе Бѣлинскаго передъ „художественностью" натуры Пушкина; въ этомъ, повторяю, заключается „лейтъ-мотивъ" его знаменитыхъ „пушкинскихъ статей", которыми Бѣлинскій навсегда неразрывно связалъ свое имя съ именемъ Пушкина.

Непосредственнымъ введеніемъ къ этимъ статьямъ явилась статья о Державинѣ. Но это введеніе было, такъ сказать, введеніемъ „отъ-противнаго": Бѣлинскій доказывалъ, что Державинъ не былъ „поэтомъ-художникомъ"; въ Пушкинѣ же, наоборотъ, Бѣлинскій видѣлъ по преимуществу поэта-художника. Какимъ образомъ сталъ возможенъ въ русской литературѣ поэтъ-художникъ?—вотъ вопросъ, который Бѣлинскій рѣшаетъ въ первой, второй и третьей изъ „пушкинскихъ статей". Рѣшеніе это — историко-литературное: Бѣлинскій перебрасываетъ мостъ отъ Державина къ Пушкину, характеризируя сперва писателей XVIII вѣка, современныхъ Державину, а затѣмъ Карамзина, Жуковскаго и Батюшкова, какъ непосредственныхъ предшественниковъ Пушкина въ томъ или иномъ отношеніи. Все это вмѣстѣ должно было составить, по мысли Бѣлинскаго, обширную „критическую исторію русской поэзіи",—т.-е. главнѣйшую часть той „Критической исторіи русской литературы", надъ которой Бѣлинскій работалъ, начиная съ 1841 года и которую онъ такъ и не написалъ въ видѣ цѣльной книги. Но это и несущественно: въ рядѣ разрозненныхъ статей Бѣлинскаго мы имѣемъ цѣльную и единственную въ своемъ родѣ исторію русской литературы; въ статьяхъ этихъ впервые была вскрыта внутренняя связь, внутреннее развитіе

русской литературы отъ Кантемира и Ломоносова до Пушкина включительно.

Изучая это развитіе, Бѣлинскій окончательно отказался отъ своего ошибочнаго и не-историческаго взгляда на безсвязность явленій русской литературы. Еще въ 1840 году Бѣлинскій настаивалъ на прежнемъ своемъ тезисѣ — „у насъ нѣтъ литературы“—и спрашивалъ: „гдѣ ея историческое развитіе? Скажите, въ какомъ отношеніи находятся между собою эти поэты—Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ? Докажите, что Жуковскій непремѣнно долженъ былъ явиться послѣ Карамзина, а не прежде, Озеровъ и Батюшковъ—не прежде ихъ обоихъ!.. Нѣтъ, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ самъ по себѣ и отъ себя, независимо отъ прошедшаго, не спрашиваясь у настоящаго“... Къ 1842—1843 году Бѣлинскій отказался отъ этой ошибочной точки зрѣнія; онъ призналъ, что въ русской литературѣ есть исторія, есть внутреннее развитіе — и подробно остановился на изученіи этого развитія въ своихъ „пушкинскихъ статьяхъ“. Во второй изъ этихъ статей, какъ бы отвѣчая самому себѣ на приведенное выше мнѣніе 1840 года, Бѣлинскій доказываетъ, что „явленіе Жуковскаго вскорѣ послѣ Карамзина очень понятно и вполнѣ согласно съ законами постепеннаго развитія литературы, а черезъ нее и общества“. Еще подробнѣе и общнѣе говоритъ объ этомъ Бѣлинскій во введеніи къ „пушкинскимъ статьямъ“: „наблюдая за ходомъ отечественной литературы, мы, естественно, часто должны были въ прошедшемъ отыскивать причины настоящаго и прозрѣвать въ историческую связь явленій. Чѣмъ болѣе думали мы о Пушкинѣ, тѣмъ глубже прозрѣвали въ живую связь его съ прошедшимъ и настоящимъ русской литературы и убѣждались, что писать о Пушкинѣ — значитъ писать о цѣлой русской литературѣ: ибо какъ прежніе писатели русскіе объясняютъ Пушкина, такъ Пушкинъ объясняетъ послѣдовавшихъ за нимъ писателей. Эта мысль сколько истинна, столько и утѣшительна: она показываетъ, что, несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе, слѣдственно у нея есть исторія“... Основныя вѣхи этой исторіи Бѣлинскій и намѣчаетъ въ „пушкинскихъ статьяхъ“,

задаваясь цѣлью „проложить другимъ дорогу тамъ, гдѣ еще не протоптано и тропинки“. И несмотря на частичныя ошибки и заблужденія, дорога, проложенная Бѣлинскимъ, до сихъ поръ остается, и навсегда останется, не минуемой для всякаго историка русской литературы.

Обратимся къ этимъ главнымъ вѣхамъ нашего литературнаго развитія, намѣчаемымъ въ этихъ статьяхъ Бѣлинскимъ — къ Карамзину и Жуковскому, т.-е. сентиментализму и романтизму, которые пришли на смѣну ложноклассицизму XVIII-го вѣка. Во второй изъ „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскій подробно развиваетъ тѣ мысли о Карамзинѣ, которыя онъ высказалъ еще въ 1834 и 1841 гг., въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ и въ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ. Но теперь Бѣлинскій вноситъ и много новаго въ свое пониманіе значенія Карамзина: прежде онъ обращалъ главное вниманіе на его стилистическую реформу, теперь же онъ показываетъ зависимость этой внѣшней перемѣны отъ болѣе глубокихъ, внутреннихъ причинъ; по великолѣпному слову Бѣлинскаго, „галлицизмъ выраженій“ Карамзина былъ только слѣдствіемъ „галлицизма мыслей“ его, ибо „новыя идеи естественно требовали и новаго языка“. Эти новыя идеи — человѣчность, „жизнь сердца“, вообше все то, что̀ объединяется терминомъ „сентиментализмъ“; сущность этого теченія впервые была такъ подробно выяснена Бѣлинскимъ.

Еще подробнѣе остановился онъ на Жуковскомъ. Хотя Бѣлинскій и считалъ его первымъ представителемъ русскаго „романтизма“ и даже заявлялъ, въ полемикѣ съ Шевыревымъ, свое первенство въ выраженіи и развитіи этой мысли, однако еще настойчивѣе указывалъ Бѣлинскій на *сентиментальныя черты романтизма Жуковскаго.* Мысль эта только недавно стала безусловно признанной (послѣ появленія въ 1904 году монографіи А. Н. Веселовскаго „В. А. Жуковскій“); а между тѣмъ эту мысль Бѣлинскій не уставалъ твердить съ самаго начала своей критической дѣятельности. Еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій указывалъ на „одностороннюю мечтательность“ Жуковскаго и на то, что „у него часто подъ самыми роскошными формами скрываются какъ будто

карамзинскія идеи". Полугодомъ позже, въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя", Бѣлинскій еще опредѣленнѣе подчеркнулъ, что „Жуковскій ввелъ литературный *мистицизмъ*, который состоялъ въ *мечтательности*, соединенной съ ложнымъ *фантастическимъ*, но который въ самомъ-то дѣлѣ былъ не что иное, какъ нѣсколько возвышенный, улучшенный и подновленный *сентиментализмъ*". Эта блестящая характеристика остается и до сихъ поръ справедливой, хотя самъ Бѣлинскій иногда противорѣчилъ ей, заявляя, напримѣръ, что Карамзинъ никогда не былъ поэтомъ „и, слѣдственно, на Жуковскаго, какъ поэта, никакого вліянія имѣть не могъ" (статья „Литературное объясненіе", въ „Моск. Набл." 1838 г.). Однако такое утвержденіе оказалось случайнымъ, высказаннымъ въ пылу полемики — и Бѣлинскій болѣе къ нему не возвращался. Онъ пришелъ къ мысли видѣть въ Жуковскомъ представителя русскаго „романтизма" и впервые развилъ эту мысль въ началѣ 1840 года; но при этомъ онъ продолжалъ повторять свою мысль о карамзинскихъ вліяніяхъ въ поэзіи Жуковскаго. Въ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ Бѣлинскій подробно остановился на Жуковскомъ; снова подчеркивая тамъ введеніе имъ „романтизма" въ русскую литературу, Бѣлинскій попрежнему указываетъ на „однообразно-унылое чувство" его поэзіи, которое „нерѣдко походитъ на чувствительность". Наконецъ, въ статьѣ о Баратынскомъ, написанной уже въ концѣ 1842 года, Бѣлинскій опять и опять повторяетъ эти два своихъ мнѣнія — о введеніи Жуковскимъ „романтизма" и въ то же время о сентиментализмѣ его: „Жуковскій былъ не больше, какъ даровитый ученикъ Карамзина, шагнувшій дальше своего учителя", говоритъ тамъ Бѣлинскій. Всѣ эти мысли Бѣлинскій объединилъ и окончательно развилъ во второй изъ своихъ „пушкинскихъ статей". Онъ указываетъ здѣсь, что Жуковскій является „однимъ изъ знаменитѣйшихъ" дѣятелей *карамзинскаго періода* русской литературы, что въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ Жуковскій „является писателемъ, совершенно подчиненнымъ вліянію Карамзина", что его складъ ума, взглядъ на предметы, характеръ слога и языка — чисто карамзинскіе. Эта глубоко вѣрная мысль

Бѣлинскаго о *сентиментализмѣ* Жуковскаго почему-то осталась незамѣченной послѣдующими историками русской литературы; во всякомъ случаѣ на нее до послѣдняго времени не обращали достаточнаго вниманія, усиленно подчеркивая другую указанную Бѣлинскимъ сторону—*романтизмъ* поэзіи Жуковскаго.

Начиная съ двадцатыхъ годовъ, не прекращались въ русской литературѣ споры о „романтизмѣ", и Бѣлинскій не одинъ разъ возвращался къ характеристикѣ этого спора и къ выясненію встрѣчающихся въ немъ понятій и терминовъ. Но только во второй изъ „пушкинскихъ статей", разбирая подробно поэзію Жуковскаго, Бѣлинскій вплотную подошелъ къ вопросу о томъ, *что такое романтизмъ*, и далъ рѣшеніе этого вопроса. Впервые романтизмъ былъ опредѣленъ такъ глубоко: не какъ литературное теченіе, а какъ психологическая категорія и система міровоззрѣнія. Романтизмъ, по Бѣлинскому, есть „внутренній міръ души человѣка", въ глубинѣ и основѣ котораго неизбѣжно лежитъ *мистицизмъ*. При такомъ широкомъ опредѣленіи [1]), Бѣлинскій неизбѣжно долженъ былъ найти *романтизмъ* даже въ *древне-греческомъ* мірѣ, что̀ нѣкоторымъ казалось страннымъ по причинамъ чисто-терминологическимъ; а между тѣмъ только именно такое обобщенное опредѣленіе проникаетъ въ самую глубь вопроса о романтизмѣ. Опредѣленіе это не было достаточно оцѣнено въ свое время, и только сравнительно недавно были сдѣланы попытки вернуться къ точкѣ зрѣнія Бѣлинскаго.

Съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій приступилъ къ характеристикѣ „романтической" поэзіи Жуковскаго. Онъ не замѣтилъ, что у Жуковскаго нѣтъ главнаго, основного, имъ же, Бѣлинскимъ, указаннаго признака романтическаго міропониманія — мистицизма, что его романтизмъ есть псевдоромантизмъ, что мистицизмъ замѣненъ у него разсудочнымъ піетизмомъ; Бѣлинскій недостаточно оцѣнилъ вѣсъ имъ же самимъ указанныхъ сентименталистическихъ вѣяній въ якобы „романтическомъ" творчествѣ Жуковскаго. Но тѣмъ харак-

---

[1]) См. подробное развитіе его въ моей книгѣ «Ист. русск. общ. мысли», т. I, гл. II, а также въ статьѣ «Вѣчные пути», Сочин., т. VII.

тернѣе рѣзкая отрицательная критика „фантастическихъ“ балладъ этого поэта: Бѣлинскій ясно вскрылъ всю неубѣдительность, всю реалистичность этой надуманной фантастики. Однако цѣль этой критики у него была другая: не псевдо-романтизмъ Жуковскаго хотѣлъ обрисовать Бѣлинскій, но нападалъ на всякій романтизмъ вообще, во имя и во славу реалистическаго міропониманія. Послѣ кризиса 1840—1841 года, Бѣлинскій сталъ въ рѣзкую оппозицію былымъ своимъ „романтическимъ“ настроеніямъ; во второй изъ „пушкинскихъ статей“ мы находимъ окончательное сведеніе счетовъ Бѣлинскаго съ отнынѣ ненавистнымъ ему „романтизмомъ“, подъ которымъ Бѣлинскій будетъ теперь понимать мистицизмъ, фантастику, всякую „мечтательность“ и всякаго рода попытку уйти чувствомъ или мыслью изъ окружающаго насъ міра дѣйствительности. Теперь Бѣлинскій считаетъ такой романтизмъ—отжившимъ свое время: „XVIII вѣкъ—говоритъ онъ — дорѣзалъ его радикально. Этотъ умнѣйшій и величайшій изъ всѣхъ вѣковъ былъ особенно страшенъ для среднихъ вѣковъ“... Это восхищеніе вѣкомъ раціонализма очень характерно для Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ; въ тридцатыхъ годахъ Бѣлинскій, какъ мы знаемъ изъ его статей 1838 — 1840 гг., ненавидѣлъ этотъ наиболѣе позитивный изъ всѣхъ вѣковъ. Теперь Бѣлинскій, восторгаясь Шиллеромъ, отрицательно относится къ „романтическимъ“ сторонамъ его творчества; повторяя свое прежнее сравненіе Гёте съ Шиллеромъ, высказанное еще въ статьѣ о стихотвореніяхъ Баратынскаго, Бѣлинскій провозглашаетъ, что „геній Шиллера ничѣмъ не ниже генія Гёте“, что „мысль считать Шиллера ниже Гёте—и нелѣпа, и устарѣла“; но тутъ же онъ высказываетъ свое отрицательное отношеніе къ „романтическимъ“ балладамъ Шиллера, сожалѣетъ, что столько пушечныхъ зарядовъ таланта потрачено по воробьямъ, и объясняетъ эту сторону творчества Шиллера „невольной данью своей національности“, „которой умственную жизнь составляетъ теорія, созерцаніе, мистицизмъ и фантазерство“. Это отношеніе къ нѣмцамъ, къ Шиллеру, къ романтизму опять-таки крайне характерно для Бѣлинскаго начала сороковыхъ годовъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ это отношеніе Бѣлинскаго

къ романтизму становилось все отрицательнѣе и рѣзче, такъ что въ седьмой изъ „пушкинскихъ статей“, написанной въ 1844 году, Бѣлинскій уже опредѣляетъ романтическое, какъ „все неточное, неопредѣленное, сбивчивое, неясное, бѣдное положительнымъ смысломъ при богатствѣ кажущагося смысла“. Теперь, въ 1843 году, во второй изъ „пушкинскихъ статей“, онъ еще не порываетъ всѣхъ связей съ „романтизмомъ“, и хотя рѣзко возстаетъ, во имя реалистическаго міропониманія, противъ „мистицизма и фантазерства“, однако признаетъ все-таки желательность синтеза между *личнымъ* и *общимъ*, т.-е. между „романтикой“, внутренней, задушевной стороной сердца, и реалистическимъ міровоздѣйствіемъ, „выходящимъ изъ сферы индивидуальности и личности“. Съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій подчеркиваетъ и значеніе Жуковскаго, въ поэзіи котораго впервые зазвучали мотивы „романтики сердца“, индивидуальнаго преломленія жизни; это было неизбѣжной ступенью къ поэзіи Пушкина. „Жуковскій былъ первымъ поэтомъ на Руси, котораго поэзія вышла изъ жизни“,—резюмируетъ Бѣлинскій и переходитъ къ Батюшкову.

Почти вся третья статья посвящена этому поэту, подробному анализу его творчества; въ статью эту и въ слѣдующія въ переработанномъ видѣ вошла значительная часть изъ статьи о „Римскихъ элегіяхъ“ Гёте. Не буду останавливаться подробно на характеристикѣ Бѣлинскимъ Батюшкова; достаточно указать, что въ этомъ поэтѣ онъ справедливо видитъ дальнѣйшую ступень развитія русской поэзіи, непосредственно ведущую къ поэзіи Пушкина. „Что̀ Жуковскій сдѣлалъ для содержанія русской поэзіи, то Батюшковъ сдѣлалъ для ея формы: первый вдохнулъ въ нее душу живу, второй далъ ей красоту идеальной формы“,—говоритъ Бѣлинскій и видитъ въ Батюшковѣ непосредственнаго предшественника Пушкина въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ подходитъ Бѣлинскій къ Пушкину и обращается къ нему, начиная съ четвертой изъ „пушкинскихъ статей“.

Съ тѣхъ поръ — съ 1843 года — о Пушкинѣ создалась цѣлая литература, стало извѣстнымъ неизвѣстное Бѣлинскому, а потому неудивительно, что цѣлый рядъ фактиче-

скихъ указаній Бѣлинскаго о стихотвореніяхъ Пушкина является ошибочнымъ. Но, разумѣется, дѣло не въ этихъ неизбѣжныхъ въ то время ошибкахъ, а въ общемъ взглядѣ Бѣлинскаго на всю сумму поэтическаго творчества Пушкина. Прошло почти сто лѣтъ послѣ критическаго анализа стихотвореній Пушкина въ четвертой и пятой изъ этихъ статей Бѣлинскаго—и до сихъ поръ анализъ этотъ остался *единственнымъ*, оцѣнивающимъ и группирующимъ лирическія произведенія великаго поэта. Съ тѣмъ бòльшимъ вниманіемъ должны мы отнестись къ этимъ критическимъ взглядамъ Бѣлинскаго и къ его пониманію и освѣщенію пушкинскаго творчества.

Въ четвертой статьѣ Бѣлинскій нàскоро группируетъ и оцѣниваетъ лицейскія стихотворенія Пушкина и послѣдующія его стихотворенія 1818—1825 гг., бòльшая часть которыхъ отнесена Бѣлинскимъ къ числу „переходныхъ"; цѣль этой четвертой статьи—показать связь поэзіи Пушкина съ поэзіей его предшественниковъ. Только съ пятой статьи, появившейся уже въ 1844 году, Бѣлинскій начинаетъ критическій анализъ творчества Пушкина поры его расцвѣта, а потому статья эта и начинается обширнымъ введеніемъ о критикѣ и объ ея задачахъ. Мысли эти давно занимали Бѣлинскаго и иногда онъ посвящалъ ихъ развитію обширныя статьи; здѣсь онъ съ особенной яркостью формулируетъ эти свои мысли въ нѣсколько новыхъ формахъ. Онъ подробно развиваетъ теорію *критическаго вчувствованія*—такъ слѣдуетъ назвать его теорію современными терминами,—теорію необходимости перечувствовать, пережить, перестрадать горести и радости поэта, чтобы понять и оцѣнить его произведенія, чтобы уразумѣть *паѳосъ* его поэзіи, его творчества. Паѳосъ, это—живой нервъ творчества поэта, его преобладающая страсть, его любовь и ненависть, его сознательная или безсознательная святыня, его міропониманіе, міровоспріятіе; главная задача всякой критики—опредѣленіе такого паѳоса того или иного писателя, того или другого произведенія. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Бѣлинскій не употреблялъ въ этомъ смыслѣ такого термина, а просто

говорилъ о *содержаніи* творчества: „содержаніе—писалъ онъ въ обзорѣ литературы за 1841 годъ — есть міросозерцаніе поэта, его личное ощущеніе собственнаго пребыванія въ лонѣ міра и присутствіе міра во внутреннемъ святилищѣ его духа“. Но слово „содержаніе“ имѣетъ уже слишкомъ установившееся значеніе, такъ что Бѣлинскій замѣнилъ его словомъ „паѳосъ“, употребленнымъ въ этомъ смыслѣ еще Гегелемъ въ его эстетикѣ (Hegel's Werke, B. X, T. I, S. 252 sqq.). Однако дѣло не въ терминахъ: какъ бы ни называть сущность творчества поэта, несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что именно выясненіе этой сущности—основная, главная задача критики. Въ процессѣ критики необходимъ и психологическій анализъ, и изученіе окружающей поэта среды, соціальныхъ и классовыхъ вліяній и т. п.—но все это только подготовительный матеріалъ для окончательной эстетической и философской оцѣнки поэта, *паѳоса* его творчества.

Что же считаетъ Бѣлинскій такимъ паѳосомъ пушкинскаго творчества? Бѣлинскій даетъ на это отвѣтъ на первыхъ же страницахъ пятой статьи: „Пушкинъ былъ призванъ—говоритъ онъ—быть первымъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство, какъ художество“... Вотъ центральная, основная мысль, которая послѣдовательно проходитъ черезъ всѣ „пушкинскія статьи“ Бѣлинскаго и объединяетъ ихъ въ одно цѣлое; мыслью этой Бѣлинскій начинаетъ первую изъ своихъ статей и кончаетъ послѣднюю изъ нихъ, но особенно подробно мысль эта развивается въ пятой статьѣ — мысль „о художественности, какъ преобладающемъ паѳосѣ поэзіи Пушкина“. Паѳосъ Пушкина, говоритъ Бѣлинскій—поэзія-художество, искусство, какъ искусство. Извѣстно, какъ относился Бѣлинскій въ сороковыхъ годахъ къ такому взгляду на искусство; еще въ статьѣ 1842 года о „Рѣчи“ Никитенко онъ во всеуслышаніе отказался отъ прежнихъ своихъ эстетическихъ взглядовъ и теоріи „искусства для искусства“; онъ указалъ, что „нашъ вѣкъ особенно враждебенъ такому направленію искусства“, что искусство должно быть „осуществленіемъ въ изящныхъ

образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія"... *Такого* искусства Бѣлинскій не находилъ, не видѣлъ въ Пушкинѣ. Но тутъ же Бѣлинскій указывалъ, что теорія самоцѣльности искусства неизбѣжна и необходима, какъ „первый моментъ" процесса постиженія искусства: „миновать этотъ моментъ—значитъ никогда не понять искусства; остаться при этомъ моментѣ — значитъ односторонне понять искусство".

Эти же мысли Бѣлинскій повторяетъ и теперь, въ статьяхъ о Пушкинѣ 1843—1846 гг. Въ началѣ третьей статьи онъ указываетъ, что „искусство, не будучи прежде всего искусствомъ, не можетъ имѣть никакого дѣйствія на людей, каково бы ни было его содержаніе"; но тутъ же онъ повторяетъ, что этимъ не исчерпываются требованія, предъявляемыя къ искусству. Искусство-самоцѣль есть только „первый моментъ"; въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи искусство должно встать въ тѣсныя соотношенія „съ жизнью, которая всегда выше искусства, потому что искусство есть только одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни", — говоритъ Бѣлинскій въ началѣ пятой изъ этихъ статей. Итакъ, съ одной стороны, „поэзія прежде всего должна быть поэзіей", художество „составляетъ собою одну изъ абсолютныхъ сторонъ духа человѣческаго", а съ другой— такое пониманіе есть только первая ступень въ эволюціи поэзіи: все это объясняетъ отношеніе Бѣлинскаго къ поэзіи Пушкина. Въ поэзіи его Бѣлинскій видѣлъ только „первый моментъ" развитія поэзіи въ Россіи; онъ видѣлъ въ ней то самое „искусство для искусства", которое нельзя миновать, но на которомъ нельзя и остановиться. Вотъ почему, разбирая въ концѣ пятой статьи знаменитый пушкинскій „Ямбъ" („Чернь"), Бѣлинскій съ полнымъ сочувствіемъ относится къ заключающейся тамъ проповѣди эстетическаго индивидуализма, которая, казалось бы, была совершенно непріемлема для Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ, съ его девизомъ — „соціальность": онъ принимаетъ этотъ эстетическій индивидуализмъ, но только какъ „первый моментъ", только какъ тезисъ, невѣрный безъ антитезиса и синтеза. Такимъ те-

зисомъ, такимъ „первымъ моментомъ“ была для Бѣлинскаго поэзія Пушкина—и вотъ причина, по которой Бѣлинскій считалъ поэзію Пушкина уже *прошедшимъ* моментомъ развитія русской литературы: это свое убѣжденіе Бѣлинскій высказалъ на первыхъ же страницахъ введенія къ „пушкинскимъ статьямъ“. Правда, этотъ прошедшій моментъ развитія Бѣлинскій признаетъ великимъ, онъ „съ любовью, но безъ ослѣпленія“ преклоняется передъ Пушкинымъ, передъ всеобъемлемостью его генія (мысль, впослѣдствіи подробно развитая Достоевскимъ въ знаменитой пушкинской рѣчи), передъ удивительной простотой, пластичностью, мощью и художественностью его стиха; все это такъ, но несмотря на это Пушкинъ *не современный* поэтъ,—думаетъ Бѣлинскій,—ибо *паѳосомъ* его поэзіи является только художественность, только искусство, только красота. А *современный* поэтъ долженъ, кромѣ всего этого, быть еще и провозвѣстникомъ „современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія“...

Такъ опредѣляетъ, такъ понимаетъ Бѣлинскій творчество Пушкина, такъ оцѣниваетъ великій критикъ великаго поэта. Насколько оцѣнка эта остается въ силѣ до настоящаго времени? Или, иными словами: дѣйствительно ли Бѣлинскому удалось опредѣлить *паѳосъ* пушкинскаго творчества? Теперь, на разстояніи почти цѣлаго вѣка намъ, разумѣется, многое должно представляться въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ свое время Бѣлинскому, но все-таки и до сихъ поръ основная мысль „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскаго остается въ силѣ, хотя и съ очень значительнымъ дополненіемъ. Бѣлинскій проницательно отмѣтилъ „эстетическій индивидуализмъ“ Пушкина, указавъ на художественность, какъ на паѳосъ его творчества, но онъ не обратилъ достаточнаго вниманія на внутренній паѳосъ поэзіи Пушкина, онъ не замѣтилъ, что у Пушкина есть свои глубокія и затаенныя думы „о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія“. Этимъ внутреннимъ паѳосомъ поэзіи Пушкина является сама жизнь, идея „пріятія міра и жизни“, какова бы ни была эта жизнь — и именно это было особенно дорого Бѣлинскому въ Пушкинѣ въ эпоху принятія Бѣлинскимъ

„разумной дѣйствительности“. И въ „пушкинскихъ статьяхъ“ Бѣлинскій не одинъ разъ указываетъ мимоходомъ на эту сторону пушкинскаго міропониманія, но не замѣчаетъ, что въ ней-то и скрытъ внутренній паѳосъ поэзіи Пушкина, дѣлающій эту поэзію великой и „міровой“ не только по формѣ, но, вопреки мнѣнію Бѣлинскаго, и по содержанію.

Еще въ четвертой изъ „пушкинскихъ статей“, разбирая одно изъ „переходныхъ“ стихотвореній Пушкина („Друзьямъ“), Бѣлинскій указываетъ, что грусть Пушкина была грустью души мощной и крѣпкой и что она всегда смѣнялась „бодрымъ и широкимъ размахомъ прояснѣвшей души“. И эту вполнѣ вѣрную мысль Бѣлинскій не устаетъ повторять и подчеркивать. Разбирая въ пятой статьѣ стихотвореніе „19 октября 1825 года“, Бѣлинскій снова замѣчаетъ: „не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствѣ... Пушкинъ не даетъ судьбѣ побѣды надъ собою, онъ вырываетъ у нея хоть часть отнятой у него отрады. Какъ истинный художникъ, онъ владѣлъ этимъ инстинктомъ истины, этимъ тактомъ дѣйствительности, который на «здѣсь» указывалъ ему какъ на источникъ и горя, и утѣшенія и заставлялъ его искать цѣленіе въ той же существенности, гдѣ постигла его болѣзнь“... Нельзя лучше вскрыть внутренній паѳосъ поэзіи Пушкина, чѣмъ это сдѣлано въ приведенныхъ словахъ Бѣлинскаго, а также и въ слѣдующихъ, десяткомъ страницъ ниже: „онъ — говоритъ Бѣлинскій о Пушкинѣ — ничего не отрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ. Самая грусть его, несмотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна; она умиряетъ муки души и цѣлитъ раны сердца“... Приводя послѣднее четверостишіе изъ „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, Бѣлинскій замѣчаетъ: „изъ этого, какъ изъ многихъ, особенно большихъ, пьесъ Пушкина, видно, что онъ поставлялъ выходъ изъ диссонансовъ жизни и примиреніе съ трагическими законами судьбы не въ заоблачныхъ мечтаніяхъ, а въ опирающейся на самоё себя силѣ духа“... Наконецъ, говоря о тѣхъ стихотвореніяхъ Пушкина, въ которыхъ слышны „муки сомнѣнія“ или „вопль отчаянія“, напр., въ „Демонѣ“ или въ „26 мая 1828 года“ („Даръ напрасный,

даръ случайный“), — Бѣлинскій замѣчаетъ по поводу послѣдней пьески: она „есть не что иное, какъ порожденіе одной изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ нравственной апатіи и душевнаго отчаянія, которыя неизбѣжны, — какъ минуты, — для всякой живой и сильной натуры; *но она отнюдь не есть выраженіе паѳоса пушкинской поэзіи, а скорѣе—случайное противорѣчіе паѳосу его поэзіи*“ (курс. мой). И въ послѣдующихъ строкахъ Бѣлинскій отождествляетъ этотъ паѳосъ Пушкина съ признаніемъ „разумной дѣйствительности“.

Послѣднее тождество ошибочно, такъ какъ пушкинское „пріятіе міра“ далеко не тождественно былому преклоненію Бѣлинскаго предъ „разумной дѣйствительностью“. Однако, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что Бѣлинскій съ удивительной проницательностью опредѣлилъ истинный паѳосъ пушкинской поэзіи — его „пріятіе міра“; повторяю, невозможно лучше и вѣрнѣе опредѣлить „паѳосъ“ пушкинскаго творчества, чѣмъ это сдѣлалъ Бѣлинскій въ приведенныхъ выше замѣчаніяхъ. Но—удивительное дѣло!—опредѣливъ такъ отчетливо паѳосъ, содержаніе, сущность пушкинской поэзіи, Бѣлинскій тутъ же, на тѣхъ же страницахъ отказывается видѣть въ этой сущности хоть что-либо, заслуживающее серьезнаго вниманія, а потому продолжаетъ считать сущностью поэзіи Пушкина только художественность, только эстетическій индивидуализмъ поэта. Онъ указываетъ, что публика не была въ состояніи оцѣнить все совершенство этой художественности пушкинскаго творчества, но что, съ другой стороны, публика эта „въ правѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ — и это, конечно, была не ея вина“... Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло: глубочайшій паѳосъ поэзіи Пушкина, его „пріятіе міра“ и разрѣшеніе въ этомъ смыслѣ всѣхъ нравственныхъ и философскихъ вопросовъ — все это не удовлетворяло Бѣлинскаго, всецѣло отдавшагося въ это время идеѣ „соціальности“ и общечеловѣческаго прогресса; и это помѣшало Бѣлинскому оцѣнить всю силу и глубину пушкинскаго міропониманія. Бѣлинскій не могъ замѣтить поэтому, что *„художественность“ является только эстетическимъ эквивалентомъ пушкинскаго „пріятія міра“, точно*

такъ же, какъ „пріятіе міра“ является только философскимъ эквивалентомъ „художественности“ Пушкина. Эти два „паѳоса“ пушкинскаго творчества настолько же нераздѣльно едины, какъ форма и содержаніе: они проникаютъ другъ друга, они являются тѣломъ и душой пушкинской поэзіи.

Отчего же однако Бѣлинскій, съ такой удивительной ясностью вскрывшій оба эти „паѳоса“ поэзіи Пушкина, не увидѣлъ ихъ нераздѣльности и, настойчиво подчеркивая внѣшній паѳосъ пушкинскаго творчества, не воздалъ должнаго его внутреннему паѳосу? Причина очевидна и я на нее указалъ выше: Бѣлинскаго не удовлетворяло пушкинское „пріятіе міра“, строгое и подчасъ тяжелое міропониманіе, оправдывающее жизнь имманентно, ею же самою; Бѣлинскій въ это время (1844—1846 гг.) былъ уже вѣрующимъ „соціалистомъ“, убѣжденнымъ проповѣдникомъ теоріи прогресса, теоріи, оправдывающей жизнь не ею самою, а безконечно отдаленными послѣдствіями ея. Обратите вниманіе на обширные комментаріи Бѣлинскаго къ „Теону и Эсхину“ Жуковскаго, во второй изъ „пушкинскихъ статей“: вѣдь это громкій, восторженный гимнъ трансцендентному оправданію жизни идеей прогресса, идеей „человѣчества“... Непостижимое *тамъ* Жуковскаго Бѣлинскій видитъ *здѣсь*, на землѣ: для него „два противоположные берега—*здѣсь* и *тамъ*—сливаются въ одно реальное небо историческаго прогресса, историческаго безсмертія“... И съ восторженной вѣрой предсказываетъ Бѣлинскій „радостные дни новаго тысячелѣтняго царства Божія на землѣ“; съ восторженной вѣрой слышитъ онъ голосъ свыше: „борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты—братья твои насладятся имъ и восхвалятъ вѣчнаго Бога силъ и правды!“ И онъ готовъ повиноваться этому голосу: „благо тому, — восклицаетъ онъ въ экстазѣ,—кто, падая въ борьбѣ за свѣтлое дѣло совершенствованія, съ упоеніемъ страстнаго блаженства погружался въ успокоительное лоно силы, вызвавшей его на дѣло жизни, и восклицалъ въ священномъ восторгѣ: все тебѣ и для тебя, а моя высшая награда—да святится имя твое и да пріидетъ царствіе твое“...

Это восторженное исповѣданіе вѣры проходитъ черезъ

всѣ „пушкинскія статьи“; я привелъ только наиболѣе яркое мѣсто, но всякій самъ найдетъ подобныя во второй, пятой, шестой и послѣдней изъ этихъ статей, т.-е. на всемъ протяженіи отъ 1843 до 1846 года. Понятно теперь, почему Бѣлинскій не могъ оцѣнить пушкинское міропониманіе, столь далекое отъ этой горячей вѣры въ прогрессъ: въ этомъ случаѣ Бѣлинскій лишенъ былъ возможности *критическаго вчувствованія* въ кругъ пушкинскаго переживанія, а между тѣмъ самъ же онъ объявилъ такое вчувствованіе необходимымъ для пониманія и оцѣнки поэта. Это не помѣшало ему съ глубокой проницательностью вскрыть и освѣтить внутренній паѳосъ пушкинской поэзіи, но помѣшало поставить его на должное мѣсто и освѣтить имъ — а не одной только „художественностью“—все творчество Пушкина, помѣшало увидѣть въ Пушкинѣ великаго „мірового“ поэта съ вѣчно неумирающимъ содержаніемъ поэзіи. Нѣсколько ниже мы увидимъ, что въ послѣднихъ изъ этихъ статей (начиная со статьи восьмой) Бѣлинскій прибавилъ еще нѣсколько очень существенныхъ чертъ къ своей характеристикѣ Пушкина, но эти новыя черты только еще сильнѣе подчеркнули „соціальную“ точку зрѣнія Бѣлинскаго и еще болѣе затушевали значеніе пушкинскаго міропониманія и міровосчувствованія.

Отлагая общіе выводы, обращаюсь къ дальнѣйшему теченію „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскаго; остановившись такъ долго на главномъ вопросѣ объ основной точкѣ зрѣнія Бѣлинскаго на поэзію Пушкина, не буду подробно разбирать отдѣльные взгляды Бѣлинскаго на тѣ или иныя произведенія великаго поэта, а ограничусь только наиболѣе существеннымъ. Шестая статья посвящена разбору юношескихъ поэмъ Пушкина. Къ „Руслану и Людмилѣ“ Бѣлинскій отнесся чрезмѣрно строго, подчеркивая художественную „незначительность“ этой юношеской поэмы; но тутъ же Бѣлинскій указалъ на громадное значеніе этой поэмы для своего времени, а также на отрицательное отношеніе молодого Пушкина къ псевдоромантизму (пародія на „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ Жуковскаго въ четвертоі пѣснѣ „Руслана и Людмилы“). Переходя къ „Кавказскому

Плѣннику", Бѣлинскій замѣчаетъ, что герой этой поэмы начнетъ являться и въ слѣдующихъ пушкинскихъ поэмахъ: „слѣдя за нимъ, вы безпрестанно застаете его въ новомъ моментѣ развитія, и видите, что онъ движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, а потому и интереснѣе для васъ"; мысль эта стала вскорѣ ходячей—и теперь въ каждомъ учебникѣ можно найти указаніе на внутреннюю связь Плѣнника, Алеко, Онѣгина. Кстати сказать, большинство современныхъ Бѣлинскому критиковъ считало автора „Кавказскаго Плѣнника" и „Цыганъ" — *байронистомъ*; Бѣлинскій тоже признавалъ несомнѣнное вліяніе Байрона на Пушкина, но въ то же время впервые указалъ (въ десятой статьѣ), что „невозможно предположить болѣе антибайронической..... натуры, какъ натура Пушкина" — опять-таки мысль безусловно вѣрная и впослѣдствіи сдѣлавшаяся общепризнанной.

Седьмую статью Бѣлинскій начинаетъ съ подробнаго разбора „Цыганъ". Свое отношеніе къ этой поэмѣ онъ вполнѣ выразилъ еще въ 1839 году, въ письмѣ къ Станкевичу; восхищаясь художественностью Пушкина, Бѣлинскій писалъ: „его натура *художественная* была такъ полна, что въ произведеніяхъ искусства казнила безпощадно его же рефлексію: въ лицѣ Алеко..... Пушкинъ безсознательно бичевалъ самого себя, свой образъ мыслей и, какъ поэтъ, чрезъ это *художественное* объективированіе освободился отъ него навсегда"... Въ настоящей же статьѣ Бѣлинскій говоритъ не столько о „Цыганахъ", сколько по поводу „Цыганъ": пользуясь случаемъ, Бѣлинскій высказываетъ свои завѣтные взгляды на женщину, на любовь, на ревность, на бракъ. Мы знаемъ, каковы были эти взгляды Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ,—знаемъ по его перепискѣ, знаемъ по его статьямъ: это были взгляды „сенсимонистскіе". Животная чувственность безъ любви бываетъ только въ бракахъ, — говоритъ Бѣлинскій и прибавляетъ: „бракъ есть обязательство—и можетъ быть оно такъ тамъ и нужно"... Это презрительное замѣчаніе сразу характеризуетъ „сенсимонистскій" взглядъ Бѣлинскаго. Такимъ же „сенсимонизмомъ" проникнуто и обширное разсужденіе Бѣлинскаго о ревности Алеко; впро-

чемъ трудно назвать „разсужденіемъ“ пылкую атаку противъ этого ненавистнаго, „унижающаго человѣческое достоинство“ чувства. Рѣшеніе этого вопроса Бѣлинскій даетъ чисто раціоналистическое, обычное для всякой системы утопическаго соціализма: пока есть любовь — не должно быть ревности, когда есть ревность—не должно быть любви; слѣдовательно, ревность есть логическая и нравственная безсмыслица...

Въ восьмой статьѣ (1844 г.) Бѣлинскій подходитъ, наконецъ, къ „Евгенію Онѣгину“ и продолжаетъ разборъ этого романа въ девятой статьѣ (1845 г.), посвященной Татьянѣ. Въ этой послѣдней статьѣ мы имѣемъ дальнѣйшее развитіе „сенсимонистскихъ“ воззрѣній Бѣлинскаго на женщину, на любовь, на бракъ: все это повліяло на обвинительный приговоръ, вынесенный въ концѣ концовъ Бѣлинскимъ Татьянѣ. Бѣлинскій былъ несправедливъ въ своей оцѣнкѣ этой лучшей „русской женщины“ своего времени, потому что не хотѣлъ судить ее съ единственно возможной—исторической точки зрѣнія; онъ былъ настолько несправедливъ въ своей оцѣнкѣ этого величайшаго изъ пушкинскихъ созданій, что ставилъ выше Татьяны—Марію изъ „Полтавы“. „Творческая кисть Пушкина — говоритъ Бѣлинскій въ концѣ седьмой изъ этихъ статей — нарисовала намъ не одинъ женскій портретъ, но ничего лучше не создала она лица Маріи. Что̀ передъ нею эта препрославленная и столько восхищавшая всѣхъ и теперь еще многихъ восхищающая Татьяна — это смѣшеніе деревенской мечтательности съ городскимъ благоразуміемъ?..“ Причины такого крайне невѣрнаго и пристрастнаго отзыва очевидны: Марія пожертвовала всѣмъ для любимаго человѣка, она пренебрегла пересудами молвы, она отдалась безъ условій; а Татьяна любитъ Онѣгина, но остается вѣрна своему мужу, старому и чванному генералу... Это давно уже заставило Бѣлинскаго признать Татьяну виновной въ профанаціи чувства любви, въ профанаціи всего того, что̀ должно для женщины быть дороже жизни. Когда невѣста Бѣлинскаго не хотѣла ѣхать вѣнчаться къ нему въ Петербургъ изъ боязни „общественнаго мнѣнія“, то онъ, возмущенный, писалъ ей: „о, я понимаю теперь, почему вы такъ заступаетесь за Татьяну Пушкина и почему меня это

всегда такъ бѣсило и опечаливало, что я не могъ говорить съ вами порядкомъ и толковать объ этомъ предметѣ!" (письмо отъ 4 окт. 1843 г.). Еще полутора годами ранѣе Бѣлинскій обмѣнялся мнѣніями о Татьянѣ съ Боткинымъ: Боткинъ писалъ ему, что замужняя Татьяна, любящая Онѣгина и все-таки продолжающая жить съ мужемъ — омерзительное нравственное явленіе; при этомъ онъ характеризовалъ Татьяну рѣзкимъ терминомъ, который, говоря словами Бѣлинскаго, позволено употреблять въ однихъ словаряхъ, да и то только въ самыхъ обширныхъ... Этимъ терминомъ Бѣлинскій называлъ когда-то всякую „эмансипированную женщину"; теперь Боткинъ, съ одобренія Бѣлинскаго, называетъ этимъ словомъ Татьяну... „О Татьянѣ... согласенъ,— отвѣчаетъ Боткину Бѣлинскій (4 апр. 1842 г.): — съ тѣхъ поръ, какъ она хочетъ вѣкъ быть вѣрною своему генералу.....—ея прекрасный образъ затемняется". И въ свой девятой статьѣ Бѣлинскій всецѣло повторяетъ такое сужденіе о Татьянѣ, разбирая ея „отповѣдь" Онѣгину: это не разборъ, а несправедливый, пристрастный обвинительный актъ. Въ этихъ горькихъ и мѣткихъ словахъ Татьяны, окончательно вскрывающихъ сущность характера Онѣгина, Бѣлинскій видитъ только „месть за оскорбленное самолюбіе", „страхъ за свою добродѣтель", „трепетъ за свое доброе имя въ большомъ свѣтѣ"... И эту свою ненависть Бѣлинскій переноситъ даже на Татьяну первыхъ главъ романа, обзывая ее „нравственнымъ эмбріономъ"...

Все это крайне характерно для „неистоваго" и въ любви, и въ ненависти великаго критика. „Сенсимонистскій" взглядъ на женщину заставилъ Бѣлинскаго подойти къ Татьянѣ— русской дѣвушкѣ начала двадцатыхъ годовъ — съ абсолютнымъ мѣриломъ, не обращающимъ вниманія на какую бы то ни было историческую почву. И это помѣшало Бѣлинскому оцѣнить всю глубину натуры „бѣдной Тани", это заставило его вынести ей суровый обвинительный приговоръ— который почти полъ-вѣка держался въ русской критической литературѣ, но который долженъ быть признанъ несправедливымъ и ошибочнымъ. Но все это не помѣшало Бѣлинскому оцѣнить поэтическую прелесть образа Татьяны: Бѣ-

линскій далъ увлечь себя предвзятому чувству только на нѣсколькихъ послѣднихъ, „резюмирующихъ“ страницахъ девятой статьи, когда Татьяна предстала передъ нимъ въ роли великосвѣтской дамы. Наоборотъ, въ первой, большей части этой статьи Бѣлинскій говоритъ о Татьянѣ съ восторженнымъ сочувствіемъ, превознося „великій подвигъ“ Пушкина, заключающійся въ томъ, что „онъ первый поэтически воспроизвелъ въ лицѣ Татьяны русскую женщину“; Бѣлинскій называетъ здѣсь Татьяну „геніальной натурой“, „истинно-колоссальнымъ исключеніемъ“, и вообще какъ бы перегибаетъ палку въ другую сторону. Это одна изъ самыхъ блестящихъ статей Бѣлинскаго, и она никогда не утратитъ своей цѣнности; чего стоитъ хотя бы одна блестящая характеристика типа „уѣздныхъ барышень“ и „идеальныхъ дѣвъ“, служащая вступленіемъ къ знакомству съ Татьяной! И если рѣзкій заключительный выводъ Бѣлинскаго не можетъ быть принятъ въ настоящее время, то вся его статья въ цѣломъ до сихъ поръ является одной изъ наиболѣе цѣнныхъ среди многочисленныхъ позднѣйшихъ характеристикъ Татьяны.

Съ еще бо́льшимъ основаніемъ можно повторить это о восьмой статьѣ Бѣлинскаго, объ его характеристикѣ Онѣгина и Ленскаго. Если въ характеристикѣ Ленскаго еще проглядываетъ слишкомъ явная антипатія Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ къ „романтизму“, то характеристика Онѣгина является образцомъ тонкаго анализа и глубокаго пониманія намѣреній автора. Но не буду останавливаться здѣсь на этомъ анализѣ, а скажу только о той общей точкѣ зрѣнія, съ которой Бѣлинскій разсматриваетъ типъ Онѣгина и съ которой онъ приходитъ къ опредѣленнымъ выводамъ о самомъ Пушкинѣ. Подходя къ изученію типа Онѣгина, Бѣлинскій прежде всего опредѣляетъ ту историческую почву, на которой могъ вырасти этотъ типъ — и это, несомнѣнно, единственный возможный путь для правильнаго пониманія Онѣгина, который былъ неизбѣжнымъ результатомъ строго-опредѣленныхъ соціальныхъ условій. Вообще говоря, „соціологическій методъ“ въ критикѣ необходимъ, какъ одна изъ ступеней, ведущихъ къ

обобщающему критическому синтезу; Бѣлинскій первый положилъ основаніе этому методу въ русской критикѣ. Но опредѣливъ Онѣгина, какъ неизбѣжный продуктъ *русскаго дворянства* начала XIX вѣка, Бѣлинскій вполнѣ основательно не остановился на этомъ выводѣ, а перенесъ его на самого творца этого типа. Выражаясь современными понятіями, можно сказать, что Бѣлинскій увидѣлъ въ Пушкинѣ „идеолога дворянства": эту мысль Бѣлинскій настойчиво подчеркиваетъ, начиная съ восьмой изъ настоящихъ статей, и это было той новой чертой характеристики Пушкина, о которой у насъ была уже рѣчь выше. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ" — говоритъ Бѣлинскій, — особенно ясно отразилась личность поэта и его идеалы: „вездѣ видите вы въ немъ человѣка, душою и тѣломъ принадлежащаго къ основному принципу, составляющему сущность изображаемаго имъ класса; короче, вездѣ видите русскаго помѣщика... Онъ нападаетъ въ этомъ классѣ на все, что̀ противорѣчитъ гуманности; но принципъ класса для него—вѣчная истина"... А въ десятой статьѣ Бѣлинскій даже прибавляетъ, что Пушкинъ „въ душѣ былъ больше помѣщикомъ и дворяниномъ, нежели сколько можно ожидать этого отъ поэта"... Такъ это или не такъ, но во всякомъ случаѣ Бѣлинскій отмѣтилъ этимъ важный фактъ для пониманія Пушкина: дѣйствительно, Пушкинъ тридцатыхъ годовъ очень часто былъ или хотѣлъ быть „идеологомъ дворянства"; безъ этой черты будетъ неполна его характеристика и будутъ непонятны многіе изъ его литературныхъ и общественныхъ взглядовъ.

Пушкинъ —дворянинъ, Пушкинъ—помѣщикъ: эти черты еще сильнѣе подчеркнули „соціальную" точку зрѣнія Бѣлинскаго, но въ то же время еще болѣе затушевали безотносительную цѣнность пушкинскаго міропониманія. Повторилась та же исторія, какъ и при опредѣленіи внѣшняго и внутренняго паѳоса пушкинскаго творчества: сосредоточивъ главное вниманіе на оцѣнкѣ эстетическаго значенія Пушкина, Бѣлинскій недостаточно оцѣнилъ философскую сущность его поэзіи; и теперь также, правильно отмѣтивъ соціологическую подпочву творчества Пушкина, Бѣ-

линскій попрежнему не обратилъ достаточнаго вниманія на тѣ вѣчныя цѣнности, которыя лежатъ въ основѣ пушкинскаго творчества, на его отношеніе къ міру, къ жизни, къ людямъ. А между тѣмъ именно въ „Евгеніи Онѣгинѣ" съ удивительной стройностью и полнотой выразилась безсознательная философія великаго поэта, которая для всѣхъ временъ сохранитъ свою вѣчную, неумирающую цѣнность. Бѣлинскій не замѣтилъ въ содержаніи поэзіи Пушкина этой вѣчной цѣнности; обративъ вниманіе на „классовые идеалы" Пушкина, онъ еще болѣе укрѣпился въ мысли, что время поэзіи Пушкина уже прошло, что Пушкинъ уже устарѣлъ настолько же, насколько его „классовые идеалы" оказались отжившими свой вѣкъ передъ лицомъ историческаго прогресса. Если бы Бѣлинскій былъ въ этомъ правъ, то Пушкинъ не былъ бы великимъ поэтомъ: великіе поэты—не старѣютъ. Именно въ этомъ и была основная ошибка Бѣлинскаго: онъ недостаточно оцѣнилъ вѣчные элементы пушкинскаго творчества.

Перехожу къ десятой статьѣ Бѣлинскаго — къ его подробному разбору „Бориса Годунова". Въ своемъ отношеніи къ этой трагедіи Пушкина Бѣлинскій повторялъ теперь — въ 1845 году — сказанное за пятнадцать лѣтъ до этого Полевымъ и вызвавшее нѣкогда рѣзкую критику Бѣлинскаго. Въ статьѣ 1840 года объ „Очеркахъ" Полевого Бѣлинскій, говоря о „Борисѣ Годуновѣ", спрашивалъ: „какъ же оцѣнилъ г. Полевой это великое созданіе Пушкина? — А вотъ посмотрите: «прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ *карамзинскаго* Годунова: *этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина*. Ему не пособятъ уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ». Теперь ясно и понятно ли, что̀ это за оцѣнка?" — съ негодованіемъ заключаетъ Бѣлинскій. А теперь посмотрите на оцѣнку „Бориса Годунова" Бѣлинскимъ въ десятой статьѣ: „Пушкинъ рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину — и изъ его драмы вышло что-то похожее на мелодраму... Историкъ сыгралъ съ поэтомъ плохую шутку. И вольно же было поэту дѣлаться эхомъ историка, забывъ, что ихъ раздѣляетъ другъ отъ друга цѣлый вѣкъ!"... Вѣдь это та же

самая мысль Полевого, только выраженная гораздо ярче и рѣзче. И неудивительно, что Бѣлинскій въ этомъ случаѣ пришелъ въ концѣ концовъ къ Полевому: вѣдь точкой зрѣнія Полевого двадцатыхъ годовъ была „общественность“, во имя которой, углубленной, ратовалъ теперь, въ сороковыхъ годахъ, Бѣлинскій. Отсюда одинаково враждебное отношеніе ихъ къ консервативной философіи исторіи Карамзина: когда-то Бѣлинскій ломалъ копья за Карамзина-историка, но уже въ концѣ 1841 года, т.-е. въ началѣ своей „соціальности“, онъ очень охладѣлъ къ его „Исторіи“, что̀ и выразилъ въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ, а нѣсколько позднѣе—во второй изъ „пушкинскихъ статей“ (1843 г.). А отсюда и его отрицательное отношеніе къ „карамзинскимъ“ элементамъ пушкинскаго „Бориса Годунова“.

Въ настоящее время установлено, что Бѣлинскій ошибался, считая Пушкина только перелагателемъ карамзинскаго Годунова въ формы трагедіи; изслѣдованіе Жданова „О драмѣ Пушкина Борисъ Годуновъ“ показало, что Пушкину матеріалами для драмы служили первоисточники, а не „Исторія“ Карамзина. Какъ бы то ни было, но Бѣлинскаго не удовлетворило то психологическое объясненіе личности Бориса, какое далъ Пушкинъ въ своей трагедіи, и Бѣлинскій далъ свою удивительную по проницательности характеристику Годунова, свое объясненіе причинъ возвышенія и паденія этой замѣчательной личности. Правда, многіе историческіе факты въ то время не могли быть извѣстными Бѣлинскому: такъ напримѣръ, вслѣдъ за Карамзинымъ и Пушкинымъ онъ полагалъ, что крѣпостная неволя была установлена Годуновымъ,—мнѣніе, которое современная наука относитъ къ числу историческихъ сказокъ; опять-таки вслѣдъ за Пушкинымъ онъ не всегда вѣрно понималъ отдѣльные поступки Годунова—напримѣръ, его „комедію“ съ отказомъ отъ царскаго вѣнца, которая была вовсе не „комедіей“, а скрытой борьбой Бориса за самодержавіе противъ „конституціонныхъ“ замысловъ боярства и т. д. Но тѣмъ удивительнѣе та поистинѣ геніальная проницательность, съ которой Бѣлинскій яркими, почти художественными чертами набросалъ характеристику Бориса Годунова, характеристику, ко-

торой удивляются теперь спеціалисты-историки (отсылаю читателя къ цѣнной статьѣ Павлова-Сильванскаго „Народъ и царь въ трагедіи Пушкина“, во второмъ томѣ „Пушкина“ изд. Брокгаузъ-Ефронъ).

Въ 1846 году появилась, наконецъ, одиннадцатая и послѣдняя изъ „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскаго. Это была вообще послѣдняя статья Бѣлинскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“; бросая этотъ журналъ, Бѣлинскій все же хотѣлъ закончить въ немъ циклъ своихъ „пушкинскихъ статей“, продолжавшихся уже четвертый годъ. Поэтому онъ принужденъ былъ скомкать весь оставшійся громадный матеріалъ въ одну небольшую главу; поэтому и содержаніе этой главы является такимъ пестрымъ. Остается только удивляться — какъ сумѣлъ Бѣлинскій на этихъ немногихъ торопливыхъ страницахъ сказать такъ много, что до сихъ поръ историки литературы только повторяютъ сказанное Бѣлинскимъ о „Мѣдномъ Всадникѣ“, „Моцартѣ и Сальери“, „Каменномъ Гостѣ“.

Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ Бѣлинскій увидѣлъ развитіе идеи о столкновеніи *личнаго* и *общаго*. Къ темѣ этой Бѣлинскій неоднократно подходилъ въ своихъ „пушкинскихъ“ статьяхъ, и не трудно было бы уже a priori опредѣлить, къ какой постановкѣ этого вопроса придетъ Бѣлинскій. Извѣстно, что въ періодъ своего примиренія съ „разумной дѣйствительностью“ Бѣлинскій старался синтезировать личное съ общимъ, но въ этомъ „синтезѣ“ личность играла подчиненную роль; извѣстно, что въ 1840—1841 г., поднявъ знамя мятежа противъ „Общаго“, Бѣлинскій ставилъ человѣческую личность „выше общества, выше человѣчества“; но извѣстно также, что въ слѣдующіе годы Бѣлинскій нашелъ точку опоры въ „соціальности“, а позднѣе—въ соціализмѣ, и вмѣстѣ съ этимъ его горячею вѣрою стала вѣра въ прогрессъ, въ человѣчество. При этомъ онъ попрежнему продолжалъ горячо любить человѣческую личность; въ седьмой изъ „пушкинскихъ статей“, говоря объ Алеко, Бѣлинскій замѣчаетъ, что „одинъ изъ высочайшихъ и священнѣйшихъ принциповъ истинной нравственности заключается въ религіозномъ уваженіи къ человѣческому достоинству во всякомъ

человѣкѣ, безъ различія лица, прежде всего за то, что онъ— человѣкъ,... въ живомъ, симпатическомъ сознаніи своего *братства* со всѣми, кто называется *человѣкомъ*". Такимъ образомъ идея соціалистическаго братства строилась Бѣлинскимъ на почвѣ этическаго индивидуализма; права „общаго" онъ обусловливалъ правами „личнаго". „Общее выше частнаго, безусловное выше индивидуальнаго, разумъ выше личности,— говоритъ Бѣлинскій въ началѣ пятой изъ „пушкинскихъ статей":—это истина несомнѣнная, противъ которой нечего сказать; но вѣдь общее выражается въ частномъ, безусловное—въ индивидуальномъ, а разумъ—въ личности, и безъ частнаго, индивидуальнаго и личнаго общее, безусловное и разумное есть только идеальная возможность, а не живая дѣйствительность". Все это, однако, только этическая и философская сторона вопроса; остается еще сторона соціологическая. На чью же сторону стать при враждебномъ столкновеніи личнаго съ Общимъ? Къ кому и къ чему склонить слухъ—къ смятеннымъ жалобамъ бѣднаго безумца Евгенія или къ всесокрушающему тяжелому топоту Мѣднаго Всадника? „Смиреннымъ сердцемъ признаемъ мы торжество общаго надъ частнымъ, не отказываясь отъ нашего сочувствія къ страданію этого частнаго",—отвѣчаетъ Бѣлинскій, и иначе онъ не могъ отвѣтить, оставаясь вѣрнымъ своему идеалу будущаго тысячелѣтняго царства Божія на землѣ; еще во второй изъ этихъ своихъ статей (1843 г.) Бѣлинскій съ сочувствіемъ говорилъ о „греческомъ романтизмѣ", что „несчастія и гибель индивидуальнаго не скрывали отъ его глубокаго и широкаго взгляда торжественнаго хода и блаженствующей полноты общаго"... Эта же мысль проведена теперь Бѣлинскимъ въ его разборѣ „Мѣднаго Всадника"; смыслъ этой поэмы (точно также какъ и поэмы „Галубъ") Бѣлинскій видѣлъ именно въ столкновеніи личнаго съ общимъ. (О другихъ возможныхъ пониманіяхъ читатель можетъ узнать изъ интересной статьи Валерія Брюсова о „Мѣдномъ Всадникѣ" въ третьемъ томѣ уже указаннаго выше изданія Пушкина).

Съ такой же проницательностью опредѣлилъ Бѣлинскій основную идею „Моцарта и Сальери"—сущность и взаимо-

отношенія генія и таланта. Этотъ вопросъ всегда интересовалъ Бѣлинскаго; одна изъ самыхъ первыхъ его рецензій (1834 года) о повѣсти нѣкоего К. Баранова „Ночь на Рождество Христово“ начинается рѣшеніемъ именно этого вопроса: въ талантѣ Бѣлинскій видитъ эхо генія; эта же мысль подробнѣе развивается Бѣлинскимъ полугодомъ позднѣе въ рецензіи на „Аббадонну“ Полевого. Еще годомъ позднѣе, въ статьѣ о Ломоносовѣ, Бѣлинскій снова останавливается на вопросѣ о значеніи генія—и вообще постоянно затрагиваетъ этотъ вопросъ вплоть до послѣдней изъ „пушкинскихъ статей“. Все это тѣсно связано съ несомнѣнной переоцѣнкой Бѣлинскимъ „роли личности въ исторіи“; но при разборѣ „Моцарта и Сальери“ дѣло, разумѣется, не въ этомъ. Бѣлинскій тонко вскрываетъ сущность пушкинской драмы — психологію сознающаго себя таланта и несознающаго себя генія; вѣрнѣе было бы сказать, что это противопоставленіе непосредственнаго генія и трудолюбиваго ремесленничества. Какъ бы то ни было, но Бѣлинскій глубоко вѣрно оцѣнилъ мрачную трагичность лица Сальери; онъ увидѣлъ, что на нѣсколькихъ страничкахъ этого драматическаго шедевра передъ нами проходитъ глубокая, законченная *трагедія* человѣческой души.

Это же самое видѣлъ Бѣлинскій и въ „Каменномъ Гостѣ“, въ этомъ „перлѣ созданій Пушкина“, быть можетъ даже чрезмѣрно высоко ставившемся Бѣлинскимъ по отношенію къ другимъ произведеніямъ Пушкина. Еще въ письмѣ къ Станкевичу отъ сент.—окт. 1839 г. Бѣлинскій называлъ эту драму „перломъ всемірно-человѣческой литературы“, а ея автора—„Шекспиромъ новаго міра“. Теперь, въ 1846 году, Бѣлинскій уже отказался видѣть въ Пушкинѣ „мірового“ поэта, вслѣдствіе отсутствія въ его творчествѣ общественнаго и философскаго „паѳоса“—и мы знаемъ, что въ этомъ основная ошибка Бѣлинскаго; но это не помѣшало Бѣлинскому остаться при своей прежней, восторженной оцѣнкѣ „Каменнаго Гостя“. „Для кого существуетъ искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности, — говоритъ теперь Бѣлинскій, — для того *Каменный Гость* не можетъ не казаться, безъ всякаго сравненія, лучшимъ и выс-

шимъ въ художественномъ отношеніи созданіемъ Пушкина"... И тутъ же самъ Бѣлинскій называетъ эту драму Пушкина „богатѣйшимъ, роскошнѣйшимъ алмазомъ въ его поэтическомъ вѣнцѣ", „перломъ созданій" его; драма эта, говоритъ Бѣлинскій, „въ художественномъ отношеніи есть лучшее созданіе Пушкина". Но такъ чувствовать, такъ понимать это произведеніе могъ только тотъ, „для кого — какъ мы только-что слышали отъ Бѣлинскаго—существуетъ *искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности*"... И, слѣдовательно, такое искусство существовало для Бѣлинскаго въ 1846 году.

Этотъ выводъ чрезвычайно важенъ и мы должны обратить на него особенное вниманіе. Обыкновенно предполагается, что Бѣлинскій послѣднихъ лѣтъ своей жизни былъ ожесточеннымъ и непримиримымъ противникомъ „искусства въ его отвлеченной сущности", „искусства какъ искусства". Общеизвѣстенъ разсказъ Тургенева о яростномъ негодованіи Бѣлинскаго этой эпохи на мысли, выраженныя Пушкинымъ въ его „Черни", о рѣзкомъ отрицаніи Бѣлинскимъ самодовлѣющаго искусства; нѣкоторыя подобныя черты можно встрѣтить въ послѣднихъ статьяхъ Бѣлинскаго. На этомъ основаніи сложилась легенда о томъ, что общественная точка зрѣнія Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ окончательно устранила собою его былое признаніе „искусства въ его отвлеченной сущности". Въ дѣйствительности дѣло обстояло далеко не такъ: изъ предыдущихъ страницъ ясно, что хотя Бѣлинскій и сталъ признавать теперь теорію самодовлѣющаго искусства только „первымъ моментомъ" пониманія искусства вообще, однако, онъ настойчиво подчеркивалъ невозможность миновать этотъ моментъ, пройти мимо него. Общественные и философскіе вопросы должны волновать поэтовъ нашего времени,—говорилъ Бѣлинскій:— но это не отрицаетъ существованія искусства въ его идеалѣ, искусства какъ искусства. Въ началѣ пятой изъ „пушкинскихъ статей" Бѣлинскій высказалъ эту мысль (встрѣчавшуюся у него и раньше) съ неоставляющей ничего желать опредѣленностью, повторяя свое любимое противопоставленіе искусства и беллетристики. „Всякая поэзія —

говоритъ здѣсь Бѣлинскій—должна быть выраженіемъ жизни, въ обширномъ значеніи этого слова, обнимающаго собою весь міръ, физическій и нравственный. До этого ее можетъ довести только мысль. Но чтобъ быть выраженіемъ жизни, поэзія прежде всего должна быть поэзіею. Для искусства нѣтъ никакого выигрыша отъ произведенія, о которомъ можно сказать: *умно, истинно, глубоко, но прозаично*... Произведенія непоэтическія безплодны во всѣхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ произведенія наполовину прозаическія бываютъ полезны для общества и для частныхъ людей; но они дѣйствуютъ и въ этомъ отношеніи только наполовину"... И далѣе Бѣлинскій повторяетъ, что „поэзія прежде всего должна быть поэзіею, а потомъ уже выражать собою то или другое", что искусство составляетъ собою „одну изъ абсолютныхъ сторонъ духа человѣческаго", — мы уже слышали выше эти слова. Такъ говорилъ Бѣлинскій въ 1844 году; и теперь, въ 1846 году, для него, какъ мы видѣли, продолжаетъ существовать „искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности"... И что̀ особенно характерно: указывая на чисто „художественную" тему „Каменнаго Гостя", Бѣлинскій замѣчаетъ, „что „такая тема не можетъ пользоваться популярностію. Ее можно или понять глубоко, или вовсе не понять. Для непонимающихъ она не имѣетъ ровно никакой цѣны; для понимающихъ невозможно любить ее безъ страсти, безъ энтузіазма. Но первыхъ много, послѣднихъ мало, и потому она существуетъ для немногихъ"... [1]). Какъ видимъ, самъ Бѣлинскій указывалъ, что „искусство въ его отвлеченной сущности" существуетъ только „для немногихъ" — и самъ причислялъ себя къ числу этихъ немногихъ.

Послѣ краткаго разбора „Каменнаго Гостя", Бѣлинскій заключаетъ свою статью нѣсколькими словами о сказкахъ и о повѣстяхъ Пушкина. О сказкахъ Бѣлинскій сказалъ буквально „нѣсколько словъ", заявивъ, что за исключеніемъ „Сказки о Рыбакѣ и Рыбкѣ" всѣ остальныя пушкинскія

---

[1]) Эта же мысль легла въ основу глубоко-вѣрной оцѣнки Бѣлинскимъ пушкинскаго «Домика въ Коломнѣ», въ началѣ одиннадцатой статьи.

сказки „были плодомъ довольно ложнаго стремленія къ народности“. Это мнѣніе Бѣлинскаго не случайное; напротивъ, онъ постоянно проводилъ его съ начала и до конца своей критической дѣятельности. На первыхъ же строкахъ „Литературныхъ Мечтаній“ Бѣлинскій отрицательно отзывается о Пушкинѣ, какъ „авторѣ *Анджело* и другихъ мертвыхъ, безжизненныхъ сказокъ“; а въ концѣ этой своей „элегіи въ прозѣ“ снова возвращается къ сказкамъ Пушкина: „странно видѣть, какъ этотъ необыкновенный человѣкъ, которому ничего не стоило быть народнымъ, когда онъ не старался быть народнымъ, теперь такъ мало народенъ, когда рѣшительно хочетъ быть народнымъ“... Черезъ полтора года, въ рецензіи на вышедшую четвертую часть „Стихотвореній Александра Пушкина“ (1836 г.), Бѣлинскій называлъ пушкинскія сказки „поддѣльными цвѣтами“ и категорически заявлялъ: „онѣ, конечно, рѣшительно дурны, конечно, поэзія и не касалась ихъ“; а нѣсколько раньше, рецензируя какую-то сказку неизвѣстнаго автора „Царь-Дѣвица“, Бѣлинскій считалъ одинаковыми по достоинству и „плохенькое произведеньице“ Карамзина—его сказку „Илья Муромецъ“,—и сказки Пушкина и Жуковскаго: „въ самомъ дѣлѣ, развѣ *Илья Муромецъ* уступитъ въ достоинствѣ *Царю Салтану, Берендею, Конькy-Горбунку* и пр., и пр.?“ Интересно отмѣтить, что „Конекъ-Горбунокъ“ Ершова, ставшій въ скоромъ времени дѣйствительно общенароднымъ, вызвалъ тогда же очень суровую рецензію Бѣлинскаго, замѣтившаго, что если сказки Пушкина, „несмотря на всю прелесть стиха“, не имѣли ни малѣйшаго успѣха, то „о сказкѣ г. Ершова — нечего и говорить“... Мнѣніе это — самое неудачное изъ всѣхъ ошибочныхъ сужденій, когда-либо высказанныхъ Бѣлинскимъ, и справедливость обязываетъ указать на него.

Всѣ эти мнѣнія о сказкахъ Пушкина были высказаны Бѣлинскимъ въ 1834—1836 гг., т.-е. въ то время, когда Бѣлинскій, вмѣстѣ съ большинствомъ и критиковъ и читателей, былъ увѣренъ въ „упадкѣ“ пушкинскаго таланта. Но и послѣ 1838-го года, въ періодъ наибóльшаго преклоненія Бѣлинскаго передъ Пушкинымъ, онъ не измѣнилъ своего мнѣнія о пушкинскихъ сказкахъ: укажу на его первую

статью этого новаго періода, „Литературную хронику“ (1838 г.), въ которой Бѣлинскій замѣчаетъ, что „мнимый періодъ паденія таланта Пушкина начался для близорукаго прекраснодушія съ того времени, какъ онъ началъ писать свои сказки. Въ самомъ дѣлѣ, эти сказки были неудачными опытами поддѣлаться подъ русскую народность; но несмотря на то и въ нихъ былъ виденъ Пушкинъ“. Черезъ полгода, рецензируя двѣ книжки „Русскихъ сказокъ“ Бронницына и Ваненко, Бѣлинскій писалъ: „Пушкинъ обладалъ геніальною объективностію въ высшей степени, и потому ему легко было пѣть на всѣ голоса. Но его геній изнемогъ, когда захотѣлъ, на зло законамъ возможности, субъективно создавать русскія народныя сказки, беря для этого готовые рисунки и только вышивая ихъ своими шелками“... Въ своихъ „пушкинскихъ статьяхъ“ Бѣлинскій только повторяетъ эти свои постоянныя мнѣнія. Въ концѣ пятой изъ этихъ статей Бѣлинскій изумляется, съ какимъ „непостижимымъ искусствомъ“ умѣлъ Пушкинъ „спрыскивать живою водою своей творческой фантазіи немножко дубоватые матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ“; говоря такъ, Бѣлинскій имѣетъ въ виду „Бѣсовъ“, „Утопленника“, „Зимній вечеръ“ и „Жениха“ (о послѣднемъ онъ замѣчаетъ въ началѣ восьмой статьи, что „это — поэма, въ сравненіи съ которою ничтожны всѣ богатырскія народно-русскія поэмы, собранныя Киршею Даниловымъ“). „Эти пьесы—продолжаетъ Бѣлинскій—въ тысячу разъ лучше его же такъ называемыхъ сказокъ, этихъ уродливыхъ искаженій и безъ того уродливой поэзіи“... И нѣсколько ниже онъ снова повторяетъ свое мнѣніе о „бѣдномъ мірѣ русскихъ сказокъ“.

Таковъ былъ взглядъ Бѣлинскаго на русскія народныя сказки, пѣсни, былины и на сказки Пушкина. Что касается первыхъ, то уже давно указано на ошибочность такого взгляда Бѣлинскаго; поэтому здѣсь отмѣчу только несомнѣнную ошибочность отрицательнаго отношенія Бѣлинскаго и къ пушкинскимъ сказкамъ. Пріемъ „стилизаціи“— выражаясь современнымъ терминомъ— является въ настоящее время настолько обще-признаннымъ, что не можетъ возникнуть спора о его художественной законности. Когда

Тургеневъ писалъ свою великолѣпную „Пѣснь торжествующей любви“, онъ не *поддѣлывалъ* этимъ средневѣковыхъ хроникъ и новеллъ, а художественно возсоздавалъ ихъ стиль, духъ, пріемъ письма. Въ настоящее время литературные „стилизаторы“ безконечно расплодились и опошлили этотъ художественный пріемъ, всегда законный въ рукахъ таланта; Пушкинъ же съ „геніальною объективностію“, отмѣчаемою самимъ Бѣлинскимъ, примѣнилъ этотъ пріемъ къ русской сказкѣ и создалъ образцы *намѣренно лубочной* народной сказки. Это не „поддѣльные цвѣты“, а прелестные художественные лубки, аналогичные тому, что̀ впослѣдствіи дали въ живописи Е. Полѣнова, Малютинъ, Билибинъ, а въ музыкѣ—Глинка („Камаринская“), Римскій-Корсаковъ („Сказка о Царѣ Салтанѣ“). Пушкинъ въ своихъ сказкахъ далъ непревзойденный образецъ такой обработки народной поэзіи всею силою художественной техники; отрицательное мнѣніе Бѣлинскаго должно, въ силу всего этого, быть признаннымъ не имѣющимъ достаточныхъ основаній и ошибочнымъ.

Остается сказать объ оцѣнкѣ Бѣлинскимъ повѣстей Пушкина; Бѣлинскій имѣлъ возможность посвятить имъ только двѣ-три послѣднія страницы своей послѣдней статьи. Быть можетъ именно вслѣдствіе этого Бѣлинскій былъ лишенъ возможности оцѣнить должнымъ образомъ такое великое созданіе Пушкина, какъ „Капитанскую Дочку“. Къ „Повѣстямъ Бѣлкина“ Бѣлинскій отнесся даже совершенно отрицательно, назвавъ ихъ „недостойными ни таланта, ни имени Пушкина“; нѣсколькими годами позднѣе Аполлонъ Григорьевъ перегнулъ палку въ противоположную сторону, безмѣрно восхищаясь этими повѣстями и видя въ нихъ ключъ для пониманія всего творчества Пушкина. Что же касается „Капитанской Дочки“, то Бѣлинскій былъ несправедливъ къ этому лучшему русскому роману, только впослѣдствіи превзойденному „Войною и миромъ“ Л. Толстого. Вообще Бѣлинскій недостаточно цѣнилъ прозаическія произведенія Пушкина. Еще въ 1840 году онъ писалъ Боткину (16 апр.), проводя свою любимую мысль о необходимости различенія беллетристики и художественности: „напримѣръ, — говорилъ онъ,—Капитанская Дочка Пушкина, по-моему, есть не больше,

какъ беллетрическое произведеніе, въ которомъ много поэзіи и только мѣстами пробивается художественный элементъ. Прочія повѣсти его—рѣшительная беллетристика"... И въ своихъ статьяхъ Бѣлинскій не разъ высказывалъ такое же мнѣніе. Въ статьѣ о „Героѣ нашего времени" Бѣлинскій мимоходомъ замѣтилъ, что „прозаическіе опыты (Пушкина) далеко не равны стихотворнымъ. Самая лучшая его повѣсть, Капитанская Дочка, при всѣхъ ея огромныхъ достоинствахъ, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ его поэмами и драмами". Въ обзорѣ русской литературы за 1843 годъ Бѣлинскій поставилъ эту „лучшую повѣсть" Пушкина далеко ниже повѣстей и разсказовъ изъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки" Гоголя. „Въ Капитанской Дочкѣ—говоритъ Бѣлинскій—мало творчества и нѣтъ художественно очерченныхъ характеровъ, вмѣсто которыхъ есть мастерскіе очерки и силуэты"... И теперь, въ 1846 году, Бѣлинскій хотя и видитъ въ этой повѣсти „одно изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы", а въ многихъ ея частностяхъ—„чудо совершенства", однако тутъ же находитъ онъ и „рѣзкіе недостатки" повѣсти. Вполнѣ оцѣнена была эта вещь Пушкина только черезъ полвѣка послѣ Бѣлинскаго, въ прекрасной работѣ Н. Черняева „Капитанская Дочка Пушкина, историко-критическій этюдъ" (1897 г.). Изъ другихъ повѣстей Бѣлинскій нѣсколько подробнѣе остановился на „Дубровскомъ", сумѣвъ дать въ нѣсколькихъ строкахъ оригинальную характеристику героини этой повѣсти. Кромѣ того, и въ „Капитанской Дочкѣ", и въ „Дубровскомъ" Бѣлинскій увидѣлъ преобладаніе „паѳоса помѣщичьяго принципа", и такимъ образомъ въ концѣ своихъ статей еще разъ примѣнилъ къ Пушкину извѣстный уже намъ „соціальный" критерій. Кстати замѣтить, въ началѣ одиннадцатой статьи Бѣлинскій именно съ этой точки зрѣнія черезчуръ подробно остановился на разборѣ „Родословной моего героя"; въ сущности это не столько разборъ, не столько критика, сколько сердитая полемика Бѣлинскаго, давно уже стоящаго на „соціальной" почвѣ демократизма, съ аристократическими идеалами Пушкина.

Еще нѣсколько словъ объ историческихъ и журнальныхъ

статьяхъ Пушкина—и Бѣлинскій заканчиваетъ этотъ свой громадный, затянувшійся на четыре года трудъ о Пушкинѣ, или, вѣрнѣе сказать, обширную критическую исторію русской поэзіи. Мы шагъ за шагомъ слѣдовали за Бѣлинскимъ, особенно останавливаясь на тѣхъ вопросахъ, которые въ настоящее время должны или рѣшаться, или ставиться иначе, чѣмъ это дѣлалъ въ свое время Бѣлинскій; но если бы мы, наоборотъ, указывали на тѣ сужденія, которыя до сихъ поръ сохранили всю свою силу, то статья эта выросла бы до громадныхъ размѣровъ. Блестящій и глубокій анализъ поэзіи непосредственныхъ предшественниковъ Пушкина и связь ихъ съ Пушкинымъ; критическая оцѣнка и классификація лирическихъ произведеній великаго поэта; опредѣленіе внѣшняго и внутренняго паѳоса его творчества; послѣдовательный разборъ всѣхъ поэмъ Пушкина; рядъ блестящихъ и глубокихъ характеристикъ героевъ этихъ поэмъ и вообще общественныхъ типовъ Россіи первой четверти XIX вѣка,— все это навсегда и неразрывно связало имя Бѣлинскаго съ именемъ Пушкина. Съ тѣхъ поръ прошло около вѣка—и до сихъ поръ эта работа Бѣлинскаго остается единственной во всей громадной пушкинской литературѣ.

Но именно поэтому необходимо было съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на ошибкахъ Бѣлинскаго, на тѣхъ ошибкахъ основной точки зрѣнія, о которыхъ уже говорилось выше. Главная ошибка—отношеніе къ поэзіи Пушкина, какъ къ поэзіи *прошлаго*, имѣющей отнынѣ только историческую цѣнность по содержанію, хотя и вѣчно великую по своему художественному значенію. Ошибка эта произошла отъ той общественной точки зрѣнія, на которой стоялъ Бѣлинскій, увидѣвшій идейную сущность пушкинскаго творчества въ его аристократизмѣ, въ „паѳосѣ помѣщичьяго принципа". Въ этомъ была часть истины, а еще бо̀льшая часть ея была въ опредѣленіи другого паѳоса пушкинскаго творчества—„паѳоса художественности"; но именно эти двѣ истины, соціальная и эстетическая, помѣшали Бѣлинскому поставить на первое мѣсто философскую истину творчества Пушкина и оцѣнить главный внутренній паѳосъ пушкинскаго творчества. Бѣлинскій съ удивительной проницатель-

ностью и глубиной вскрылъ эту сущность пушкинскаго отношенія къ міру и жизни, его геніальную безсознательную философію „пріятія міра“, которой, какъ солнечными лучами, пронизано все его творчество; Бѣлинскій ясно видѣлъ это, но не оцѣнилъ вѣчнаго, не умирающаго значенія этой стороны пушкинскаго творчества: въ этомъ его основная и главная ошибка. Не оцѣнивъ вѣчнаго, типическаго значенія пушкинскаго міропониманія, Бѣлинскій могъ считать поэзію Пушкина поэзіей минувшей эпохи, а самого Пушкина—великимъ, но не „міровымъ“ поэтомъ; и въ этомъ была вторая, производная ошибка Бѣлинскаго. Но вотъ прошло уже три четверти вѣка, скоро цѣлое столѣтіе, а Пушкинъ все такъ же вѣчно-современенъ, все такъ же близокъ людямъ одинаковаго съ нимъ психологическаго типа; его поэзія не можетъ стать минувшей — это живая, безсмертная, вѣчно-настоящая поэзія. Соціальный „паѳосъ помѣщичьяго принципа“ умеръ вмѣстѣ съ эпохой Пушкина, умеръ вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что было въ Пушкинѣ смертнаго; но эстетическій паѳосъ „художественности“ и философскій паѳосъ „пріятія міра“, взаимно слитые какъ форма и содержаніе, дѣлаютъ пушкинское творчество великимъ и безсмертнымъ. Для раскрытія этой истины Бѣлинскій, несмотря на всѣ свои ошибки, сдѣлалъ больше, чѣмъ послѣ него всѣ критики вмѣстѣ взятые, и потому имя его останется навсегда неразрывно связаннымъ съ именемъ Пушкина.

1910 г.

Поэзія душевнаго раздвоенія.

(Бѣлинскій о Лермонтовѣ).

„Въ № 18 Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду (1838 г.) мы прочли прекрасное стихотвореніе «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова». Не знаемъ имени автора этой пѣсни..., но если это первый опытъ молодого поэта, то не боимся попасть въ лживые предсказатели, сказавши, что наша литература пріобрѣтаетъ сильное и самобытное дарованіе".

Такъ писалъ Бѣлинскій еще въ „Моск. Наблюдателѣ" 1838 г. (т. XVI, стр. 621). Черезъ годъ, отмѣчая въ томъ же журналѣ появленіе въ „Отеч. Запискахъ" Бэлы Лермонтова, Бѣлинскій восхищался „необыкновеннымъ талантомъ" и „высокимъ поэтическимъ дарованіемъ" этого въ то время никому неизвѣстнаго поэта (ibid., 1839 г., ч. II, стр. 131—136). Читая въ серединѣ этого же года въ „Отеч. Запискахъ" стихотворенія Лермонтова и отдѣльныя главы изъ его „Героя нашего времени", Бѣлинскій писалъ Краевскому (24 авг. 1839 г.): „Боже мой! Какой роскошный талантъ! Право, въ немъ таится что-то великое!" А мѣсяцемъ позже (29 сент. 1839 г.) онъ писалъ Станкевичу: „на Руси явилось новое могучее дарованіе—Лермонтовъ"... И это писалось почти въ то самое время, когда Полевой снисходительно замѣчалъ, что „г. Лермонтовъ" написалъ „полдюжины піесокъ, весьма недурныхъ", а что все, написанное имъ въ прозѣ было-де „очень плохо" („Сынъ Отечества", ноябрь 1839 г.).

Если бы нужно было доказывать тонкое пониманіе, чуткую отзывчивость и художественную проницательность Бѣлинскаго, то одного этого случая было бы достаточно. Но этотъ фактъ не нуждается въ доказательствахъ, а потому достаточно только указать, что когда „Герой нашего времени" вышелъ въ началѣ 1840 г. отдѣльнымъ изданіемъ, то Бѣлинскій немедленно отозвался на это произведеніе громадной статьей—одной изъ самыхъ большихъ своихъ статей послѣ „Литературныхъ Мечтаній"; когда полгода спустя вышла книжка „Стихотворенія М. Лермонтова", то Бѣлинскій и ей тотчасъ же посвятилъ обширную статью.

Остановимся прежде всего на внѣшней формѣ и на нѣкоторыхъ частностяхъ этихъ статей. Внѣшняя форма первой статьи — подробное изложеніе разбираемаго произведенія. Подробно излагая на полусотнѣ страницъ романъ Лермонтова, Бѣлинскій преслѣдовалъ ту же цѣль, какъ и при такомъ же подробномъ изложеніи „Ревизора" въ своей статьѣ о „Горѣ отъ ума": и тутъ и тамъ надо было доказать *художественное единство* произведенія, его „замкнутость", по выраженію Бѣлинскаго въ этой статьѣ. „Мы должны прослѣдить въ его содержаніи, уже хорошо извѣстномъ читателямъ, развитіе основной мысли" для того, чтобы уяснить себѣ „*индивидуальную общность* романа",—говоритъ Бѣлинскій, и дважды подчеркиваетъ „тяжесть" принятой на себя обязанности — „излагать содержаніе художественнаго произведенія"; но этотъ путь — единственный для достиженія поставленной критикомъ цѣли. Это изложеніе приводитъ Бѣлинскаго къ попутнымъ яркимъ характеристикамъ Максима Максимыча, Грушницкаго, Печорина и другихъ; вообще же это — не простое, рабское изложеніе, а блестяще комментированный пересказъ, сразу бросающій опредѣленный свѣтъ на разбираемое произведеніе.

Доказывая это художественное единство, эту „замкнутость" произведенія, Бѣлинскій все время стоитъ на почвѣ гегеліанской эстетики и даже пользуется ея терминологіей; но тутъ же надо отмѣтить и наслоенія шеллингіанства, которое навсегда вошло элементомъ въ философско-эстетическія воззрѣнія Бѣлинскаго. Опредѣляя „замкнутость", Бѣ-

линскій объясняетъ ее *внутреннимъ созерцаніемъ, внутреннимъ ясновидѣніемъ истины*, въ которомъ не трудно узнать шеллинговскій Anschauung, „геніальную интуицію"; въ свою очередь объясненіе этого „созерцанія" *тождествомъ познающаго съ познаваемымъ* является тоже основной шеллингіанской мыслью, перешедшей и въ гегеліанство. Отмѣчу еще изъ частностей этой статьи постоянно подчеркиваемое Бѣлинскимъ раздѣленіе беллетристики и искусства: вопросъ этотъ важенъ потому, что сороковые годы были для Бѣлинскаго эпохой постепеннаго перехода отъ „художественности" къ „беллетристикѣ".

Статья о „Героѣ нашего времени" писалась лѣтомъ 1840 г., въ эпоху зарождавшагося кризиса въ душѣ Бѣлинскаго, во время назрѣвавшаго разрыва съ былой философіей „разумной дѣйствительности"; Бѣлинскій начиналъ уже думать по-новому, но продолжалъ писать по-старому; онъ находился въ періодѣ нерѣшительности, въ періодѣ подготовлявшагося кризиса. Вотъ причина сдержаннаго тона этой статьи и въ то же время прежнихъ утвержденій, что все благо, все—добро, все—разумная необходимость, что, напримѣръ, „нѣтъ дурныхъ вѣковъ, ни одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другого, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человѣчества или общества"... И все это Бѣлинскій печаталъ тогда же, когда письма его къ друзьямъ были уже переполнены „воплями отчаянія" и невѣрія въ жизнь. Достаточно привести нѣсколько словъ изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину отъ 12 авг. 1840 г., въ которомъ идетъ рѣчь какъ-разъ объ этой статьѣ Бѣлинскаго. Онъ сообщаетъ Боткину, что Катковъ познакомилъ его со скептической брошюркой Фрауенштедта и иронически восклицаетъ: „молодецъ Фрауенштедтъ! Послѣ его брошюрки пропадетъ охота не только резонерствовать или мыслить, но и что-нибудь утверждать... Очень радъ, что тебѣ понравилась вторая статья моя о Лермонтовѣ (т.-е. вторая половина статьи о „Героѣ нашего времени", напечатанной въ №№ 6 и 7 „Отеч. Записокъ"—начинающаяся съ разбора „Княжны Мэри",—*И.-Р.*); кроткій тонъ ея—результатъ моего состоянія духа: я не могу ничего ни утверждать, ни отрицать, и

поневолѣ стараюсь держаться середины"... Этой „середины" Бѣлинскій однако не держался въ своихъ *литературныхъ* взглядахъ и характеристикахъ: и на „Героя нашего времени", и на поэзію Лермонтова у него былъ вполнѣ опредѣленный и нисколько не „серединный" взглядъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Статья о стихотвореніяхъ Лермонтова была написана Бѣлинскимъ черезъ полгода послѣ статьи о „Героѣ нашего времени"; за эти полгода Бѣлинскій пережилъ самый острый періодъ своего нравственнаго кризиса—разрыва съ былымъ абсолютнымъ признаніемъ „разумной дѣйствительности"; но этотъ разрывъ отразился еще и въ первой изъ двухъ этихъ статей, такъ что тонъ и настроеніе ихъ вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу.

Но тутъ же, заходя нѣсколько впередъ, слѣдуетъ подчеркнуть, что новый тонъ и новое настроеніе состояли почти исключительно изъ признанія *права личности*, законности „вопля страданія" ея противъ тяжелыхъ оковъ „разумной дѣйствительности"; въ этомъ Бѣлинскій справедливо увидѣлъ также и сущность поэзіи Лермонтова. Почти все остальное въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго осталось на первый взглядъ безъ существенныхъ перемѣнъ—особенно его теѳретическіе и философскіе взгляды на поэзію, на искусство, на ихъ цѣль, хотя новые взгляды и мысли замѣтно стали пробиваться сквозь старую формулировку. Попрежнему Бѣлинскій остался вѣренъ теоретической сущности философіи Гегеля, какъ онъ ее понималъ; попрежнему на первыхъ же страницахъ статьи о стихотвореніяхъ Лермонтова мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ эстетическихъ воззрѣній Бѣлинскаго: тутъ тѣ же цитаты изъ пушкинскихъ „Черни" и „Поэта", которыя годомъ раньше Бѣлинскій съ той же цѣлью приводилъ въ своей статьѣ о „Менцелѣ"; тутъ прежнее утвержденіе, что „преобладаніе внутренняго, субъективнаго элемента въ поэтахъ обыкновенно есть признакъ ограниченности таланта",—утвержденіе, столько разъ примѣнявшееся Бѣлинскимъ къ Шиллеру. Но зато теперь мы слышимъ оговорку, которая въ корнѣ мѣняетъ мысль Бѣлинскаго: „въ талантѣ великомъ,—говоритъ онъ,—избытокъ внутренняго

субъективнаго элемента есть признакъ гуманности"; и тутъ же Бѣлинскій восхищается „благороднымъ Шиллеромъ" и какъ бы вскользь замѣчаетъ, что „въ наше время отсутствіе въ поэтѣ внутренняго, субъективнаго элемента есть недостатокъ. Въ самомъ Гёте не безъ основанія порицаютъ отсутствіе историческихъ и общественныхъ элементовъ, спокойное довольство дѣйствительностію, какъ она есть"... Этими словами Бѣлинскій самъ зачеркиваетъ свою статью о „Менцелѣ". Но тутъ же повторяется и подчеркивается постоянная мысль Бѣлинскаго, что „поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль, также какъ истина въ знаніи, какъ благо въ дѣйствіи. Подобно истинѣ и благу, красота есть сама себѣ цѣль, и по праву царствуетъ надъ вселенной только властію своего имени..." Извѣстно, что это было основнымъ убѣжденіемъ Бѣлинскаго, начиная съ самыхъ первыхъ его статей, съ той только разницей, что тогда Бѣлинскій высказывалъ приматъ эстетическаго чувства надъ истиной и нравственностью, а теперь онъ соединяетъ ихъ равноправно въ тріединую группу, что уже сдѣлалъ и раньше, въ статьяхъ 1838—1840 гг. Тутъ же Бѣлинскій снова повторяетъ прежнія свои мысли о раздѣленіи „разума" и „разсудка", о поэтическомъ вдохновеніи и экстазѣ; но тутъ же онъ высказываетъ совершенно новую и смѣлую мысль о томъ, что философія и искусство характеризуются отсутствіемъ общеобязательности. Все это достаточно подтверждаетъ то положеніе, что, оставаясь пока въ общемъ при прежнихъ взглядахъ, Бѣлинскій нечувствительно переходилъ къ чему-то новому, иному.

Особенно характерны съ этой точки зрѣнія вступительныя страницы статьи о стихотвореніяхъ Лермонтова, заключающія въ себѣ *опредѣленіе поэзіи*. На первый взглядъ это опредѣленіе Бѣлинскаго — „поэзія есть жизнь" — представляется только развитіемъ стараго надеждинскаго тезиса „ubi vita, ibi poesis", „гдѣ жизнь, тамъ и поэзія", тезиса, неоднократно повторявшагося Бѣлинскимъ во всѣхъ его статьяхъ; но въ дѣйствительности мы имѣемъ здѣсь новое пониманіе, новое толкованіе старой формулы—стоитъ только вспомнить то письмо Бѣлинскаго, отрывокъ изъ котораго

я привелъ выше. „Кроткій тонъ (статьи о Лермонтовѣ) — результатъ моего состоянія духа,—писалъ Бѣлинскій 12 авг. 1840 г.: — я не могу ничего ни утверждать, ни отрицать и поневолѣ стараюсь держаться середины. Впрочемъ, будущія мои статьи должны быть лучше прежнихъ: вторая статья о Лермонтовѣ есть начало ихъ. Отъ теоріи объ искусствѣ я снова хочу обратиться къ жизни и говорить о жизни...“ Вотъ объясненіе начала этой статьи, вотъ значеніе подробнаго развитія мысли, что „поэзія есть жизнь“. Такъ незамѣтно въ старыя формы вливалось новое содержаніе [1]).

Но не въ этомъ была главная перемѣна въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго, а въ признаніи законности *права личности*, какъ уже указано выше. Еще въ декабрѣ 1839 года, въ эпоху статей объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія“ и „Менцелѣ“, Бѣлинскій писалъ Боткину, самъ зачеркивая этимъ вышеназванныя статьи: „права личнаго человѣка такъ же священны, какъ и міровою гражданина; кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока, какъ на отпаденіе отъ Общаго, тотъ или мальчикъ, или эгоистъ, или дуракъ,—а мнѣ тотъ, и другой, и третій равно несносны...“ А мѣсяцемъ позднѣе всѣ читатели могли узнать изъ статьи о „Менцелѣ“, что вопли поэта не могутъ быть художественны, ибо, „кто вопитъ отъ страданія, тотъ не выше своего страданія, слѣдовательно, и не можетъ видѣть его разумной необходимости“: здѣсь выраженъ именно столь „несносный“ Бѣлинскому взглядъ „свысока“ на „судорожное сжатіе личности“. Это самопротиворѣчіе, неизбѣжное слѣдствіе и проявленіе наступавшаго душевнаго кризиса, уже не имѣло мѣста въ появившейся полугодомъ позднѣе статьѣ о „Героѣ

[1]) Интересно подчеркнуть, кстати, до сихъ поръ еще, кажется, недостаточно отмѣченную связь этихъ мыслей Бѣлинскаго съ знаменитой диссертаціей Чернышевскаго «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», съ ея главнымъ тезисомъ — «прекрасное есть жизнь». Но въ то время, какъ для Бѣлинскаго «искусство выше природы», для Чернышевскаго—наоборотъ, природа выше искусства. Сравнивая настоящую статью Бѣлинскаго со статьей Чернышевскаго, не трудно убѣдиться въ сильномъ пониженіи уровня философской мысли и эстетическаго чувства за десятилѣтіе, протекшее, между этими двумя статьями.

нашего времени": тутъ Бѣлинскій уже всецѣло признаетъ право поэта „вопить отъ страданія", ибо такимъ воплемъ „бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія; но вопль, который облегчаетъ страданіе..."

Только съ этой точки зрѣнія можно было почувствовать и правильно освѣтить творчество Лермонтова, это воплощенное „судорожное сжатіе личности". Бѣлинскій тѣмъ болѣе понялъ теперь этотъ вопль, что самъ безумолчно „вопилъ", какъ раненый звѣрь, во всѣхъ своихъ письмахъ 1839—1841 годовъ; онъ терялъ почву подъ ногами, онъ терялъ вѣру въ „разумную дѣйствительность", въ объективную осмысленность жизни; именно въ такомъ настроеніи онъ могъ принять и понять Лермонтова, котораго еще мало понималъ (хотя и высоко цѣнилъ) двумя годами ранѣе, называя „прекраснодушными" наиболѣе мучительные вопли Лермонтова, въ родѣ его „Думы" („Моск. Наблюдатель" 1839 г., ч. II, стр. 134). Двумя-тремя годами ранѣе Бѣлинскій возненавидѣлъ бы Печорина, какъ представителя „умерщвляющей жизнь рефлексіи", невѣрія, отрицанія; теперь онъ понялъ его, потому что начиналъ понимать себя, потому что самъ пересталъ вѣрить въ жизнь, утверждать міръ. Именно поэтому теперь Бѣлинскій говоритъ о Лермонтовѣ, что „въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ свою": именно это „заставило насъ,—говоритъ Бѣлинскій,—обратить особенное вниманіе на субъективныя стихотворенія Лермонтова и даже порадоваться, что ихъ больше, чѣмъ чисто художественныхъ. По этому признаку мы узнаемъ въ немъ поэта русскаго, *народнаго*,... — поэта, въ которомъ выразился историческій моментъ русскаго общества". И то, въ чемъ Бѣлинскій увидѣлъ „паѳосъ" поэзіи Лермонтова— стало вскорѣ всеобщимъ, ходячимъ опредѣленіемъ творчества этого великаго поэта. Но это общеизвѣстное теперь опредѣленіе вѣрно лишь постольку, поскольку вѣрна была и точка зрѣнія Бѣлинскаго.

Точка зрѣнія Бѣлинскаго была та, что его, Бѣлинскаго, мучительныя переживанія, исканія, отрицанія—только переходный моментъ на пути къ нѣкоторому новому синтезу; и

это же основное свое убѣжденіе онъ примѣнилъ и къ характеристикѣ творчества Лермонтова. Бѣлинскій мучительно хотѣлъ вѣрить, что за періодомъ ядовитой „рефлексіи“ Лермонтова ждетъ успокоительное „разумное сознаніе“, вѣра въ міръ и жизнь; онъ хотѣлъ вѣрить въ это потому, что самъ былъ именно въ такомъ же кругѣ воззрѣній и мучительно жаждалъ исхода; онъ вѣрилъ, что этимъ исходомъ снова будетъ „пріятіе міра“ — и продолжалъ исповѣдывать его въ своихъ статьяхъ, тщательно скрывая отъ читателей всѣ свои муки, сомнѣнія, проклятія, которыя только и звучатъ въ его интимной перепискѣ этого періода. Въ своихъ статьяхъ онъ повторяетъ восхваленіе „разумной дѣйствительности“, принимаетъ жизнь, оправдываетъ міръ. Въ статьѣ о „Героѣ нашего времени“, восхищаясь „Бэлой“, Бѣлинскій восклицаетъ: „смерть Черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднымъ и тяжелымъ чувствомъ, ибо она явилась не страшнымъ скелетомъ, по произволу автора, но вслѣдствіе разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ...“ Нѣсколькими страницами ниже Бѣлинскій повторяетъ, что „новѣйшее искусство, какъ необходимость, допускаетъ въ себя диссонансы, производимые въ гармоніи нравственнаго духа, но для того, чтобы показать, какъ изъ диссонанса снова возникаетъ гармонія—черезъ то ли, что раззвучная струна снова настраивается или разрывается вслѣдствіе ея своевольнаго разлада. Это міровой законъ жизни“. И во второй статьѣ, говоря о „рефлексіи“ Лермонтова, Бѣлинскій замѣчаетъ: „человѣку необходимо должно перейти и черезъ это состояніе духа. Въ музыкѣ гармонія условливается диссонансомъ, въ духѣ— блаженство условливается страданіемъ...“ Такъ Бѣлинскій продолжалъ проповѣдывалъ въ своихъ статьяхъ „пріятіе міра“ и возводить „диссонансъ“ (т.-е. слезы, злодѣяніе, горе, смерть) въ міровой законъ. И въ это же самое время, въ знаменитомъ письмѣ къ Боткину отъ 1 марта 1841 года, Бѣлинскій вдохновенно выражалъ рѣзкое „непріятіе міра“ и восклицалъ: „говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи; можетъ быть это очень выгодно и усладительно для

меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи...“ А потому Бѣлинскій сталъ проклинать свое былое примиреніе съ „разумной дѣйствительностію“ и сталъ „на всѣхъ вещахъ видѣть хвостъ діавола“ (изъ того же письма); но онъ не могъ—нравственно не могъ, если бы даже и могъ фактически—проповѣдывать это свое „послѣднее міровоззрѣніе“ для „малыхъ сихъ“, какими Бѣлинскій считалъ читающую публику. И онъ продолжаетъ таить эту „послѣднюю истину“ для себя, а въ статьяхъ продолжаетъ проповѣдывать „высшій синтезъ“, „разумное сознаніе“—принятіе міра. Онъ продолжаетъ повторять въ статьѣ о Лермонтовѣ, что „что̀ дѣйствительно, то разумно и что̀ разумно, то и дѣйствительно—это великая истина“, хотя и знаетъ теперь, что „не все то дѣйствительно, что̀ есть въ дѣйствительности“ (эту же самую оговорку мы можемъ найти и въ статьѣ о „Горѣ отъ ума“, въ расчлененіи „дѣйствительности“ и „призрачности“; дословно эту же фразу мы найдемъ и въ статьѣ о „Менцелѣ“). Въ статьѣ о „Героѣ нашего времени“ Бѣлинскій сожалѣетъ Печорина, который „не знаетъ“, что въ концѣ концовъ люди неотвратимо приходятъ къ высшему синтезу, „увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ добро“, и не видя возможности помѣшать злу, „повторяютъ про себя, то съ радостною, то съ грустною улыбкою: «и все то благо, все добро!» Увы! какъ дорого достается уразумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!“ Наконецъ, во второй статьѣ, говоря о „горестной и страшной участи благороднаго Калашникова“, Бѣлинскій все же попрежнему восклицаетъ: „...да перемѣнится печаль ваша на радость и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы бытія и міродержавныхъ судебъ...“

Я такъ подробно разбираю здѣсь вопросъ о душевномъ кризисѣ Бѣлинскаго потому, что именно въ статьяхъ о Лермонтовѣ рѣзче всего отразился этотъ кризисъ Бѣлинскаго и такъ какъ только вѣрное его пониманіе даетъ возможность правильно освѣтить толкованіе Бѣлинскимъ Лермонтова. Не желая примириться съ мыслію о томъ, что

„мучительной рефлексіи“ *можетъ не быть исхода*, Бѣлинскій старается видѣть и въ творчествѣ Лермонтова, и въ своихъ мучительныхъ философскихъ исканіяхъ, и въ типѣ Печорина — *только переходъ* къ нѣкоторому „высшему синтезу“, „разумному сознанію“. Особенно характернымъ съ этой точки зрѣнія является блестящая критическая характеристика Печорина. Остановимся здѣсь на этомъ вопросѣ.

„Вышли повѣсти Лермонтова,—писалъ Бѣлинскій Боткину 16 апр. 1840 года:—дьявольскій талантъ! Молодо-зелено, но художественный элементъ такъ и пробивается сквозь пѣну молодой поэзіи, сквозь ограниченность субъективно-салоннаго взгляда на жизнь“. Но уже черезъ два мѣсяца, отвѣчая Боткину на его мнѣніе о „натянутости и изысканности“ Печорина, Бѣлинскій рѣшительно отстаивалъ Лермонтова и уже не возражалъ противъ его „субъективно-салоннаго взгляда на жизнь“ (т.-е. противъ мучительной „рефлексіи“ поэта), но заявлялъ: „Лермонтовъ — великій поэтъ: онъ объективировалъ современное общество и его представителей“. Это объективированіе, по мысли Бѣлинскаго, заключалось въ художественномъ изображеніи мучительнаго распада человѣческой мысли на почвѣ отравляющей душу „рефлексіи“: въ этомъ состоитъ сущность пониманія Бѣлинскимъ творчества Лермонтова вообще и характера Печорина въ частности. „Переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную“: въ этихъ словахъ Бѣлинскаго сжата вся сущность статьи о „Героѣ нашего времени“. Справедливо указывая въ этой своей статьѣ на близкое родство героя романа и самого автора („Печоринъ — это онъ самъ, какъ есть“, — писалъ тогда же Бѣлинскій Боткину, разсказывая о своемъ знакомствѣ съ Лермонтовымъ), Бѣлинскій снова повторяетъ, что авторъ „видимо находится въ томъ состояніи духа, когда въ нашемъ разумѣніи всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не созрѣетъ для великаго процесса разумнаго примиренія противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ“. Печоринъ—болѣзнь, и Бѣлинскій подчеркиваетъ это неоднократно; но тутъ же онъ указываетъ

на тѣ скрытыя, „потенціальныя“ силы, которыя таятся въ Печоринѣ — характеристика, ставшая съ тѣхъ поръ классической. Въ Печоринѣ, — замѣчаетъ Бѣлинскій, — „есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется, и что̀ онъ есть только въ настоящую минуту“; люди благоразумной середины клеймятъ его и подхватываютъ его прямыя признанія о самомъ себѣ: „не торопитесь вашимъ приговоромъ, — возражаетъ Бѣлинскій: — онъ клевещетъ на себя; повѣрьте мнѣ, онъ и даромъ бы не взялъ того счастія, которому завидовалъ у этихъ *другихъ* и котораго добивался“... „Повторяемъ: онъ еще не знаетъ самого себя, и если не должно ему всегда вѣрить, когда онъ оправдываетъ себя, то еще менѣе должно ему вѣрить, когда онъ обвиняетъ себя, или приписываетъ себѣ разные нечеловѣческія свойства или пороки. Но винить ли его за это?..“ Печорина обвиняютъ въ томъ, что у него нѣтъ вѣры—вѣры въ жизнь: „прекрасно! но вѣдь это то же самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да оно не дается ему. И притомъ, развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастія купить эту вѣру, для которой еще не насталъ часъ его?..“ Конечно, не ту обычную вѣру, которой удовлетворяются „другіе“ и которую, по словамъ Бѣлинскаго, Печоринъ „и даромъ бы не взялъ“; въ этомъ Бѣлинскій видитъ проклятіе Печорина, „который не знаетъ, чему вѣрить, на чемъ опереться и съ особеннымъ увлеченіемъ хватается за самыя мрачныя убѣжденія, лишь бы только давали они поэзію его отчаянію и оправдывали его въ собственныхъ глазахъ“.

Вотъ глубоко продуманная, яркая характеристика „Героя нашего времени“, вскорѣ ставшая классической; распаденіе духа въ мучительной „рефлексіи“, раздвоенность чувства и сознанія — вотъ проницательное опредѣленіе Бѣлинскимъ и Лермонтова, и Печорина. Бѣлинскій вѣрилъ въ переходность такого состоянія, вѣрилъ въ исходъ, въ высшій синтезъ — а потому усиленно подчеркивалъ, что Печоринъ (а значитъ и Лермонтовъ, а значитъ и самъ онъ, Бѣлинскій, какъ отмѣчено выше) еще выздоровѣетъ, что его „ре-

флексія", его отчаяніе—только „острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь". И во второй статьѣ Бѣлинскій настойчиво повторяетъ, что Печоринъ (также какъ и пушкинскій Фаустъ) есть только „болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе лучше и выше прежняго. Та же рефлексія, то же размышленіе, которое теперь отравляетъ полноту всякой нашей радости, должно быть впослѣдствіи источникомъ высшаго, чѣмъ когда-либо, блаженства, высшей полноты жизни". Это настойчивое подчеркиваніе Бѣлинскимъ, что Печоринъ есть болѣзнь, и болѣзнь, требующая излѣченія, отразилось, какъ кажется, въ полномъ скрытой и тонкой ироніи предисловіи Лермонтова ко второму изданію „Героя нашего времени": „будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить—это ужъ Богъ знаетъ!"—иронически заключалъ Лермонтовъ это свое предисловіе. Слишкомъ ясно, что въ „болѣзни" Печорина онъ видѣлъ не „переходъ", какъ Бѣлинскій, а конечный этапъ пути; эта „болѣзнь" для него дороже всякаго здоровья, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ современный писатель, касаясь, хотя и съ нѣкоторыми фактическими ошибками, этихъ мыслей Бѣлинскаго и Лермонтова (см. Л. Шестовъ, предисловіе къ книгѣ „Достоевскій и Нитше"). Бѣлинскій боялся думать, что его „болѣзнь", его отрицаніе „разумной дѣйствительности", его „непріятіе міра" могутъ быть не мимолетнымъ и преходящимъ, а постояннымъ; „нормальнымъ" состояніемъ духа; но иногда и онъ сознавалъ, что для нѣкоторыхъ людей этотъ „преходящій моментъ", „минутная дисгармонія духа" можетъ длиться—цѣлую жизнь.

Къ числу такихъ людей принадлежалъ Лермонтовъ, и самъ Бѣлинскій высказывалъ это въ тѣ минуты, когда переставалъ считать такое „дисгармоническое" состояніе духа свое, Лермонтова, Печорина—только „временной болѣзнью". Разбирая нѣкоторыя изъ наиболѣе горькихъ стихотвореній Лермонтова, Бѣлинскій восклицаетъ: „страшенъ этотъ глухой, могильный голосъ подземнаго страданія, нездѣшней муки, этотъ потрясающій душу реквіемъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обаяній жизни! Отъ него со-

дрогается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костяныхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія: это—похоронная пѣсня всей жизни!" И эта похоронная пѣсня всей жизни тѣсно переплетается у Лермонтова со страстной любовью къ этой самой жизни—это тонко почувствовалъ и глубоко понялъ Бѣлинскій: онъ указываетъ и подчеркиваетъ, что не одно стихотвореніе Лермонтова было внушено ему чувствомъ *тоски по жизни*; онъ указываетъ, что это сочетаніе кажущихся противоположностей есть и въ Печоринѣ, „который, съ одной стороны, томится жизнію, презираетъ и ее, и самого себя, не вѣритъ ни въ нее, ни въ самого себя,... а съ другой—гонится за жизнію, жадно ловитъ ея впечатлѣнія, безумно упивается ея обаяніями..." И въ самомъ Лермонтовѣ Бѣлинскій съ удивительной проницательностью видѣлъ такую же раздвоенность, онъ видѣлъ „въ его разсудочномъ, охлажденномъ, и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого" (письмо къ Боткину отъ 16 апр. 1840 г.).

Такъ понималъ Бѣлинскій Печорина, такъ понималъ онъ Лермонтова; и до сихъ поръ такое пониманіе должно сохранить всю свою силу: въ обширной литературѣ о Лермонтовѣ статьи Бѣлинскаго до сихъ поръ являются непревзойденными ни по широтѣ и глубинѣ взгляда, ни по тонкости анализа. Изъ всей этой обширной литературы стоитъ упомянуть только о трехъ-четырехъ произведеніяхъ: обширная монографіи „М. Ю. Лермонтовъ" Н. Котляревскаго, статья Михайловскаго „Герой безвременья" (1891 г.) и статья Д. Мережковскаго „Лермонтовъ, поэтъ сверхчеловѣчества" (1909 г.)—этимъ пока исчерпывается все заслуживающее, по той или иной причинѣ, вниманія. Такъ напримѣръ, названная статья Михайловскаго является анализомъ творчества Лермонтова съ точки зрѣнія „общественной", что̀ ясно уже и изъ самаго заглавія: Лермонтовъ изучается въ ней какъ человѣкъ опредѣленной эпохи, давившей личность и принуж-

давшей ее къ невольному бездѣйствію. Эта точка зрѣнія вызвала возраженія: какъ будто Лермонтовъ пересталъ бы „вопить“ отъ внутренней боли во всякую другую эпоху, хотя бы эпоху шестидесятыхъ годовъ (см. С. Андреевскій „Литературные очерки“). Бѣлинскій еще за полъ-вѣка до этого спора синтезировалъ его въ своихъ статьяхъ о Лермонтовѣ, соединяя въ своемъ пониманіи Лермонтова общественную точку зрѣнія съ философской. Почти одновременно съ появленіемъ статьи о „Героѣ нашего времени“ Бѣлинскій, цитируя Лермонтова, писалъ К. Аксакову (23 авг. 1840 г.): „жизнь...—пустая и глупая шутка! Да и какая намъ жизнь-то еще? Въ чемъ она, гдѣ она? Мы люди внѣ общества, потому что Россія не есть общество. У насъ нѣтъ ни политической, ни религіозной, ни ученой, ни литературной жизни. Скука, апатія, томленіе въ безплодныхъ порывахъ—вотъ наша жизнь. Что за жизнь человѣка внѣ общества!“ Здѣсь мы видимъ первое проявленіе той мысли, которая скоро стала главною мыслью Бѣлинскаго и которую въ примѣненіи къ Лермонтову повторилъ Михайловскій. Именно къ Лермонтову ее примѣнилъ и Бѣлинскій; выражая надежду, что за „болѣзненнымъ кризисомъ“ Печориныхъ общество должно прійти къ еще высшему здоровью, Бѣлинскій восклицаетъ: „но горе тѣмъ, кто является въ эпоху общественнаго недуга! Общество живетъ не годами—вѣками, а человѣку данъ мигъ жизни; общество выздоровѣетъ, а тѣ люди, въ которыхъ выразился кризисъ его болѣзни, благороднѣйшіе сосуды духа, навсегда могутъ остаться въ разрушающемъ элементѣ жизни!..“ И это оправдалось на всѣхъ „герояхъ безвременья“ той эпохи, на всѣхъ такъ называемыхъ „лишнихъ людяхъ“ сороковыхъ годовъ, не исключая и Печорина, ибо и онъ выросъ на той же отравленной почвѣ.

Но Бѣлинскій понималъ, что ограничиться такой характеристикой—значитъ остановиться въ самомъ началѣ своей критической работы; онъ понималъ, что безсознательныя философскія воззрѣнія Лермонтова шли *неизмѣримо глубже* этой общественной почвы; онъ понималъ, что „отрицаніе“ Лермонтова было прежде всего философскимъ, а не общественнымъ, что сущность вопроса не въ „бездѣйствіи“ Лер-

монтова, не въ его враждѣ къ николаевскимъ жандармамъ („Прощай, немытая Россія...“), а въ его отрицаніи всего міра, всей жизни, въ его „съ небомъ гордой враждѣ“. Уже въ 1842 году, подводя итоги своего отношенія къ Лермонтову, Бѣлинскій писалъ Боткину (17 марта 1842 г.): „...содержаніе, добытое со дна глубочайшей и могущественной натуры, исполинскій взмахъ, демонскій полетъ, *съ небомъ гордая вражда*—все это заставляетъ думать, что мы лишились въ Лермонтовѣ поэта, который по содержанію шагнулъ бы дальше Пушкина...“ И далѣе, сравнивая юношескія произведенія Пушкина и Лермонтова, Бѣлинскій снова подчеркиваетъ, что произведенія Лермонтова „это—сатанинская улыбка на жизнь, искривляющая младенческія еще уста, это—*съ небомъ гордая вражда*, это—презрѣніе рока и предчувствіе его неизбѣжности. Все это дѣтски, но страшно сильно и *взмашисто*. Львиная натура! Страшный и могучій духъ!“ Вотъ на что̀ обращалъ вниманіе Бѣлинскій, изучая Лермонтова—и былъ совершенно правъ. Необходимо выяснять соціальныя условія, общественныя причины, породившія Онѣгина и Печорина, Пушкина и Лермонтова, но это только первый шагъ на пути къ пониманію писателя; опредѣливъ, такъ сказать, „соціологическій эквивалентъ“ философіи и міровоззрѣнія поэта, критикъ долженъ дать „философскій эквивалентъ“ выясненныхъ раньше соціологическихъ и общественныхъ условій; критика общественная должна быть только введеніемъ къ критикѣ философской, къ проникновенію въ міровоззрѣніе и міровосчувствованіе поэта. Въ своихъ „лермонтовскихъ статьяхъ“ и въ своихъ „пушкинскихъ статьяхъ“ именно на послѣднемъ сосредоточилъ все свое вниманіе великій критикъ—и именно потому эти его статьи навсегда связали имя Бѣлинскаго съ именами Пушкина и Лермонтова.

1910 г.

Поэзія безтрагичнаго и трагическаго.

(*Бѣлинскій о Майковѣ и Баратынскомъ*).

I.

Въ началѣ своей статьи о стихахъ Майкова Бѣлинскій самъ разсказываетъ, какъ онъ впервые „открылъ“ Майкова по одному его неподписанному антологическому стихотворенію въ „Одесскомъ Альманахѣ“ 1840 г., и какъ годомъ позже онъ снова съ восхищеніемъ говорилъ объ этомъ стихотвореніи „неизвѣстнаго, но даровитаго поэта“ въ статьѣ о „Римскихъ Элегіяхъ“. Конечно, это является блестящимъ примѣромъ художественнаго и критическаго чутья Бѣлинскаго; но, быть можетъ, еще болѣе заслуживаетъ удивленія та проницательная характеристика поэзіи Майкова, которую онъ далъ въ своей статьѣ.

Майковъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду второстепенныхъ русскихъ поэтовъ; въ этомъ отношеніи надежды Бѣлинскаго на развитіе таланта Майкова до „звѣзды первой величины“ остались неосуществленными. Но самъ же Бѣлинскій указалъ на тѣ стороны дарованія этого поэта, которыя не позволили ему выйти изъ второго ряда русскихъ поэтовъ. Майковъ—великолѣпный поэтъ „классической формы“; въ этой области у него мало соперниковъ, и въ ней онъ достигаетъ порою пушкинскихъ высотъ: это сразу замѣтилъ Бѣлинскій и обратилъ на это особенное вниманіе. „...Стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ,

это — перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его", говоритъ Бѣлинскій и заключаетъ, что „исходный пунктъ поэзіи г. Майкова — природа съ ея живыми впечатлѣніями, такъ сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще неизвѣдавшей другой сферы жизни"... Но лишь только Майковъ покидаетъ эту свойственную ему область, лишь только „думаетъ быть современнымъ поэтомъ", какъ сразу падаетъ съ достигнутой высоты и въ лучшемъ случаѣ пишетъ только „хорошіе стихи". „Странное дѣло! — восклицаетъ Бѣлинскій: — въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова стихъ — просто пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишнихъ словъ, натянутыхъ или изысканныхъ выраженій, нѣтъ полутона фальшиваго: въ нихъ онъ—истинный, глубокій и притомъ *опытный*, *искушенный* художникъ...; но въ не-антологическихъ стихотвореніяхъ, по крайней мѣрѣ въ большей части ихъ, есть и неточные эпитеты, и неопредѣленность въ идеѣ, и изысканныя фразы, и чуждыя всякаго внутренняго значенія слова"...

Послѣ этого отзыва Бѣлинскаго Майковъ жилъ и писалъ еще болѣе полу-вѣка; но если мы возьмемъ полное собраніе его стихотвореній, вышедшее черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ статьи Бѣлинскаго (1893 г.), то мы принуждены будемъ слово въ слово повторить отзывъ Бѣлинскаго о поэзіи Майкова. Майковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ поэтовъ, первая книга которыхъ является въ то же время и лучшей ихъ книгой; онъ былъ лишенъ того яркаго внутренняго развитія, котораго ждалъ отъ него Бѣлинскій. И причины этого вполнѣ ясно намѣтилъ самъ Бѣлинскій: эти причины—узость міровоззрѣнія, а значитъ и узость таланта поэта, особенно бросавшаяся въ глаза при сравненіи съ могучимъ талантомъ только-что умолкнувшаго Лермонтова. Майковъ въ „классической формѣ" отражалъ „классическій духъ"; но—замѣчаетъ Бѣлинскій—это отраженіе далеко не полное: „гармоническое единство съ природою, проникнутое разумностію и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго элемента древняго міросозерцанія". Элементъ „наивнаго" и „природнаго" въ древней поэзіи былъ только другой стороной элемента „трагическаго", а Майковъ даже „и не кос-

нулся этого элемента". Но если уже въ древнемъ мірѣ элементъ трагическаго игралъ такую роль, то еще большее значеніе „трагедія" пріобрѣла въ жизни современнаго человѣка.

И Бѣлинскій посвящаетъ этому вопросу рядъ страницъ, глубоко важныхъ для характеристики его развитія — лучшихъ страницъ его статьи о Майковѣ; въ нихъ ясно сказывается новый Бѣлинскій сороковыхъ годовъ, преодолѣвшій свои мучительныя сомнѣнія годовъ духовнаго кризиса, отразившагося въ статьяхъ о Лермонтовѣ. На это необходимо обратить вниманіе.

Въ 1840 — 1841 г. Бѣлинскій, отказавшись отъ вѣры въ „разумную дѣйствительность", въ объективно-цѣлесообразное устроеніе міра и жизни, потерялъ почву подъ ногами. Онъ взглянулъ прямо въ глаза жизни и увидѣлъ въ ней не трагедію, разумно осмысленную, а безсмысленную драму. Онъ считалъ эту свою „рефлексію" — временной болѣзнью духа, но все же онъ былъ всецѣло въ ея власти: въ статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова это сказалось достаточно ясно, какъ ни старался Бѣлинскій указывать на „вѣчныя истины", на законы Провидѣнія... Въ письмахъ онъ не старался прикрыть несуществующей вѣрой это свое невѣріе въ жизнь: онъ рѣзко провозглашалъ это свое невѣріе въ смыслъ человѣческой трагедіи. Горе, слезы, гибель, смерть—все это для него перестало оправдываться идеей о „премудрой Благости", которая царитъ надъ міромъ; въ диссонансахъ жизни онъ пересталъ искать гармонію. Когда ему указывали на глубокій внутренній смыслъ человѣческой трагедіи, онъ съ негодованіемъ восклицалъ: „дитя, полно тебѣ играть въ понятія, какъ въ куклы! Твое трагическое—безсмыслица, злая насмѣшка судьбы надъ бѣднымъ человѣчествомъ"... (письмо къ Боткину отъ 12 авг. 1840 года).

Къ концу 1841-го и началу 1842-го года острый періодъ кризиса миновалъ. Бѣлинскій „со всѣмъ фанатизмомъ прозелита" перешелъ къ новой вѣрѣ — къ вѣрѣ въ „соціальность" (письмо къ Боткину отъ 8 сент. 1841 г.), и мало-помалу стала намѣчаться эта новая соціальная точка зрѣнія Бѣлинскаго на поэзію, на искусство, вполнѣ проявившаяся

въ статьѣ о Майковѣ. Спасеніе Бѣлинскій нашелъ въ идеѣ „человѣчества", въ идеѣ „прогресса" — и сталъ прилагать критерій этого „содержанія" къ произведеніямъ искусства; отъ поэта, кромѣ таланта, онъ требуетъ въ этой своей статьѣ „развитія въ духѣ времени"... „Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ; онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности... Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей духовной идеальной жизни; оракула, дающаго отвѣтъ на самые мудреные вопросы; врача, въ самомъ себѣ, прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ"... Этотъ новый взглядъ на поэта высказывается пока только мимоходомъ, попутно. Точно такъ же мимоходомъ вырисовывается и новое отношеніе Бѣлинскаго къ вопросу о трагическомъ — и не трудно было бы предугадать, въ чемъ будетъ заключаться это новое отношеніе, новое пониманіе трагическаго: прійдя къ новой вѣрѣ въ человѣчество, въ прогрессъ, въ „соціальность", Бѣлинскій долженъ былъ снова примириться съ трагическимъ въ жизни, какъ съ неизбѣжнымъ условіемъ развитія человѣчества. И если годомъ раньше онъ негодующе восклицалъ, что трагическое — безсмыслица, то теперь онъ заявляетъ, что „трагическое, это—Божія гроза, освѣжающая сферу жизни послѣ зноя и удушья продолжительной засухи"... А годомъ позднѣе онъ будетъ оправдывать гибель личностей благомъ человѣчества, будетъ принимать смерть во имя того, что „проходятъ и мѣняются личности, а духъ человѣческій живетъ вѣчно". Возставъ во имя личности противъ идеи разумности міра, Бѣлинскій, такимъ образомъ, снова подчинилъ личность идеѣ разумнаго устроенія человѣчества. Въ статьѣ о Майковѣ это сказалось въ фактѣ примиренія Бѣлинскаго съ трагическимъ; страницы эти являются какъ бы отвѣтомъ на указанное выше письмо самого же Бѣлинскаго отъ 12 авг. 1840 года.

Конечно, все это было только своеобразной характеристикой *à contrario* поэзіи Майкова: элемента „трагическаго" именно и не было въ творчествѣ Майкова, и это особенно подчеркиваетъ Бѣлинскій; въ этомъ онъ видитъ причину

того обстоятельства, что „когда г. Майковъ выходитъ изъ сферы антологической поэзіи—его талантъ какъ будто слабѣетъ“... И вся эта блестящая характеристика поэзіи Майкова осталась съ тѣхъ поръ непоколебленной: вся послѣдующая полувѣковая поэтическая дѣятельность Майкова была только все болѣе и болѣе полнымъ ея подтвержденіемъ; Бѣлинскій имѣлъ бы полное основаніе гордиться этой своей статьей. Кстати замѣтить, онъ былъ ею очень доволенъ: „статьею о Майковѣ — писалъ Бѣлинскій Боткину въ мартѣ 1842 года — я самъ доволенъ, хоть она и никому здѣсь особенно не нравится; а доволенъ ею я потому, что въ ней сказано (и притомъ очень просто) все, что̀ надо, и въ томъ именно тонѣ, въ какомъ надо было сказать“.

II.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ статьи о стихахъ Майкова, Бѣлинскій написалъ статью о стихотвореніяхъ Баратынскаго, — отъ „безтрагичной“ поэзіи Майкова онъ перешелъ къ поэзіи трагическаго. Онъ подошелъ къ этой поэзіи, оцѣнилъ ея красоту, но не принялъ ея и прошелъ мимо. То, что онъ съумѣлъ признать и оцѣнить красоту этой отнынѣ якобы чуждой ему поэзіи — это заслуга его, какъ чуткаго и тонкаго критика; то, что онъ прошелъ мимо и отвергъ музу Баратынскаго—это ошибка, легко объясняемая всѣмъ строемъ души „неистоваго Виссаріона“ въ это время (1842 г.).

Баратынскій, этотъ глубокій поэтъ горькой тоски и непримиреннаго отчаянія, могъ быть близокъ Бѣлинскому во время его духовнаго разлада 1840—1841 г., въ періодъ его отчаянія и тоски; но въ этотъ періодъ Бѣлинскій весь ушелъ въ Лермонтова и вспоминалъ о Баратынскомъ только мимоходомъ. Въ тридцатыхъ же годахъ, а также и во второй половинѣ сороковыхъ, сущность поэзіи Баратынскаго не могла быть принята Бѣлинскимъ,—сначала потому, что онъ страстно вѣрилъ въ разумную объективную цѣлесообразность міра, а впослѣдствіи потому, что онъ страстно увѣровалъ въ историческій прогрессъ человѣчества: тоска и невѣріе въ жизнь

въ поэзіи Баратынскаго ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ не могли созвучно „резонировать" въ душѣ Бѣлинскаго. Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ" Бѣлинскій еще не касался сущности творчества Баратынскаго, но довольно холодно отозвался объ этомъ поэтѣ, указавъ, что его поэтическое дарованіе „не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію" и что его „теперь, кажется, унижаютъ неосновательно"; однако черезъ годъ самъ Бѣлинскій неосновательно унизилъ Баратынскаго въ особой статьѣ, посвященной разбору только-что вышедшаго двухтомнаго сборника его стихотвореній („Телескопъ" 1835 г., № 9): онъ поставилъ въ ней Баратынскаго ниже Козлова, заявивъ, что Козловъ — „истинный поэтъ" и что „поэзія только изрѣдка и слабыми искорками блеститъ" въ стихотвореніяхъ Баратынскаго. Это крайне несправедливая и ошибочная оцѣнка психологически вполнѣ понятна: на слишкомъ разныхъ языкахъ говорили тогда поэтъ и критикъ, слишкомъ по-разному они чувствовали и смотрѣли на міръ. А когда пришло тяжелое для Бѣлинскаго время 1840—1841 г., когда онъ могъ бы понять и почувствовать Баратынскаго— этотъ поэтъ почти совершенно умолкъ; когда же, наконецъ, въ исходѣ 1842-го года появились его тоскливыя и безнадежныя „Сумерки"—Бѣлинскій уже справился, худо ли, хорошо ли, со своимъ тяжелымъ невѣріемъ въ жизнь, такъ что хватающая за душу сумеречная пѣсня Баратынскаго снова не могла найти отклика въ его душѣ. Какъ-разъ въ то время, когда печаталась статья о Баратынскомъ (въ декабрѣ 1842 года), Бѣлинскій нашелъ уже новую вѣру, новое откровеніе въ идеѣ человѣческаго прогресса, счастія, въ идеѣ „соціальности", равенства, справедливости; прочтя жоржъ-зандовскаго „Мельхіора", онъ „въ экстазѣ, въ сумасшествіи" пишетъ Панаеву (5 дек. 1842 г.): „мы — счастливцы: очи наши узрѣли спасеніе наше, и мы отпущены съ миромъ владыкою, — мы дождались знаменій, и поняли, и уразумѣли ихъ"... При такомъ настроеніи духа мрачныя, полныя невѣрія въ жизнь „Сумерки" Баратынскаго не могли не вызвать горячаго отпора Бѣлинскаго.

Но этого мало: настоящая причина враждебнаго отношенія къ Баратынскому лежитъ глубже—она лежитъ въ не-

пріязни Бѣлинскаго къ самому себѣ, къ своимъ же аналогичнымъ переживаніямъ 1840—1842 годовъ. Бѣлинскому казалось, что онъ выздоравливаетъ отъ той болѣзни „рефлексіи", о которой онъ писалъ еще въ своихъ статьяхъ о Лермонтовѣ; ему казалось, что онъ снова выходитъ на твердую почву — почву „соціальности" — послѣ смертельной опасности духа въ безднахъ отчаянія и невѣрія въ жизнь; ему казалось, что изъ мрака тоскливыхъ сомнѣній онъ снова выходитъ къ яркому свѣту увѣренности, къ солнцу новой вѣры, новаго откровенія... И вдругъ — „Сумерки" Баратынскаго, книга великаго сомнѣнія, книга великаго невѣрія; въ ней Бѣлинскій услышалъ самого себя—и съ тѣмъ большей непримиримостью отнесся къ ней, а также и къ родственнымъ ей по тону болѣе раннимъ книгамъ Баратынскаго. Это „автокритическое" значеніе статьи о Баратынскомъ дѣлаетъ ее крайне цѣнной для характеристики не поэзіи Баратынскаго, а воззрѣній самого Бѣлинскаго этого времени; недаромъ Бѣлинскій такъ цѣнилъ эту статью, считая ее „чуть ли не изъ лучшихъ своихъ мараній" (письмо къ Боткину отъ 9 декабря 1842 г.).

Итакъ, Бѣлинскій выступилъ непримиримымъ врагомъ міровоззрѣнія Баратынскаго. Тѣмъ сильнѣе надо оттѣнить перемѣну взгляда Бѣлинскаго на степень поэтическаго дарованія этого поэта. Бѣлинскій, нѣкогда принижавшій Баратынскаго до Козлова и ниже, находившій въ его творчествѣ только „слабыя искорки поэзіи", теперь ставитъ Баратынскаго, какъ поэта, очень высоко — непосредственно вслѣдъ за Пушкинымъ изъ всѣхъ поэтовъ пушкинской плеяды; онъ находитъ въ немъ „яркій, замѣчательный талантъ", сплошь и рядомъ восхищается его „чудными, гармоническими стихами", „удивительными стихотвореніями". Но тѣмъ непримиримѣе и рѣзче относится онъ не къ формѣ стихотвореній, а къ содержанію воззрѣній Баратынскаго — по намѣченнымъ выше причинамъ. Приводя заключительныя строки изъ великолѣпнаго стихотворенія Баратынскаго „Послѣдняя смерть", Бѣлинскій поневолѣ восхищается, но тутъ же и негодуетъ: „великолѣпная фантазія, но не болѣе, какъ фантазія! И главный ея недостатокъ заключается въ томъ,

что она вездѣ является чернымъ демономъ поэта. Жизнь, какъ добыча смерти, разумъ, какъ врагъ чувства, истина, какъ губитель счастія — вотъ откуда проистекаетъ элегическій тонъ поэзіи г. Баратынскаго и вотъ въ чемъ ея величайшій недостатокъ"... Но вѣдь въ письмахъ Бѣлинскаго 1840—1842 годовъ мы какъ-разъ встрѣчаемъ горестное признаніе, что жизнь есть добыча смерти, разумъ — врагъ чувства и истина — губитель счастія... „Горе! Горе! жизнь разоблачена!"—съ отчаяніемъ восклицалъ Бѣлинскій только за полгода до этой своей статьи (письмо къ Боткину отъ 20 апр. 1842 г.), но тутъ же возобновлялъ борьбу съ самимъ собою; отъ демона сомнѣнія и невѣрія въ жизнь „можетъ спасти человѣка только глубокая и сильная, живая вѣра", — говоритъ Бѣлинскій въ своей статьѣ; эта страница о борьбѣ съ „демономъ" носитъ, несомнѣнно, автобіографическій характеръ. Въ чемъ спасеніе? „Вѣра въ идею спасаетъ, вѣра въ факты губитъ",—говоритъ тутъ же Бѣлинскій: вотъ путь его спасенія. Этой „вѣры въ идею" никогда не было у Баратынскаго — вотъ путь его расхожденія съ Бѣлинскимъ.

Баратынскій повѣрилъ въ фактъ безцѣльности, безсмысленности міра и бытія — для него это стало истиной. Эту истину можно принять, ею переболѣть, но ее же и преодолѣть — такъ было съ Гёте, такъ было съ Пушкинымъ, съ его свѣтлымъ, радостнымъ, солнечнымъ міросозерцаніемъ; противъ этой истины можно возстать, отвергнуть ее съ негодованіемъ — отсюда „съ небомъ гордая вражда" Байрона или Лермонтова; наконецъ, отъ этой истины спасаетъ „вѣра въ идею"—такъ бываетъ чаще всего, такъ было и съ Бѣлинскимъ. Баратынскій не пошелъ ни по одному изъ этихъ трехъ путей: онъ не обладалъ „вѣрой въ идею"; онъ не былъ способенъ возстать противъ этой ненавистной истины; онъ не былъ въ силахъ принять и преодолѣть ее. И онъ остался наединѣ съ своею истиной, нося ее въ себѣ и боясь ея: въ этомъ — все содержаніе его поэзіи, его „Сумерокъ". Одно спасеніе смутно брезжилось ему: возможность того, что̀ на философскомъ языкѣ называется „интуитивнымъ познаніемъ"; только оно можетъ разрѣшить неразрѣшимое, освѣтить новымъ, невѣдомымъ свѣтомъ страшную истину.

Отсюда страстная любовь Баратынскаго къ поэзіи, въ которой онъ видѣлъ „полное ощущеніе извѣчной минуты“, своего рода „геніальную интуицію“, по выраженію Шеллинга и романтиковъ. Но, жадно стремясь къ полному ощущенію минуты, къ интуитивному познанію, Баратынскій былъ въ то же время подъ властью „обливающаго холодомъ разсудка“ (по его же собственному признанію и по выраженію Бѣлинскаго),—и въ этомъ была его трагедія; Бѣлинскій недаромъ упорно называлъ его „поэтомъ мысли“. „Предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечомъ, мысль, острый лучъ! — блѣднѣетъ жизнь земная!“ — съ тоскою восклицалъ самъ Баратынскій, недоумѣнно вопрошая: „зачѣмъ не предадимся снамъ улыбчивымъ своимъ? Жаркимъ сердцемъ покоримся думамъ хладнымъ, а не имъ?“

Вотъ причина враждебнаго отношенія Баратынскаго къ „наукѣ“, къ „познанію“, къ „уму“: въ этой области раціональнаго передъ поэтомъ стояла несокрушимая истина безсмысленности бытія, которая такъ томила его; возможное спасеніе чуть брезжилось ему въ области ирраціональныхъ переживаній. Возмутившее Бѣлинскаго восхваленіе „незнанья“ передъ „наукой“ имѣло у Баратынскаго исключительно смыслъ противопоставленія ирраціональнаго раціональному, мистическаго позитивному — на это не обратилъ вниманія Бѣлинскій. Онъ вступился за „науку“ противъ „невѣжества“, не замѣчая, что борется съ воображаемымъ врагомъ, что онъ невѣрно понялъ поэта, что мысль послѣдняго гораздо глубже и значительнѣе. Баратынскій жаждетъ интуитивнаго познанія, а Бѣлинскій предлагаетъ ему вѣрить въ философію и исторію, въ науку „развитія въ мышленіи довременныхъ и безплотныхъ идей“ и въ науку „осуществленія въ фактахъ, въ дѣйствительности развитія этихъ довременныхъ идей“... Но именно эти науки и поставили передъ Баратынскимъ ту страшную „Истину“ безцѣльности бытія, отъ которой онъ искалъ спасенія! И еще въ юношескомъ своемъ стихотвореніи подъ такимъ заглавіемъ („Истина“, 1824 г.) поэтъ съ достаточной ясностью выразилъ свою мысль.

Бѣлинскій не оцѣнилъ Баратынскаго — странно было бы стремиться это затушевать. Хотя въ статьѣ своей Бѣлин-

скій и воздалъ должное Баратынскому по крайней мѣрѣ со стороны формы его поэзіи, хотя онъ тонко отмѣтилъ нѣкоторыя главныя черты творчества этого поэта и впослѣдствіи сжато повторилъ свою мысль въ обзорѣ литературы за 1844 годъ, однако *главное* въ Баратынскомъ все же не было выявлено въ критикѣ Бѣлинскаго. Это — одинъ изъ тѣхъ крайне рѣдкихъ случаевъ, когда позднѣйшая оцѣнка значительно не совпала съ мнѣніемъ великаго критика. Въ заключительныхъ строкахъ своей статьи Бѣлинскій вполнѣ прозрачно называетъ талантъ Баратынскаго „обыкновеннымъ и бѣднымъ" по содержанію; онъ отводитъ ему первое мѣсто въ пушкинской плеядѣ — т.-е. въ ряду второстепенныхъ талантовъ въ родѣ Языкова, Козлова, Полежаева, Дельвига, Туманскаго „e tutti quanti". Это несправедливо: Баратынскій, несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ поэтовъ всего XIX вѣка, и если исключить Пушкина и Лермонтова, то Баратынскій по праву займетъ послѣ нихъ первое мѣсто не въ блѣдной „пушкинской плеядѣ", а во всей русской послѣ-пушкинской поэзіи. Его справедливо называютъ поэтомъ „для немногихъ"; это не похвала и не осужденіе, а просто фактъ, съ которымъ надо считаться: немногіе сочувственно откликаются и отзываются душой на звуки вопрошающей поэзіи Баратынскаго. Въ ней все вопросъ и нѣтъ отвѣта — и это не подъ силу большинству. Гораздо легче идти за пушкинскимъ „пріятіемъ міра", за лермонтовскимъ „проклятіемъ небу", за „вѣрой въ идею" Бѣлинскаго, чѣмъ оставаться лицомъ къ лицу съ трагической „истиной" Баратынскаго. Въ области теоретической мысли впервые осмѣлился на это Герценъ; Бѣлинскому же, какъ ни безконечно выше „большинства" стоялъ онъ, нуженъ былъ твердый отвѣтъ на послѣдніе вопросы. Онъ нашелъ этотъ отвѣтъ для себя какъ-разъ въ то время, когда Баратынскій выступилъ со своей лебединой пѣснью, со своими „Сумерками"; въ этихъ „Сумеркахъ" Бѣлинскій увидѣлъ самого себя послѣднихъ двухъ лѣтъ, увидѣлъ вопросы безъ отвѣта, увидѣлъ побѣду смерти надъ жизнью, увидѣлъ невѣріе въ жизнь — и напалъ на все это во имя новой вѣры въ человѣчество и прогрессъ, во имя „науки", во имя „ра-

зума“. Подойти ближе къ поэту, понять его до послѣдней глубины Бѣлинскій не сумѣлъ или не захотѣлъ: онъ искалъ теперь отвѣта и спасенія въ новой „земной“ вѣрѣ, въ новомъ откровеніи, въ разумномъ устроеніи человѣчества. Вотъ почему онъ отождествилъ „ирраціонализмъ“ Баратынскаго съ невѣжествомъ и указалъ на спасеніе отъ мучительныхъ вопросовъ въ „вѣрѣ въ идею“; вотъ почему, наконецъ, замѣчательная статья о Баратынскомъ такъ важна для характеристики настроеній Бѣлинскаго, но не для пониманія поэзіи Баратынскаго.

1909—1910 г.

Поэзія земледѣльческаго быта.

(Бѣлинскій о Кольцовѣ).

Въ 1835 году вышла изданная Станкевичемъ книжка стихотвореній Кольцова, и Бѣлинскій тотчасъ же написалъ объ этомъ поэтѣ небольшую статью; къ стихотвореніямъ этимъ Бѣлинскій отнесся довольно сдержанно, хотя и нашелъ, что Кольцовъ „владѣетъ талантомъ небольшимъ, но истиннымъ, даромъ творчества не глубокимъ и не сильнымъ, но неподдѣльнымъ и ненатянутымъ"... Въ 1836 году Кольцовъ впервые пріѣхалъ въ Москву и познакомился съ Бѣлинскимъ, который оказалъ на него впослѣдствіи такое громадное вліяніе; расцвѣтъ своего творчества, относящійся къ 1838 — 1839 гг., самъ Кольцовъ приписываетъ благотворному вліянію Бѣлинскаго. И Бѣлинскій, ставшій близкимъ другомъ и совѣтникомъ поэта, видѣлъ, какъ могуче росъ и развивался талантъ Кольцова; начиная съ 1839 года, Бѣлинскій въ своихъ письмахъ къ Боткину не одинъ разъ вспоминаетъ о Кольцовѣ и восхищается его растущимъ талантомъ. Въ журнальныхъ своихъ отзывахъ Бѣлинскій также сталъ теперь воздавать должное Кольцову; такъ напримѣръ, въ своей рецензіи 1840 года на книжку стихотвореній извѣстнаго въ то время крестьянина Слѣпушкина, Бѣлинскій посвящаетъ нѣсколько страницъ восторженному отзыву о поэзіи Кольцова, изумляясь „богатырской силѣ могучаго духа" этого поэта. Одновременно съ этой рецензіей Бѣлинскій писалъ большую статью о „Героѣ нашего времени"; въ ней онъ

опять говоритъ о Кольцовѣ, указывая, что поэтъ этотъ „доселѣ непонятъ, не оцѣненъ“, что „только немногіе сознаютъ всю глубину, обширность и богатырскую мощь его таланта“. Такой же отзывъ мы находимъ и въ статьѣ „Русская литература въ 1841 году“; тутъ же высказывается и сожалѣніе о томъ, что до сихъ поръ нѣтъ собранія избранныхъ стихотвореній Кольцова.

Друзья Кольцова собирались издать его стихотворенія еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ, считая, что брошюрка 1835 года (въ ней было только 18 стихотвореній) является и слишкомъ краткой и устарѣвшей, такъ какъ лучшія вещи Кольцова были написаны имъ большею частью послѣ 1836 г. Въ 1840 году Бѣлинскій принялся за редактированіе предполагаемаго сборника стихотвореній Кольцова; въ письмѣ изъ Воронежа отъ 28 апрѣля 1840 года Кольцовъ писалъ Бѣлинскому, что скоро пошлетъ ему тетрадь своихъ піесъ: „какъ вы желаете, напишу всѣ, худыя и добрыя: онѣ что у меня, что у васъ—все равно... Но только буду васъ просить при сборѣ книги выбирать вещи однѣ добрыя... Книга же, думаю, теперь соберется порядочная, листовъ въ пятнадцать печатныхъ“... Однако при жизни Кольцова Бѣлинскому такъ и не удалось осуществить это изданіе; черезъ полтора мѣсяца послѣ смерти Кольцова Бѣлинскій писалъ Боткину (9 дек. 1842 г.), что слѣдуетъ издать сочиненія Кольцова,—„но какъ издать, на что̀ издать и проч. и проч.“; средствъ не было, издателя не находилось. И только три года спустя удалось устроить это изданіе, которое взяли на себя Некрасовъ и Прокоповичъ; весною 1846 года вышла редактированная Бѣлинскимъ книга „Стихотворенія Кольцова“, размѣромъ ровно въ пятнадцать листовъ, причемъ однако пять печатныхъ листовъ занимала собою вступительная статья Бѣлинскаго „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова“. Изданіе это впослѣдствіи неоднократно повторялось, являясь наиболѣе полнымъ и лучшимъ собраніемъ стихотвореній Кольцова; въ настоящее время лучшимъ и совершенно полнымъ изданіемъ является Академическое, подъ редакціей А. Лященка (1909 г.). Въ этомъ изданіи читатели найдутъ

подробныя библіографическія указанія на не особенно богатую литературу о Кольцовѣ.

Прежде чѣмъ говорить о взглядѣ Бѣлинскаго на сущность поэзіи Кольцова, интересно остановиться на текстѣ его статьи, подвергнувшейся въ 1846 году значительнымъ цензурнымъ сокращеніямъ; сокращенія и измѣненія эти коснулись тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Бѣлинскій говорилъ объ отношеніи къ Кольцову его отца и вообще его семьи. Отношеніе это было возмутительное, какъ объ этомъ впервые разсказалъ Бѣлинскій въ своей статьѣ и что впослѣдствіи тщетно пытались опровергнуть другіе біографы Кольцова; умирающій поэтъ былъ обузой для семьи, которая старалась „изводить“ его чѣмъ могла. Кольцовъ обо всѣхъ этихъ преслѣдованіяхъ съ горечью сообщалъ въ дружескихъ письмахъ къ Бѣлинскому; понятно то негодованіе, съ которымъ Бѣлинскій и его друзья относились къ такимъ извѣстіямъ. Когда Кольцовъ умеръ, Боткинъ требовалъ отъ Бѣлинскаго, чтобы тотъ въ журнальной статьѣ о Кольцовѣ заклеймилъ поведеніе отца покойнаго поэта, ускорившее, а можетъ быть и вызвавшее самую смерть, Бѣлинскій отвѣчалъ (9 дек. 1842 г.): „объ отцѣ Кольцова—думать нечего: такой случай могъ бы вооружить перо энергическимъ громоноснымъ негодованіемъ гдѣ-нибудь, а не у насъ. Да и чѣмъ виноватъ этотъ отецъ, что онъ—мужикъ? И что̀ онъ сдѣлалъ особеннаго? Воля твоя, а я не могу питать враждебности противъ волка, медвѣдя или бѣшеной собаки, хотя бы кто изъ нихъ растерзалъ чудо генія или чудо красоты, такъ же, какъ не могу питать враждебности къ паровозу, раздавившему на пути своемъ человѣка. Поэтому-то Христосъ, видно, и молился за палачей своихъ, говоря: не вѣдятъ бо, что̀ творятъ. Я не могу молиться ни за волковъ, ни за медвѣдей, ни за бѣшеныхъ собакъ, ни за русскихъ купцовъ и мужиковъ, ни за русскихъ судей и квартальныхъ; но и не могу питать къ тому или другому изъ нихъ личной ненависти. И *что* напишешь объ отцѣ Кольцова, и *какъ* напишешь? Во-первыхъ, и написать нельзя; во-вторыхъ, и напиши—онъ вѣдь не прочтетъ, а если и прочтетъ—не пойметъ, а если и пойметъ—не убѣдится“...

Несмотря на это, Бѣлинскій все же попробовалъ сперва въ краткой некрологической замѣткѣ („Отеч. Зап.“ 1843 г., т. XXVI), а затѣмъ и въ большой статьѣ обрисовать положеніе Кольцова въ его семьѣ; но онъ былъ правъ тремя годами ранѣе, заявляя, что объ этомъ „нельзя написать“. Цензура вычеркнула изъ его статьи почти все, касающееся этого вопроса, начиная съ эпиграфа, изъ стихотворенія Аполлона Григорьева, о „русской семьѣ“. Вычеркнутыя мѣста впослѣдствіи были возстановлены по рукописи Бѣлинскаго въ изданіи Солдатенкова; сравнивая эту возстановленную статью съ ея печатнымъ текстомъ 1846 года, можно видѣть, что было вычеркнуто цензурой; для характеристики отношенія цензуры сороковыхъ годовъ къ Бѣлинскому это представляетъ значительный интересъ. Какъ бы то ни было, но даже связанный цензурою Бѣлинскій далъ яркую біографію Кольцова, оставшуюся донынѣ одною изъ лучшихъ, несмотря на сравнительную устарѣлость. Появившаяся въ 1878 году обширная біографія Кольцова, написанная М. де-Пуле, основывалась на болѣе богатыхъ біографическихъ матеріалахъ, но не имѣетъ почти никакой литературной цѣны, являясь въ сущности только озлобленнымъ памфлетомъ противъ Бѣлинскаго.

Біографическій матеріалъ статьи Бѣлинскаго представляетъ изъ себя только введеніе къ опредѣленію сущности поэтическаго творчества Кольцова. Переходя къ этому опредѣленію, Бѣлинскій ставитъ свой излюбленный вопросъ о разницѣ между „геніемъ“ и „талантомъ“—вопросъ, который уже былъ поставленъ имъ въ это же самое время въ статьѣ „Мысли и замѣтки о русской литературѣ“; теперь онъ разрабатываетъ его подробно, говоря о Кольцовѣ [1]). Интересно, что въ своей первой статейкѣ о Кольцовѣ (1835 г.) Бѣлинскій стоялъ совершенно на такой же точкѣ зрѣнія; онъ начиналъ эту статью разграниченіемъ понятій „генія“ и „таланта“, указывая, что между ними есть постепенная градація,

[1]) Въ этомъ видны отголоски вліянія Шеллинга и Гегеля. Общеизвѣстно значеніе «генія» въ эстетической системѣ Шеллинга; что же касается до Гегеля, то разграниченіе понятій «генія» и «таланта» мы находимъ въ § 395 его «Энциклопедіи» (редакціи Баумана).

что „есть художники, которыхъ вы не рѣшитесь почтить высокимъ именемъ геніевъ, но которыхъ вы поколеблетесь отнести къ талантамъ". Въ большой своей статьѣ Бѣлинскій развиваетъ эту мысль, высказанную имъ десятью годами ранѣе, называя такихъ людей, бо̀льшихъ, чѣмъ талантъ, но меньшихъ, чѣмъ геній — *геніальными талантами.* Но тутъ же необходимо отмѣтить и разницу между этими двумя, раздѣленными десятилѣтіемъ, взглядами Бѣлинскаго: раньше онъ видѣлъ и „геній" и „талантъ" — въ сферѣ „художественности", „искусства"; теперь онъ склоненъ приписать генію — художественность, а таланту — „беллетристику". Прежде Бѣлинскій видѣлъ между „геніемъ" и „талантомъ" главнымъ образомъ количественное различіе, теперь онъ видитъ между ними различіе качественное — и въ этомъ лежитъ возможность существованія „геніальнаго таланта", который отъ простого таланта отличается свойствомъ, а отъ генія—объемомъ содержанія. Теперь вопросъ о геніи и талантѣ Бѣлинскій соединяетъ съ вопросомъ о *личности,* указывая, что геній соединяетъ въ себѣ высочайшее развитіе личности съ всеобщностью и глубиной своихъ идей и идеаловъ; достояніемъ таланта, напротивъ, является частность и исключительность. „Геніальный талантъ" и здѣсь оказывается среднимъ между ними, являясь сочетаніемъ глубокой внутренней сущности человѣка съ ограниченнымъ объемомъ содержанія.

Такимъ „геніальнымъ талантомъ" Бѣлинскій считалъ Кольцова. Это опредѣленіе вызвало довольно рѣзкое возраженіе со стороны В. Майкова, замѣнившаго собою въ 1846 году Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ". Въ своей статьѣ о Кольцовѣ („Отеч. Зап." 1846 г., т. XLIX) Вал. Майковъ полемизируетъ съ Бѣлинскимъ, называя всѣ эти разграниченія— „геній", „талантъ" и „геніальный талантъ"—чисто словесными и ничего не объясняющими въ поэзіи Кольцова. Критикъ Бѣлинскаго былъ бы правъ, если бы Бѣлинскій счелъ свою задачу выполненной послѣ такого разграниченія; но дѣло въ томъ, что для Бѣлинскаго это только первый шагъ къ опредѣленію сущности таланта Кольцова. Словами „геніальный талантъ" Бѣлинскій сразу ярко освѣтилъ двѣ главныя сто-

роны творчества Кольцова: исчерпывающую глубину художественнаго содержанія при сравнительно узкихъ рамкахъ его. Онъ указываетъ, что геній Пушкина былъ всеобъемлющъ, но что даже и Пушкинъ „не могъ бы написать ни одной пѣсни въ родѣ Кольцова, потому что Кольцовъ одинъ и безраздѣльно владѣлъ тайною этой пѣсни"; въ этомъ узкомъ мірѣ „народной пѣсни" Кольцовъ достигъ исчерпывающей глубины художественнаго содержанія. Въ чемъ же заключалось это содержаніе? — Тутъ Бѣлинскій подходитъ къ главному вопросу своей статьи и даетъ рѣшеніе, которое одно только можетъ объяснить намъ значеніе поэзіи Кольцова.

Поэзія Кольцова—*поэзія земледѣльческаго быта*: „Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта онъ нашелъ въ самомъ этомъ бытѣ"... „Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнію народа, какъ это само собою сдѣлалось у Кольцова. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спѣлымъ колосомъ, и на чужую ниву смотрѣлъ онъ съ любовію крестьянина, который смотритъ на свое поле, орошенное его собственнымъ пóтомъ"... „Онъ былъ сыномъ народа въ полномъ значеніи этого слова... Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни"... Эти слова Бѣлинскаго интересно сопоставить со слѣдующими безхитростными словами самого Кольцова, въ его письмѣ къ Бѣлинскому отъ 28 сент. 1839 г., гдѣ онъ объясняетъ причину, почему въ этомъ году мало написалъ стихотвореній: „трудно отвѣчать, и отвѣтъ смѣшной: не потому, что некогда, что дѣла мои были дурны, что я былъ все разстроенъ; но вся причина—эта суша, это безвременье нашего края, настоящій и будущій голодъ. Все это какъ-то ужасно имѣло, нынѣшнее лѣто, на меня большое вліяніе — или потому, что мой бытъ и выгоды тѣсно связаны съ внѣшнею природою всего народа. Куда ни глянешь—вездѣ унылыя лица; поля, горѣлыя степи наводятъ на душу уныніе и печаль, и душа не въ состояніи ничего ни мыслить, ни думать. Какая рѣзкая перемѣна во всемъ! Напримѣръ: и теперь

поютъ русскія пѣсни тѣ же люди, что̀ пѣли прежде, тѣ же пѣсни, такъ же поютъ; напѣвъ одинъ—а какая въ нихъ, не говоря ужъ грусть—онѣ всѣ грустны,—а какая-то болѣзнь, слабость, бездушье. А та разгульная энергія, сила, могучесть будто въ нихъ никогда не бывали. Я думаю въ той же душѣ, на томъ же инструментѣ, на которомъ народъ выражался широко и сильно, при другихъ обстоятельствахъ можетъ выражаться слабо и бездушно. Особенно въ пѣснѣ это замѣтно; въ ней, кромѣ ея собственной души, есть еще душа народа въ его настоящемъ моментѣ жизни"...

Эти слова Кольцова являются лучшимъ подтвержденіемъ приведеннаго выше мнѣнія Бѣлинскаго; только съ этой точки зрѣнія можно понять ту „поэзію крестьянскаго быта", которую мы находимъ въ произведеніяхъ Кольцова, а также вѣрно оцѣнить сущность и значеніе этой поэзіи. Съ давнихъ поръ существовала тенденція умалить и принизить значеніе Кольцова въ русской литературѣ; первая статья подобнаго рода, если не считать журнальныхъ отзывовъ еще при жизни Кольцова и рецензій на книгу 1846 года, явилась впервые въ 1852 году (въ „Сынѣ Отечества") и принадлежала перу В. Стоюнина; подобные же взгляды можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ статьяхъ 1909 года, появившихся по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія Кольцова. Всѣ эти отрицательные выводы о совершенной второстепенности поэзіи Кольцова возможны только въ томъ случаѣ, если упустить изъ вида единственно объясняющій все дѣло взглядъ Бѣлинскаго, взглядъ который позднѣе повторили и развили Чернышевскій (въ „Очеркахъ гоголевскаго періода"), Добролюбовъ (въ популярной книгѣ о Кольцовѣ) и цѣлый рядъ другихъ писателей. Изъ этого ряда писателей нельзя не остановиться на одномъ, который ярче другихъ развилъ мысль Бѣлинскаго. Это — Гл. Успенскій, заговорившій о Кольцовѣ въ своихъ изумительныхъ по силѣ и тонкости очеркахъ „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ". „Поэзія земледѣльческаго труда—говоритъ Гл. Успенскій—не пустое слово. Въ русской литературѣ есть писатель, котораго невозможно иначе назвать, какъ поэтомъ земледѣльческаго труда исключительно. Это—Кольцовъ". Мы обратимся къ этому произ-

веденію Гл. Успенскаго, въ которомъ о Кольцовѣ на трехъ страничкахъ сказано больше, чѣмъ во многихъ большихъ статьяхъ объ этомъ поэтѣ. Эти страницы Гл. Успенскаго являются лучшимъ развитіемъ основной мысли Бѣлинскаго о Кольцовѣ.

„*Никто*,—говоритъ Гл. Успенскій,—не исключая и самого Пушкина, не трогалъ *такихъ* поэтическихъ струнъ народной души, народнаго міросозерцанія, воспитаннаго исключительно въ условіяхъ земледѣльческаго труда, какъ это мы находимъ у поэта-прасола. Спрашиваемъ, что̀ могло бы вдохновить хотя бы и Пушкина при видѣ пашущаго пашню мужика, его клячи и сохи? Пушкинъ, какъ человѣкъ иного круга, могъ бы только скорбѣть, какъ это и было, объ этомъ труженикѣ, „влачащемся по браздамъ“, объ ярмѣ, которое онъ несетъ, и т. д..... А мужикъ, изображаемый Кольцовымъ, хотя и влачится по браздамъ, хоть и босикомъ плетется за клячей, находитъ возможнымъ говорить этой клячѣ такія рѣчи:

„Весело (!) на пашнѣ, *я самъ-другъ съ тобою*, слуга и хозяинъ. Весело (!) я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю. *Весело* гляжу я на гумно (что̀-жъ тутъ можетъ быть веселаго для насъ съ вами, читатель?), на скирды, молочу и вѣю... Ну, тащися, сивка!.. Пашенку мы рано съ сивкою распашемъ, зернышку сготовимъ колыбель святую; его вспоитъ, вскормитъ мать-земля сырая... Выйдетъ въ полѣ травка... Ну, тащися, сивка!... Выйдетъ въ полѣ травка, выраститъ и колосъ, станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани“ и т. д. Сколько тутъ разлито радости, любви, вниманія—и къ чему? Къ гумну, къ колосу, къ травѣ, къ клячѣ, съ которою человѣкъ разговариваетъ, какъ съ понимающимъ существомъ, говоря: „мы съ сивкою“, „я самъ-другъ съ тобою“ и т. д. Человѣкъ, *такъ* своеобразно, полно понимающій, живущій непонятными для меня и васъ, образованный читатель, вещами, пойметъ ли онъ меня, если я къ нему подскочу съ разговорами о выгодности ссудо-сберегательныхъ товариществъ? А косарь того же Кольцова, который, получая на своихъ харчахъ 50 коп. въ сутки, находитъ возможность говорить такія рѣчи:

„Ахъ, ты степь моя, степь привольная!.. Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ, я пришелъ *самъ-другъ съ косой* вострою. Мнѣ давно *гулять* (это за 50-то копеекъ въ сутки!) по травѣ степной, вдоль и поперекъ, съ ней *хотѣлося. Раззудись* плечо, *размахнись* рука, ты пахни въ лицо вѣтеръ съ полудня, освѣжи, взволнуй степь просторную, зажужжи коса, *засверкай кругомъ*! Зашуми трава подкошенная, *поклонись цвѣты головой землѣ*", и т. д.

„Тутъ, что̀ ни слово, то тайна крестьянскаго міросозерцанія: *раззудись плечо... засверкай кругомъ*... и т. п.—все это прелести ни для кого, кромѣ крестьянина-земледѣльца, недоступныя. Припомнимъ еще поистинѣ великолѣпное стихотвореніе того же Кольцова „*Урожай*", гдѣ и природа, и міросозерцаніе человѣка, стоящаго съ ней лицомъ къ лицу, до поразительной прелести неразрывно слиты въ одно поэтическое цѣлое. Чтобы яснѣе видѣть достоинства этого стихотворенія, возьмемъ для сравненія извѣстное стихотвореніе другого русскаго поэта, Лермонтова: „Когда волнуется желтѣющая нива".

Тутъ Гл. Успенскій переходитъ къ пристрастному, но ядовито-остроумному разбору этого „перла лермонтовской поэзіи". Созерцаніе красотъ природы — иронизируетъ Гл. Успенскій — возбудило въ Лермонтовѣ сильныя душевныя движенія: въ небесахъ онъ увидѣлъ Бога, сталъ постигать, что̀ такое счастье, и морщины на челѣ у него разошлись. Какія же красоты природы такъ растрогали поэта? О, конечно: „самые лучшіе ея сорта". Поэтъ „обставилъ самыми пріятными растеніями путь, по которому въ душу его шествуетъ Богъ, и размѣстилъ эти растенія и разные фрукты въ такомъ порядкѣ и видѣ, чтобы ему не совѣстно было принять высокопоставленнаго посѣтителя. Взята поэтому „желтѣющая нива", зрѣлище очень пріятное для глазъ, затѣмъ слива, да еще малиновая, да не просто малиновая слива, а слива подъ тѣнью, да и тѣнь-то сладостная. Потомъ ландышъ: во-первыхъ, онъ серебристъ, обрызганъ росой, роса взята душистая, особенная, ради экстреннаго случая; кромѣ того, ландышъ этотъ освѣщенъ на выборъ — и утренней, и вечерней зарей, разноцвѣтными переливами, помѣщенъ подъ

кустомъ, изъ-подъ котораго уже и киваетъ съ привѣтливостью. Тутъ, ради экстреннаго случая, перемѣшаны и климаты, и времена года, и все такъ произвольно выбрано, что невольно рождается сомнѣніе въ искренности поэта. Что,—думается, вникая въ его произведеніе:—увидѣлъ бы онъ Бога въ небесахъ и разошлись бы его морщины и т. д., если бы природа предстала предъ нимъ не въ видѣ какихъ-то отборныхъ фруктовъ, при особомъ освѣщеніи, а въ болѣе обыкновенномъ и простомъ видѣ? Что, если бы вмѣсто малиновой сливы, душистой розы, серебристаго ландыша, автору предстояло созерцать, напримѣръ, корявый крыжовникъ, бруснику, ежевику, горьку ягоду калину, рябину и прочую неблагообразную тварь Божію?..“

„Совсѣмъ не то въ „*Урожаѣ*“ Кольцова, — продолжаетъ Гл. Успенскій.—Здѣсь все просто, обыкновенно, взята одна только нива желтѣющая, на которой сосредоточены всѣ заботы земледѣльца, сосредоточены всѣ его думы. Авторъ подробно излагаетъ эти „три думы“ крестьянскія, связанныя только съ нивой и не разбрасывающіяся по сторонамъ; съ этой же нивой и думами о ней связано совершенно объяснимое вниманіе къ природѣ, вниманіе пристальное, жадное (какъ туманъ густится въ тучу, туча проливается дождемъ и т. д.), и какъ, наконецъ, глубоко понятны заключительныя слова стихотворенія: „и жарка свѣча поселянина предъ иконою Божьей Матери“. Тутъ нѣтъ пустого мѣста, нѣтъ прорѣхи въ міросозерцаніи человѣка, и само міросозерцаніе удивительно своеобразно“ (Гл. Успенскій, „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“, гл. III).

Такъ развилъ Гл. Успенскій основныя мысли Бѣлинскаго о поэзіи Кольцова, поэзіи крестьянскаго, поэзіи земледѣльческаго быта. Бѣлинскій и Гл. Успенскій ярко освѣтили главную сторону творчества Кольцова, до сихъ поръ сохранившую всю свою цѣнность и создавшую Кольцову его узкое, но высокое мѣсто въ исторіи русской литературы. Бѣлинскій кромѣ того останавливается и на извѣстныхъ „Думахъ“ Кольцова, какъ на другой сторонѣ творчества этого поэта; Бѣлинскій не могъ не признать, что эта сторона творчества Кольцова имѣетъ для русской литературы весьма малое зна-

ченіе, будучи очень важной только для характеристики личности самого Кольцова. Начиная съ 1836 года Кольцовъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Бѣлинскаго и его друзей; еще въ 1835 году Кольцовъ написалъ думу „Великая тайна“, вѣроятно подъ вліяніемъ Станкевича и его философіи той эпохи. Съ 1836 года у Кольцова идетъ рядъ „думъ“, отражающихъ въ себѣ шеллингіанскія и гегеліанскія умозрѣнія Бѣлинскаго и его друзей; объ этомъ вліяніи на Кольцова есть статья В. Ярмерштедта (очень устарѣвшая съ фактической стороны): „Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова“ („Вопр. философ. и психологіи“, 1894 г., кн. I). Бѣлинскій старался передать Кольцову основныя положенія философіи Гегеля; Кольцовъ пробовалъ читать философскія книги, но безрезультатно, о чемъ и горевалъ, сообщая Бѣлинскому: „субъектъ и объектъ я немножко понимаю, а абсолюта — ни крошечки“ (письмо отъ 28 окт. 1838 г.); въ другомъ письмѣ еще яснѣе: „я понимаю субъектъ и объектъ хорошо, но не понимаю еще, какъ въ философіи, поэзіи, исторіи они соединяются до абсолюта. Не понимаю еще вполнѣ этого безконечнаго игранія жизни, этой великой природы во всѣхъ ея проявленіяхъ“... (письмо отъ 15 іюня 1838 года). Но то, чего Кольцовъ не понималъ умомъ, онъ хотѣлъ высказать въ поэтическихъ образахъ въ своихъ „думахъ“, темами которыхъ какъ-разъ являются вопросы о великой природѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ, о безконечномъ играніи жизни... Попытки были мало удачныя, такъ какъ Кольцовъ, подобно Бѣлинскому, былъ типичный реалистъ по своему психологическому типу; онъ это и самъ призналъ (какъ указываетъ Бѣлинскій) въ своемъ стихотвореніи „Не время-ль намъ оставить“ (1841 г.). „Мистическое направленіе Кольцова, обнаруженное имъ въ думахъ,—говоритъ Бѣлинскій,—не могло бы у него долго продолжиться, еслибъ онъ остался живъ. Этотъ простой, ясный и смѣлый умъ не могъ бы долго плавать въ туманахъ неопредѣленныхъ представленій“... Думы Кольцова были именно слишкомъ „надуманы“ и, за немногими исключеніями, шли не отъ сердца, не отъ души поэта; значеніе ихъ для характеристики Кольцова велико, но другого значенія онѣ не имѣютъ.

Но мы уже видѣли, что вовсе не здѣсь лежитъ сущность поэзіи Кольцова, ея безотносительное значеніе; сущность эта заключена въ „пѣсняхъ“ Кольцова, являющихся единственнымъ въ своемъ родѣ проявленіемъ въ поэтическомъ творчествѣ эстетической стороны земледѣльческаго быта. Бѣлинскій ошибался въ частностяхъ своей критики произведеній Кольцова; такъ напримѣръ, онъ преувеличенно оцѣнивалъ довольно посредственную „Ночь“, почему-то относя ее „къ капитальнымъ произведеніямъ русской поэзіи“; напротивъ того, онъ недооцѣнилъ такія вещи, какъ „Пѣсня пахаря“, „Крестьянская пирушка“ и т. п., поставивъ ихъ ниже „Разсчета съ жизнію“ и другихъ болѣе слабыхъ стихотвореній Кольцова. Но все это дѣло субъективной оцѣнки, всегда очень спорной; что же касается до сущности настоящей статьи Бѣлинскаго, то она до сихъ поръ остается въ полной силѣ. Бѣлинскій показалъ, что „поэзія земледѣльческаго быта“ есть та сторона поэзіи Кольцова, которая на вѣчныя времена сохранитъ ему высокое мѣсто въ исторіи русской литературы.

1910 г.

Бѣлинскій въ тридцатыхъ годахъ.

(Отъ Шеллинга черезъ Фихте къ Гегелю).

Въ тридцатыхъ годахъ кружокъ Бѣлинскаго и его друзей совершилъ знаменательный путь отъ „эстетики" черезъ „этику" къ „логикѣ",—отъ Шеллинга черезъ Фихте къ Гегелю. Прослѣдить за этимъ путемъ хотя бы въ общихъ чертахъ—значитъ понять ходъ развитія Бѣлинскаго, неизбѣжно приводившій отъ узкой „кружковщины" на широкое поле общественной борьбы.

Въ шеллингіанствѣ Бѣлинскій и его друзья нашли отвѣтъ главнымъ образомъ на свои эстетическіе запросы; въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ" и послѣдующихъ статьяхъ Бѣлинскаго 1834—6 г. мы имѣемъ шеллингіанское обоснованіе и развитіе мысли о свободномъ творчествѣ поэта, объ эстетическомъ чувствѣ, какъ основѣ добра, о внутренней связи свободно-творящаго поэта съ народомъ [1]). Сразу бросается въ глаза почти полное отсутствіе во всемъ этомъ вопросовъ *теоретико-познавательныхъ*, гносеологическихъ; а между тѣмъ миновать ихъ при знакомствѣ съ послѣ-кантовской философіей было невозможно. Знакомство съ философіей Фихте принудило Станкевича и его друзей вплотную подойти къ постановкѣ этихъ вопросовъ и заимствовать отъ Фихте не только его этическій пантеизмъ, но и его субъективный идеализмъ. Послѣднее сперва было наиболѣе труднымъ; Станкевичъ, начавшій читать Фихте („Vorlesungen über die

[1]) См. обо всемъ этомъ ниже въ статьѣ «Годовые обзоры литературы».

Bestimmung des Menschen“) весною 1836 года, сознается, что чтеніе это сперва произвело въ его головѣ такой сумбуръ, возможности котораго онъ и не подозрѣвалъ... Нравственный законъ—утверждаетъ Фихте—только тогда является реальнымъ, если внѣшній міръ не есть „вещь въ себѣ“, если между *Я* и *не-Я* существуетъ взаимодѣйствіе (а не одностороннее дѣйствіе объекта на субъектъ). Реальность нравственнаго закона отрицаетъ, такимъ образомъ, точку зрѣнія наивнаго реализма; болѣе того, она заставляетъ насъ въ концѣ концовъ придти къ заключенію, что внѣшній міръ есть лишь продуктъ нашего ощущенія и мышленія, есть только наше представленіе. Нѣтъ „вещи въ себѣ“, есть только „образы“, отображенія нашего сознанія, объективируемыя во-внѣ; внѣшній міръ *призраченъ*, реальное есть лишь самоосуществленіе *Я*. Эти разлагающія міръ и личность умозаключенія приводятъ къ понятію *вѣры*, безъ которой не можетъ быть построена философская система.

Все это я беру изъ той самой книги Фихте, которая произвела такую путаницу въ мысляхъ Станкевича: доводы и выводы субъективнаго идеализма не могли не поразить реалистически настроенныхъ друзей кружка Станкевича. Но среди этого кружка появилось въ 1835—6 г. новое лицо—М. Бакунинъ, сильный философскій умъ, легко усваивавшій себѣ всѣ тѣ „философскія отвлеченности“, которыя смутили даже Станкевича и были совершенно чужды такому типичному реалисту, какъ Бѣлинскій. Съ 1836 года начинается близкая дружба Бѣлинскаго съ М. Бакунинымъ, этимъ будущимъ родоначальникомъ русскаго анархизма, а пока—ревностнымъ неофитомъ фихтіанства; время съ августа по ноябрь 1836 г. Бѣлинскій проводитъ въ Прямухинѣ, деревнѣ Бакуниныхъ, и понемногу самъ втягивается въ „фихтіанскую отвлеченность“. Въ статьѣ о книгѣ „Опытъ системы нравственной философіи“ Бѣлинскій уже примѣнилъ эту новую точку зрѣнія и новую терминологію; до этого времени онъ былъ знакомъ только съ общимъ шеллингіанскимъ воззрѣніемъ на міръ и на жизнь. „Есть два способа изслѣдованія истины: *a priori* и *a posteriori*, т.-е. изъ чистаго разума и изъ опыта“, — пишетъ Бѣлинскій въ этой своей статьѣ; а изъ

письма Бѣлинскаго къ М. Бакунину (отъ 21 ноября 1837 г.) мы узнаемъ, что даже эти подчеркнутыя выраженія были новостью для Бѣлинскаго: „я написалъ нѣсколько статей, обратившихъ на меня вниманіе, и никакъ не подозрѣвалъ, чтобы развитыя въ нихъ идеи были идеями *a priori*“... И вотъ теперь Бѣлинскій сталъ проповѣдывать этическія идеи Фихте, обосновывая ихъ на идеалистической теоріи познанія. Характерны въ этомъ отношеніи начальныя страницы все той же статьи, гдѣ Бѣлинскій заявляетъ, что „факты и идеи не существуютъ сами по себѣ: они всѣ заключаются въ насъ“, что „внѣшніе предметы только даютъ толчокъ нашему *Я* и возбуждаютъ въ немъ понятія, которыя оно придаетъ имъ“. Эти два положенія взаимно исключаютъ другъ друга (такъ какъ первое построено на отрицаніи, а второе на признаніи „вещи въ себѣ“): если же прибавить къ этому, что два эти положенія раздѣлены третьимъ, въ которомъ проводится вовсе не фихтіанское, а обычное платоновское ученіе объ идеѣ, то станетъ яснымъ, насколько своеобразно преломлялась фихтіанская теорія познанія въ понятіи Бѣлинскаго и его „философскаго друга“ и учителя— Бакунина.

Итакъ, несомнѣнно, что хотя общій духъ ученія Фихте былъ въ общемъ схваченъ вѣрно, но все же фихтіанство Бѣлинскаго и друзей было сильно „руссифицированнымъ“. Особенно это сказалось въ той терминологіи, которая подъ именемъ „фихтіанской“ создалась въ кружкѣ друзей и главнымъ авторомъ которой несомнѣнно былъ Бакунинъ. „Конкретная жизнь“, „абстрактная жизнь“, „внѣшняя жизнь“, „призрачность“, „полная жизнь духа“, „объективное наполненіе“, „благодать“, „нравственная точка зрѣнія толпы“, „добрые малые“, „прекраснодушіе“ и т. п. — вотъ термины, которыми переполнена переписка Бѣлинскаго, начиная съ 1836 года. Нѣкоторые изъ этихъ терминовъ дѣйствительно можно встрѣтить у Фихте — напримѣръ, „призрачность“, „блаженная жизнь“ и т. п.; но бо́льшая часть ихъ несомнѣнно „московскаго“ происхожденія. Иной разъ заимствованный терминъ получалъ совершенно своеобразное значеніе: изъ извѣстнаго выраженія Гете (а впослѣдствіи и Ге-

геля)—„Schöne Seele“, Станкевичъ и Бакунинъ съ друзьями сдѣлали чуть не цѣлую философскую категорію. Подъ „прекраснодушіемъ“ понималось у нихъ состояніе среднее между низменной „нравственной точкой зрѣнія“ толпы и состояніемъ „благодати“ немногихъ избранныхъ. (Нѣсколько позднѣе, уже въ эпоху гегеліанства, Бѣлинскій сталъ называть „прекраснодушіемъ“ всѣ безпочвенные идеалистическіе порывы, всякій безсильный протестъ противъ дѣйствительности). Весь внѣшній міръ былъ объявленъ „призрачнымъ“, а дѣйствительною считалась только „жизнь въ духѣ“, только высшія переживанія, этическія и эстетическія.

Бѣлинскій добросовѣстно старался убѣдить себя въ истинности этой новой фихтіанско-бакунинской вѣры. Одно время онъ былъ просто подавленъ авторитетомъ своего „философскаго друга“ и покорился ему; это совпало съ періодомъ самобичеванія Бѣлинскаго, его признанія своей недостойности для состоянія „благодати“; въ то же время Бѣлинскій, живя въ Прямухинѣ, влюбился въ одну изъ сестеръ своего друга, А. А. Бакунину, но не только не встрѣтилъ взаимности, а наоборотъ, увидѣлъ, что на него смотрятъ „сверху внизъ“... Все это очень повліяло на впечатлительнаго Бѣлинскаго, и онъ то падалъ духомъ, то воскресалъ, стремился къ самосовершенствованію, искалъ спасенія въ „объективномъ наполненіи“, въ области чистой мысли, знанія; онъ продолжалъ, съ рѣдкими вспышками протеста, покоряться авторитету Бакунина; онъ убѣдилъ себя, что окружающая „дѣйствительность“ есть „призрачность“ и что истинная дѣйствительность заключена только въ узкомъ кружкѣ избранныхъ, къ которымъ онъ не всегда смѣлъ причислять себя. Дорого стоила Бѣлинскому эта борьба съ самимъ собою; „результатомъ этой борьбы — вспоминалъ позднѣе (1838 г.) Бѣлинскій—должно было быть отчаяніе, оскудѣніе жизни, судорожное проявленіе жизни, въ проблескахъ, восторгахъ мгновенныхъ и дняхъ, недѣляхъ апатіи смертельной. Я лицомъ къ лицу въ первый разъ столкнулся съ мыслію — и ужаснулся своей пустоты“... Спасеніе онъ думалъ найти, слѣпо увѣровавъ въ „фихтіанство“: „ты первый—писалъ Бѣлинскій Бакунину—уничтожилъ въ моемъ понятіи

цѣну опыта и дѣйствительности, втащивъ меня въ фихтіанскую отвлеченность"; „я уцѣпился за фихтіанскій взглядъ съ энергіею, съ фанатизмомъ"... Крайнее презрѣніе къ мѣщанской толпѣ, къ „добрымъ малымъ"; крайнее возвеличеніе личности немногихъ избранныхъ; принятіе идеалистической, фихтіанской теоріи познанія—вотъ взгляды, которые „съ фанатизмомъ" исповѣдывалъ въ это время Бѣлинскій. „Прямухинская гармонія и знакомство съ идеями Фихте, благодаря тебѣ,—писалъ Бѣлинскій 16 авг. 1837 года Бакунину, — въ первый разъ убѣдили меня, что идеальная-то жизнь есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота"...

Какъ разъ въ это время и была написана небольшая статья Бѣлинскаго о брошюркѣ Дроздова „Опытъ системы нравственной философіи"; она является характернымъ моментомъ развитія русской мысли тридцатыхъ годовъ вообще и Бѣлинскаго въ частности, знаменуя собою начало „фихтіанскаго" періода въ жизни Бѣлинскаго (1836 г.). На этой статейкѣ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ только одна она осталась намъ отъ „фихтіанскаго" періода развитія Бѣлинскаго и его друзей.

Я уже сказалъ, что общій духъ ученія Фихте былъ схваченъ друзьями въ общемъ правильно, хотя въ частностяхъ они варьировали Фихте на свой ладъ—такъ же, какъ раньше Шеллинга, а позднѣе — Гегеля; и если отъ нѣмецкихъ романтиковъ и Шеллинга они заимствовали основныя эстетическія положенія, то Фихте далъ имъ точку опоры для обоснованія ученія о нравственности. Интересно однако, что о главномъ, исходномъ элементѣ фихтевской морали—о *свободѣ*—Бѣлинскій въ своей статьѣ даже и не упоминаетъ; но зато онъ особенно подчеркиваетъ, согласно Фихте (и Канту), необходимую связь морали съ *сознаніемъ*. Только тотъ поступокъ нравственenъ, который совершенъ не по какимъ-либо стороннимъ побужденіямъ, а исключительно по сознательной оцѣнкѣ нравственности этого поступка; можно дѣлать добро случайно или повинуясь авторитету — но такіе поступки вовсе не будутъ нравственно добрыми. Эти мысли

Фихте вполнѣ усвоилъ Бѣлинскій, вслѣдъ за Бакунинымъ. „Истинно добръ только тотъ, кто разуменъ,—говоритъ Бѣлинскій въ своей статьѣ:—слѣдовательно только тѣ поступки, которые происходятъ подъ вліяніемъ сознающаго разума, могутъ назваться добрыми, а не тѣ, которые проистекаютъ изъ животнаго инстинкта; иначе вѣрная собака и послушная лошадь были бы существами самыми добродѣтельными". Отсюда объясняется отрицательное отношеніе, почти презрѣніе Бѣлинскаго и Бакунина къ „добрымъ людямъ" — къ массѣ людей, безсознательно добрыхъ, безсознательно злыхъ; терминъ „добрый малый" считался крайне обиднымъ для русскихъ философскихъ романтиковъ періода фихтіанства, и причины этого Бѣлинскій объясняетъ въ своей статьѣ.

Другая мысль статьи, тоже буквально заимствованная отъ Фихте—опредѣленіе совѣсти. Согласно Фихте, совѣсть есть гармонія или дисгармонія нашего духа, состояніе согласованности или несогласованности насъ съ нами самими, отношеніе сознанія нашего поступка къ нашей внутренней свободѣ (см. его „System der Sittenlehre", несомнѣнно также извѣстную Бакунину). Бѣлинскій въ настоящей статьѣ даетъ такое же опредѣленіе совѣсти, только попрежнему умалчиваетъ о свободѣ и попрежнему связываетъ нравственность съ сознаніемъ: злая совѣсть—по его выраженію—„приводитъ нашъ духъ въ неравенство, въ дисгармонію съ самимъ собою, вслѣдствіе безсознанія"; вообще же совѣсть есть „сознаніе гармоніи или дисгармоніи своего духа". Это не только мысль Фихте, но и подлинное его выраженіе.

Наконецъ, не безъ вліянія Фихте написаны и заключительныя страницы статьи, содержащія пылкую проповѣдь о цѣлесообразности всего существующаго; убѣжденіе это, высказанное еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ", получило позднѣе обоснованіе въ гегеліанствѣ Бѣлинскаго, какъ мы это еще увидимъ. Теперь это было только горячимъ порывомъ, вполнѣ въ духѣ ученія Фихте.

Но если Бѣлинскій вступилъ теперь въ періодъ фихтіанства, то это не значитъ, что онъ разорвалъ со своимъ былымъ шеллингіанствомъ: слѣдуя за Фихте въ области этики, онъ продолжалъ проповѣдывать романтическую эстетику

шеллингіанства. Снова повторяетъ онъ свое прежнее отождествленіе добра, истины и красоты („науки и искусства суть также служеніе верховному добру, которое вмѣстѣ есть верховная истина и красота“), хотя и не провозглашаетъ болѣе примата эстетики, какъ это онъ дѣлалъ въ предыдущихъ статьяхъ и будетъ дѣлать въ послѣдующихъ. Попрежнему онъ убѣжденъ, что „поэзія есть безсознательное выраженіе творящаго духа“; попрежнему не признаетъ поэзіи „ни въ чемъ, что̀ имѣло цѣль“, мало того—ни въ чемъ, что̀ было сознательнымъ произведеніемъ воли, что̀ не было откровеніемъ свыше въ моментѣ поэтическаго вдохновенія, экстаза.

„Главный, отличительный признакъ творчества состоитъ въ таинственномъ ясновидѣніи, въ поэтическомъ сомнабулѣ“—говорилъ Бѣлинскій въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“; въ статьѣ о стихотвореніяхъ Бенедиктова Бѣлинскій утверждалъ, что истинный поэтъ не обдумываетъ и не обдѣлываетъ свои произведенія. И теперь Бѣлинскій снова подчеркиваетъ это свое мнѣніе, признавая „ложными“ всѣ поэтическія произведенія, которыя не подходятъ подъ этотъ законъ „необдуманности“ и „необдѣланности“. Года два спустя самъ Бѣлинскій иронически вспоминалъ объ этомъ своемъ мнѣніи: „нѣкогда я думалъ, — пишетъ онъ Бакунину (12 окт. 1838 г.),—что поэтъ не можетъ перемѣнить ни стиха, ни слова; мнѣ говорили, что черновыя тетради Пушкина доказываютъ противное, а я отвѣчалъ: если бы самъ Пушкинъ увѣрялъ меня въ этомъ — я бы не повѣрилъ“... Вотъ лучшій отвѣтъ Бѣлинскаго Бѣлинскому, ибо теперь, въ статьѣ 1836 г., читатель найдетъ слѣдующій діалогъ Бѣлинскаго съ воображаемымъ оппонентомъ: „...такія-то и такія-то произведенія не подходятъ подъ этотъ законъ?—Слѣдовательно они ложны, отвѣчаю я.—Но вѣрно ли ваше начало?—Опровергните его!“ Опровергнуть было бы не трудно именно ссылкой на Пушкина: либо лучшія его поэтическія вдохновенія „ложны“, ибо всѣ они „обдѣланы“ (мы знаемъ теперь, какой громадный трудъ вкладывалъ Пушкинъ въ свои черновики), либо ложенъ псевдо-законъ нѣмецкой романтической эстетики, воспринятый Бѣлинскимъ. Сдѣлать выборъ было не трудно.

Итакъ, нарождающееся фихтіанство въ этикѣ, продолжающееся шеллингіанство въ эстетикѣ—вотъ теченія, отразившіяся въ этой статьѣ Бѣлинскаго, первой его статьѣ „фихтіанскаго" періода. Но этой первой его статьѣ суждено было быть послѣдней статьей въ „Телескопѣ", который черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ появленія этой статьи Бѣлинскаго подвергся полному разгрому (за помѣщеніе „Философическаго письма" Чаадаева). Литературная дѣятельность Бѣлинскаго была такимъ образомъ насильственно прервана; только полтора года спустя, съ весны 1838 года, онъ снова получаетъ возможность приняться за журнальную работу въ реформированномъ „Московскомъ Наблюдателѣ", органѣ яраго гегеліанства Бѣлинскаго и его друзей. Но еще задолго до этого времени Бѣлинскій отошелъ отъ „фихтіанства", которое казалось ему слишкомъ „отвлеченной" философской теоріей, слишкомъ „небесной" истиной для живущаго на землѣ и землею человѣка.

Бѣлинскій не могъ долго оставаться на высотахъ отвлеченной философской мысли; онъ былъ „весь земной", онъ былъ въ душѣ глубочайшій реалистъ, какъ ни старался увѣровать въ гносеологическіе выводы фихтіанства. Характернымъ признакомъ наступающей перемѣны философскихъ воззрѣній было измѣненіе соціально-политическихъ мнѣній Бѣлинскаго въ 1836—7 г. Въ начальную эпоху своего фихтіанства Бѣлинскій продолжалъ держаться „либеральныхъ" и „радикальныхъ" соціально-политическихъ убѣжденій, слегка отразившихся уже въ „Дмитріи Калининѣ"; этотъ радикализмъ, повидимому, еще болѣе развился къ 1836 году. Мы знаемъ, что Бѣлинскій враждебно относился къ крѣпостному праву, вскрывалъ „темныя стороны дворянскаго сословія"; еще болѣе ненавистно было ему духовное сословіе, на что въ свое время Пыпинъ имѣлъ „положительныя указанія". Такія же указанія дошли до насъ и относительно политическаго радикализма Бѣлинскаго, особенно въ періодѣ его фихтіанства: по собственному его признанію (въ письмѣ къ Бакунину отъ 12 окт. 1838 г.), онъ понялъ фихтіанство въ радикальномъ политическомъ значеніи. Гостя въ деревнѣ Бакуниныхъ, Бѣлинскій однажды за обѣдомъ, въ присутствіи

большого общества, высказалъ рѣзкое сужденіе о событіяхъ великой французской революціи — повидимому о казни Людовика XVI, относясь къ этому факту вполнѣ одобрительно. „Ты помнишь, — писалъ онъ впослѣдствіи М. Бакунину, — какую фразу отпустилъ я за столомъ и какъ подѣйствовала она на Александра Михайловича...“ [1]). И такое сужденіе было, конечно, не единичнымъ; по крайней мѣрѣ Бѣлинскій впослѣдствіи очень часто вспоминалъ объ „абстрактномъ героизмѣ“ этого періода своей жизни, о своемъ увлеченіи свободолюбивыми монологами героевъ Шиллера, о своей „прекраснодушной“ борьбѣ съ окружающей дѣйствительностью...

Но именно въ этой области прежде всего и произошелъ духовный переломъ въ Бѣлинскомъ. Какъ это случилось — пока недостаточно ясно, такъ какъ жизнь Бѣлинскаго въ первой половинѣ 1837 года является менѣе всего извѣстной. Мы знаемъ, что Бѣлинскій очень бѣдствовалъ въ это время, жилъ займами у друзей (Боткина, Аксакова, Ефремова), страдалъ отъ своей нераздѣленной любви къ А. Бакуниной, и чтобы заглушить нераздѣленное чувство, предавался чувственности: „во мнѣ умеръ человѣкъ, остался самецъ“—говорилъ о себѣ самъ Бѣлинскій. Такая жизнь довела его до болѣзни, и весною 1837 года ему пришлось ѣхать лѣчиться на Кавказъ, въ Пятигорскъ—разумѣется на средства друзей. Вотъ почти все, чтó извѣстно о жизни Бѣлинскаго зимою 1836 — 7 г. Правда, извѣстно еще, что въ это время Бѣлинскій закончилъ и издалъ свои „Основанія русской грамматики“, надѣясь поправить этой книгой свои денежныя обстоятельства—и еще болѣе ухудшилъ ихъ этимъ, такъ какъ изданная въ долгъ грамматика эта туго расходилась; извѣстно также, что въ началѣ 1837 года Бѣлинскій велъ переговоры съ петербургскими издателями, Краевскимъ и Плюшаромъ, о сотрудничествѣ въ ихъ изданіяхъ („Литературн. Прибавл. къ Русскому Инвалиду“ и „Энциклопед. Словарѣ“) и одно время собирался даже переѣзжать въ Петербургъ; планъ этотъ не состоялся, такъ какъ Бѣлинскій

[1]) Хозяинъ дома, отецъ М. Бакунина.

увидѣлъ, что эти издатели „требуютъ невозможнаго"... Можно было бы указать еще на нѣсколько фактовъ изъ той эпохи жизни Бѣлинскаго, но всѣ они не могутъ объяснить намъ причинъ рѣзкой перемѣны взглядовъ Бѣлинскаго въ 1837 г. Однако передъ нами фактъ, который мы должны принять: къ серединѣ 1837 года Бѣлинскій совершенно отказался отъ своего былого политическаго радикализма и этимъ самымъ началъ свое отторженіе вообще отъ „фихтіанства". Въ громадномъ письмѣ изъ Пятигорска (отъ 7 авг. 1837 г.) къ другу своего дѣтства, Д. П. Иванову, Бѣлинскій между прочимъ въ рѣзкихъ словахъ осуждаетъ всякую „политику", восхваляетъ самодержавіе, называетъ „превосходной и похвальной" мѣрой строгую цензуру свободнаго слова, восклицаетъ „къ чорту французовъ!", вліяніе которыхъ ему представляется гибельнымъ. Уже въ это время, какъ видно изъ письма, Бѣлинскій былъ знакомъ съ философіей Гегеля.

Это было началомъ окончательнаго разрыва Бѣлинскаго съ кратковременнымъ „фихтіанствомъ"; вскорѣ Бѣлинскій отвергъ не только политическій радикализмъ фихтіанства, но и фихтіанскую теорію познанія: типичный реалистъ въ душѣ, Бѣлинскій насиловалъ себя, исповѣдуя „фихтіанскую отвлеченность". Мало-по-малу въ его душѣ назрѣвалъ протестъ противъ этой несвойственной ему „отвлеченной мысли"; нуженъ былъ только послѣдній толчокъ, чтобы разрывъ совершился. Этимъ толчкомъ и было болѣе близкое знакомство съ Гегелемъ. „Пріѣзжаю въ Москву съ Кавказа,—вспоминалъ впослѣдствіи въ письмѣ конца 1839 г. къ Станкевичу Бѣлинскій,—пріѣзжаетъ Бакунинъ, мы живемъ вмѣстѣ. Лѣтомъ просмотрѣлъ онъ философію религіи и права Гегеля. Новый міръ намъ открылся...—это было освобожденіе... Слово *дѣйствительность* сдѣлалось для меня равнозначительно слову *Богъ*"... Это было прежде всего отказомъ отъ субъективно-идеалистической философіи Фихте; *гегельянство было понято Бѣлинскимъ въ смыслѣ философскаго реализма.* Бѣлинскій впослѣдствіи говорилъ, что къ концу 1837 года онъ „утомился отвлеченностію" и „жаждалъ сближенія съ дѣйствительностію". „Моя природа враждебна (отвлеченному) мышленію", —говорилъ о себѣ Бѣлинскій; — „я ненавижу мысль,

какъ отвлеченіе“... „Я уважаю мысль,—снова говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Бакунину, — и знаю ей цѣну, но только *отвлеченная* мысль въ моихъ глазахъ ниже, безполезнѣе, дряннѣе эмпирическаго опыта“... Такой „отвлеченной мыслью“ было теперь для Бѣлинскаго мнѣніе о „призрачности“ внѣшне-дѣйствительнаго и о „дѣйствительности“ внутренне-идеальнаго; теперь Бѣлинскій призналъ „дѣйствительнымъ“ весь окружающій міръ, призналъ внутреннюю „разумность“ этого міра. „Я гляжу на дѣйствительность, столь презираемую прежде мною, — пишетъ Бѣлинскій Бакунину 10 сент. 1838 г.—и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея ничего нельзя выкинуть и въ ней ничего нельзя похулить и отвергнуть... *Дѣйствительность!*—твержу я, вставая и ложась спать, днемъ и ночью—и дѣйствительность окружаетъ меня, я чувствую ее вездѣ и во всемъ“...

Такъ пришелъ Бѣлинскій къ знаменитой теоріи *разумной дѣйствительности*, увидя въ ней реалистическій оплотъ противъ идеалистическихъ отвлеченностей фихтіанства: „ты первый,—писалъ Бѣлинскій Бакунину,—уничтожилъ въ моемъ понятіи цѣну опыта и дѣйствительности, втащивъ меня въ фихтіанскую отвлеченность, и ты же первый былъ для меня благовѣстникомъ этихъ двухъ великихъ словъ“. Гегеліанскій періодъ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго очень полно представленъ въ его статьяхъ 1838 — 1840 годовъ, и мы нѣсколько ниже остановимся на двухъ-трехъ изъ этихъ статей; тогда читатели увидятъ, въ чемъ заключалась существенная ошибка этихъ взглядовъ Бѣлинскаго, отождествившаго „разумную дѣйствительность“ съ окружающей реальной дѣйствительностью, съ обыденностью и затѣмъ съ исторической необходимостью. Такое реалистическое пониманіе „разумной дѣйствительности“ вызвало протестъ со стороны Бакунина, но Бѣлинскій скоро уже пересталъ подчиняться его авторитету. Переживъ фихтіанство, Бѣлинскій пережилъ, по его выраженію, *католическій* періодъ своей жизни, когда онъ всецѣло былъ подъ нравственнымъ гнетомъ Бакунина, когда онъ „былъ убѣжденъ отъ всей души, — говоритъ онъ о себѣ,—что у меня нѣтъ ни чувства, ни ума, ни таланта, ни-

какой и ни къ чему способности, ни жизни, ни огня, ни горячей крови, ни благородства, ни чести, что хуже меня не было никого у Бога, что я пошлѣйшее и ничтожнѣйшее созданіе въ мірѣ"... Теперь, увѣровавъ въ „разумную дѣйствительность" всего сущаго, Бѣлинскій увѣровалъ и въ себя, въ свои силы, въ свое значеніе. „Съ весны (1838 г.)— писалъ онъ годомъ позднѣе Станкевичу—я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я *самъ по себѣ*"... И „разумную дѣйствительность" Бѣлинскій поэтому понялъ „по-своему", что̀ крайне не понравилось привыкшему властвовать Бакунину. „Ему это крайне не понравилось,— продолжаетъ разсказывать Бѣлинскій:—онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ есть самостоятельность, сила и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно — сшибу, да еще копытомъ лягну"... Вскорѣ между недавними друзьями произошелъ разрывъ, и Бѣлинскій навсегда освободился отъ двухлѣтней опеки своего „философскаго друга".

Итакъ, Бѣлинскій понялъ „разумную дѣйствительность" сперва въ смыслѣ окружающей дѣйствительности, а затѣмъ и въ смыслѣ исторической необходимости. „...Воля Божія — говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Бакунину — есть *предопредѣленіе* Востока, *fatum* древнихъ, *провидѣніе* христіанства, *необходимость* философіи, наконецъ *дѣйствительность*". Но необходимость, разсматриваемая какъ „разумная дѣйствительность", есть не что иное, какъ *цѣлесообразность*,—и именно этимъ послѣднимъ словомъ должно быть охарактеризовано все міровоззрѣніе Бѣлинскаго этой эпохи. Вѣра въ объективную цѣлесообразность бытія, вѣра въ объективную осмысленность міра составляла теперь для Бѣлинскаго святое святыхъ его міровоззрѣнія. Мятущееся отчаяніе Дмитрія Калинина исчезло — и какъ будто безъ слѣда; его мѣсто заступила радостная вѣра въ благую цѣлесообразность міра, въ благое высшее Провидѣніе, царящее надъ міромъ. Вѣра эта стала удѣломъ Бѣлинскаго еще съ начала его шеллингіанства; съ выраженіемъ ея мы встрѣчаемся и въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ", и въ другихъ статьяхъ начала тридцатыхъ годовъ, и въ письмахъ Бѣлинскаго той эпохи. „Все къ лучшему!" „И все то благо, все добро!" —

восклицаетъ Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ и письмахъ. И эту мысль онъ повторяетъ даже въ то время, когда самъ находится въ невыносимомъ положеніи, когда самъ „пьетъ горькую чашу, которая съ каждымъ днемъ переполняется черезъ края новыми ядовитѣйшими зельями“; даже въ это время Бѣлинскій утѣшаетъ себя мыслью, что, быть можетъ, „всѣ настоящія несчастія суть не что иное, какъ зерна, изъ коихъ должны нѣкогда выросги и расцвѣсти благоухающіе цвѣты счастія... Все къ лучшему!..“ (изъ письма къ брату Константину отъ 19 іюля 1833 г.). Развитіе этихъ же мыслей о вѣрѣ въ жизнь и въ цѣлесообразность сущаго мы найдемъ и въ фихтіанскомъ періодѣ жизни Бѣлинскаго; но только въ гегеліанствѣ эта вѣра получила для Бѣлинскаго твердое обоснованіе, только въ ученіи о „разумной дѣйствительности“ увидѣлъ Бѣлинскій твердую точку опоры. Мы сейчасъ остановимся на пониманіи Бѣлинскимъ „разумной дѣйствительности“ какъ *объективной цѣлесообразности* всего сущаго, то-есть, говоря иными словами, на полномъ „принятіи міра“ Бѣлинскимъ: невѣріе и отчаяніе Дмитрія Калинина повидимому окончательно побѣждено; надъ всей жизнью Бѣлинскаго теперь царитъ радостная вѣра въ объективную разумность міра и жизни. Страданія и муки отдѣльныхъ личностей, частныхъ индивидуальностей тонутъ въ этомъ абсолютно цѣлесообразномъ развитіи міра—саморазвитіи и самопознаніи Абсолютнаго духа. „Es herrschet eine Allweise Güte über die Welt“—надъ міромъ царитъ Премудрая Благость: недаромъ это было любимой фразой еще Станкевича. И когда тотъ же Станкевичъ первый изъ друзей перешелъ къ изученію философіи Гегеля, то въ ней и онъ нашелъ прочную опору для подобнаго „принятія міра“. Передъ мыслью о развитіи Общаго, о самопознаніи Абсолютнаго Духа стушевывались всѣ вопросы о мукахъ и страданіяхъ живой человѣческой личности: „я никогда почти не дѣлаю себѣ такихъ вопросовъ,—пишетъ Станкевичъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ. — Въ мірѣ господствуетъ Духъ, Разумъ: это успокаиваетъ меня насчетъ всего“... Именно такую вѣру и высказывалъ Бѣлинскій въ своихъ гегеліанскихъ статьяхъ

1838-го и слѣдующихъ годовъ. На первой изъ этихъ статей мы сейчасъ остановимся подробнѣе.

Статья о „Гамлетѣ“, появившаяся весною 1838 года въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, новомъ журналѣ Бѣлинскаго и его друзей, является первой статьей „гегеліанскаго періода“ жизни Бѣлинскаго. Когда Бѣлинскій писалъ эту статью (въ декабрѣ—январѣ 1837—1838 г.), онъ былъ еще неофитомъ гегеліанства, въ которое его посвящали Бакунинъ, Катковъ и Боткинъ; въ статьѣ своей Бѣлинскій восторженно говоритъ о „той міробъемлющей и послѣдней философіи нашего вѣка, которая, развернувшись, какъ величественное дерево изъ одного зерна, покрыла собою и заключила въ себѣ, по свободной необходимости, всѣ моменты развитія духа“... Но рядомъ съ этой восторженностью неофита идетъ и робость неофита, „не посвященнаго въ таинства этой философіи и приподнявшаго только край завѣсы, скрывающей отъ глазъ конечности міръ безконечнаго“; Бѣлинскій въ это время трепетно вступалъ въ царство абсолютной истины, какою ему представлялась гегелевская философія. Онъ уже усвоилъ гегеліанскую терминологію—слѣды этого видны и въ приведенныхъ выше цитатахъ — и хотя говорилъ еще о человѣкѣ, какъ „отблескѣ Божества“, а объ окружающемъ мірѣ, какъ „дыханіи одной общей жизни“, но эти термины былого шеллингіанства появлялись теперь случайно и были, что называется, на исходѣ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ шеллингіанство у Бѣлинскаго амальгамировалось съ гегеліанствомъ—и это замѣтно даже въ статьяхъ сороковыхъ годовъ. Но въ общемъ теперь Бѣлинскій переходитъ къ терминологіи гегеліанства, которая и остается въ его статьяхъ почти до самаго конца его дѣятельности, даже послѣ его внутренняго разрыва съ гегеліанствомъ; въ эту терминологію онъ иногда вкладываетъ не вполнѣ гегелевское пониманіе. Такъ, напримѣръ, и въ статьѣ о Гамлетѣ, и въ послѣдующихъ онъ считаетъ тождественными часто употребляемыя имъ выраженія: „абсолютное“, „абсолютная идея“, „абсолютный духъ“, въ то время какъ по Гегелю эти понятія вовсе не тождественны (см. объ этомъ у Куно Фишера, „Ист. нов. филос.“, т. VIII, „Гегель“, ч. I, кн. II, гл. XXII). Часто въ

этой статьѣ встрѣчаются фразы о „моментѣ исторіи“ и „моментѣ развитія“, съ тѣхъ поръ твердо установившіяся въ русской литературѣ; впервые высказывается мысль о цѣпи органическаго развитія, впослѣдствіи подробно разработанная Бѣлинскимъ въ „Идеѣ искусства“ и другихъ связанныхъ съ нею статьяхъ. Наконецъ, и къ самому Гамлету Бѣлинскій подходитъ съ гегеліанской мѣркой, считая его слабость воли антитезисомъ его діалектическаго развитія отъ безсознательной гармоніи (тезисъ), черезъ распаденіе, дисгармонію и борьбу (анти-тезисъ), къ сознательной гармоніи духа (синтезъ). Какъ видимъ, Бѣлинскій уже и въ этой статьѣ твердо стоялъ на впервые открывшейся ему почвѣ гегеліанства.

„Итакъ, вотъ идея Гамлета: *слабость воли, но только вслѣдствіе распаденія, а не по природѣ*“,—пишетъ и подчеркиваетъ Бѣлинскій, указывая, что первая часть этой формулы была дана еще Гете. Но Бѣлинскій опредѣлялъ Гамлета не только по гегеліанской формулѣ, но и по терминологіи своего кружка, въ выработкѣ которой самъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Мы знаемъ, что эта выработка началась еще въ эпоху фихтіанства, а теперь только продолжалась подъ эгидою философіи Гегеля; мы помнимъ, какъ еще въ началѣ эпохи фихтіанства Бѣлинскій презрительно относился къ „добрымъ малымъ“, не желающимъ подняться на высшую ступень развитія. Теперь Бѣлинскій примѣняетъ этотъ терминъ къ цѣлому ряду дѣйствующихъ лицъ „Гамлета“ — къ Лаерту, къ Полонію, къ Гораціо; нельзя не замѣтить, что это общее опредѣленіе нѣсколько сглаживаетъ индивидуальности этихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, „Лаертъ, это—*добрый малый*, больше ничего, — говоритъ Бѣлинскій и продолжаетъ:—теперь обратимся къ Полонію. Это уже не отрицательное, но положительное, хотя и гадкое понятіе... Что же такое этотъ Полоній?—да просто *добрый малый*“...

Гамлетъ выше этого круга людей, но все-таки еще не представитель высшей „абсолютной жизни“, „полной жизни духа“; нѣтъ, онъ только „*прекрасная душа*, но еще не дѣйствительный, не конкретный человѣкъ“. Это буквальное выраженіе Гете, а за нимъ и Гегеля, который въ своей „Феноменологіи Духа“ выводилъ понятіе „прекраснодушія“ (Schön-

seeligkeit) изъ понятія совѣсти: „прекрасная душа“, являющаяся воплощеніемъ теоретической, недѣятельной совѣсти, боится дѣятельности, боится дѣйствительности, пребываетъ на высотахъ абстрактности, стремится сохранить свою чистоту, а потому при тяжеломъ столкновеніи съ дѣйствительностью оказывается безсильной и предается ламентаціямъ— вотъ „прекрасная душа“, вотъ Гамлетъ (Hegels Sämmtliche Werke, B. II, p. 480—1). Всѣ эти мысли дословно повторяетъ Бѣлинскій и такимъ образомъ дополняетъ гётевское опредѣленіе Гамлета гегелевскимъ его опредѣленіемъ.

Но въ чемъ же тогда самостоятельность мысли Бѣлинскаго? И въ чемъ же значеніе этой статьи о „Гамлетѣ“? Значеніе ея—въ яркой формулировкѣ того міровоззрѣнія, которое на нѣсколько лѣтъ крѣпко утвердится въ душѣ Бѣлинскаго; и здѣсь же—самостоятельность его мысли. Это міровоззрѣніе—примиреніе съ дѣйствительностью—не надо понимать въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ оно иногда понимается: тутъ главное не въ примиреніи съ русской дѣйствительностью, не съ дѣйствительностью даже вообще, тутъ главное въ *принятіи міра* въ его цѣломъ, выражаясь современнымъ терминомъ, въ признаніи высшей объективной разумности міра и жизни, въ признаніи объективнаго смысла существованія жизни и міра. Убѣжденной проповѣдью этой вѣры проникнута вся эта статья Бѣлинскаго, какъ и всѣ его слѣдующія статьи 1838—1840 гг.; въ „Гамлетѣ“, какъ и во всемъ Шекспирѣ, Бѣлинскій видитъ лучшее доказательство того, что въ жизни нѣтъ „ничего случайнаго, ничего произвольнаго, но одно необходимое“—послѣ чего зритель или читатель неизбѣжно „примиряется съ дѣйствительностью“... „Все благо, все добро!“—неоднократно восклицаетъ въ этой статьѣ Бѣлинскій; все—даже смерть Офеліи— миритъ его съ жизнью, и изъ ряда трагическихъ ужасовъ онъ выноситъ чувство примиренія съ жизнью, просвѣтленный взглядъ на нее [1]). Во вдохновенномъ, пылкомъ проповѣданіи

---

[1]) Впослѣдствіи взглядъ Бѣлинскаго на Шекспира и на «Гамлета» былъ повторенъ Л. Шестовымъ въ его книгѣ о Шекспирѣ (см. мою книгу «О смыслѣ жизни»,—Сочин., т. III).

этой вѣры—все значеніе этой статьи Бѣлинскаго: *принятіе міра* — вотъ основной философскій смыслъ проповѣдуемой имъ теоріи „разумной дѣйствительности". Примиреніе со всякой реальной дѣйствительностью—это уже дальнѣйшее и ошибочное развитіе и примѣненіе этого основного взгляда, но оно не должно закрывать отъ насъ глубокой важности исходнаго пункта. Вѣдь и позднѣйшій разрывъ Бѣлинскаго съ дѣйствительностью далеко не былъ разрывомъ только съ „гнусной рассейской дѣйствительностью", но былъ началомъ цѣльнаго міровоззрѣнія *непріятія міра*. И тотъ, и другой взглядъ имѣютъ опредѣленное *общественное* значеніе; но чтобы понять это значеніе, надо понимать *философскій* эквивалентъ этихъ взглядовъ. Въ яркой формулировкѣ перваго изъ этихъ двухъ взглядовъ — принятія міра — главное значеніе этой статьи Бѣлинскаго; великая трагедія Шекспира была удобнымъ поводомъ и матеріаломъ для уясненія читателямъ этой горячей вѣры Бѣлинскаго. И въ прежнихъ его статьяхъ, начиная съ „Литературныхъ Мечтаній", всюду звучатъ эти же мотивы принятія міра, достигая особенной силы въ послѣднихъ страницахъ статьи о брошюрѣ Дроздова; но только въ статьѣ о „Гамлетѣ" впервые подводится подъ эту горячую вѣру фундаментъ строгой философской системы—системы Гегеля.

Статья о „Гамлетѣ" была, съ одной стороны, первымъ на русскомъ языкѣ классическимъ анализомъ этой трагедіи съ другой—это была первая „гегеліанская" статья Бѣлинскаго, одна изъ самыхъ блестящихъ статей. Въ ней съ громаднымъ подъемомъ и неизгладимой яркостью обосновывается главное убѣжденіе Бѣлинскаго этого періода—радостное убѣжденіе въ объективной осмысленности жизни и во внутренней цѣлесообразности міра. Это—радость неофита, познавшаго истину, радость человѣка, уразумѣвшаго смыслъ человѣческой и своей жизни.

И однако въ это же самое время Бѣлинскому жилось далеко не радостно. Не говоря уже о томъ, что денежныя его обстоятельства продолжали и послѣ 1837-го года оставаться крайне печальными, еще тяжелѣе, быть можетъ, отражались на немъ тѣ недоразумѣнія съ друзьями, которыя всегда не-

избѣжны во всякомъ замкнутомъ кружкѣ. Впослѣдствіи Бѣлинскій жестоко бичевалъ эту *кружковщину*, въ которой друзья замкнулись особенно въ эпоху фихтіанства, послѣ знакомства съ Бакунинымъ и подъ его непосредственнымъ вліяніемъ; особенно обрушился онъ на нее въ самой послѣдней своей статьѣ 1848-го года [1]). Говоря тамъ о молодомъ Адуевѣ изъ „Обыкновенной Исторіи" Гончарова, Бѣлинскій пользуется случаемъ свести послѣдніе счеты съ „романтизмомъ" своей молодости и даже съ терминологіей „кружковщины" тридцатыхъ годовъ. Бѣлинскій говоритъ тамъ о юныхъ романтикахъ, которые съ избыткомъ надѣлены „нервическою чувствительностію", а потому любятъ копаться въ собственныхъ ощущеніяхъ и называютъ это — „наслаждаться *внутреннею жизнію*" въ кругу избранныхъ друзей. „Это они называютъ—иронизируетъ Бѣлинскій — жить высшею жизнію, недоступною для презрѣнной толпы, парить горѣ, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается дóлу"... Люди эти—продолжаетъ Бѣлинскій—„бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ: это—слава, дружба и любовь"; но и то, и другое, и третье очень дорого имъ обходится. Слава требуетъ упорнаго труда—но къ нему они неспособны. Дружба никогда не бываетъ у нихъ естественной и простой, а всегда напряженной и восторженной; они изливаютъ другъ передъ другомъ свои души, требуютъ другъ отъ друга отчета во всѣхъ дѣлахъ и помышленіяхъ; такая дружба скоро превращается во взаимное мученіе. Любовь обходится имъ еще дороже, такъ какъ они сперва составляютъ программу любви, а затѣмъ уже примѣняютъ эту теоретическую схему къ женщинѣ; „имъ любовь нужна не для счастія, не для наслажденія, а для оправданія на дѣлѣ своей высокой теоріи любви"; разумѣется, въ результатѣ снова взаимное мученіе. Вообще же люди эти „не хотятъ знать законовъ сердца, природы, дѣйствительности, они сочиняютъ для нихъ свои собственные, они гордо признаютъ существующій міръ призракомъ, а созданный своей фантазіей призракъ — дѣйствительно существующимъ міромъ"... [2]).

---

[1]) См. ниже въ статьѣ «Годовые обзоры литературы».

[2]) Ср. также рецензію Бѣлинскаго о «Переводахъ» Струговщиковымъ

До сихъ поръ не обращали достаточнаго вниманія на эти замѣчательныя страницы изъ послѣдней статьи Бѣлинскаго, направленныя не столько противъ молодого Адуева, сколько pro domo sua, противъ самого себя второй половины тридцатыхъ годовъ. А въ томъ, что эта жестокая характеристика относится именно къ знакомой Бѣлинскому былой „кружковщинѣ"—сомнѣваться невозможно; слишкомъ часто Бѣлинскій въ интимныхъ письмахъ выражалъ эти же мысли, эти же чувства, хотя бы о той теоріи любви, о которой онъ впослѣдствіи иронизировалъ—примѣнительно къ Адуеву-младшему. Но и теперь Бѣлинскій уже начиналъ смутно сознавать слабыя стороны этой теоріи любви, возвышенной, программной и головной; впослѣдствіи, въ письмѣ къ Боткину отъ 13 марта 1841 года, вотъ какъ вспоминалъ Бѣлинскій объ этой кружковой теоріи любви, любви экстатической и мистической: „понимаешь ли ты теперь, что такая *любовь* нисколько не риѳмовала съ *бракомъ* и вообще съ дѣйствительностію жизни?.. [1]). Отсюда выходили... экзажерованныя понятія о брачныхъ отношеніяхъ, гдѣ каждый поцѣлуй долженъ былъ выходить изъ полноты жизни, а не изъ рефлексіи и пр. Признаюсь, это мнѣ всегда казалось страшною дичью, и я потому казался тебѣ и Мишелю (Бакунину) страшною дичью. Но я былъ правъ. Я понималъ, что въ жизни не разъ придется спросить жену, принимала ли она слабительное и хорошо ли ее слабило, и не лучше ли вмѣсто слабительнаго поставить клистиръ? Эта противоположность поэзіи и прозы жизни ужасала меня, но я не могъ закрыть на нее глаза, не могъ не видѣть, что она есть. Тебя это часто оскорбляло, и я внутренно презиралъ себя, видя, что ты по крайней мѣрѣ не уважаешь меня. Что̀ дѣлать!—*тогда ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ быть собою, ибо каждый хотѣлъ быть абсо-*

статей Гете («Отеч. Зап.», 1846 г.); въ ней Бѣлинскимъ высказываются эти же мысли о «кружковщинѣ».

[1]) Нагляднымъ доказательствомъ этого можетъ служить поразительный контрастъ между нѣжной поэзіей «любовной» переписки Герцена съ Наташей и суровой прозой ихъ брака... Ср. эту переписку и «Былое и Думы» Герцена; это лучшая иллюстрація столкновенія съ жизнью романтической теоріи любви.

лютнымъ, т.-е. безцвѣтнымъ и абстрактнымъ совершенствомъ" (подчеркнуто Бѣлинскимъ).

То же самое было и въ дружбѣ: тѣ же мученія при столкновеніи романтической теоріи дружбы съ дѣйствительностію, и та же узкая нетерпимость по отношенію къ людямъ, инако мыслящимъ, инако чувствующимъ. Еще въ своей „фихтіанской" статьѣ 1836-го года Бѣлинскій говорилъ, что любовь и дружба возможны только при общемъ уровнѣ сознанія между людьми, такъ что, наоборотъ, къ людямъ низшаго уровня сознанія чувствуешь родъ ненависти: „несносенъ ихъ видъ, тяжела ихъ бесѣда, словомъ, мучительно всякое соприкосновеніе съ ними". И такими „низшими" людьми для Бѣлинскаго и его друзей несомнѣнно были почти всѣ люди, стоящіе внѣ ихъ узкаго кружка; самъ Бѣлинскій черезъ немного лѣтъ съ негодованіемъ вспоминалъ про это. Въ письмѣ отъ 9 дек. 1841 г. къ младшему брату М. Бакунина, Н. А. Бакунину, Бѣлинскій говоритъ: „всякій кружокъ ведетъ къ исключительности и какой-то странной оригинальности: рождаются свои манеры, свои привычки, свои слова, любезныя для кружка, странныя, непонятныя и непріятныя для другихъ. Но это бы еще ничего: хуже всего то, что люди кружка дѣлаются чужды для всего, что̀ внѣ ихъ кружка, а все это—имъ. Я сужу по собственному опыту... Боже мой! Грустно вспомнить объ этой ограниченной исключительности, съ какою мы смотрѣли на весь міръ"... Но внутри этого кружка избранныхъ самъ Бѣлинскій вскрываетъ напряженную, восторженную, взвинченную дружбу. „Мы любили другъ друга,—пишетъ Бѣлинскій 27 іюня 1841 г. Боткину о всѣхъ членахъ бывшаго кружка,—любили горячо и глубоко... но какъ же проявлялась... наша дружба? Мы приходили другъ отъ друга въ восторгъ и экстазъ, мы ненавидѣли другъ друга, мы удивлялись другъ другу, мы презирали другъ друга, мы предавали другъ друга, мы съ ненавистію и бѣшеною злобою смотрѣли на всякаго, кто не отдавалъ должной справедливости кому-нибудь изъ *нашихъ*, и мы поносили и злословили другъ друга за глаза передъ другими, мы ссорились и мирились, мирились и ссорились; во время долгой разлуки мы

рыдали и молились при одной мысли о свиданіи, истаевали и исходили любовію другъ къ другу, а сходились и видѣлись холодно, тяжело чувствовали взаимное присутствіе и разставались безъ сожалѣнія. Какъ хочешь, а это такъ. Пора намъ перестать обманывать самихъ себя, пора смотрѣть на дѣйствительность прямо, въ оба глаза, не щурясь и не кривя душою. Я чувствую, что я правъ, ибо въ этой картинѣ нашей дружбы я не затемнилъ и ея истинной, прекрасной стороны..."

Факты подтверждаютъ эту характеристику „кружковщины" Бѣлинскимъ; нельзя при этомъ не указать, что почти все отрицательное въ этой характеристикѣ было внесено въ жизнь кружка едва-ли не исключительно М. Бакунинымъ. Властный и требующій подчиненія (—„Мишель кромѣ глубокой натуры и генія требовалъ еще отъ удостаиваемыхъ его дружбы одинаковаго взгляда даже на погоду и одинаковаго вкуса даже въ гречневой кашѣ, условіе sine qua non!"— писалъ впослѣдствіи Бѣлинскій), властный и требующій подчиненія, Бакунинъ не могъ однако подчинить себѣ надолго такую сильную индивидуальность, какъ Бѣлинскаго; борьбу между ними мы уже прослѣдили выше. Вообще „кружковщина" эта царила среди друзей 1836—1839 гг.; журналъ друзей, „Московскій Наблюдатель", былъ въ сущности яркимъ проявленіемъ этой „кружковщины". Страницею выше я привелъ слова Бѣлинскаго (изъ его письма къ Н. А. Бакунину) о томъ, что во всякомъ кружкѣ неизбѣжны свои манеры и свои слова, „любезныя для кружка, странныя, непонятныя, непріятныя для другихъ". Именно это и отразилось на „Московскомъ Наблюдателѣ", что̀ вскорѣ призналъ и самъ Бѣлинскій. Въ письмѣ къ Станкевичу отъ конца 1839 года Бѣлинскій заявляетъ, что уже „давно видитъ" слабыя и смѣшныя стороны этого журнала: „я довольно непосиденъ и не долго сижу на одномъ мѣстѣ, и потому я давно уже дальше *Наблюдателя*. Смѣшная и дѣтская сторона его... въ этомъ обиліи философскихъ терминовъ (очень поверхностно понятыхъ), которые и въ самой Германіи, въ популярныхъ сочиненіяхъ, употребляются съ большою экономіею. Мы забыли, что русская публика не нѣмецкая и, нападая на прекраснодушіе, сами служили самымъ забавнымъ

примѣромъ его...“ Полугодомъ позже, въ одной изъ рецензій въ „Отеч. Запискахъ“ по поводу изданія „Репертуаръ русскаго театра“, Бѣлинскій такъ вспоминалъ о „Московскомъ Наблюдателѣ“: „*Наблюдатель* весною 1838 г. вздумалъ ожить,— и вотъ поюнѣлъ, и позеленѣлъ, и заговорилъ живымъ языкомъ, восторженною рѣчью, словомъ, расходился, какъ рьяный нѣмецкій студентъ... Съ первой же книжки началъ отъ сыпать новыми идеями и новыми словами... Тщетно представлялъ онъ и изящную прозу, и изящныя стихотворенія, и новыя идеи; публика видѣла одни новыя, непонятныя для нея слова, да неаккуратность въ выходѣ книжекъ—и бѣдный юноша не хотѣлъ умирать медленною смертію, по филистерски, но скоропостижно исчезъ и пропалъ безъ вѣсти“... Бѣлинскій былъ правъ: „Московскій Наблюдатель“ былъ характернымъ проявленіемъ „кружковщины“; и если бы этотъ кружокъ Бѣлинскаго и его друзей былъ явленіемъ частнымъ, не связаннымъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ развитіемъ русской общественной мысли, то и журналъ кружка не имѣлъ бы никакого историческаго значенія. Въ дѣйствительности было иначе: кружокъ Бѣлинскаго и его друзей былъ важнымъ звеномъ въ развитіи русской мысли, былъ тѣмъ горниломъ, гдѣ плавилось и отливалось въ новыя формы общественное сознаніе. И каковы бы ни были отрицательныя проявленія кружковщины, но въ кружкѣ этомъ собралось въ 1836—1839 гг. все, что̀ было тогда выдающагося въ молодомъ поколѣніи—если не считать разосланнаго и разбросаннаго по Россіи кружка Герцена и немногихъ отдѣльныхъ, одинокихъ личностей, въ родѣ, напримѣръ, В. Печерина. И самъ Бѣлинскій, такъ сурово осудившій кружковщину, въ то же время ясно видѣлъ и признавалъ, что въ кружкѣ его друзей соединилось все лучшее, молодое, полное вѣры въ жизнь и стоящее на много выше окружающихъ. „Есть люди, — писалъ Бѣлинскій Боткину 8 сент. 1841 года,—которыхъ жизнь не можетъ проявиться ни въ какую форму, потому что лишена всякаго содержанія; мы же люди, для необъятнаго содержанія жизни которыхъ ни у общества, ни у времени нѣтъ готовыхъ формъ. Я встрѣчалъ и внѣ нашего кружка людей прекрасныхъ, которые

дѣйствительнѣе насъ, но нигдѣ не встрѣчалъ людей съ такою ненасытимою жаждою, съ такими огромными требованіями на жизнь, съ такою способностію самоотреченія въ пользу идеи, какъ мы. Вотъ отчего *все къ намъ льнетъ*, все подлѣ насъ *измѣняется...*" Герценъ въ „Быломъ и Думахъ" (глава XXV) съ еще бо̀льшей силой высказалъ это же мнѣніе о кружкѣ Станкевича, Бакунина и Бѣлинскаго.

Однако Бѣлинскій уже въ началѣ своего гегеліанства стремился отрѣшиться отъ кружковой исключительности и узости, стремился войти въ „дѣйствительную" жизнь—и это было очевиднымъ слѣдствіемъ проповѣдывавшейся имъ теоріи „разумной дѣйствительности". Въ цитированномъ выше письмѣ 1841-го года къ Н. Бакунину онъ говоритъ: „у всякаго человѣка долженъ быть своей уголокъ, куда бы онъ могъ укрываться отъ ненастья жизни;... но уголокъ и долженъ быть уголкомъ, а не міромъ, жизнь же должна быть въ мірѣ..." Но еще гораздо раньше, въ письмѣ къ М. Бакунину отъ 10 сент. 1838 года, Бѣлинскій отказывался отъ кружковой исключительности, разрывалъ съ нею: „нѣтъ ничего идеальнѣе, т.-е. пошлѣе—пишетъ Бѣлинскій (характерное „*то-есть*", выпадъ противъ „прекраснодушія"!)—какъ сосредоточеніе въ какомъ-то кругѣ, похожемъ на тайное общество, и не похожемъ ни на что остальное и враждебное всему остальному..." И тутъ же Бѣлинскій, какъ „человѣкъ экстремы" (по слову Герцена) переходитъ въ другую крайность: не желая быть „какъ никто", онъ хочетъ теперь быть „какъ всѣ"; *разумную дѣйствительность* Бѣлинскій понялъ здѣсь какъ *обыденность*. Свое письмо къ М. Бакунину онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „всякая форма, поражающая людей своею рѣзкостію и странностію и пробуждающая о себѣ толки и пересуды,—пошла̀, т.-е. идеальна. Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ... Теперь единственное мое стараніе, чтобы всякій, знающій меня по литературѣ и увидѣвшій въ первый и во сто первый разъ, сказалъ: это-то Бѣлинскій? да онъ *какъ всѣ*!" Разумѣется, Бѣлинскій не могъ осуществить такого своего стремленія; но оно является характернымъ показателемъ того, какъ стремился Бѣлинскій выйти изъ замкнутаго кружка на поле „дѣйствительной" жизни.

Выходъ этотъ Бѣлинскому удалось осуществить вмѣстѣ съ переѣздомъ изъ Москвы въ Петербургъ (объ этомъ мнѣ пришлось подробно говорить въ книгѣ „Великія исканія“). Но въ первыхъ своихъ статьяхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839—1840 г. Бѣлинскій еще твердо стоялъ на прежней почвѣ гегеліанства, на почвѣ безусловнаго признанія„ разумной дѣйствительности“, отождествляемой то съ „исторической необходимостью“, то съ „реальной дѣйствительностью“, то съ „обыденностью“. Соціологическіе и эстетическіе взгляды свои этой эпохи Бѣлинскій подробно выразилъ въ статьяхъ „Бородинская годовщина“, „Очерки бородинскаго сраженія“, „Менцель, критикъ Гете“, „Горе отъ Ума“ и др. (1839—1840). Знакомствомъ съ этими взглядами мы и закончимъ наше изученіе Бѣлинскаго тридцатыхъ годовъ.

Прежде всего необходимо отмѣтить одно обстоятельство, большей частью недостаточно оттѣняемое — именно тò, что въ этихъ статьяхъ Бѣлинскій по справедливости можетъ считаться однимъ изъ родоначальниковъ *славянофильства*, которое приняло опредѣленныя формы два-три года спустя. Даже тѣ изслѣдователи, которые, подобно Пыпину, подчеркиваютъ прежде всего не сходство, а различіе этихъ взглядовъ Бѣлинскаго отъ славянофильства — даже они ищутъ это различіе, такъ сказать, въ *динамикѣ*, а не въ *статикѣ* этихъ воззрѣній, не въ сущности установившихся мнѣній, а въ процессѣ ихъ выработки (см. Пыпинъ, „Бѣлинскій“, стр. 265 — 266). Сущность же этихъ воззрѣній чрезвычайно близка. Вопросы философіи исторіи, вопросы соціальные и политическіе—все это Бѣлинскій разрабатываетъ именно въ томъ направленіи, въ какомъ позднѣе ихъ будутъ развивать славянофилы.

Онъ начинаетъ съ повторенія былыхъ своихъ шеллингіанскихъ взглядовъ (которые перешли и въ гегеліанство) на народъ, какъ на личность, какъ на индивидуальность человѣчества—о чемъ онъ говорилъ еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“. Народъ есть личность; и подобно тому какъ личность человѣческая есть въ существѣ своемъ мистическая тайна, такъ и народъ, и общество — тайна, *откровеніе*.

Священнѣйшимъ и таинственнѣйшимъ явленіемъ народной и общественной жизни является царская власть: „въ словѣ *Царь* чудно слито сознаніе русскаго народа“, „это слово полно поэзіи и таинственнаго значенія“, „таинственное зерно, корень, сущность и жизненный пульсъ нашей народной жизни выражается словомъ *царь*“. Эти мысли Бѣлинскій развиваетъ въ двухъ первыхъ изъ названныхъ выше статей.

Но не только это явленіе общественной жизни таинственно и священно: нѣтъ, „всякая разумность священна, т.-е. имѣетъ свою мистическую, таинственную сторону“... Всякая разумность священна; а такъ какъ „что̀ есть, то̀ разумно, необходимо и дѣйствительно, а что̀ разумно, необходимо и дѣйствительно, то̀ только и есть“ (какъ писалъ Бѣлинскій въ одновременной статьѣ о „Менцелѣ“), то, слѣдовательно, разумно и священно *все существующее*. Съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій признаетъ разумность даже крѣпостного права: указывая, что на Западѣ исторія двигалась борьбою сословій и классовъ, Бѣлинскій восхищается „патріархальностью“ Россіи и „мирнымъ“ сотрудничествомъ ея сословій... Въ этомъ онъ видитъ „собственныя, самобытныя формы“ русской жизни и въ порывѣ восторга предсказываетъ Россіи „великое назначеніе“ — быть „законной наслѣдницей жизни трехъ періодовъ человѣчества“. Все это отъ слова и до слова повторилось въ послѣдующемъ славянофильствѣ.

Уже изъ приведенныхъ цитатъ можно видѣть, какъ далеко зашелъ Бѣлинскій въ своемъ примиреніи съ „разумной дѣйствительностью“ и въ своемъ преклоненіи предъ нею. Это было послѣдовательнымъ примѣненіемъ теоріи объективной цѣлесообразности міра и жизни къ области наиболѣе острыхъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ. Все благо, все добро, все истина — доказываетъ Бѣлинскій въ этихъ своихъ статьяхъ; ложь и зло есть призракъ, миражъ. Примѣняя все это къ русской дѣйствительности, онъ долженъ былъ или признать ее за ложь и призракъ, или признать ее благомъ, истиною, „разумной дѣйствительностью“; онъ избралъ послѣдній путь. Самодержавіе — разумно, крѣпостное право—разумно; но почему же разумно?— потому, что *исторически необходимо*. Это отождествленіе

„историческая необходимость=разумная дѣйствительность“ (отождествленіе, противъ котораго особенно возставалъ самъ Гегель) Бѣлинскій очень ярко и отчетливо высказалъ въ одной небольшой рецензіи конца 1839 г., разбирая „Стихотворенія Владислава Горчакова“. „Признакъ *разумности* всякаго явленія есть его *необходимость*“—вся указанная рецензія составляетъ развитіе этихъ первыхъ ея строкъ. Но, конечно, такого отождествленія было мало для апологіи крѣпостного права или самодержавія: вѣдь исторически необходимой была и великая французская революція, которую въ это время такъ ненавидѣлъ Бѣлинскій. И поэтому Бѣлинскій дѣлаетъ слѣдующій шагъ: онъ отождествляетъ „разумную дѣйствительность“ съ „реальной дѣйствительностью“, съ окружающей его дѣйствительностью. Если разумно и дѣйствительно „все, что̀ есть“, то этимъ оправдывается разъ навсегда всякое зло, безправіе, насиліе, деспотизмъ, и не только оправдывается, а даже обращается въ добро, законъ и справедливость.

Нечего и говорить, что все это якобы гегеліанство было въ сущности совершенно произвольнымъ и невѣрнымъ толкованіемъ основныхъ принциповъ философіи Гегеля; Бѣлинскій какъ будто совершенно упустилъ изъ вида сущность хорошо извѣстнаго ему „діалектическаго процесса развитія“. Годъ спустя послѣ своей статьи онъ писалъ Боткину (11 дек. 1840 г.): „Конечно, идея, которую я силился развить въ статьѣ по случаю книги Глинки „Очерки бородинскаго сраженія“, вѣрна въ своихъ основаніяхъ; но должно было бы развить и идею отрицанія, какъ историческаго права, не менѣе перваго священнаго и безъ котораго исторія человѣчества превратилась бы въ стоячее и вонючее болото“... Самъ Бѣлинскій вскрылъ здѣсь свою главную ошибку въ пониманіи Гегеля; но онъ оставилъ неисправленнымъ цѣлый рядъ мелкихъ ошибокъ своей статьи. Такъ, напримѣръ, повторяя аргументы Гегеля противъ Руссо и его теоріи общественнаго договора, Бѣлинскій въ то же время проповѣдуетъ свою теорію мистическаго самодержавія, которая была (какъ и весь мистицизмъ) еще болѣе ненавистна Гегелю. Повидимому, Бѣлинскій не зналъ, что въ этихъ своихъ

статьяхъ онъ повторяетъ по существу аргументы извѣстнаго въ то время идеолога Священнаго Союза и реставраціи—Галлера, который въ своемъ „Ученіи о государствѣ“ пытался возстановить и развить теорію мистичности власти. Гегель въ своей „Философіи права“ рѣзко полемизировалъ съ Галлеромъ, называя его теорію „безсмысленной“; это, очевидно, не было извѣстно Бѣлинскому. Есть цѣлый рядъ другихъ пунктовъ статьи Бѣлинскаго, въ которыхъ сказалось невѣрное пониманіе имъ философіи Гегеля; въ видѣ примѣра можно указать на первыя страницы статьи Бѣлинскаго, объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія“, гдѣ онъ говоритъ о происхожденіи государства изъ семьи, племени, народа и общества. Эта реалистическая точка зрѣнія совершенно противоположна принципу философіи Гегеля: хотя у Гегеля *понятіе* государства дѣйствительно развивается изъ понятій семьи и общества, но это развитіе *не временное, а логическое*, не во времени, а въ понятіи, въ дѣйствительности же государство является первымъ началомъ (Hegels Werke, B. VIII, § 256). Этой основной мысли Гегеля о діалектическомъ развитіи не во времени, а въ понятіи—никогда не понималъ, быть можетъ, даже не зналъ Бѣлинскій; приведенный примѣръ неопровержимо доказываетъ, что философію Гегеля Бѣлинскій понималъ *реалистически*, несмотря на постоянное употребленіе гегелевской терминологіи объ „абсолютномъ духѣ“ и „идеѣ“ и т. п. Это *реалистическое пониманіе гегеліанской „дѣйствительности“* полнѣе, чѣмъ въ другихъ статьяхъ, изложено въ статьѣ Бѣлинскаго о „Горѣ отъ ума“.

Мы знаемъ, что̀ означало принятіе Бѣлинскимъ „разумной дѣйствительности“. Это означало принятіе имъ міра, признаніе объективной разумности и цѣлесообразности міра и жизни. „Души нормальныя и крѣпкія находятъ свое блаженство въ живомъ сознаніи живой дѣйствительности, и для нихъ прекрасенъ Божій міръ, и само страданіе есть только форма блаженства, а блаженство — жизнь въ безконечномъ“,—говоритъ Бѣлинскій въ этой статьѣ. И эту „дѣйствительность“ Бѣлинскій понимаетъ въ реалистическомъ смыслѣ: онъ противопоставляетъ ей всякую „мечтательность“,

всякій „романтизмъ“ и „идеализмъ“; впослѣдствіи это ярко, какъ мы знаемъ, выразилось въ одной изъ послѣднихъ статей Бѣлинскаго, въ его критическомъ разборѣ „Обыкновенной исторіи“ Гончарова. При такомъ реалистическомъ пониманіи „дѣйствительности“ все гегеліанство получало у Бѣлинскаго окраску реалистической системы; хотя въ статьѣ объ „Идеѣ искусства“ и въ другихъ статьяхъ Бѣлинскій и опредѣляетъ міръ и природу, какъ „мышленіе“, однако ясно, что „мышленіемъ“ онъ называетъ внутреннюю сущность, а не внѣшнюю реальность. Если бы Бѣлинскому были хорошо извѣстны тѣ параграфы „Логики“ Гегеля, въ которыхъ излагается ученіе о „сущности“ (о сущности an sich, какъ „рефлексіи“; о сущности, какъ „явленіи“; о сущности, какъ „истинно-дѣйствительномъ“ — „Wissenschaft der Logik“, §§ 112—159), то Бѣлинскій зналъ бы, что, по Гегелю, „наличное бытіе“, т.-е. чувственный міръ, есть міръ призрачный, „призракъ“ (Schein). Но Бѣлинскій въ гегеліанствѣ искалъ спасенія какъ-разъ отъ подобной „фихтіанской отвлеченности“, а потому и понялъ гегеліанство реалистически, отождествивъ „наличное бытіе“ (Dasein) съ „истинно-дѣйствительнымъ“. Поэтому и въ статьѣ о „Горѣ отъ ума“ Бѣлинскій, вопреки Гегелю, считаетъ „дѣйствительнымъ“ все, что̀ есть: „міръ видимый и міръ духовный, міръ фактовъ и міръ идей“; въ то же время Бѣлинскій считаетъ все это дѣйствительное — разумнымъ, и, строго по Гегелю, все неразумное—*призрачнымъ*. Оставался нерѣшеннымъ вопросъ— что̀ же считать „неразумнымъ“? Для Гегеля отвѣтъ вытекалъ изъ объективно-логическихъ построеній, для Бѣлинскаго — изъ субъективно-психологическихъ настроеній; то, что̀ въ статьяхъ 1839 года онъ превозносилъ, какъ „разумное“, два года спустя стало для него „гнуснымъ“ и „неразумнымъ“.

Возвращаемся однако къ соціологическимъ построеніямъ Бѣлинскаго въ статьѣ объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія“. Во второй половинѣ этой статьи Бѣлинскій обращается къ анализу понятій *личности* и *общества*, къ попыткѣ ихъ примиренія и синтеза. Вопросъ этотъ, въ той или иной его формѣ, давно уже стоялъ передъ Бѣлинскимъ. Еще въ

статьѣ 1835 года „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ Бѣлинскій указалъ на проявленіе идеи личности въ современной реальной поэзіи; въ древнемъ мірѣ, говорилъ тамъ Бѣлинскій, человѣкъ „еще не созналъ своей индивидуальности, ибо его Я исчезало въ Я его народа“; и только въ христіанствѣ „родилась идея человѣка, существа индивидуальнаго, отдѣльнаго отъ народа, любопытнаго безъ отношеній, въ самомъ себѣ...“ Тутъ-то и возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ примирить съ обществомъ эту сознавшую себя личность? Эту вѣчную проблему индивидуализма Бѣлинскій и пытается рѣшить въ своей статьѣ; рѣшеніе его носитъ двойственный характеръ. Съ одной стороны онъ признаетъ права личности, права конкретнаго человѣка; „всякій человѣкъ есть самъ себѣ цѣль“, говоритъ Бѣлинскій, и эту фразу мы еще неоднократно встрѣтимъ въ его дальнѣйшихъ статьяхъ; но тутъ же, въ этой же статьѣ Бѣлинскій говоритъ о „случайной личности, до которой никому нѣтъ дѣла и которая сама по себѣ — очень неважная вещь...“ Въ концѣ концовъ Бѣлинскій несомнѣнно склоняется къ отрицанію правъ личности, къ ея подавленію „Общимъ“, хотя и не формулируетъ это съ достаточной рѣзкостью.

Годъ-другой спустя Бѣлинскій діаметрально измѣнилъ эти свои взгляды на цѣнность человѣческой личности — и вмѣстѣ съ этимъ отказался и отъ своего былого воззрѣнія на міръ и на жизнь. Теперь, въ 1839 году, для Бѣлинскаго все благо, все добро, все разумно, все цѣлесообразно само въ себѣ; страданія и гибель человѣческой личности—ничтожный „субъективный“ фактъ, входящій въ общую міровую гармонію. Въ 1841 году этотъ „ничтожный“ фактъ разстроитъ для Бѣлинскаго всю міровую гармонію, и Бѣлинскій откажется отъ своей оптимистической философіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ откажется и отъ своего былого примиренія съ дѣйствительностью. Единственное, что̀ останется прочнымъ завоеваніемъ и Бѣлинскаго и всей послѣдующей исторіи русской мысли—это то положеніе настоящей статьи, что *общество есть прежде всего не ограниченіе, а расширеніе человѣческой индивидуальности*. Эта мысль ляжетъ краеугольнымъ

камнемъ дѣятельности Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ, когда и человѣческая личность и благо народа будутъ одинаково для него дороги.

Заключаемъ наше изученіе статьи „Очерки бородинскаго сраженія“ отзывомъ самого Бѣлинскаго объ этой своей статьѣ. „Тебѣ не понравилась моя статья,—пишетъ Бѣлинскій Боткину (18 февраля 1840 г.):—...я это зналъ. Въ самомъ дѣлѣ, не вытанцовалась. А странное дѣло, писалъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такою полнотою, что и сказать нельзя..., а какъ напечаталась, такъ не могъ и перечесть... Признаюсь въ грѣхѣ—я, было, крѣпко пріунылъ. Хотѣлось мнѣ въ ней, главное, намекнуть яснѣе на субстанціальное значеніе идеи общества, но какъ я писалъ къ сроку и спѣху, сочиняя и пиша въ одно и то же время, и какъ хотѣлъ непремѣнно сказать и о томъ, и о другомъ — то и не вытанцовалось. Теперь я ту же бы пѣсенку да не такъ бы спѣлъ. Что она тебѣ не понравилась — это такъ и должно быть...; но досадно, что и людъ-то божій ею недоволенъ...“ Послѣднее замѣчаніе очень интересно: оно показываетъ, что Бѣлинскій, не находившій отпора крайнихъ взглядовъ этой статьи ни среди своихъ друзей (Боткинъ порицалъ только стиль статьи и ея „апатичность“), ни среди редакціи „Отечественныхъ Записокъ“, нашелъ отпоръ среди „люда божьяго“—читающей публики. Герценъ—единственный изъ друзей, рѣзко полемизировавшій въ эту эпоху съ Бѣлинскимъ — передаетъ разсказъ самого Бѣлинскаго о встрѣчѣ его у Краевскаго съ какимъ-то инженернымъ офицеромъ: „хозяинъ спросилъ его, хочетъ ли онъ со мною познакомиться (разсказывалъ Бѣлинскій).—Это авторъ статьи о бородинскомъ сраженіи? — спросилъ его на ухо офицеръ.— Да. — Нѣтъ, благодарю покорно, — сухо отвѣчалъ онъ...“ О ссорѣ изъ-за этихъ вопросовъ Бѣлинскаго съ Герценомъ скажу ниже; теперь же укажу только, что годъ спустя Бѣлинскому было „тяжело и больно вспомнить“ о своихъ „бородинскихъ“ статьяхъ: „конечно, — писалъ онъ Боткину (11 декабря 1840 г.),—нашъ китайско-византійскій монархизмъ до Петра Великаго имѣлъ свое значеніе, свою поэзію, словомъ, свою *историческую законность*; но изъ этого бѣднаго

и частнаго историческаго момента сдѣлать абсолютное право и примѣнять его къ нашему времени—фай!—неужели *я* говорилъ *это?*"

Закончимъ наше знакомство съ Бѣлинскимъ конца тридцатыхъ годовъ разсмотрѣніемъ его эстетическихъ воззрѣній этой эпохи „разумной дѣйствительности". Если соціальные взгляды Бѣлинскаго этого времени выражены главнымъ образомъ въ статьѣ объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія", то его эстетическія положенія эпохи „гегеліанства" сосредоточены съ наибольшей полнотой въ статьѣ 1840 года „Менцель, критикъ Гете". Статья о „Менцелѣ" написана въ тотъ же періодъ воинствующаго гегеліанства Бѣлинскаго, какъ и статья объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія": въ той статьѣ онъ развивалъ идеи мистичности царской власти, „субстанціальности" народа, синтеза личности и общества, а въ этой статьѣ онъ сосредоточилъ свое вниманіе на идеѣ искусства.

Однако прежде надо устранить одно недоразумѣніе, связанное со статьями Бѣлинскаго этого періода: ихъ считаютъ апогеемъ „примирительнаго" настроенія Бѣлинскаго. Это вѣрно, но въ болѣе глубокомъ значеніи, чѣмъ это понимаютъ обыкновенно — я уже говорилъ выше объ этомъ. „Примирительное настроеніе" Бѣлинскаго къ окружающей дѣйствительности есть фактъ, но фактъ уже вторичный, производный, въ основѣ котораго лежитъ вѣра Бѣлинскаго въ *объективную цѣлесообразность міра* — вотъ смыслъ „разумной дѣйствительности". И когда Бѣлинскій восхищается тѣмъ, что Гете „принимаетъ" весь міръ въ его цѣломъ и что Пушкинъ въ концѣ концовъ „примирился съ дѣйствительностію", то это надо понимать *прежде всего* въ философскомъ смыслѣ „пріятія міра и жизни", признанія объективной цѣлесообразности всемірной жизни. Примиреніе съ окружающей дѣйствительностью есть только слѣдствіе такого міропониманія, его практическое приложеніе—и къ тому же слѣдствіе далеко не необходимое, не строго логическое: можно принимать міръ и въ то же время бороться съ окружающей дѣйствительностью. Къ такому взгляду Бѣлинскій и пришелъ черезъ немного лѣтъ; а теперь изъ принятія

„разумной дѣйствительности“ (т.-е. объективной цѣлесообразности) онъ выводилъ примиреніе съ окружающей его реальной дѣйствительностью: въ этомъ заключается сущность всѣхъ его статей этого періода и въ томъ числѣ его статьи о „Менцелѣ“.

Въ этихъ его статьяхъ много мѣста занимаетъ ожесточенная полемика противъ людей такъ или иначе возстающихъ на дѣйствительность—либо на окружающую реальную дѣйствительность, соціальную и политическую, либо на „разумную дѣйствительность“ міра. Первые борются съ соціальными и политическими укладами жизни, вторые отрицаютъ объективную цѣлесообразность міра вообще; и съ тѣми и съ другими ожесточенно воюетъ Бѣлинскій. Ему ненавистны „заграничные крикуны“, „кривые толки, безсмысленные возгласы и громкія, но пустыя фразы безмозглыхъ преобразователей человѣческаго рода“; ему ненавистна всякая „оппозиція“, всякій протестъ противъ существующихъ условій. Отсюда его ненависть къ „рефлектированной поэзіи“ Шиллера, революціонныя трагедіи котораго онъ признаетъ „рѣшительно безнравственными“; отсюда его презрѣніе къ Жоржъ-Зандъ, которая пишетъ романы „одинъ другого нелѣпѣе и возмутительнѣе“ и идеи которой ведутъ къ „уничтоженію священныхъ узъ брака, родства, семейственности“; отсюда, наконецъ, и его пренебрежительное отношеніе къ Менцелю, этому „депутату оппозиціонной стороны“. Бѣлинскій, очевидно, и не подозрѣвалъ, что этотъ нѣкогда оппозиціонный дѣятель еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ обратился въ крайняго консерватора и такимъ образомъ совершилъ, mutatis mutandis, ту самую эволюцію, которая стала удѣломъ Бѣлинскаго годъ спустя. Поэтому ошибочны слова Бѣлинскаго, что „Менцель родился совершенно готовымъ“: нѣтъ, онъ настолько измѣнилъ своему первоначальному радикализму и такъ рьяно началъ борьбу противъ либераловъ и „французскихъ говоруновъ“, что дождался даже ѣдкаго памфлета Бёрне: „Menzel der Franzosenfresser“ („Менцель-Французоѣдъ“), появившагося еще въ 1837 году. Если бы Бѣлинскій зналъ, какого союзника онъ имѣетъ въ своемъ „французоѣдствѣ“ и въ своей борьбѣ противъ „заграни

ныхъ крикуновъ“ и „безмозглыхъ преобразователей“! И если бы онъ могъ предчувствовать, что годъ-другой спустя онъ самъ станетъ на рѣзко „оппозиціонную“ точку зрѣнія!

Еще болѣе ненавистны были Бѣлинскому тѣ „крикуны“, тѣ „маленькіе великіе люди“, которые не только указывали на возмутительность существующихъ соціально-политическихъ условій, но даже вообще отрицали разумную дѣйствительность и объективную цѣлесообразность міра. Изъ друзей Бѣлинскаго только одинъ Герценъ соединялъ соціально-политическій радикализмъ съ философскимъ пессимизмомъ— и на этой почвѣ между Герценомъ и Бѣлинскимъ произошелъ рѣзкій споръ и ссора въ концѣ 1839 года. „Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія, — сказалъ я ему (пишетъ Герценъ), думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ,—вы можете доказать, что самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно?—Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ *Бородинскую Годовщину* Пушкина... Отчаянный бой закипѣлъ между нами... Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ, и оттуда далъ по насъ послѣдній яростный залпъ въ статьѣ, которую назвалъ *Бородинской Годовщиной*“ („Былое и думы“, гл. XXV). Въ этихъ словахъ Герцена намъ важно отмѣтить три неточности: во-первыхъ, Бѣлинскій прочелъ ему, конечно, „Бородинскую Годовщину“ Жуковскаго, а не Пушкина (въ „Бородинской Годовщинѣ“ котораго почти нѣтъ и упоминанія о царѣ); во-вторыхъ, „яростный залпъ“ противъ Герцена былъ данъ Бѣлинскимъ не столько въ рецензіи на „Бородинскую Годовщину“, сколько въ статьѣ объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія“. Наконецъ, въ-третьихъ, и это самое главное, — названныя статьи Бѣлинскаго вовсе не были *послѣднимъ* выпадомъ противъ Герцена, такъ какъ въ статьѣ о „Менцелѣ“ эти выпады продолжаются съ еще большей рѣзкостью. Я полагаю, что именно противъ Герцена направлена та тирада изъ „Очерковъ бородинскаго сраженія“, въ которой Бѣлинскій презрительно говоритъ о „свѣтскихъ мудрецахъ, людяхъ, которые легко разсуждаютъ о тяжелыхъ предметахъ, которымъ достаточно четверти часа, чтобы, съ сигарою во рту, пере-

судить всѣхъ и все и перестроить міръ на свой ладъ": тутъ не забыта даже излюбленная герценовская сигара. Я полагаю, что прямо противъ Герцена направлена обширная выходка первыхъ страницъ статьи о Менцелѣ — о „маленькихъ-великихъ людяхъ", для которыхъ „не существуетъ міродержавнаго Промысла", которые вѣрятъ въ возможность случайности и „разстроенному воображенію которыхъ представляется, что—вотъ облака упадутъ на землю и подавятъ ее, вотъ огнедышащее солнце спалитъ своими лучами все живущее на ней..." Здѣсь въ умышленно-карикатурномъ видѣ выводится постоянная философія Герцена, которую Хомяковъ называлъ „свирѣпѣйшей имманенціей" и которую читатели найдутъ въ „Дневникѣ" Герцена и въ первой главѣ его „Съ того берега" (ср. тамъ мысли Герцена о возможности „геологическаго катаклизма", о томъ, что „какая-нибудь перемѣна въ солнцѣ вызоветъ катаклизмъ" и т. п.; см. объ этомъ мою книгу „О смыслѣ жизни", Сочин., т. III). Все это позволяетъ съ увѣренностью заключить, что отмѣченные выше выпады Бѣлинскаго относятся именно къ Герцену, въ которомъ Бѣлинскому былъ тогда одновременно ненавистенъ и политическій либерализмъ и философскій пессимизмъ: и то и другое было рѣзкимъ отрицаніемъ „разумной дѣйствительности".

Обращаюсь къ главному вопросу статьи о Менцелѣ—къ вопросу объ искусствѣ, который былъ главнымъ вопросомъ также и статей Бѣлинскаго эпохи шеллингіанства 1834 — 1836 годовъ. Мысль о самоцѣли искусства, о безцѣльности творчества, о всеобъемлемости эстетическаго чувства, заключающаго въ себѣ и истину и добро — была основной мыслью статей Бѣлинскаго въ „Телескопѣ" [1]). Теперь, въ періодъ гегеліанства, Бѣлинскій повторяетъ, обосновываетъ и развиваетъ свое былое пониманіе искусства; статья о Менцелѣ является съ этой стороны наиболѣе подробнымъ и наиболѣе яркимъ исповѣданіемъ вѣры „неистоваго Виссаріона". Рѣзко возстаетъ онъ противъ двухъ ненавистныхъ ему взглядовъ — противъ „нравственной точки зрѣнія на

[1]) См. ниже статью «Годовые обзоры литературы».

искусство" и противъ мысли, что „искусство должно служить обществу". Нравственная точка зрѣнія на искусство, по мнѣнію Бѣлинскаго, ложна потому, что красота, истина и добро—только разныя стороны одной и той же сущности: „отдѣлить вопросъ о нравственности отъ вопроса объ искусствѣ такъ же невозможно, какъ разложить огонь на свѣтъ, теплоту и силу горѣнія..." И Бѣлинскій окончательно формулируетъ свои давнія мысли въ слѣдующихъ словахъ: „что̀ художественно, то уже и нравственно; что̀ не художественно, то уже можетъ быть не безнравственно, но не можетъ быть нравственно. Вслѣдствіе этого, вопросъ о нравственности поэтическаго произведенія долженъ быть вопросомъ вторымъ и вытекать изъ отвѣта на вопросъ — дѣйствительно ли оно художественно".

Все это—старыя мысли Бѣлинскаго; но теперь онѣ строятся имъ на основѣ гегеліанства и получаютъ твердую точку опоры въ понятіи *объективизма* художественнаго творчества. Мы видѣли выше, что для Бѣлинскаго этой эпохи все „необходимое"—разумно, все случайное—безсмысленно; въ то же время все объективное—необходимо, все субъективное—случайно; слѣдовательно все объективное—разумно, все субъективное — безсмысленно. Этотъ силлогизмъ является ключемъ къ пониманію эстетическихъ воззрѣній Бѣлинскаго этой эпохи. Художественное произведеніе должно быть „объективнымъ", даже субъективное должно быть изображено объективно; „вопли самого поэта... не могутъ быть художественны, ибо кто вопитъ отъ страданія, тотъ не выше своего страданія — слѣдовательно и не можетъ видѣть его разумной необходимости, но видитъ въ немъ случайность, а всякая случайность оскорбляетъ духъ и приводитъ его въ раздоръ съ самимъ собою, слѣдовательно и не можетъ быть предметомъ искусства" (намекъ на трагедіи Шиллера). Вотъ та философская основа, на которой Бѣлинскій строилъ теперь свое пониманіе искусства; отсюда вытекаетъ еще одинъ принципъ, который примыкаетъ къ старымъ, подводитъ подъ нихъ фундаментъ: „какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ нѣтъ прекрасныхъ формъ безъ прекраснаго содержанія"— говоритъ Бѣлинскій въ заключительныхъ строкахъ своей

статьи. Прекрасная форма—это красота, прекрасное содержаніе—это добро и истина; тріединство ихъ, проповѣдывавшееся Бѣлинскимъ еще съ 1834 года, получаетъ теперь въ гегеліанствѣ новую точку опоры. Въ одномъ изъ писемъ именно этой эпохи къ Станкевичу (сентябрь—октябрь 1839 г.) Бѣлинскій самъ разсказываетъ о своемъ восторгѣ, когда ему „открылись" всѣ эти истины: „Бакунинъ первый тогда же (1838 г.) провозгласилъ, что истина только въ объективности, и что въ поэзіи субъективность есть отрицаніе поэзіи; что безконечнаго должно искать въ каждой точкѣ, что въ искусствѣ оно открывается черезъ форму, а гдѣ наоборотъ — тамъ нѣтъ искусства. Я освирѣпѣлъ, опьянѣлъ отъ этихъ идей..." Статья о „Менцелѣ" и является пламеннымъ манифестомъ новаго ученія, подводящаго твердыя основанія подъ старыя эстетическія воззрѣнія эпохи шеллингіанства.

Эту статью считаютъ обыкновенно крайнимъ проявленіемъ проповѣди „искусства для искусства"; а такъ какъ теорія эта съ тѣхъ поръ и почти до конца XIX в. считалась теоріей „реакціонной", несовмѣстной съ общественными теченіями, то и настоящая статья Бѣлинскаго была отвергнута дальнѣйшимъ развитіемъ общественной мысли—а прежде всего была отвергнута самимъ Бѣлинскимъ, послѣ его душевнаго перелома 1840—1841 гг. А между тѣмъ въ настоящей статьѣ, быть можетъ, больше истины, чѣмъ въ позднѣйшихъ взглядахъ Бѣлинскаго на искусство. Правда, эта истина односторонняя: она впадаетъ въ эстетизмъ и пытается измѣрять жизнь искусствомъ; недаромъ годъ спустя послѣ статьи о „Менцелѣ" Бѣлинскій съ негодованіемъ вспоминалъ: „искусство задушило, было, меня" (письмо къ Боткину, 16 января 1841 г.). Но не менѣе ложна и та точка зрѣнія, при которой общественность душитъ искусство во имя той или иной морализирующей тенденціи. Вотъ почему никогда не потеряетъ значенія горячая борьба Бѣлинскаго въ этой его статьѣ противъ морализма вообще и противъ морализма въ искусствѣ въ особенности (различеніе „нравственности" и „морали" проведено Бѣлинскимъ строго по гегеліански). Вотъ почему Бѣлинскій также совершенно правъ, когда отказывается подчинить и искусство общественности и обще-

ственность искусству. „Одинъ завопитъ: общество! все погибай, что̀ не служитъ къ пользѣ общества! — а другой зарычитъ: искусство! все погибай, что̀ не живетъ въ искусствѣ“, — такъ противопоставляетъ Бѣлинскій двѣ крайнія точки зрѣнія и тутъ же высказываетъ свою собственную: „да живетъ общество и да процвѣтаетъ искусство!“

Это замѣчательное мѣсто почему-то совершенно замалчивается большинствомъ историковъ литературы, заводящихъ рѣчь о „Менцелѣ“. Именно поэтому необходимо особенно подчеркнуть, что Бѣлинскій *совершенно правъ*, когда говоритъ, что „*искусство* не должно служить обществу иначе, какъ служа самому себѣ“; но онъ ошибочно пытается въ то же время ограничить поле дѣятельности самого *художника*. Скоро онъ понялъ, что идеалъ художника — быть всечеловѣкомъ, откликаться, подобно эхо, на всѣ голоса жизни; и когда онъ понялъ это, то снова оцѣнилъ величіе Шиллера, принялъ Жоржъ Зандъ и призналъ вліяніе общественности на искусство. На этомъ пути онъ скоро впалъ въ крайность, противоположную прежнему эстетизму; но это не мѣшаетъ намъ признать правильнымъ тотъ взглядъ на искусство и художника, который былъ впервые ясно высказанъ еще Пушкинымъ: *цѣль искусства—въ искусствѣ, но цѣль художника—въ самой жизни*. Въ своемъ „Менцелѣ“ Бѣлинскій ярко освѣтилъ первую половину этой формулы; нѣсколько позднѣе онъ пришелъ ко второй ея половинѣ, между тѣмъ какъ лишь соединеніе ихъ въ одно цѣлое даетъ возможность широкаго воззрѣнія на жизнь и на искусство. Когда Бѣлинскій былъ въ первой крайности—онъ воевалъ съ Менцелемъ и восхищался политическимъ индифферентизмомъ Гете, какъ признакомъ „объективности“; перейдя во вторую крайность, онъ рѣзко провозгласилъ (въ письмѣ къ Н. Бакунину, въ началѣ 1841 г.), что „Гете великъ, какъ художникъ, но отвратителенъ, какъ личность“, — вполнѣ примыкая къ столь поносимому имъ раньше Менцелю. „Богъ съ нимъ, съ этимъ Гете, — писалъ Бѣлинскій тому же Бакунину два года спустя:—онъ великій человѣкъ, я благоговѣю передъ его геніемъ, но тѣмъ не менѣе я терпѣть его не могу“... И даже въ концѣ 1840 года Бѣлинскій уже писалъ Боткину (30 дек. 1840 г.): „къ Гете

начинаю чувствовать родъ ненависти, и, ей-Богу, у меня рука не подымется противъ Менцеля, хотя сей мужъ и попрежнему остается въ глазахъ моихъ идіотомъ... Боже мой, какіе прыжки, какіе зигзаги въ развитіи! Страшно думать!" Впослѣдствіи Бѣлинскій пытался синтезировать объективизмъ и субъективизмъ въ искусствѣ; въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1847 года" Бѣлинскій попытался выразить свой окончательный взглядъ на искусство, одинаково далекій отъ этихъ двухъ крайностей.

„Художественная точка зрѣнія довела-было меня до послѣдней крайности, до нелѣпости" — писалъ Бѣлинскій въ только-что цитированномъ письмѣ, черезъ годъ послѣ появленія въ печати „гадкой статьи о Менцелѣ", какъ онъ сталъ ее называть (см. письмо къ Боткину отъ 11 декабря 1840 г.). Тогда же Бѣлинскій увидѣлъ и ошибочность своего основного эстетическаго принципа этого періода: нѣтъ прекрасныхъ формъ безъ прекраснаго содержанія и наоборотъ; „глупъ я былъ съ моею художественностію, изъ-за которой не понималъ, чтò такое содержаніе", — пишетъ онъ Боткину еще годомъ позднѣе (17 марта 1842 г.). А когда Бѣлинскій увидѣлъ и понялъ это, то рѣзко перемѣнилъ свои былые взгляды на искусство и началъ строить новую теорію на новой почвѣ. Не надо только забывать, что въ основѣ всего этого переворота лежитъ эволюція *философскихъ* воззрѣній Бѣлинскаго и что эстетическія теоріи являются только производными и вторичными выводами этихъ воззрѣній.

1909—1910 г.

Бѣлинскій и Бакунинъ въ 1840 году.

Письма Бѣлинскаго къ Михаилу Бакунину—почти единственный матеріалъ для возсозданія развитія міровоззрѣнія Бѣлинскаго съ 1836 по 1839 годъ. Конецъ фихтіанства, начало гегеліанства, осужденіе былого „идеальнаго прекраснодушія“ и преклоненіе передъ „великой дѣйствительностью“,— вотъ о чемъ по существу идетъ въ этихъ письмахъ рѣчь, переплетаясь съ „личной исторіей“ Бѣлинскаго (влюбленнаго тогда въ А. А. Бакунину, сестру „Мишеля“ Бакунина), съ цѣлымъ рядомъ семейныхъ и личныхъ дѣлъ. Въ этихъ письмахъ есть детали, совершенно невозможныя для печати; есть интимныя подробности громаднаго значенія для историка и психолога, но опубликованіе которыхъ не всегда возможно въ настоящее время. Переписка эта оборвалась послѣ громаднаго письма Бѣлинскаго къ Бакунину отъ 12-го октября 1838 года. Бакунинъ сталъ презирать Бѣлинскаго какъ „пошляка“, „добраго малаго“, примирившагося съ „пошлой дѣйствительностью“; Бѣлинскій сталъ ненавидѣть Бакунина какъ ходульнаго героя, зараженнаго „рефлексіей“. Оба они были неправы въ своемъ отношеніи другъ къ другу, но во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что дружба ихъ оборвалась къ 1839 году. Вскорѣ Бакунинъ уѣхалъ на время въ Петербургъ; въ концѣ 1839 года туда переѣхалъ и Бѣлинскій. Они встрѣтились ненадолго въ Петербургѣ, послѣ чего Бакунинъ, къ началу 1840 года, возвратился въ Москву, откуда написалъ Бѣлинскому письмо. Бѣлинскій отвѣтилъ; возобновилась переписка, оборвавшаяся, впрочемъ, послѣ двухъ-

трехъ писемъ: лѣтомъ того же 1840 года Бакунинъ снова прiѣхалъ въ Петербургъ, откуда отправился за границу, въ Берлинъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ этимъ письмамъ, приведу нѣсколько касающихся Бакунина отрывковъ изъ писемъ той же эпохи Бѣлинскаго къ Боткину. Первыя встрѣчи Бѣлинскаго съ Бакунинымъ въ Петербургѣ осенью 1839 года были болѣе дружелюбны, чѣмъ оба они могли ожидать послѣ „окончательной", казалось бы, ссоры предыдущаго года. „Я думалъ увидѣться съ Мишелемъ (Бакунинымъ) какъ съ хорошимъ знакомымъ, но разстался съ нимъ какъ съ другомъ и братомъ души моей,—писалъ Бѣлинскiй Василiю Боткину 22 ноября 1839 года изъ Петербурга: — это, Василiй, человѣкъ въ полномъ значенiи этого слова. Въ немъ сущность свята, но процессы ея развитiя и опредѣленiй дики и нелѣпы; но за это винить его по крайней мѣрѣ не мнѣ..." Нѣсколькими страницами ниже въ этомъ же письмѣ Бѣлинскiй снова говоритъ о Бакунинѣ: „Возвращаюсь къ Мишелю... Это — человѣкъ насквозь теплый, въ высшей степени задушевный, любящiй, готовый принять въ другомъ все участiе, какого только можно желать. А что онъ умѣетъ любить глубоко и горячо, этому лучшее доказательство—я: кто больше меня ругалъ и оскорблялъ его, къ кому больше меня бывалъ онъ несправедливѣе,—и что же? Гдѣ бы онъ ни явился, съ кѣмъ бы ни познакомился, тамъ и тотъ уже знаетъ Бѣлинскаго... Погладь его по курчавой головкѣ,—право, онъ очень неглупъ, какъ я начинаю увѣряться. А сколько глубины, сколько инстинкта истины, какое сильное движенiе духа въ этомъ шутѣ!.. Да, я вновь познакомился съ Мишелемъ и отъ души, какъ друга и брата, обнимаю его на новую жизнь и новыя отношенiя"...

Но эти „новыя отношенiя" съ Бакунинымъ у Бѣлинскаго не завязались. 14 ноября 1839 года Бакунинъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и сразу сталъ тамъ во враждебныя отношенiя къ Боткину, всячески препятствуя „счастливой развязкѣ" чувства Боткина къ его сестрѣ, А. А. Бакуниной. Бѣлинскаго это возмутило; къ тому же онъ всегда находилъ, что М. Бакунинъ вредно влiяетъ на своихъ сестеръ, дѣлая

ихъ „рефлектирующими существами“. Мало-по-малу онъ сталъ снова все враждебнѣе и враждебнѣе относиться къ Бакунину; любить наполовину, съ оговорками, Бѣлинскій не умѣлъ; всякое чувство онъ переживалъ до дна, до конца. „Моя страстная, дикая натура, — писалъ онъ Боткину, — не умѣетъ иначе любить. И потому съ моею любовью такъ близко граничитъ и моя ненависть. Скажу тебѣ прямо, коротко и ясно: я ненавижу Мишеля,—не для него и за него, а за *нихъ* (за сестеръ Бакунина, — И.-Р.), за его къ нимъ отношенія, за искаженіе ихъ божественныхъ натуръ... Чувствую, что не встрѣчалъ еще натуры болѣе враждебной моей“... Въ послѣдующихъ письмахъ Бѣлинскаго къ Боткину (отъ 19 марта, 16 мая 1840 года и др.) мы найдемъ и неизмѣримо болѣе рѣзкіе выпады противъ Бакунина. Дружба ихъ снова оборвалась и, повидимому, окончательно.

Какъ-разъ въ это время возрастающей враждебности къ Бакунину Бѣлинскій получилъ отъ него два письма (въ концѣ февраля 1840 года). Письма эти,—какъ и вообще бȯльшая часть писемъ къ Бѣлинскому,—не сохранились; зато сохранились отвѣтныя письма Бѣлинскаго. Одно изъ этихъ писемъ сохранилось полностью, другое извѣстно намъ только въ недатированномъ отрывкѣ (быть можетъ, оно найдется полностью въ Прямухинскомъ архивѣ Бакуниныхъ). Отрывокъ этотъ, хотя и безъ даты, несомнѣнно, относится къ началу марта 1840 года, такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь о статьѣ Бакунина въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ томѣ девятомъ: „Твоя статья уже напечатана, — пишетъ между прочимъ Бѣлинскій:—она привела Краевскаго въ восторгъ своей ясностью, послѣдовательностью и простотою; особенно его восхищаетъ твоя катка эмпиризму Изъ статьи твоей вышло 1½ листа съ небольшимъ“... Все это съ несомнѣнностью указываетъ на статью М. Бакунина „О философіи“ („Отеч. Зап.“, 1840 г., т. IX, отд. II, стр. 55—78; цензурное разрѣшеніе отъ 14 марта 1840 г.). Итакъ, отрывокъ письма Бѣлинскаго безъ даты относится къ марту 1840 года; Бѣлинскій отвѣчаетъ на письмо Бакунина,—и насъ не удивятъ начальныя строки отвѣта, если мы вспомнимъ приведенные

выше отзывы о Бакунинѣ въ письмахъ того же времени Бѣлинскаго къ Боткину. Вотъ эти начальныя строки:

„Любезный Мишель, видъ твоего письма произвелъ во мнѣ такое впечатлѣніе, какъ будто бы у меня по тѣлу поползли мокрицы; долго я боролся между долгомъ прочесть его и желаніемъ разорвать, не прочтя. Мысль о полемикѣ, о прекраснодушныхъ и москводушныхъ продѣлкахъ, за которыя мало драть за уши и пороть розгами, — эта мысль была для меня кислѣе уксусу, вонючѣе... (забылъ по-латыни) чортова г...., горше и отвратительнѣе самой гнусной микстуры“... Но это были напрасныя опасенія: письмо Бакунина даже порадовало Бѣлинскаго; оно было простое, дружеское. Однако за немного дней до этого своего письма къ Бѣлинскому въ Петербургъ, Бакунинъ написалъ другое, съ цѣлымъ рядомъ упрековъ по адресу Бѣлинскаго за его восхваленіе „дѣйствительности“, за его пренебреженіе къ „идеальности“, за примиреніе съ „толпой“,—простыми, „нормальными“, здоровыми „добрыми малыми“... Какъ ни хотѣлось Бѣлинскому избѣжать „прекраснодушной полемики“, но онъ не выдержалъ и отвѣтилъ Бакунину обширнымъ и интереснѣйшимъ письмомъ (отъ 26 февраля 1840 года). Письмо это слишкомъ велико, чтобы привести его здѣсь цѣликомъ; приведу его только въ обширныхъ извлеченіяхъ, съ необходимыми комментаріями.

Бѣлинскій начинаетъ свой отвѣтъ сухой характеристикой „резонерскаго“ письма Бакунина, которое,—пишетъ онъ,— „усилило во мнѣ мою ненависть къ знанію, какъ сушильнѣ жизни“. Бѣлинскій ненавидитъ знаніе сухое, книжное, мертвое, отвлеченное отъ всѣхъ проявленій жизни; въ этомъ смыслѣ „наука не для меня; я — дилетантъ!“ — восклицаетъ онъ. Но именно такой ненавистный ему раціонализмъ, такую „рефлектированность“ видитъ онъ въ Бакунинѣ, во всей его сущности; видитъ—и ненавидитъ. „Я уважаю тебя... но я не люблю тебя, ибо мнѣ *ненавистенъ* образъ твоихъ мыслей и еще *ненавистнѣе* ихъ осуществленіе“,—подчеркиваетъ Бѣлинскій и переходитъ къ тѣмъ обвиненіямъ, какія выставилъ противъ него Бакунинъ.

Первое и главное обвиненіе — пресловутое примиреніе

Бѣлинскаго съ „дѣйствительностью". Бакунинъ писалъ, повидимому, Бѣлинскому (это выясняется изъ переписки Бѣлинскаго съ Боткинымъ), что даже весьма юный въ то время братъ М. Бакунина, Павелъ, иронизируетъ надъ статьями Бѣлинскаго и надъ той „дѣйствительностью", которую принялъ Бѣлинскій. Бѣлинскій отвѣчаетъ: „Съ чего ты взялъ, что моя дѣйствительность—пошлая, повседневная, грязная и до того несчастная, что надъ нею даже мальчишки подсмѣиваются? Правда, моя дѣйствительность — не твоя, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ она была такая, какой ты ее описываешь. Раны моего сердца, истекающаго живой, горячей кровью, свидѣтельствуютъ, что ты *лжесвидѣтельствуешь на ближняго.* Ты хоть бы спросилъ у Боткина: онъ сказалъ бы тебѣ, до какой степени я примирился съ повседневной дѣйствительностью"... Да, — продолжаетъ Бѣлинскій, — пошлой, ходульной „идеальности" я всегда предпочту „самую ограниченную дѣйствительность и полезность въ обществѣ"... И въ видѣ примѣра Бѣлинскій беретъ свое отношеніе къ Чацкому, тѣмъ болѣе, что статья его о „Горѣ отъ ума" (напечатанная въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" того же 1840 года) привела Бакунина въ негодованіе. Извѣстно, что годомъ позднѣе самъ Бѣлинскій съ возмущеніемъ вспоминалъ свои былыя выходки противъ „Горе отъ ума" вообще и Чацкаго въ частности; но теперь, въ началѣ 1840 года, Бѣлинскій былъ въ этомъ отношеніи непримиримъ и неумолимъ. „Чацкіе, — восклицаетъ онъ, — всегда будутъ смѣшны для меня, и я буду дѣлать ихъ смѣшными для многихъ, не заботясь, что мой пріятель приметъ эти нападки за личность и оскорбится ими [1]). Что̀ такое Чацкій? Человѣкъ, который мечтаетъ о высшей любви, а любитъ б...ь, который всѣхъ ругаетъ за бездѣйствіе, а самъ ничего не дѣлаетъ, который сердится на дѣйствительность, которая въ

---

[1]) Этотъ ясный намекъ приводитъ къ факту, очень интересному для историковъ литературы: Бѣлинскій въ своей статьѣ о «Горѣ отъ ума» говоря о Чацкомъ, мѣтилъ въ Бакунина. Это становится почти несомнѣннымъ послѣ изученія писемъ Бѣлинскаго 1839 — 1840 гг. къ Бакунину и Боткину: въ нихъ о Бакунинѣ говорится то самое, что̀ въ указанной выше статьѣ—о Чацкомъ.

его глазахъ скверна тѣмъ, что русскіе XIX вѣка бреютъ бороды и ходятъ во фракахъ, что они не подражаютъ китайцамъ въ незнаніи иноземцевъ, который говоритъ о прекрасномъ и высокомъ со скотами и пр., и пр. Какъ же на такихъ шутовъ не нападать? Они—первые враги всякой разумности, всякой истины. Но скоты всегда останутся для меня скотами, и у меня съ ними никогда ничего общаго не будетъ"...

И Бѣлинскій энергично отмежевывается отъ „скотовъ", тѣмъ болѣе, что и Бакунинъ, и Боткинъ приписали ему такое „примиреніе со скотами" на основаніи нѣсколькихъ строкъ изъ одного его письма къ Боткину. Вотъ эти горькія строки: „Полнота, полнота! Чудное, великое слово! Блаженство — не въ абсолютѣ, а въ полнотѣ, какъ отсутствіи рефлексіи при живомъ ощущеніи въ себѣ того участка абсолютной жизни, какой данъ тому или другому человѣку. Что моя абсолютность: я отдалъ бы ее, еще съ придачей послѣдняго сюртука, за полноту, съ какой иной офицеръ спѣшитъ на балъ, гдѣ много барышень и скачетъ штандартъ... Скучно, другъ Тряпичкинъ—ей-Богу, хоть бы умереть"... Этихъ горькихъ словъ Бѣлинскаго Бакунинъ совершенно не понялъ, истолковавъ ихъ въ томъ смыслѣ, что Бѣлинскій „завидуетъ скотамъ". Бѣлинскій рѣзко возражаетъ (продолжаю письмо къ Бакунину отъ 26 февраля 1840 года): „Скоты всегда останутся для меня скотами, и у меня съ ними никогда ничего общаго не будетъ... Вы оба, ты и Боткинъ, не поняли моей зависти къ скотамъ: я завидую не офицеру, который идетъ на балъ къ барышнямъ, но офицеру, который безъ рефлексіи, въ полнотѣ глупой натуры своей, спѣшитъ на балъ, гдѣ проведетъ время въ *самозабвеніи*, — и я завидую, почему у меня нѣтъ способности не на балъ ѣхать, а хоть стихотвореніе Пушкина прочесть безъ рефлексіи, съ *самозабвеніемъ*. Ты говоришь мнѣ, что я ищу въ оргіяхъ выхода. Тутъ двѣ неправды: въ оргіяхъ я ищу не выхода, а минутнаго самозабвенія; ищу отрѣшенія не отъ страданія, а отъ отчаянія, отъ сухой, мертвящей апатіи. Потомъ, я не способенъ возвыситься даже до оргіи,—судьба и въ этомъ отказала мнѣ"...

Далѣе Бѣлинскій отъ защиты переходитъ къ нападенію

и обрушивается на Бакунина за его „ходульность“, „рефлектированность“, презрѣніе ко всему „дѣйствительному“; онъ противопоставляетъ М. Бакунину его младшаго брата Николая, въ то время юнаго офицера, съ которымъ Бѣлинскій познакомился въ Петербургѣ. Во всѣхъ своихъ письмахъ этого времени Бѣлинскій восторженно отзывался о Николаѣ Бакунинѣ, какъ о непосредственной душѣ, „юной, свѣжей, простой, *нормальной* и могучей натурѣ“. И въ настоящемъ письмѣ къ М. Бакунину Бѣлинскій выдвигаетъ противъ своего „философскаго друга“ вмѣсто аргументовъ фигуру его брата, Н. Бакунина. Попутно Бѣлинскій разсказываетъ, какъ онъ читалъ съ Н. Бакунинымъ Пушкина; это мѣсто въ высшей степени интересно для пониманія воззрѣнія на Пушкина Бѣлинскаго.

„Ему (Николаю Бакунину),—разсказываетъ Бѣлинскій,—понравился парадоксъ Боткина, будто бы недостатокъ образованія и рефлексіи, сохранивъ полноту и природную цѣломудренность генія Пушкина, сжалъ его міросозерцаніе и лишилъ обилія нравственныхъ идей. Я ему сказалъ, что это, дескать, вздоръ и чепуха. Міросозерцаніе Пушкина трепещетъ въ каждомъ стихѣ, въ каждомъ стихѣ слышно рыданіе мірового страданія, а обиліе нравственныхъ идей у него безконечно, да не всякому все это дается и трудно открывается, потому что въ міръ пушкинской поэзіи нельзя входить съ готовыми идейками, какъ въ міръ рефлектированной поэзіи, и что когда Боткинъ будетъ поздоровѣе духомъ, то увидитъ это самъ. Не только Шиллеръ, — самъ Гете доступнѣе и толпѣ, и абстрактнымъ головамъ, которыя всегда найдутъ въ нихъ много доступнаго себѣ; но Пушкинъ доступенъ только глубокому чувству конкретной дѣйствительности. И потому петербургскіе чиновники и офицеры еще понимаютъ, почему Шиллеръ и Гете велики, но Шекспира называютъ великимъ только изъ приличія, боясь прослыть невѣждами, а въ Пушкинѣ ровно ничего великаго не видятъ. Для меня въ этомъ фактѣ — глубокая мысль. Чтобы мою проповѣдь сдѣлать дѣйствительной, я схватилъ „Онѣгина“ и прочелъ дуэль Ленскаго, начало 7-й и конецъ 8-й главы. Никогда я такъ не читалъ: меня посѣтило откро-

веніе, и слезы почти мѣшали мнѣ читать. Слушатель понималъ чтеца, и оба они понимали Пушкина. Я обратилъ его вниманіе на эту безконечную грусть, какъ основной элементъ поэзіи Пушкина, на этотъ гармоническій вопль мірового страданія, поднятаго на себя русскимъ Атлантомъ; потомъ я обратилъ его вниманіе на эти переливы и быстрые переходы ощущеній, на эти безпрестанные и торжественные выходы изъ грусти въ широкіе разметы души могучей, здоровой и *нормальной*, а отъ нихъ снова переходы въ неумолкающее гармоническое рыданіе мірового страданія"... Это было написано три четверти вѣка тому назадъ; но много ли и теперь можно прибавить изъ всей громадной литературы о Пушкинѣ къ этимъ удивительнымъ по мѣткости и по силѣ чувства словамъ Бѣлинскаго?

Итакъ, Бѣлинскій приводитъ Пушкина какъ высшій образецъ божественной гармоніи, соразмѣрности и въ этомъ смыслѣ — „нормальности"; затѣмъ онъ снова возвращается къ Николаю Бакунину, побивая его „нормальностью" взвинченность и ходульность М. Бакунина и даже самого себя. „Чѣмъ больше узнаю я его,—говоритъ Бѣлинскій о Николаѣ Бакунинѣ, — тѣмъ болѣе люблю и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что ты порешь дикій и безсмысленный вздоръ, говоря, что простота, нормальность и полнота натуры свойственны только скотамъ и пошлякамъ. Не худо бы и намъ съ тобой, Мишель, походить на этихъ скотовъ и пошляковъ: право, мы были бы лучше. Меня, Мишель, не умаслишь похвалами моей глубокой субстанціи и прочихъ вздоровъ, меня не увѣришь, что я страдаю оттого, что теперь все человѣчество страдаетъ: чтò общаго между мной и человѣчествомъ? Я не сынъ вѣка, а сукинъ сынъ. Я понимаю страданія какого-нибудь Страуса, котораго всякое мгновеніе было жизнью въ общемъ (не въ абстрактномъ и мертвомъ, а въ конкретномъ) и было жизнью дѣятельной; это — человѣкъ великій, геніальный: моей ли рожѣ тянуться до него? — высоко, не достанешь. Я страдаю отъ гнуснаго воспитанія, оттого что резонерствовалъ въ то время, когда только чувствуютъ; былъ безбожникомъ и кощуномъ, не бывши еще религіознымъ; толковалъ о любви, когда еще у меня и....... .. ..;

сочинялъ, не умѣя писать по линейкамъ; мечталъ и фантазировалъ, когда другіе учили вокабулы; не былъ пріученъ къ труду какъ къ святой объективной обязанности, къ порядку какъ единственному условію не безплоднаго труда, а сдѣлавшись самъ себѣ господинъ, не пріучалъ себя ни къ тому, ни къ другому, не развилъ въ себѣ элемента воли. Ко всему этому присоединилась несправедливость судьбы, глубоко оскорбившая во мнѣ самыя священныя права индивидуальнаго человѣка"...

Этими строками заканчивается все наиболѣе существенное изъ письма Бѣлинскаго къ М. Бакунину отъ 26-го февраля 1840 года. Послѣ этого переписка двухъ былыхъ друзей снова оборвалась: они все дальше и дальше отходили другъ отъ друга. Тутъ вмѣшалась въ дѣло личная исторія,— любовь Боткина къ Александрѣ Бакуниной и отрицательное отношеніе М. Бакунина къ Боткину. Бѣлинскій всецѣло сталъ на сторону послѣдняго; въ своихъ письмахъ къ Боткину отъ 14-го и 19-го марта, 16-го апрѣля, 16-го мая 1840 г. и др., Бѣлинскій обрушиваетъ громы и молніи на голову „Мишеля", называетъ его „гнуснымъ, подлымъ эгоистомъ, фразеромъ, дьяволомъ въ философскихъ перьяхъ" и т. п. Но въ этихъ же письмахъ—характерно!—мы находимъ и восторженный отзывъ Бѣлинскаго о статьѣ Бакунина, указанной выше. Никакія личныя отношенія не могли помѣшать Бѣлинскому воздать должное и друзьямъ, и врагамъ своимъ.

Лѣтомъ 1840 года Бакунинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью ѣхать затѣмъ въ Берлинъ. Онъ зашелъ къ Бѣлинскому, и тутъ, на квартирѣ Бѣлинскаго, произошла тяжелая сцена столкновенія Бакунина съ Катковымъ; Бѣлинскій очень подробно описываетъ ее въ письмѣ къ Боткину отъ 12-го — 16-го августа 1840 года. Вскорѣ между Бѣлинскимъ и Бакунинымъ произошло объясненіе, не примирившее ихъ; къ осени 1840 года Бакунинъ уѣхалъ за границу, враждебно разставшись съ Бѣлинскимъ.

Эта враждебность со стороны Бѣлинскаго продолжалась еще года два—три. Къ концу 1842 года до Бѣлинскаго „дошли хорошіе слухи о Мишелѣ", — что онъ разошелся съ

елейнымъ Вердеромъ (учителемъ Станкевича, правымъ гегеліанцемъ), что онъ принадлежитъ „къ лѣвой сторонѣ гегеліанизма съ Руге“ (издателемъ революціоннаго „Jahrbücher'a“), что въ журналѣ этомъ имъ помѣщена статья, подписанная Jules Elisard. Бѣлинскій написалъ М. Бакунину письмо, получилъ отвѣтъ, переписка возобновилась; къ сожалѣнію, письма эти не дошли до насъ, повидимому, не сохранились. Бѣлинскій сознать несправедливость своей былой враждебности къ своему старому другу. „Мишель во многомъ виноватъ и грѣшенъ, но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки: это — вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа“, — писалъ Бѣлинскій Николаю Бакунину 7-го ноября 1842 года. Тремя недѣлями позднѣе Бѣлинскій писалъ ему же (28-го ноября 1842 года): „Мишель одержалъ надо мной побѣду, которой можетъ порадоваться... Я нисколько не раскаиваюсь и не жалѣю о моихъ размолвкахъ съ Мишелемъ, — все это было необходимо и быть иначе не могло. Гадки и пошлы ссоры личныя, но борьба за „понятія“ — дѣло святое, и горе тому, кто не боролся!“...

Старымъ друзьямъ суждено было встрѣтиться еще разъ въ Парижѣ, лѣтомъ 1847 года. Снова между ними возникли споры, снова возникла „борьба за понятія“; мы не будемъ здѣсь касаться этой борьбы. Во всякомъ случаѣ оба они воздавали другъ другу должное. Прошло двадцать лѣтъ, и въ письмѣ 23-го ноября 1869 года къ Огареву Бакунинъ сказалъ о своемъ быломъ другѣ крылатое слово, восхищаясь *„нашимъ русскимъ Дидеротомъ, нашимъ неумытнымъ реалистомъ по темпераменту и по натурѣ, Виссаріономъ Бѣлинскимъ!“*

1911 г.

Начало соціализма.

(Неизвѣстная статья Бѣлинскаго).

Въ концѣ 1841 года Бѣлинскій говорилъ о себѣ: „Я теперь въ новой крайности, это—идея *соціализма*, которая стала для меня идеею идей, бытіемъ бытія"... Онъ сталъ проповѣдывать эту идею соціализма „со всѣмъ фанатизмомъ прозелита", по его же выраженію, и проповѣдью этой заполнены годы 1842—1846. Но, разумѣется, это была проповѣдь только въ узкомъ кругу друзей; изрѣдка и въ письмахъ къ Боткину Бѣлинскій прорывался горячей тирадой въ честь соціализма, и то, конечно, только въ тѣхъ письмахъ, которыя шли „оккaзіей", не по почтѣ, ибо „Шпекины,—писалъ Бѣлинскій, — распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ"... Въ этихъ письмахъ „по-оккaзіи" Бѣлинскій восторженно говорилъ о грядущемъ соціалистическомъ хиліазмѣ, „тысячелѣтнемъ царствѣ Божіемъ на землѣ", восклицалъ, что настанетъ время и „Отецъ-Разумъ снова воцарится, но уже въ новомъ небѣ и надъ новой землей", проповѣдывалъ единство человѣчества, какъ цѣльной, идеальной личности, и т. д., и т. д. (письма къ Боткину отъ 8-го сентября 1841 года, 20-го апрѣля 1842 г. и др).

Въ своихъ журнальныхъ статьяхъ Бѣлинскій, разумѣется, не могъ прямо высказывать свои завѣтныя убѣжденія: про-

повѣдь соціализма въ тискахъ николаевской цензуры являлась, конечно, немыслимой. Бѣлинскаго иногда приводила въ отчаяніе эта невозможность подѣлиться съ читателями самыми цѣнными изъ своихъ новыхъ убѣжденій. „Истину я взялъ себѣ,—говорилъ однажды Бѣлинскій (въ письмѣ къ Герцену отъ 26-го января 1845 года),—но, вѣдь, я попрежнему не могу печатно сказать все, что̀ я думаю и ка̀къ я думаю. А чортъ ли въ истинѣ, если ее нельзя популяризовать и обнародовать?—мертвый капиталъ"...

И однако такая возможность все-таки была,—и причиной ея была та „глупость цензуры", которой иногда такъ восхищался Бѣлинскій. Цензура порой не пропускала самыхъ невинныхъ вещей и тутъ же одобряла вещи, которыя никто въ то время не могъ бы надѣяться напечатать. Неудивительно поэтому, что и въ статьяхъ Бѣлинскаго часто проскальзывали выраженія его новой вѣры, его новыхъ убѣжденій, особенно по цѣлому ряду частныхъ вопросовъ. Тѣмъ интереснѣе та его статья, въ которой мы находимъ обобщеніе всѣхъ этихъ его взглядовъ, поскольку обобщеніе это было возможно въ рамкахъ николаевской цензуры.

Въ 1841 году появилась книга „Руководство къ всеобщей исторіи. Сочиненіе Фридриха Лоренца. Часть первая. Санктпетербургъ". Книга эта была составлена изъ лекцій, читанныхъ Лоренцомъ въ педагогическомъ институтѣ, и была только простымъ компилятивнымъ учебникомъ; Бѣлинскому надо было написать статью объ этой книгѣ. Повидимому, онъ хотѣлъ уклониться отъ этой обязанности, считая себя недостаточно подготовленнымъ для критической статьи по такому спеціальному вопросу; въ декабрѣ—январѣ 1841—1842 года онъ гостилъ у Боткина въ Москвѣ, и, повидимому, предложилъ послѣднему написать статью о книгѣ Лоренца. Боткинъ, быть можетъ, и пообѣщалъ, но обѣщанія своего не исполнилъ; это видно изъ слѣдующаго начала письма Бѣлинскаго къ Боткину отъ 17-го марта 1842 г.: „Вотъ мнѣ и опять пришла охота писать къ тебѣ, Боткинъ. Но о чемъ писать? — право не знаю: и хочется, и не о чемъ. Ну, пока не придумаю лучшаго, выругаю тебя хорошенько за то, вопервыхъ, что ты ничего не прислалъ мнѣ съ Кульчикомъ

о Лоренцѣ, и тѣмъ ввергъ меня въ бѣдственное положеніе писать о томъ, чего не знаю“... (упоминаемый въ письмѣ „Кульчикъ“—знакомый Бѣлинскаго и Боткина, Кульчицкій). Боткинъ, повидимому, отвѣтилъ на это письмо, такъ какъ мы имѣемъ въ свою очередь отвѣтъ Бѣлинскаго въ письмѣ отъ 31-го марта 1842 года: „О Лоренцѣ не хлопочи: *преступленіе совершено*, и въ 4-мъ № „Отечественныхъ Записокъ“ ты прочтешь довольно гнусную статью своего пріятеля — *ученаго послѣдняго десятилѣтія*“... Такъ иронизировалъ надъ собой самъ Бѣлинскій.

Статья о книгѣ Лоренца оставалась до сихъ поръ неизвѣстной, а между тѣмъ статья эта дѣйствительно была напечатана въ апрѣльскомъ номерѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1842 годъ (т. XXI, отд. V, стр. 36—45); она представляетъ большой интересъ, какъ *первое печатное проявленіе идеи соціализма* въ статьяхъ Бѣлинскаго. Мало этого: статья интересна еще и тѣмъ, что въ ней мы имѣемъ развитіе не какого-нибудь частнаго вопроса (напримѣръ, „женскаго“, съ точки зрѣнія „сенсимонизма“,—что можно найти въ другихъ статьяхъ Бѣлинскаго), а общее воззрѣніе, обобщеніе частныхъ вопросовъ, вопросъ о *человѣчествѣ* вообще. Принужденный писать о спеціальномъ вопросѣ, — учебникѣ по всеобщей исторіи,—Бѣлинскій блестяще вышелъ изъ затрудненія, сказавъ о самомъ учебникѣ только нѣсколько хвалебныхъ словъ, сдѣлавъ только нѣсколько критическихъ замѣчаній, а большую часть статьи посвятивъ восторженному прославленію „прогресса“, который въ концѣ концовъ приведетъ человѣчество къ „новой землѣ и новому небу“. Въ николаевскомъ цензурномъ застѣнкѣ нельзя было яснѣе высказать въ печати вѣрованія утопическаго соціализма.

Статья начинается указаніемъ, что вѣкъ нашъ—по преимуществу вѣкъ историческій: „*историческое созерцаніе* могущественно и неотразимо проникло собой всѣ сферы современнаго сознанія“. Какъ извѣстно, историческая точка зрѣнія стала въ концѣ 1841 и началѣ 1842 года характерной и для литературно-критическихъ сужденій Бѣлинскаго; особенно выразилось это въ его статьѣ „Русская литература въ 1841 г.“, написанной мѣсяцами тремя раньше статьи по поводу книги

Лоренца. „Историческое созерцаніе, — продолжаетъ Бѣлинскій, — проникло всю современную дѣйствительность, даже самый бытъ нашъ. Чувство общественности теперь вездѣ сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде было. Каждый живѣе чувствуетъ себя въ обществѣ и общество въ себѣ, и каждый, по крайней мѣрѣ, претендуетъ служить обществу, служа себѣ самому“... И такое „историческое созерцаніе“ проникло всюду,—въ бытовую жизнь, въ науку, въ искусство. Историческій романъ и историческая драма царятъ въ литературѣ: Вальтеръ Скоттъ „былъ органомъ и провозвѣстникомъ вѣка, давши искусству историческое направленіе“. Въ наукѣ—то же самое: „Давно ли эстетика шла своимъ особымъ путемъ, не спрашиваясь у исторіи, не соприкасаясь съ ней? Еще и теперь многіе добрые люди, повторяя чужіе зады, пренаивно увѣряютъ, что искусство само по себѣ, а жизнь сама по себѣ...“ Здѣсь Бѣлинскій говоритъ pro domo sua: это онъ двумя-тремя годами раньше (а также и въ теченіе всей своей московской журнальной дѣятельности) былъ проповѣдникомъ самоцѣльнаго искусства, „безцѣльнаго съ цѣлью“; теперь, въ сороковыхъ годахъ, эти „зады“ стали достояніемъ „многихъ добрыхъ людей“, — напримѣръ, Сенковскаго-Брамбеуса, Булгарина, отчасти Полевого, которые отстаивали теперь „чистое искусство“, ожесточенно нападая на Гоголя и утверждая, что „искусство само-по-себѣ, а жизнь сама-по-себѣ“, и что „искусство унизилось бы, снизойдя до современныхъ интересовъ“... Да,—соглашается Бѣлинскій, — если подъ „современными интересами“ подразумѣвать моды, сплетни, мелочи свѣта, биржевой курсъ, — то симпатія ко всему этому была бы упадкомъ искусства; но вѣдь не это надо понимать подъ сближеніемъ искусства съ исторіей и жизнью. „Нѣтъ, не то разумѣется подъ историческимъ направленіемъ искусства: это — или современный взглядъ на прошедшее, или мысль вѣка, скорбная дума или свѣтлая радость времени; это—не интересы сословія, но интересы общества; не интересы государства, но интересы человѣчества; словомъ, это *общее*, въ идеальномъ и возвышенномъ значеніи слова“...

Пропускаю развитіе ряда интереснѣйшихъ и характер-

ныхъ для Бѣлинскаго положеній объ искусствѣ, какъ выраженіи сознанія народа и человѣчества въ опредѣленную эпоху, „какъ бы біеніи пульса его жизни“, о связи исторіи искусства съ исторіей человѣчества, о синтезѣ классицизма и романтизма въ современномъ искусствѣ, о связи между исторіей и философіей. „Философія есть душа и смыслъ исторіи, а исторія есть живое, практическое проявленіе философіи въ событіяхъ и фактахъ. По Гегелю, мышленіе есть какъ бы историческое движеніе духа, сознающаго себя въ своихъ *моментахъ*; и ни одинъ философъ не далъ исторіи такого безконечнаго и всеобъемлющаго значенія, какъ этотъ величайшій и послѣдній представитель философіи“... Это мѣсто очень цѣнно для опредѣленія отношенія Бѣлинскаго эпохи „соціализма“ къ Гегелю, съ которымъ онъ, казалось бы, порвалъ еще годомъ раньше („Благодарю покорно, Егоръ Ѳедорычъ, кланяюсь вашему философскому колпаку“,—обращался Бѣлинскій къ „его философскому филистерству“, Гегелю, въ знаменитомъ письмѣ къ Боткину отъ 1 марта 1841 года). Теперь очевидно,—это, впрочемъ, было извѣстно историкамъ литературы и раньше,—что, раскланявшись съ Гегелемъ, Бѣлинскій все же продолжалъ во многомъ быть послѣдователемъ этого „величайшаго и послѣдняго представителя философіи“, какъ онъ его здѣсь называетъ. Философія Гегеля давала лишнюю опору „историзму“ Бѣлинскаго, и въ этомъ отношеніи Бѣлинскій самостоятельно пошелъ по пути, прокладывавшемуся въ то время въ Германіи лѣвыми гегеліанцами.

Историческая точка зрѣнія неизбѣжно приводила къ понятію „прогресса“ и къ опредѣленію основной причины его. „*Прогрессъ* и *движеніе*,—говоритъ Бѣлинскій, сдѣлались теперь словами ежедневными. Новизна никого не пугаетъ; предѣла усовершенствованіямъ никто не видитъ“... Какая же причина этого скораго движенія?—задается вопросомъ Бѣлинскій и даетъ отвѣтъ, характерный для „утописта“ того времени: причина интенсивнаго прогресса—„созрѣвшее историческое сознаніе вслѣдствіе успѣха въ послѣднее время исторіи какъ науки“... Только исторія въ своемъ развитіи могла создать понятіе о *человѣчествѣ* какъ единой развивающейся „лич-

ности“, прошлое которой опредѣляетъ ея будущее. „Сущность исторіи, какъ науки,—говоритъ Бѣлинскій,—состоитъ въ томъ, чтобы возвысить понятіе о человѣчествѣ до идеальной личности; чтобы во внѣшней судьбѣ этой „идеальной личности“ показать борьбу необходимаго, разумнаго и вѣчнаго со случайнымъ, произвольнымъ и преходящимъ, а въ движеніи впередъ этой „идеальной личности“ показать побѣду необходимаго, разумнаго и вѣчнаго надъ случайнымъ, произвольнымъ и преходящимъ. Да, задача исторіи — представить человѣчество какъ индивидуумъ, какъ личность и быть біографіей этой идеальной личности. Человѣчество есть именно „идеальная личность“: *личность*—потому что у него есть свое *я*, есть свое сознаніе, хотя и выговариваемое не однимъ, а многими лицами; есть свои возрасты, какъ и у человѣка, есть развитіе, движеніе впередъ; *идеальная*—потому что нельзя эмпирически доказать ея существованія, указавъ невѣрующему пальцемъ и сказавъ: вотъ человѣчество — смотри!...“

Такъ подходитъ Бѣлинскій къ понятію *человѣчества*, которое станетъ основой его міровоззрѣнія эпохи 1842 — 1846 гг. Нѣсколько послѣдующихъ страницъ этой статьи онъ посвящаетъ доказательствамъ того положенія, что „человѣчество“ дѣйствительно можно считать „идеальной личностью“,—мысль, которую—замѣчаетъ Бѣлинскій—„многіе весьма умные отъ природы люди не признаютъ съ какимъ-то упорствомъ и ожесточеніемъ“. Это происходитъ оттого, что „не всякій способенъ самъ собою отъ людей и народовъ сдѣлать отвлеченіе и назвать его человѣчествомъ; но еще менѣе найдется способныхъ одушевить это отвлеченіе мыслію, дать ему индивидуальность и личность“... И Бѣлинскій начинаетъ примѣнять къ „человѣчеству“ тѣ построенія, которыя раньше, въ 1834—1840 гг., онъ примѣнялъ къ понятію „народа“, доказывая (отъ „Литературныхъ мечтаній“ до „Очерковъ бородинскаго сраженія“), что *народы суть личности человѣчества*. Теперь это шеллингіанское положеніе онъ замѣняетъ обобщеннымъ: само человѣчество есть развивающаяся личность. Не всѣмъ доступна эта истина. „Сколько этихъ невѣрующихъ,—восклицаетъ Бѣлинскій,—которые ни-

когда не признаютъ существованія того, на что нельзя указать, чего нельзя увидѣть глазами, обонять носомъ, отвѣдать языкомъ, услышать ухомъ, осязать рукою!.. Таково свойство всякой живой истины: сколько громко говоритъ она живой душѣ, столько нѣма для мертвой! Никто не усомнится въ существованіи человѣчества, какъ числительнаго собранія двуногихъ тварей, населяющихъ собою земной шаръ; но многіе ли въ состояніи понять, что человѣчество есть не только *собирательное*, но еще и *личное* имя,—названіе одного лица, которое, проживъ нѣсколько тысячелѣтій, подобно каждому человѣку, отдѣльно взятому, не помнитъ своего рожденія и первыхъ лѣтъ своего безсознательнаго существованія; которое, подобно каждому человѣку, отдѣльно взятому, было младенцемъ, отрокомъ, юношей и теперь стремится къ своей полной возмужалости; которое, подобно каждому, отдѣльно взятому человѣку, всегда стремилось къ положительному убѣжденію и знанію и всегда отрицало свое убѣжденіе и знаніе, чтобы на его развалинахъ основать болѣе близкое къ истинѣ; которое, подобно человѣку, заблуждалось и возставало, страдало и блаженствовало, и котораго жизнь вѣчно будетъ состоять въ томъ, чтобы заблуждаться и возставать, страдать и блаженствовать"...

Но, несмотря на это вѣчное разрушеніе и вѣчное созиданіе, или, вѣрнѣе, именно благодаря вѣчному разрушенію и созиданію, человѣчество идетъ впередъ, движется по пути прогресса. Движеніе это,—тутъ Бѣлинскій повторяетъ свою постоянную, излюбленную мысль, — идетъ „не прямою линіей и не зигзагами, а спиральнымъ кругомъ, такъ что высшая точка пережитой имъ (человѣчествомъ) истины въ то же время есть уже и точка поворота его отъ этой истины"... Такъ идетъ впередъ всемірная исторія: поколѣнія смѣняются поколѣніями и играютъ роль плодородной почвы, на которую „сѣмена бросаются геніями, этими избранниками и помазанниками свыше" (—опять постоянная и излюбленная мысль Бѣлинскаго о роли генія въ историческомъ процессѣ). Но геніи рѣдки; всякій вообще человѣкъ, превышающій окружающую его толпу, „есть движитель въ сферѣ своей дѣятельности"—такъ составляется „общее движеніе массъ". Ве-

ликую роль въ этомъ движеніи играетъ „мрачный духъ сомнѣнія и отрицанія,... — отрывая отдѣльныя лица и цѣлыя массы отъ непосредственныхъ и привычныхъ положеній и стремя ихъ къ новымъ и сознательнымъ убѣжденіямъ“... Этотъ скрытый намекъ на эпохи революцій не могъ быть выраженъ яснѣе подъ бдительнымъ окомъ цензуры того времени; не могъ также цензоръ прочесть въ душѣ Бѣлинскаго, что для него „новыя и сознательныя убѣжденія“ значило въ послѣднемъ счетѣ—*соціализмъ*.

А между тѣмъ это несомнѣнно было такъ, что особенно ясно изъ послѣднихъ, заключительныхъ словъ Бѣлинскаго въ этой части статьи. Снова возвращаюсь къ мысли объ историческомъ созерцаніи, какъ основѣ всякаго знанія и всякой истины, Бѣлинскій повторяетъ опять-таки постоянное свое положеніе, усвоенное имъ отъ шеллингіанства и гегеліанства — объ „единой лѣствицѣ природы“. „Естествовѣдѣніе есть исторія творящей природы, повѣствованіе о восходящей лѣстницѣ ея явленій, картина развитія въ нѣмой природѣ того же духа вѣчной жизни, который развивается въ исторіи,—что Шеллингъ выразилъ двумя многознаменательными словами: Deus fit... Безъ историческаго созерцанія, безъ понятія о прогрессѣ человѣчества, безъ вѣры въ разумный промыселъ, вѣчно торжествующій надъ произволомъ и случайностью—нѣтъ истиннаго и живого знанія въ наше время“... И послѣ небольшого полемическаго выпада (явно направленнаго противъ Сенковскаго) Бѣлинскій заключаетъ всю свою аргументацію резюмирующимъ выводомъ,—горячей тирадой на ту тему, что „современное состояніе человѣчества есть необходимый результатъ разумнаго развитія и что отъ его настоящаго состоянія можно дѣлать посылки къ его будущему состоянію, что свѣтъ побѣдитъ тьму, разумъ побѣдитъ предразсудки, свободное сознаніе сдѣлаетъ людей братьями по духу, и будетъ новая земля и новое небо“... Яснѣе этого нельзя было высказать свою соціалистическую вѣру,—и Бѣлинскій высказалъ ее тѣми же самыми словами, которыя мы встрѣчаемъ и въ его письмахъ той же эпохи къ Боткину.

Не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ содержаніемъ статьи

Бѣлинскаго, хотя и тамъ мы нашли бы немало интересныхъ и характерныхъ для Бѣлинскаго мыслей; но и приведеннаго выше достаточно, чтобы судить, какой значительный интересъ представляетъ эта доселѣ неизвѣстная статья Бѣлинскаго. Она такъ характерна для него, что ее необходимо было бы приписать Бѣлинскому даже и въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ самаго содержанія статьи; но, по счастью, мы имѣемъ еще и непосредственное указаніе въ приведенныхъ выше отрывкахъ изъ писемъ Бѣлинскаго къ Боткину. О значеніи этой статьи для исторіи развитія Бѣлинскаго мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ (Сочин., т. IV); здѣсь достаточно будетъ еще разъ подчеркнуть, что главное значеніе этой статьи Бѣлинскаго—въ первомъ печатномъ выраженіи идеи соціализма, въ общемъ взглядѣ Бѣлинскаго эпохи начала соціализма на человѣчество, на степень и причины его прогресса, на свѣтлое будущее его.

Невысоко цѣнилъ Бѣлинскій эту свою статью („довольно гнусная статья",—говорилъ, какъ мы видѣли, онъ); онъ не придавалъ ей значенія, какъ блѣдному выраженію въ печати тѣхъ идей, которыя съ такой страстностью проповѣдывались имъ и устно, въ бесѣдахъ съ друзьями, и письменно, въ письмахъ къ нимъ. Но теперь статья эта для насъ тѣмъ интереснѣе,—особенно въ виду того, что въ ней есть развитіе положеній, только слегка намѣченныхъ въ другихъ статьяхъ Бѣлинскаго. Въ собраніи сочиненій Бѣлинскаго эта небольшая статья о книгѣ Лоренца займетъ одно не изъ послѣднихъ мѣстъ.

1911 г.

Бѣлинскій и Гоголь.

I.

Въ первой своей статьѣ—въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ (1834 г.) — Бѣлинскій въ нѣсколькихъ строкахъ высказалъ свое мнѣніе о начинающемъ свой литературный путь Гоголѣ. „Гоголь — писалъ Бѣлинскій — принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ талантовъ... Дай Богъ, чтобы онъ вполнѣ оправдалъ поданныя имъ о себѣ надежды“. Онъ ограничился этими немногими строками и не разбиралъ творчества Гоголя съ точки зрѣнія своихъ эстетическихъ теорій той эпохи, высказанныхъ въ началѣ этой первой его статьи.

Почти черезъ годъ послѣ „Литературныхъ Мечтаній“ Бѣлинскій написалъ статью „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“; въ статьѣ этой онъ снова развилъ основныя положенія, высказанныя имъ въ своей „элегіи въ прозѣ“, и примѣнилъ ихъ къ анализу творчества Гоголя,—или, по его собственному выраженію, къ основнымъ положеніямъ своей эстетики „приложилъ сочиненія г. Гоголя, какъ факты къ теоріи“.

Теорія эта извѣстна изъ „Литературныхъ Мечтаній“ [1], но формулировка ея въ этой статьѣ является новой. Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій проводилъ мысль о раздѣленіи и синтезѣ „субъективизма“ и „объективизма“ въ поэзіи—еще не употребляя этой терминологіи; въ статьѣ

[1]) См. ниже статью «Годовые обзоры литературы».

о Гоголѣ онъ говоритъ о такомъ же подраздѣленіи поэзіи на *идеальную* и *реальную*—что̀ почти совершенно тождественно съ дѣленіемъ ея на *романтическую* и *реалистическую*. „Идеальная“ поэзія является проявленіемъ субъективизма, „реальная“ — проявленіемъ „объективизма“ въ поэзіи: „поэтъ или пересоздаетъ жизнь по собственному идеалу, зависящему отъ образа его воззрѣнія на вещи... или воспроизводитъ ее во всей ея наготѣ и истинѣ, оставаясь вѣренъ всѣмъ подробностямъ, краскамъ и оттѣнкамъ ея дѣйствительности. Поэтому поэзію можно раздѣлить... на *идеальную* и *реальную*“.

Итакъ, „идеальная“ поэзія, это—поэзія субъективная; это, по мнѣнію Бѣлинскаго, поэзія древняго міра по преимуществу, отраженіемъ и продолженіемъ которой въ настоящее время является лирическая поэзія. Наоборотъ, „реальная“ поэзія есть поэзія объективная, родоначальникомъ которой былъ Шекспиръ и которая къ XIX-му вѣку достигла полнаго развитія: это „истинная и настоящая поэзія нашего времени“. Эта реальная поэзія должна быть „спокойнымъ и безпристрастнымъ зеркаломъ дѣйствительности“, въ которомъ „жизнь является какъ бы на позоръ, во всей наготѣ, во всемъ ея ужасающемъ безобразіи и во всей ея торжественной красотѣ“. Ни идеальной, ни реальной поэзіи нельзя дать окончательнаго преимущества, ибо „каждая изъ нихъ равна другой, когда удовлетворяетъ условіямъ творчества, т.-е. когда *идеальная* гармонируетъ съ чувствомъ, а *реальная*—съ истиною представляемой ею жизни“.

Съ этой мыслью объ объективности реальной поэзіи Бѣлинскій соединяетъ и другую мысль—о свободномъ творчествѣ, о *безцѣльности* произведеній искусства. „Творчество безцѣльно съ цѣлію“—высказываетъ Бѣлинскій шеллингіанское положеніе: поэтъ творитъ цѣлесоразмѣрно—въ этомъ его субъективизмъ, но въ то же время безцѣльно—въ этомъ его объективизмъ; тотъ не художникъ, кто ставитъ себѣ какую-либо моральную или утилитарную задачу. „Творчество безсознательно съ сознаніемъ“,—говоритъ Бѣлинскій,—поэтъ сознаетъ, что̀ творитъ, но въ то же время лишь безсознательно отражаетъ въ своемъ творчествѣ и всеобщую жизнь природы

и жизнь своего народа. Литература должна быть „народной", а „народность" проявляется въ творчествѣ поэта только безсознательно. „Развѣ Крыловъ потому народенъ въ высочайшей степени, что старался быть народнымъ? Нѣтъ, онъ объ этомъ нимало не думалъ;... онъ былъ народенъ безсознательно", — говорилъ Бѣлинскій еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ". И ту же основную мысль своей „элегіи въ прозѣ" онъ развиваетъ и въ статьѣ о Гоголѣ; это мысль о *свободномъ творчествѣ* поэта, безсознательно проявляющаго въ своемъ „безцѣльномъ съ цѣлью" творчествѣ внутреннюю жизнь своего народа. Эта основная мысль примѣняется теперь Бѣлинскимъ къ реальной поэзіи вообще и къ творчеству Гоголя въ частности.

Послѣ того какъ Бѣлинскій упомянулъ въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ" о Гоголѣ, посвятивъ ему тамъ мимоходомъ немного строкъ, появились новыя книги Гоголя, „Арабески" и „Миргородъ", въ которыхъ были помѣщены такія его вещи, какъ „Тарасъ Бульба", „Старосвѣтскіе помѣщики", „Записки сумасшедшаго" и др. Бѣлинскій немедленно откликнулся коротенькой рецензіей („Молва", 1835 г., № 15), съ обѣщаніемъ поговорить въ ближайшемъ будущемъ подробнѣе о „новыхъ произведеніяхъ игривой и оригинальной фантазіи г. Гоголя". Это обѣщаніе онъ и исполнилъ въ большой статьѣ, появившейся черезъ полгода. За эти полгода Бѣлинскій значительно измѣнилъ свое мнѣніе о Гоголѣ. Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ" онъ называлъ его „подающимъ надежды"; въ отмѣченной выше рецензіи онъ говорилъ о томъ, что надежды эти отчасти исполняются; въ одновременной статейкѣ „И мое мнѣніе объ игрѣ г. Каратыгина" Бѣлинскій заявлялъ, что „пока еще не видитъ генія въ г. Гоголѣ", и что его повѣсть „Портретъ"—„рѣшительно никуда не годится". Это говорилось на страницахъ апрѣльскихъ №№ „Молвы" 1835 г.; статья же „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя" была написана Бѣлинскимъ въ августѣ того же года. Въ этой статьѣ Бѣлинскій провозглашаетъ уже Гоголя „главою литературы, главою поэтовъ", ставитъ его рядомъ съ Пушкинымъ и „на мѣсто, оставленное Пушкинымъ". Бѣлинскій прекрасно понимаетъ, что и

„Арабески“ и „Миргородъ“ только первые шаги Гоголя, что весь онъ еще въ будущемъ, — и тѣмъ не менѣе по этимъ первымъ штрихамъ узнаетъ и предвидитъ великаго писателя въ будущемъ. Критическая прозорливость Бѣлинскаго въ этомъ случаѣ граничитъ съ геніальностью.

Мы видѣли только-что, что такое окончательное сужденіе о Гоголѣ Бѣлинскій закрѣпилъ на бумагѣ лишь въ августѣ 1835 г. и что еще въ апрѣлѣ того же года онъ относился къ Гоголю гораздо холоднѣе. Очевидно, что не одинъ разъ перечитывая повѣсти Гоголя лѣтомъ 1835 года, передъ тѣмъ какъ приняться за писаніе этой своей статьи, Бѣлинскій почувствовалъ громадную силу нарождающагося таланта и понялъ возможное значеніе его въ будущемъ. Намѣренно подчеркиваю даты этихъ статей Бѣлинскаго, чтобы указать на совершенную самостоятельность его сужденій. Дѣло въ томъ, что весною 1835 года Надеждинъ уѣхалъ за границу, а Станкевичъ въ началѣ лѣта уѣхалъ въ деревню; около Бѣлинскаго не было, слѣдовательно, ни одного изъ тѣхъ двухъ людей, которые могли бы оказать на него хоть какое-нибудь вліяніе. Статья о Гоголѣ является поэтому блестящимъ доказательствомъ (для того, кому это нужно доказывать) самостоятельности литературныхъ взглядовъ Бѣлинскаго; твердость и устойчивость критическихъ взглядовъ Бѣлинскаго является для него, вообще говоря, весьма характерной.

Но Бѣлинскій не только первый поставилъ Гоголя на надлежащую высоту; Бѣлинскій — и это гораздо важнѣе — первый вскрылъ въ этой же статьѣ „паѳосъ“ гоголевскаго творчества (по позднѣйшему излюбленному выраженію Бѣлинскаго), сущность его генія. „Комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія“ — это опредѣленіе поэзіи Гоголя Бѣлинскій *трижды* повторяетъ на протяженіи статьи; „слезными комедіями“ называетъ онъ его повѣсти: „онѣ смѣшны, когда вы ихъ читаете, и печальны, когда вы ихъ прочтете“,—говоритъ Бѣлинскій въ позднѣйшей статьѣ („О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“, мартъ 1836 года). Смѣхъ, побѣждаемый слезами, — вотъ „паѳосъ“ гоголевскаго творчества; и когда

впослѣдствіи Гоголь говорилъ о своемъ видимомъ міру смѣхѣ сквозь незримыя міру слезы, то онъ былъ не совсѣмъ правъ: его „незримыя слезы“ сразу узрѣлъ Бѣлинскій и сдѣлалъ эти слезы видимыми всему читающему міру.

Осталось еще указать, какимъ образомъ Бѣлинскій прилагалъ „сочиненія г. Гоголя, какъ факты къ (своей) теоріи“, — теоріи, намѣченной выше. Мысли о свободномъ творчествѣ, о внѣшней „безцѣльности“ искусства, о безсознательной „народности“ художника—всѣ эти мысли Бѣлинскій прилагалъ къ произведеніямъ Гоголя, какъ теорію къ фактамъ. Онъ подчеркивалъ величайшую объективность этого писателя: Гоголь—говоритъ Бѣлинскій—„всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзіею описываемаго имъ предмета. Безпристрастіе его идолъ“. И въ то же время его творчество лишено всякой внѣшней цѣли — нравоучительной, моральной, дидактической. „Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль“,—замѣчаетъ Бѣлинскій, и именно потому видитъ ненамѣренную „чистѣйшую нравственность“ въ повѣстяхъ Гоголя, въ ихъ „спокойномъ гуморѣ“: „вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ нравоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать“... Это „безцѣльное“ творчество Гоголя является въ то же время и безсознательнымъ проявленіемъ „народности“: какъ и всѣ истинные художники, Гоголь народенъ безсознательно, непроизвольно, не можетъ не быть народнымъ. „Эта народность, — замѣчаетъ Бѣлинскій — очень похожа на Тѣнь въ баснѣ Крылова: г. Гоголь о ней нимало не думаетъ, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гоняются за нею и ловятъ — одну тривіальность“...

Такъ прилагалъ Бѣлинскій свое основное эстетическое воззрѣніе, высказанное еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, къ творчеству великаго представителя „реальной поэзіи“.

Эта эстетическая теорія скоро стала и для самого Бѣлинскаго и для всего русскаго общества превзойденной ступенью; черезъ нѣсколько лѣтъ Бѣлинскій отказался отъ своей „художественной точки зрѣнія“ и уже не говорилъ, будто Гоголь „рисуетъ вещи безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать“... Бѣлинскій понялъ, что такое крайнее эстетическое воззрѣніе не охватываетъ всей сущности дѣла—и измѣнилъ свои взгляды; но сущность творчества Гоголя была опредѣлена имъ разъ навсегда въ первой статьѣ. Въ статьяхъ 1842 г., по поводу „Мертвыхъ душъ“, Бѣлинскій еще разъ вплотную подошелъ къ анализу творчества Гоголя.

II.

„Что̀ такое г. Гоголь въ нашей литературѣ? Гдѣ его мѣсто въ ней? Чего должно ожидать намъ отъ него, отъ него, еще только начавшаго свое поприще, и какъ начавшаго!... Эти надежды велики, ибо г. Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ въ настоящее время онъ является главою литературы, главою поэтовъ; онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ“... Такъ писалъ Бѣлинскій въ 1835 году, въ указанной выше статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“; эта глубокая критическая прозорливость вскорѣ была оправдана появленіемъ „Ревизора“ и окончательно подтверждена послѣ долгаго, шестилѣтняго промежутка появленіемъ „Мертвыхъ Душъ“. Гоголь дѣйствительно становился главою литературы, зачинателемъ новаго „гоголевскаго періода“ литературы, родоначальникомъ новой „натуральной школы“.

Послѣ появленія „Мертвыхъ душъ“ Бѣлинскому хотѣлось написать новую, большую статью о Гоголѣ; статьей 1835-го года онъ былъ неудовлетворенъ. „Нѣтъ ли слуховъ о Гоголѣ? — писалъ онъ Панаеву (10 августа 1838 г.): — какъ я смѣялся, прочтя въ „Прибавленіяхъ“ [1]), что Гоголь *скрѣпя сердце* рисуетъ своихъ оригиналовъ. *Во время оно* я и самъ

[1]) Т.-е. въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» Краевскаго.

то же вралъ"... Годомъ позже Бѣлинскому удалось вновь высказаться о Гоголѣ вообще и о „Ревизорѣ" въ частности въ большой статьѣ о „Горѣ отъ ума"; но послѣ духовнаго перелома 1839—1841 гг. и эта статья перестала удовлетворять Бѣлинскаго. По крайней мѣрѣ въ 1842 году онъ снова сталъ подумывать о большой статьѣ, посвященной Гоголю. Въ началѣ 1842 года Бѣлинскій былъ въ Москвѣ и встрѣтился тамъ съ Гоголемъ, который поручилъ ему отвезти въ Петербургъ, для представленія въ цензуру, рукопись перваго тома „Мертвыхъ душъ". Въ письмѣ къ Гоголю отъ 20 апр. 1842 г. Бѣлинскій, „увѣдомляя о ходѣ даннаго порученія", писалъ между прочимъ: „съ нетерпѣніемъ жду выхода вашихъ Мертвыхъ Душъ... Думаю по случаю выхода Мертвыхъ Душъ написать нѣсколько статей вообще о вашихъ сочиненіяхъ... Вообще, мнѣ страхъ какъ хочется написать о вашихъ сочиненіяхъ. Я опрометчивъ и способенъ вдаваться въ дикія нелѣпости; но, слава Богу, я вмѣстѣ съ этимъ одаренъ движимостью впередъ и способностью собственные промахи и глупости называть настоящимъ ихъ именемъ и съ такою же откровенностію, какъ и чужіе грѣхи. И потому, подумалось во мнѣ много новаго съ тѣхъ поръ, какъ въ 1840 году въ послѣдній разъ вралъ я о вашихъ повѣстяхъ и Ревизорѣ"... И въ статьяхъ Бѣлинскій часто сталъ обѣщать обширный этюдъ о Гоголѣ; еще въ началѣ 1840 г., въ статьѣ объ „Очеркахъ" Полевого, Бѣлинскій заявлялъ, что „въ нынѣшнемъ же году намѣреваемся оправдать въ особой статьѣ наши отзывы о Гоголѣ". Въ статьѣ 1842 года о „Мертвыхъ Душахъ" Бѣлинскій тоже обѣщалъ, что „скоро будемъ мы имѣть случай поговорить подробно о всей поэтической дѣятельности Гоголя, какъ объ одномъ цѣломъ, и обозрѣть всѣ его творенія въ ихъ постепенномъ развитіи"; это же обѣщаніе Бѣлинскій повторяетъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ своей полемикѣ съ К. Аксаковымъ. И впослѣдствіи, уже передъ самой смертью, не оставлялъ Бѣлинскій надежды еще разъ высказать въ большой статьѣ свои мысли о Гоголѣ. Въ первомъ номерѣ „Современника" 1847 года, рецензируя второе изданіе „Мертвыхъ душъ", Бѣлинскій обѣщалъ „въ скоромъ времени" представить чи-

тателямъ „не одну статью вообще о сочиненіяхъ Гоголя и о «Мертвыхъ душахъ» въ особенности“; это же Бѣлинскій повторяетъ и въ своихъ письмахъ конца 1847 года (см., напр., письмо къ Боткину отъ 4 ноября).

Но исполнить эту свою завѣтную мечту Бѣлинскому не удалось: сдѣлать это въ „Современникѣ“ 1847—1848 гг. ему помѣшала болѣзнь и смерть, а въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1843—1846 гг. ему не дала времени другая, не менѣе дорогая для него работа—широко задуманныя „пушкинскія статьи“. О Гоголѣ же Бѣлинскому такъ и не пришлось написать одной цѣльной статьи; но тѣмъ не менѣе онъ высказался о немъ съ исчерпывающей полностью въ цѣломъ рядѣ разрозненныхъ мелкихъ статей, полемическихъ сшибокъ и мелкихъ журнальныхъ замѣтокъ, особенно же въ трехъ статьяхъ 1842 года о „Мертвыхъ душахъ“, писанныхъ Бѣлинскимъ на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ („Отеч. Зап.“, 1842 г. №№ 7—11): первая является краткой рецензіей на книгу Гоголя, вторая—разборомъ брошюры К. Аксакова о „Мертвыхъ душахъ“, и третья—рѣзкой полемикой по тому же поводу съ тѣмъ же К. Аксаковымъ.

Во второй половинѣ 1842 года, когда писались эти статьи, Бѣлинскій былъ уже убѣжденнымъ сторонникомъ новой вѣры, новой религіи—*соціальности;* въ ней онъ искалъ спасенія отъ всѣхъ мучавшихъ его „проклятыхъ вопросовъ“ жизни. Онъ преклонялся теперь передъ „геніальной Жоржъ Зандъ“; онъ признавалъ теперь „всемірно-историческое значеніе“ за французской литературой, какъ выразительницей этой „соціальности“. Во французской повѣсти онъ видѣлъ теперь „дивное искусство разсказа, соціальные и нравственные вопросы, вопли и страданія современности“, вообще—проявленіе дѣйствительности; въ основу своихъ статей онъ клалъ теперь и обѣщалъ класть и впредь „историческую и соціальную точку зрѣнія“. Теперь Бѣлинскій отказывается отъ своей былой узко-эстетической точки зрѣнія; попрежнему преклоняясь передъ „колоссальнымъ Гете“, онъ отрицательно относится къ „анти-общественному духу этого поэта“. Теперь Бѣлинскій не отождествляетъ „прекрасной формы“ съ „прекраснымъ содержаніемъ“, какъ онъ это дѣ-

лалъ въ статьѣ о „Менцелѣ"; теперь онъ настойчиво указываетъ на то, что „только содержаніе дѣлаетъ поэта міровымъ" и что „это-то содержаніе и должно быть мѣриломъ при сравненіи одного поэта съ другимъ".

Такъ радикально измѣнились взгляды Бѣлинскаго по сравненію съ тѣмъ, что̀ онъ говорилъ въ своихъ статьяхъ 1839—1840 гг.; очевидно, что и взглядъ его на Гоголя долженъ былъ измѣниться настолько же кореннымъ образомъ. Такъ и случилось; но тутъ же нужно подчеркнуть, что это измѣненіе коснулось только *формы*, а не сущности мнѣній Бѣлинскаго о Гоголѣ. Дѣйствительно: что̀ же „вралъ" Бѣлинскій (по его выраженію) о Гоголѣ въ 1840 году, въ своей послѣдней большой статьѣ о немъ, составляющей часть статьи о „Горѣ отъ ума"? Онъ говорилъ, что въ Гоголѣ, авторѣ „комическихъ" произведеній, мы имѣемъ великаго изобразителя *призрачности*, противопоставляемой „дѣйствительности", что поэтъ далъ объективную дѣйствительность міру призраковъ. Прошло два года—и Бѣлинскій увидѣлъ „гнусную рассейскую дѣйствительность" въ томъ, въ чемъ онъ раньше видѣлъ „разумную дѣйствительность", и съ этой „гнусной дѣйствительностью" отождествилась также и былая „призрачность". Ставъ на „историческую и соціальную точку зрѣнія", Бѣлинскій увидѣлъ теперь въ Гоголѣ именно изобразителя подлинной „дѣйствительности": „Гоголь первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность". Въ „Мертвыхъ душахъ" Бѣлинскій увидѣлъ геніальное произведеніе, „безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта — и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое"; онъ увидѣлъ въ „Мертвыхъ душахъ"—„поэму, основанную на паѳосѣ дѣйствительности, какъ она есть". Итакъ, раньше Бѣлинскій смотрѣлъ на Гоголя, какъ на изобразителя „призрачности", теперь онъ видитъ въ немъ поэта „дѣйствительности, какъ она есть"; несмотря на видимое различіе по формѣ, эти опредѣленія то-

жественны по существу, такъ какъ „неразумная призрачность“ для Бѣлинскаго 1840-го года тождественна съ „гнусной дѣйствительностью“ для Бѣлинскаго 1842 года.

Новая „историческая и соціальная точка зрѣнія“ Бѣлинскаго дала ему возможность глубже проникнуть въ смыслъ творчества Гоголя и правильно оцѣнить значеніе „Мертвыхъ душъ“. Въ обѣщанныхъ и неосуществленныхъ статьяхъ о Гоголѣ Бѣлинскій хотѣлъ „раскрыть паѳосъ поэмы, который состоитъ въ противорѣчіи общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціальнымъ началомъ, доселѣ еще таинственнымъ“... Но и въ статьяхъ 1842 года достаточно ясно проведена эта „соціальная“ точка зрѣнія; она даже переоцѣнена, такъ какъ Бѣлинскій всегда былъ „человѣкомъ экстремы“. Бѣлинскій ставитъ Гоголя выше Пушкина—не съ точки зрѣнія художественной или философской, но по его значенію для современнаго ему русскаго общества; и въ этомъ онъ несомнѣнно былъ правъ, такъ какъ настоящее значеніе Пушкина не было достаточно очевидно для такъ называемой „широкой публики“. „...Мы въ Гоголѣ видимъ болѣе важное значеніе для русскаго общества, чѣмъ въ Пушкинѣ: ибо Гоголь болѣе поэтъ соціальный, слѣдовательно болѣе поэтъ въ духѣ времени; онъ также менѣе теряется въ разнообразіи создаваемыхъ имъ объектовъ и болѣе даетъ чувствовать присутствіе своего субъективнаго духа, который долженъ быть солнцемъ, освѣщающимъ созданія поэта нашего времени“... Какой рѣшительный переходъ отъ былого отрицанія „субъективности“, какъ признака „рефлектированной поэзіи“! Вспомнимъ, какъ ненавидѣлъ Бѣлинскій, двумятремя годами ранѣе, Шиллера—именно за „субъективность“ и „рефлексію“; но вспомнимъ также, что уже въ статьяхъ 1840—1841 гг. о Лермонтовѣ Бѣлинскій началъ приходить къ этой новой противоположной точкѣ зрѣнія. Теперь онъ заявляетъ, что „величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ“ со стороны Гоголя онъ считаетъ всюду осязаемо проступающую „субъективность“ его поэмы — „ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, ...которая не допускаетъ (художника) съ апатическимъ равнодушіемъ быть

чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленія внѣшняго міра".

Надо однако тутъ же замѣтить, что это послѣднее мнѣніе Бѣлинскаго о Гоголѣ не было ни достаточно характернымъ, ни достаточно установившимся; выражая его въ первой изъ трехъ статей 1842 года и повторяя во второй, онъ отказывается отъ него въ третьей. И это — не самопротиворѣчіе, а только та „движимость впередъ", о которой писалъ самъ Бѣлинскій въ своемъ вышеприведенномъ письмѣ къ Гоголю. Ибо первая статья была напечатана въ № 7-мъ, вторая статья — въ № 8-мъ и третья статья — въ № 11-мъ „Отеч. Записокъ" за 1842 г.; за эти нѣсколько мѣсяцевъ Бѣлинскій, не одинъ разъ перечитавъ „Мертвыя души", во многомъ „двинулся впередъ" въ своемъ пониманіи этого произведенія, а черезъ него—и самого Гоголя. Въ первой изъ этихъ статей Бѣлинскій иронически отозвался о тѣхъ людяхъ, которые въ названіи „Мертвыхъ душъ" *поэмой* увидятъ юморъ автора; а четырьмя мѣсяцами позднѣе Бѣлинскій говорилъ: „мы еще не понимаемъ ясно, почему Гоголь назвалъ «поэмою» все произведеніе, и *пока* видимъ въ этомъ названіи тотъ же юморъ, какимъ растворено и проникнуто насквозь это произведеніе"... Бѣлинскій ошибался: Гоголь безъ всякаго юмора говорилъ о своей „поэмѣ", имѣя въ виду ея вторую и третью часть, въ которыхъ откроется „несмѣтное богатство русскаго духа"... Но, несмотря на свою ошибку (сведенную на нѣтъ подчеркнутымъ „*пока*"), Бѣлинскій именно теперь глубоко понялъ намѣреніе Гоголя и подчеркнулъ его ложность и неисполнимость: „если же самъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе «поэмою», содержаніе и герой которой есть субстанція русскаго народа, то мы не обинуясь скажемъ, что поэтъ сдѣлалъ великую ошибку" — ибо это „субстанціальное начало" является „доселѣ еще таинственнымъ, доселѣ еще не открывшимся собственному сознанію и неуловимымъ ни для какого опредѣленія". А между тѣмъ „субстанція народа можетъ быть предметомъ поэмы только въ своемъ разумномъ опредѣленіи, когда она есть нѣчто положительное и дѣйствительное, а не гадательное и предположительное, когда она есть про-

шедшее и настоящее, а не будущее только"... „И потому— великая ошибка для художника писать поэму, которая можетъ быть возможна въ будущемъ".

Здѣсь съ удивительной проницательностью вскрыта та ошибка, которая погубила Гоголя-художника и которой онъ не сознавалъ; такъ „двинулся впередъ" Бѣлинскій въ пониманіи этого вопроса за немногіе мѣсяцы, отдѣляющіе эти его статьи другъ отъ друга. Въ связи съ этимъ находится и другая перемѣна въ его мнѣніяхъ. Въ первой изъ этихъ статей Бѣлинскій восхищался „высокимъ лирическимъ паѳосомъ" многихъ мѣстъ этой поэмы, хотя его и коробили нѣкоторыя напыщенныя фразы Гоголя, въ стилѣ шевыревско-погодинскаго націонализма; а въ третьей изъ указанныхъ статей Бѣлинскій, цитируя эти мѣста, видитъ въ нихъ уже „надутый и напыщенный лиризмъ" — какъ онъ выразился позднѣе, въ указанной выше рецензіи 1847 года. Теперь, въ этой третьей статьѣ, Бѣлинскій уже вполнѣ опредѣленно выражаетъ свою тревогу по поводу лирическаго паѳоса Гоголя и его обѣщанія показать въ послѣдующихъ частяхъ своей поэмы идеальную русскую дѣвицу, „какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ", и русскаго „мужа, одареннаго божественными доблестями"... Передъ такими обѣщаніями Бѣлинскій остановился „въ тревожномъ раздумьи": „намъ какъ-то страшно, — сказалъ онъ, — чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинною трагедіею, а остальныя двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими—по крайней мѣрѣ въ патетическихъ мѣстахъ"... Мы знаемъ, какъ точно и печально оправдалось это глубокое пониманіе и геніальное предсказаніе — въ типахъ Улиньки и Констанжогло.

Точно такая же перемѣна произошла и въ отмѣченномъ выше мнѣніи Бѣлинскаго о „субъективности" и рефлектированности гоголевскаго творчества; въ третьей своей статьѣ Бѣлинскій настойчиво подчеркнулъ, что творчество Гоголя безконечно далеко отъ всякой „рефлексіи" и что именно въ этомъ его величайшая сила; въ этомъ отношеніи между „субъективистомъ" Лермонтовымъ и „объективистомъ" Гоголемъ — громадное разстояніе. Бѣлинскій понялъ теперь,

что „удивительная сила непосредственнаго творчества“ совмѣщается въ Гоголѣ съ „косыми и близорукими взглядами“ на ту же самую жизнь; но тутъ же онъ замѣчаетъ, что „эта удивительная сила непосредственнаго творчества... много вредитъ Гоголю“, „*отводитъ ему глаза* отъ идей и нравственныхъ вопросовъ“ и заставляетъ его „довольствоваться объективнымъ изображеніемъ фактовъ“... Это уже прямая противоположность тому, что̀ Бѣлинскій говорилъ въ первой статьѣ; желая сгладить эту противоположность, Бѣлинскій замѣчаетъ, что все же въ „Мертвыхъ душахъ“ у Гоголя замѣтно „болѣе ощутительное“, чѣмъ раньше, присутствіе „субъективнаго начала“ и „рефлексіи“. Эта оговорка не мѣняетъ дѣла: ясно все-таки, что Бѣлинскій въ этомъ вопросѣ тоже сильно „двинулся впередъ“ за эти три-четыре мѣсяца. Впрочемъ еще 4 апрѣля этого года онъ писалъ Боткину: „страшно подумать о Гоголѣ: вѣдь во всемъ, что̀ онъ написалъ — одна натура, какъ въ животномъ. Невѣжество абсолютное. Что̀ онъ наблевалъ о Парижѣ-то!..“

Почти три четверти вѣка прошло послѣ этого рѣзкаго отзыва Бѣлинскаго о Гоголѣ; мы знаемъ теперь, что не въ „невѣжествѣ“ тутъ было дѣло, а въ коренномъ расхожденіи философскихъ взглядовъ „западниковъ“ и „славянофиловъ“, о чемъ рѣчь будетъ въ слѣдующей статьѣ; Гоголь несомнѣнно былъ въ этомъ отношеніи на сторонѣ послѣднихъ. Да и не только въ этомъ отношеніи: онъ вообще не сочувствовалъ Бѣлинскому. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ Бѣлинскаго „Русская литература въ 1841 году“ Гоголь находилъ „неуваженіе къ Державину“, точь-въ-точь, какъ и Шевыревъ. Бѣлинскій пришелъ въ негодованіе отъ такого плоскаго непониманія: непростительное Шевыреву было въ тысячи разъ непростительнѣе Гоголю. „*Неуваженіе къ Державину* возмутило мою душу чувствомъ болѣзненнаго отвращенія къ Гоголю,—писалъ Бѣлинскій Боткину 31 марта 1842 года:— ...въ этомъ кружкѣ онъ какъ-разъ сдѣлается органомъ Москвитянина. «Римъ» — много хорошаго, но есть и фразы; а взглядъ на Парижъ возмутительно гнусенъ“. Послѣ этого дороги Бѣлинскаго и Гоголя расходились все дальше и дальше; Гоголь пришелъ къ своей „Перепискѣ съ друзьями“,

а Бѣлинскій—къ знаменитому письму 1847 года къ Гоголю по поводу этой книги.

III.

Появленіе „Переписки съ друзьями“ не было неожиданностью для Бѣлинскаго; еще пятью годами ранѣе онъ видѣлъ, что Гоголь все болѣе и болѣе склоняется на сторону „принципа смиренія“, на сторону „преклоненія предъ авторитетомъ“—и тогда уже, какъ мы видѣли, Бѣлинскій говорилъ по этому поводу о чувствѣ своего „возмущенія“, о чувствѣ своего „болѣзненнаго отвращенія къ Гоголю“. Продолжая видѣть и цѣнить въ немъ геніальнаго художника, Бѣлинскій сталъ относиться все отрицательнѣе къ Гоголю-человѣку; въ настоящее время извѣстно, что Бѣлинскій былъ въ очень многомъ правъ и что даже близкіе друзья Гоголя относились къ нему приблизительно такъ же. „Для меня не существуетъ личность Гоголя,... я благоговѣйно, съ любовію смотрю на тотъ драгоцѣнный сосудъ, въ которомъ заключенъ великій даръ творчества, хотя форма этого сосуда мнѣ совсѣмъ не нравится“,—говаривалъ такой близкій другъ Гоголя, какъ С. Т. Аксаковъ.

А между тѣмъ Гоголь переживалъ тяжелую душевную драму (о которой у насъ еще будетъ рѣчь); плодомъ тяжелыхъ и мучительныхъ исканій за цѣлое пятилѣтіе явилась его книга „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, вышедшая въ свѣтъ въ самомъ началѣ 1847-го года. Намъ не для чего останавливаться на содержаніи этой книги: оно слишкомъ извѣстно; надо замѣтить только одно, — что какова бы ни была теорія Гоголя, но она была несомнѣнно искренней, мучительно выработанной. Большой художникъ, громадный синтетическій, но слабый аналитическій умъ, Гоголь пытался дать свое рѣшеніе тѣмъ „проклятымъ вопросамъ“ русской общественности, которые мучили не его одного; рѣшеніе свое (въ чемъ оно заключалось мы еще увидимъ) онъ и изложилъ въ своей книгѣ. Рѣшеніе это, казавшееся въ соціальномъ и политическомъ отношеніи совершенно „реакціоннымъ“, болѣе всего возмутило Бѣлин-

скаго, заподозрившаго въ книгѣ Гоголя тайную цѣль—кажденіе правительству, стремленіе сохранить за собою „великія и богатыя милости“ Николая I, неоднократно оказывавшаго Гоголю денежную помощь. Это было несправедливо; несправедливо было и то, что книга Гоголя была „реакціонной“ по намѣренію: она просто *отрицала* соціально-политическія рѣшенія общественныхъ проблемъ, давая рѣшенія нравственно-религіозныя, подобно тому, какъ полвѣка спустя это сталъ дѣлать Л. Толстой въ своемъ ученіи. Но эта нравственно-религіозная проповѣдь Гоголя отличалась такимъ тономъ, что даже многіе друзья Гоголя были возмущены ею; они забыли, что проповѣдь только и можетъ быть рѣзкой, властной, что проповѣдникъ долженъ быть всезнающимъ, рѣшительнымъ, ибо онъ вѣритъ, что устами его говоритъ Истина.

Но истина Гоголя была ложью для Бѣлинскаго — и онъ рѣзко возсталъ противъ этой вредной, по его мнѣнію, лжи. Въ статьѣ своей о книгѣ Гоголя онъ могъ сдѣлать это только съ большими ограниченіями, такъ какъ цензура стояла на стражѣ „священныхъ основъ“, защищаемыхъ Гоголемъ. „Критика Бѣлинскаго самая пустая, — писала Гоголю про статью Бѣлинскаго извѣстная фрейлина-губернаторша Россети-Смирнова,—и легко понятно почему. Ему хотѣлось васъ бранить *за направленіе*, а *направленіе* онъ не осмѣлился обругать, да и цензура не пропустила бы тогда его статьи“... И безъ того уже дѣйствительно цензура выбросила изъ статьи Бѣлинскаго цѣлую ея третью часть, какъ это сообщаетъ самъ Бѣлинскій. Однако и напечатанное достаточно характеризуетъ мысль Бѣлинскаго и дѣлаетъ его статью вполнѣ опредѣленной по направленію и ядовитой по сдержанному ѣдкому тону. Эта вызванная необходимостью сдержанность показалась московскому другу Бѣлинскаго, Боткину, сухостью; да и вообще Боткинъ нашелъ эту статью неудачной, написанной сплеча, безъ обдуманности, недостаточно иронической. Бѣлинскій отвѣтилъ на это письмомъ, изъ котораго мы приведемъ замѣчательное мѣсто, характеризующее самого Бѣлинскаго и уясняющее въ то же время его отношеніе къ Гоголю.

„Ты рѣшительно не понимаешь меня, хотя и знаешь меня довольно,—пишетъ Бѣлинскій 28 февр. 1847 г.—Я не юмористъ, не острякъ; иронія и юморъ — не мои оружія. Если мнѣ удалось въ жизнь мою написать статей пятокъ, въ которыхъ иронія играетъ видную роль и съ бо̀льшимъ или меньшимъ умѣніемъ выдержана, — это произошло совсѣмъ не отъ спокойствія, а отъ крайней степени бѣшенства, породившаго своею сосредоточенностію другую крайность — спокойствіе. Когда я писалъ „типъ" на Шевырева и статью о „Тарантасѣ" [1])—я былъ не красенъ, а блѣденъ, и у меня сохло во рту, отъ чего на губахъ и не было пѣны. Я могу писать порядочно только на основаніи моей натуры, моихъ естественныхъ средствъ. Выходя изъ нихъ по расчету или по необходимости, я дѣлаюсь ни то, ни сё, ни ракъ, ни рыба. Теперь слушай: кромѣ того, что я боленъ и что мнѣ опротивѣла и литература и критика, такъ что не только писать, читать ничего не хотѣлось бы,—я еще принужденъ дѣйствовать внѣ моей натуры, внѣ моего характера. Природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по-лисьи. Ты говоришь, что статья написана «безъ довольной обдуманности и нѣсколько сплеча, тогда какъ за дѣло надо было взяться съ тонкостью». Другъ ты мой, потому-то, напротивъ, моя статья и не могла никакъ своею замѣчательностію соотвѣтствовать важности (хотя и отрицательной) книги, на которую писана, что я ее обдумалъ. Какъ ты меня мало знаешь! Всѣ лучшія мои статьи нисколько не обдуманы. Это импровизаціи; садясь за нихъ, я не зналъ, что̀ я буду писать. Если первая строка хватитъ издалека— статья болтлива, о дѣлѣ мало сказано; если первая строка ближе къ дѣлу — статья хороша. И чѣмъ больше я ее запущу, чѣмъ меньше мнѣ времени писать ее, тѣмъ она энергичнѣе и горячѣе. Вотъ какъ я пишу!.. Статья о гнусной книгѣ Гоголя могла бы выдти замѣчательно хорошею, если бы я въ ней могъ, зажмуривъ глаза, отдаться моему негодованію и бѣшенству... Но мою статью я обдумалъ и

---

[1]) См. ниже статью «Война со славянофилами».

потому впередъ зналъ, что отличною она не будетъ, и бился изъ того только, чтобы она была дѣльна и показала гнусность подлеца. И она такою и вышла у меня, а не такою, какою ты прочелъ ее. Вы живете въ деревнѣ [1]) и ничего не знаете. Эффектъ этой книги былъ таковъ, что Никитенко, ее пропустившій, вычеркнулъ у меня часть выписокъ изъ книги, да еще дрожалъ и за то, что̀ оставилъ въ моей статьѣ. Моего онъ и цензора вычеркнули цѣлую треть, а въ статьѣ обдуманной помарка слова — важное дѣло. — Ты упрекаешь меня, что я разсердился и не совладѣлъ съ моимъ гнѣвомъ? Да этого и не хотѣлъ! Терпимость къ заблужденію я еще понимаю и цѣню, по крайней мѣрѣ въ другихъ, если не въ себѣ, но терпимость къ подлости я не терплю. Ты рѣшительно не понялъ этой книги, если видишь въ ней *только* заблужденіе, а вмѣстѣ съ нимъ не видишь артистически-разсчитанной подлости. Гоголь — совсѣмъ не К. С. Аксаковъ. Это—Талейранъ, кардиналъ Фешъ, который всю жизнь обманывалъ Бога, а при смерти надулъ сатану... Повторяю тебѣ: умѣю вчужѣ понимать и цѣнить терпимость, но останусь гордо и убѣжденно нетерпимымъ. И если сдѣлаюсь терпимымъ—знай, что съ той минуты... во мнѣ умерло то прекрасное человѣческое, за которое столько хорошихъ людей (а въ числѣ ихъ и ты) любили меня больше, нежели сколько я стоилъ того"...

Уже по этому письму можно судить о той, буквально, *ненависти*, которую сталъ чувствовать къ Гоголю Бѣлинскій за его книгу. Полгода спустя Бѣлинскій получилъ возможность высказать непосредственно самому Гоголю свои чувства, объяснить ему причины этой ненависти: онъ сдѣлалъ это въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю отъ 15 іюля 1847 года изъ Зальцбрунна.

IV.

Почти всеобщій взрывъ негодованія, послѣдовавшій въ отвѣтъ на появленіе „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки

[1]) Такъ называетъ въ 1847 году Бѣлинскій Москву.

съ друзьями“, крайне тяжело подѣйствовалъ на Гоголя; и, быть можетъ, тяжелѣе всего ему было отъ статьи Бѣлинскаго, — по крайней мѣрѣ только на одну эту статью изъ вражескаго лагеря Гоголь рѣшилъ возразить, хотя и не статьею, а письмомъ. Не понимая истиннаго положенія дѣла, онъ былъ увѣренъ, что Бѣлинскій былъ раздраженъ не сущностью его книги, а тѣми „щелчками“ по адресу поклонниковъ и хвалителей Гоголя, какіе были разсыпаны въ его книгѣ. „Вѣроятно,—писалъ Гоголь 20 іюня 1847 года Прокоповичу про Бѣлинскаго, — онъ принялъ на свой счетъ козла, который былъ обращенъ къ журналисту вообще. Мнѣ было очень прискорбно это раздраженіе не по причинѣ жестокости словъ..., но потому, что, какъ бы то ни было, человѣкъ этотъ говорилъ обо мнѣ съ участіемъ въ продолженіе десяти лѣтъ; человѣкъ этотъ, несмотря на излишества и увлеченія, указалъ справедливо, однакожъ, на многія такія черты въ моихъ сочиненіяхъ, которыхъ не замѣтили другіе, считавшіе себя на высшей точкѣ разумѣнія передъ нимъ“... Одновременно съ этимъ Гоголь написалъ письмо Бѣлинскому съ „искреннимъ изложеніемъ своихъ чувствъ“ и съ полнымъ недоумѣніемъ объ истинной причинѣ „раздраженія“ Бѣлинскаго. „Я прочиталъ съ прискорбіемъ статью вашу обо мнѣ во второмъ нумерѣ *Современника*,—писалъ Гоголь, — не потому, чтобы мнѣ прискорбно было униженіе, въ которое вы хотите меня поставить въ виду всѣхъ, но потому, что въ ней слышится голосъ человѣка, на меня разсердившагося... Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчать васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги. Какъ это вышло, что на меня разсердились всѣ до единаго въ Россіи, этого покуда я еще не могу понять. Восточные, западные, нейтральные—всѣ огорчились... Вы взглянули на мою книгу глазами разсерженнаго человѣка и потому почти все приняли въ дурномъ видѣ“... Далѣе Гоголь заявляетъ, въ обычномъ для него полу-таинственномъ тонѣ, что цѣлый рядъ мѣстъ въ его книгѣ „покамѣстъ еще загадка для многихъ, если не для всѣхъ“, что надо пропускать ихъ, обращая вниманіе только на тѣ мѣста, „которыя доступны всякому здравому и разсудительному человѣку“; что въ его книгѣ „за-

мѣшалась собственная душевная исторія человѣка, непохожаго на другихъ"; что ему, Гоголю, „не легко было рѣшиться на подвигъ выставить себя на всеобщій позоръ и посмѣяніе, вскрывши часть той внутренней своей клѣти, настоящій смыслъ которой не скоро почувствуется"; что онъ, Гоголь, не имѣлъ намѣренія оскорбить въ своей книгѣ доброжелательныхъ ему критиковъ, а напротивъ, собирался современемъ воздать имъ должное. Все это письмо Гоголь заканчиваетъ слѣдующими словами: „пишите критики самыя жесткія, прибирайте всѣ слова, какія знаете, на то, чтобы унизить человѣка, способствуйте осмѣянію меня въ глазахъ читателей, не пожалѣйте самыхъ чувствительныхъ струнъ, можетъ быть нѣжнѣйшаго сердца — все это вынесетъ моя душа, хотя и не безъ боли, и не безъ скорбныхъ потрясеній. Но мнѣ тяжело, очень тяжело (говорю вамъ это истинно), когда противъ меня питаетъ личное озлобленіе даже и злой человѣкъ, не только добрый, а васъ я считаю за добраго человѣка. Вотъ вамъ искреннее изложеніе чувствъ моихъ"...

Личное озлобленіе—вотъ къ чему сводилась, по мнѣнію Гоголя, вся суть статьи Бѣлинскаго. Это письмо Гоголя Бѣлинскій получилъ во время своей лѣтней поѣздки 1847 года по Германіи и Франціи; онъ находился въ это время въ силезскомъ курортѣ Зальцбруннѣ, гдѣ „вовсе раскисъ и изнемогъ душевно,—пишетъ онъ:—вспомнилось и то, и другое—насилу отчитался *Мертвыми Душами*" (письмо къ женѣ отъ 5 іюня нов. ст. 1847 г.). Этому глухому силезскому мѣстечку суждено было стать знаменитымъ въ исторіи русской литературы: отсюда послалъ Гоголю Бѣлинскій свой „громовый отвѣтъ" на его письмо. Слишкомъ извѣстно, какое громадное значеніе имѣло и до сихъ поръ сохраняетъ это письмо Бѣлинскаго къ Гоголю; еще Герценъ назвалъ это письмо „завѣщаніемъ" Бѣлинскаго, и даже враги Бѣлинскаго видѣли и видятъ въ этомъ письмѣ „манифестъ" западничества, „историческій актъ"; этихъ причинъ достаточно для того, чтобы мы за формою письма видѣли одну изъ замѣчательнѣйшихъ статей Бѣлинскаго, въ которой онъ смѣло и свободно высказался на всю Россію, стряхнувъ съ себя оковы цензуры.

Мы можемъ теперь подойти къ вопросу о самой *сущности* спора и коренного разногласія между Бѣлинскимъ и Гоголемъ. Пишущему эти строки уже приходилось указывать, что великій расколъ русской интеллигенціи сороковыхъ годовъ — западничество и славянофильство — возникъ прежде всего на почвѣ діаметральной противоположности психологическихъ типовъ познанія ихъ представителей. Славянофильство было въ своей основѣ *религіознымъ романтизмомъ*, западничество—*философскимъ реализмомъ*; мистицизмъ славянофильства настолько же очевиденъ, какъ и раціонализмъ западничества. „Этическій индивидуализмъ на почвѣ религіознаго романтизма—вотъ основной пунктъ воззрѣнія славянофиловъ; соціологическій индивидуализмъ на почвѣ реализма—вотъ основной пунктъ міровоззрѣнія западниковъ" (См. мою „Ист. русск. общ. мысли", черезъ которую съ начала и до конца проходитъ эта мысль о двухъ типахъ міропознанія). Такимъ образомъ романтическая и реалистическая, мистическая и раціоналистическая точка зрѣнія—вотъ основное, коренное расхожденіе западничества и славянофильства, а значитъ Бѣлинскаго и Гоголя, поскольку они были близки къ этимъ двумъ теченіямъ русской мысли. Бѣлинскій дѣйствительно былъ самымъ яркимъ представителемъ западничества и реализма; что же касается до славянофильства и мистицизма Гоголя, то ихъ можно принять только условно—объ этомъ у насъ еще будетъ рѣчь. Несомнѣнно пока одно: Гоголь во многомъ былъ близокъ къ славянофильству и страстно *хотѣлъ* быть мистикомъ; во всякомъ случаѣ вся книга его явно построена на религіозной основѣ. Въ качествѣ панацеи отъ всѣхъ общественныхъ золъ Гоголь рекомендуетъ самоусовершенствованіе на религіозной почвѣ,—этимъ опредѣляется характеръ всей его книги [1]).

---

[1]) Мысль о раціонализмѣ западничества и мистицизмѣ славянофильства впослѣдствіи развилъ М. Гершензонъ въ своей книгѣ «Историческія записки о русскомъ обществѣ» (1910 г.); съ этой же точки зрѣнія онъ разбираетъ тамъ книгу Гоголя и отвѣтъ Бѣлинскаго, доказывая, что по существу Гоголь былъ вполнѣ правъ, что его основная точка зрѣнія—внутреннее устроеніе личности, какъ панацея отъ всѣхъ золъ—является абсолютной истиной; что взглядъ западниковъ и Бѣлинскаго на рѣшеніе соціаль-

Бороться съ общественными соціально-политическими несовершенствами нужно путемъ личнаго религіознаго совершенствованія— вотъ основная мысль всей книги Гоголя, какъ мы на это указывали въ другомъ мѣстѣ („Ист. русск. общ. мысли", т. I). Эта проповѣдь *личнаго* совершенствованія, какъ пути рѣшенія *общественныхъ* вопросовъ, была не только совсѣмъ чужда, но даже враждебна взглядамъ Бѣлинскаго, настолько враждебна, что спорить съ нею онъ не могъ: для возможности спора необходима хоть пядь общей почвы, а здѣсь ея не было ни пяди. Споръ невозможенъ, если одинъ изъ спорящихъ всецѣло отвергаетъ основные взгляды второго—эта истина была сформулирована еще въ схоластической логикѣ: contra negantem principia disputari non potest. Эту истину зналъ и Бѣлинскій, а потому и сосредоточилъ свои удары не на общемъ принципѣ, а на частныхъ его примѣненіяхъ, говоря о которыхъ, онъ выяснялъ Гоголю свой взглядъ на эти вопросы. „Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ",—говоритъ Бѣлинскій, и сразу переводитъ вопросъ на соціальную почву. Гоголь училъ въ своей книгѣ хозяина-помѣщика патріархальному обращенію съ крѣпостными, давалъ совѣты какъ сдѣлаться милліонеромъ, будучи въ то же время добродѣтельнымъ и продолжая свое личное усовершенствованіе (типъ Костанжогло и Муразова во второй части „Мертвыхъ душъ"); это, по мнѣнію Гоголя, было путемъ рѣшенія соціальнаго вопроса. Бѣлинскій съ негодованіемъ возсталъ противъ такой елейно-наивной мысли — рѣшить соціальный вопросъ, обходя его. „Нѣтъ!—обращается онъ къ Гоголю:—если бы вы дѣйствительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволова ученія—совсѣмъ не то написали бы вы въ вашей новой книгѣ. Вы сказали бы помѣщику, что такъ какъ его

наго вопроса путемъ усовершенствованія общественныхъ формъ — абсолютно ложенъ по существу; что Бѣлинскій совершенно не понялъ смысла рѣшенія Гоголя и что до сихъ поръ историки его не понимаютъ. Мы увидимъ ниже, что Бѣлинскій хорошо понималъ сущность и основу взглядовъ Гоголя; вообще же объ идеяхъ, проповѣдуемыхъ М. Гершензономъ и его единомышленниками—см. вторую часть моей статьи «Объ интеллигенціи» (Сочин., т. VI).

крестьяне его братья о Христѣ, и какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать имъ свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя, въ глубинѣ своей совѣсти, въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ"...

Здѣсь Бѣлинскій подошелъ, на частномъ примѣрѣ, къ самой сердцевинѣ вопроса. Или правъ Гоголь—и соціальный вопросъ объ отношеніи помѣщика къ крѣпостнымъ рѣшается путемъ нравственнаго самосовершенствованія помѣщика и крестьянина; либо правъ Бѣлинскій—и вопросъ этотъ рѣшается путемъ соціальной реформы: „самые живые современные, національные вопросы въ Россіи теперь — уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть",—заявляетъ тутъ же Бѣлинскій. Кто изъ нихъ правъ — не въ этомъ дѣло, да къ тому же отвѣтъ на этотъ вопросъ для насъ слишкомъ очевиденъ; интереснѣе отмѣтить другое, а именно, что Бѣлинскій видѣлъ религіозно-нравственную почву разсужденій Гоголя и ясно опредѣлилъ свое положеніе на почвѣ соціально-политической: въ этомъ все содержаніе его отвѣта Гоголю. Это не значитъ, чтобы Бѣлинскому не было дорого личное совершенствованіе, развитіе личности; но это значитъ, что Бѣлинскій хорошо понималъ всю невозможность рѣшенія *общественныхъ* вопросовъ путемъ *личнаго* совершенствованія. Для него это былъ nonsens (какимъ онъ является по существу и для насъ); и Бѣлинскій обратилъ главное вниманіе на цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, въ которыхъ взгляды и мнѣнія Гоголя слишкомъ ужъ возмущали „неистоваго" Бѣлинскаго. Совѣты помѣщику какъ разбогатѣть и какъ обращаться съ крестьянами; благоговѣйное отношеніе къ носителямъ высшей власти; надменный и самоувѣренный пророческій тонъ—все это одинаково возмущало Бѣлинскаго, и свое возмущеніе онъ съ громадной силой высказалъ въ своемъ письмѣ.

Письмо это окончательно, что называется, добило Гоголя. Попытавшись сперва отвѣтить на него по существу, Гоголь самъ убѣдился въ слабости своего отвѣта и не послалъ его

Бѣлинскому; уже послѣ смерти Гоголя оно было найдено въ разорванномъ видѣ и возстановлено редакторомъ собранія сочиненій Гоголя, П. Кулишемъ. Въ этомъ непосланномъ письмѣ Гоголь защищаетъ принципъ самосовершенствованія, осуждаетъ мысль, будто „преобразованьями и реформами можно поправить міръ", защищается отъ нападеній Бѣлинскаго. Но письмо это проникнуто до того растеряннымъ тономъ, что становится понятною его участь въ рукахъ Гоголя. Бѣлинскому онъ послалъ другое короткое письмо (отъ 10 авг. 1847 г.). „Я не могъ—писалъ Гоголь—отвѣчать скоро на письмо ваше. Душа моя изнемогла; все во мнѣ потрясено... Что̀ мнѣ отвѣчать! Богъ вѣсть, можетъ быть, въ словахъ вашихъ есть часть правды"... Что̀ же такое случилось? Неужели письмо Бѣлинскаго убѣдило Гоголя? Конечно, письмо это потрясло Гоголя; оно, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ негодующихъ статей и писемъ, если и не убѣдило автора „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями", то по крайней мѣрѣ пошатнуло вѣру Гоголя въ свое пророческое предназначеніе. Гоголь не былъ „пророкомъ" по своему психическому складу, такимъ „пророкомъ", какимъ былъ, напримѣръ, въ свое время протопопъ Аввакумъ или вообще люди его типа. Пророкъ погибаетъ и все-таки вѣритъ въ себя, лже-пророкъ побѣждаетъ и все же не вѣритъ въ себя; пророкъ побѣждаетъ, хотя бы и погибъ, лже-пророкъ гибнетъ, хотя бы и побѣдилъ. Гоголь и не побѣдилъ и погибъ. Онъ увидѣлъ, что онъ былъ только „лже-пророкомъ"; въ глубинѣ своей души онъ сознавалъ, что нѣтъ у него той власти, которую онъ попытался взять на себя въ своей перепискѣ съ друзьями. И отъ этого сознанія, отъ этого удара Гоголь уже никогда не оправился. Къ тому же онъ вскорѣ подпалъ подъ власть настоящаго „пророка", какимъ былъ невѣжественный фанатикъ, сельскій попъ Матвѣй; борьба съ вліяніемъ этого прямолинейнаго и тупого изувѣра была не подъ силу Гоголю.

Трагическая судьба Гоголя выходитъ за предѣлы нашей темы; нельзя однако не указать, въ чемъ былъ узелъ этой трагедіи: Гоголь былъ по существу своему раціоналистомъ, страстно желавшимъ быть мистикомъ (см. мою „Ист. русск.

общ. мысли", т. I). Вотъ почему онъ стоитъ въ сторонѣ отъ славянофильства, этого подлиннаго „мистическаго" теченія; вотъ почему онъ такъ скоро палъ духомъ подъ ударами своихъ враговъ: неосознанная двойственность есть худшій внутренній врагъ человѣка. И здѣсь же—причина силы Бѣлинскаго: реалистъ и раціоналистъ, онъ твердо вѣрилъ въ истину своего воззрѣнія; стоитъ только перечесть его письмо къ Гоголю, которое съ тѣхъ поръ и до настоящаго дня остается вдохновеннымъ манифестомъ цѣльнаго и опредѣленнаго міровоззрѣнія.

1909—1910 г.

Война со славянофилами.

I.

Война Бѣлинскаго со славянофилами началась въ 1842 г. статейкой „Педантъ“; эта небольшая статейка требуетъ въ виду своей важности обширнаго разъясненія: съ нея ведетъ начало война Бѣлинскаго съ „москвитянами“, за которыми вскорѣ установится названіе „славянофиловъ“; въ частности, съ нея начинается жестокая война Бѣлинскаго съ „Москвитяниномъ“, органомъ формирующагося славянофильства.

Въ концѣ своего обзора литературы за 1840 годъ Бѣлинскій писалъ: „въ Москвѣ издается съ нынѣшняго года новый журналъ «Москвитянинъ». Главный редакторъ его — г. Погодинъ, главный сотрудникъ — г. Шевыревъ. Не беремся пророчить о судьбѣ новаго изданія, но смѣло можемъ поручиться, что оно есть предпріятіе честное, добросовѣстное, благонамѣренное, чисто литературное и нисколько не меркантильное; что у него будетъ своя мысль, свое мнѣніе, съ которыми можно будетъ соглашаться и не соглашаться, но которыхъ нельзя будетъ не уважать, противъ которыхъ можно будетъ спорить, но нельзя будетъ браниться“... Бѣлинскій не предвидѣлъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ „Москвитянинъ“ подыметъ жестокую „брань“ и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ, и что самъ онъ, Бѣлинскій, первый сдѣлается предметомъ этой брани... Полемизируя съ „Отеч. Записками“ по поводу одной рецензіи, Шевыревъ

напалъ прямо на „безыменнаго критика“ — Бѣлинскаго. Въ номерѣ шестомъ „Москвитянина“ за 1841 годъ Шевыревъ скрывшись за подписью NN, яростно напалъ на безыменнаго „журнальнаго борзописца“, имѣя въ виду Бѣлинскаго; Шевыревъ негодовалъ, „что какой-нибудь журнальный писака, навеселѣ отъ нѣмецкой эстетики, которой самъ за незнаніемъ нѣмецкаго языка не читалъ, а о которой слышалъ, и то въ искаженномъ видѣ, изъ третьихъ устъ, — что такой непризванный судья, развалившись отчаянно въ креслахъ критика и размахавшись борзымъ перомъ своимъ, всенародно осмѣливается... праздновать шабашъ поэзіи и нравственности“... Возмущенный Бѣлинскій немедленно отвѣтилъ на эту несдержанную выходку рѣзкой отповѣдью („Отеч. Записки“, 1841 г., № 7), что̀ не помѣшало ему полгода спустя, въ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ, безпристрастно указать, что въ „Москвитянинѣ“ этого года „было нѣсколько превосходныхъ оригинальныхъ статей въ стихахъ и въ прозѣ“. Но какъ-разъ одновременно съ этимъ, въ январской книгѣ „Москвитянина“ за 1842 годъ, появилась рѣзкая статья Шевырева „Взглядъ на современное направленіе русской литературы“, въ которой характеризовалась „черная сторона“ этой современной литературы. Самыми черными красками былъ разрисованъ, разумѣется, Бѣлинскій, подъ названіемъ „рыцаря безъ имени“, прикрывающаго свое невѣжество „цѣльной, изъ одного куска литой броней наглости“, „безыменнаго рыцаря, въ маскѣ и забралѣ, съ мѣднымъ лбомъ и размашистою рукою“... Намекая на статью „Русская литература въ 1840 году“ и на выраженное въ ней Бѣлинскимъ сознаніе собственнаго значенія въ литературѣ, Шевыревъ восклицаетъ: „бойкій рыцарь въ порывѣ заносчивости дошелъ до того, что однажды уничтожилъ всю русскую литературу и публику, за исключеніемъ двухъ или трехъ именъ и своего журнала, съ котораго онъ полагаетъ настоящее несомнѣнное ея начало“... Далѣе, называя Бѣлинскаго „литературнымъ бобылемъ“, „наемнымъ перомъ“ и „послѣднимъ внукомъ литератора-промышленника“ (намекъ на Полевого, съ которымъ пятнадцатью годами ранѣе Шевыревъ велъ такую же ожесточен-

ную войну), Шевыревъ презрительно замѣчаетъ, что уваженіе и похвала этого „безыменнаго рыцаря“ настолько же оскорбительны, какъ и его неуваженіе къ авторитетамъ (очевидно, Шевыревъ имѣетъ въ виду похвалы Бѣлинскаго Гоголю, особенно въ статьяхъ о „Горѣ отъ ума“ и „Русской литературѣ въ 1840 году“). Наконецъ, Шевыревъ рѣзко нападаетъ на Бѣлинскаго,—этого „безыменнаго рыцаря“, на щитѣ котораго кривыми буквами написано слово: „убѣжденіе“ — за непостоянство его убѣжденій: „если бы это убѣжденіе было постоянно и вѣрно—...еще можно было бы его уважать. А когда видишь, что оно такъ часто мѣняется и падаетъ иногда на предметы, совершенно того недостойные, что рыцарь сегодня скажетъ одно, а завтра другое, и всѣ противорѣчія прикрываетъ однимъ и тѣмъ же щитомъ своимъ, то подъ конецъ еще болѣе отвращаешься отъ такой маски“... Въ такомъ же тонѣ продолжалось и дальше это нападеніе, далеко не безопасное, по тогдашнимъ временамъ, для Бѣлинскаго.

Бѣлинскій съ конца декабря 1841 года по середину января 1842 года гостилъ въ Москвѣ у Боткина, когда появилась январская книга „Москвитянина“ съ этой статьей Шевырева. „Идея *Педанта* мгновенно блеснула у меня въ головѣ еще въ Москвѣ, въ домѣ М. С. Щепкина, когда Кетчеръ прочелъ тамъ вслухъ статью Шевырки,—писалъ Бѣлинскій Боткину 14 марта 1842 г.:—еще не зная, какъ и что отвѣчу я,—я, по впечатлѣнію, произведенному на меня доносомъ Шевырки, тотчасъ же понялъ, что напишу что-то хорошее“... Такъ появился „Педантъ“, гдѣ въ лицѣ „Ліодора Ипполитовича Картофелина“ мы имѣемъ портретъ Шевырева во всю его величину. Изъ всѣхъ злобныхъ выходокъ Шевырева только одна—о „перемѣнчивости“ убѣжденій Бѣлинскаго—имѣла въ то время хоть нѣкоторое внѣшнее основаніе (ибо у всѣхъ были еще въ памяти его столь различныя статьи—1839—1840 и 1841 годовъ); Бѣлинскій же, наоборотъ, далъ великолѣпный и живой портретъ Шевырева, не только съ темными, но и съ его свѣтлыми сторонами. Онъ указываетъ на безкорыстность, честность и довѣрчивость Шевырева, которыми такъ безцеремонно пользовался

издатель „Москвитянина“ Погодинъ, выведенный въ этой статьѣ подъ именемъ „литературнаго циника“, „ловкаго промышленника“, „хитраго антрепренера“; Бѣлинскій признаетъ и несомнѣнную ученость и эрудицію Шевырева, но тѣмъ безпощаднѣе вскрываетъ онъ все „педантство“ этой учености, отсутствіе художественнаго и критическаго чувства, полное непониманіе литературныхъ явленій современности. Какъ профессоръ древней русской письменности, Шевыревъ былъ на своемъ мѣстѣ, но на свою бѣду онъ хотѣлъ быть еще и критикомъ, хотѣлъ судить и безапелляціонно оцѣнивать явленія современной литературы. Здѣсь онъ, оцѣнивъ до нѣкоторой степени Гоголя, высказалъ самыя невѣроятныя сужденія о Пушкинѣ, о Лермонтовѣ, о Бѣлинскомъ... Достаточно прочесть статью Бѣлинскаго „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“, чтобы имѣть полное понятіе о Шевыревѣ; въ „Педантѣ“ Бѣлинскій только свелъ въ одинъ яркій фокусъ всѣ характерныя черты этого „педанта“. Ударъ былъ тяжелый и попалъ прямо въ цѣль.

„Спасибо тебѣ за вѣсти объ эффектѣ *Педанта*,— писалъ Бѣлинскій Боткину (31-го марта 1842 г.):—отъ нихъ мнѣ нѣкоторое время стало жить легче. Чувствую теперь вполнѣ и живо, что я рожденъ для печатныхъ битвъ, и что мое призваніе, жизнь, счастіе, воздухъ, пища—*полемика*“... И пять лѣтъ спустя, вспоминая въ письмѣ къ Боткину (отъ 26 февр. 1847 г.) о „Педантѣ“, Бѣлинскій говорилъ: „я не юмористъ, не острякъ; иронія и юморъ—не мои оружія. Если мнѣ удалось въ жизнь мою написать статей пятокъ, въ которыхъ иронія играетъ видную роль и съ бо̀льшимъ или меньшимъ умѣніемъ выдержана — это произошло совсѣмъ не отъ спокойствія, а отъ крайней степени бѣшенства, породившаго своею сосредоточенностію другую крайность — спокойствіе. Когда я писалъ „типъ“ на Шевырева...—я былъ не красенъ, а блѣденъ, и у меня сохло во рту, отъ чего на губахъ и не было пѣны... Я принужденъ дѣйствовать внѣ моей натуры, моего характера. Природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по-лисьи“... Дѣйствительно,

Бѣлинскій былъ прирожденнымъ полемистомъ, и такимъ онъ обрисовался, несмотря на цензурныя „обстоятельства“, съ самаго начала своей критической дороги; его удары всегда были мѣтки и тяжелы, „сосредоточенное спокойствіе“ его ироніи—безпощадно. Недаромъ Панаевъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что когда Бѣлинскій переѣхалъ въ 1839 г. въ Петербургъ и сталъ ближайшимъ сотрудникомъ „Отеч. Записокъ“, то этотъ его пріѣздъ „надѣлалъ большого шуму“ въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ, въ которыхъ Бѣлинскаго „ненавидѣли и въ то же время страшно боялись“ („Воспоминанія о Бѣлинскомъ“). Тамъ же Панаевъ описываетъ происшедшую въ это же время встрѣчу свою и Бѣлинскаго на Невскомъ съ Булгаринымъ: „извините, почтеннѣйшій (сказалъ Булгаринъ, остановивъ Панаева), извините... Скажите, пожалуйста, кто это съ вами идетъ?—Бѣлинскій.—А! а!... Такъ это бульдогъ-то, котораго выписали изъ Москвы, чтобы травить насъ?“ „Я передалъ эти слова Бѣлинскому,—продолжаетъ Панаевъ:—это очень забавляло его, и онъ потомъ часто повторялъ, что Булгаринъ называетъ его *бульдогомъ*“... Объ этомъ разсказываетъ и самъ Бѣлинскій (въ письмѣ къ Боткину отъ 22 ноября 1839 г.); этимъ объясняется и псевдонимъ, которымъ подписанъ „Педантъ“. И когда Боткинъ не сумѣлъ разгадать псевдонима, то Бѣлинскій шутливо писалъ ему (14 марта 1842 г.): „съ чего ты взялъ смѣшивать мизерную особу И. П. Клюшникова съ благородною особою Петра Бульдогова? И какъ ты въ величавомъ образѣ сего часто упоминаемаго Петра Бульдогова могъ не узнать друга твоего, Виссаріона Бѣлинскаго, всегда съ пѣною у рта и поднятымъ вверхъ кулакомъ—для выраженія сильныхъ ощущеній, волнующихъ сего достойнаго человѣка?“

„Педантъ“ былъ оглушительнымъ отвѣтомъ на злобныя инсинуаціи Шевырева; и если Боткинъ не сразу узналъ въ Бульдоговѣ Бѣлинскаго, то Шевыревъ „по когтямъ узналъ въ минуту“, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; онъ заперся дома и съ недѣлю не показывался въ обществѣ. Въ кругу „москвитянъ“ статья эта вызвала взрывъ негодованія, ярко изображенный въ письмѣ Боткина къ Краевскому (отъ 14 марта

1842 г.; см. Пыпинъ, „Бѣлинскій“, стр. 396); „Боже мой, — писалъ Боткинъ,—какъ «москвитяне» поносятъ... Виссаріона, и чѣмъ ни называютъ его!!!...“ Такимъ образомъ „Педантъ“ былъ послѣдней причиной окончательнаго разрыва между „москвитянами“, т.-е. славянофилами, и западниками. Къ Погодину и Шевыреву примкнули Аксаковы, Кирѣевскіе, Хомяковъ и скоро были объединены названіемъ „славянофиловъ“; уже гораздо позднѣе увидѣли необходимость различать—и впервые это отмѣтилъ Чернышевскій—прогрессивное во многомъ славянофильство отъ реакціоннаго погодинско-шевыревскаго національизма, но въ эпоху Бѣлинскаго они были неразличимы и неразлучимы. А между тѣмъ именно эти послѣднія черты были особенно ненавистны Бѣлинскому, именно съ ними онъ началъ прежде всего борьбу. Когда Шевыревъ въ своей первой статьѣ „Взглядъ русскаго на современное образованіе Европы“ („Москвитянинъ“, 1841 г., № 1) торжественно провозгласилъ какъ-бы отъ имени „москвитянъ“, заранѣе опошляя этимъ позднѣйшія глубокія мысли Герцена, — когда Шевыревъ провозгласилъ, что Западъ сгнилъ, что Европа — разлагающійся трупъ или, въ лучшемъ случаѣ—„человѣкъ, носящій въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженный атмосферою опаснаго дыханія“,—когда Шевыревъ провозгласилъ все это, а нѣкоторые публицисты подхватили эту благодарную тему, то Бѣлинскій, въ отмѣченной выше замѣткѣ середины 1841 года („Отеч. Записки“, № 7) далъ рѣзкую отповѣдь этой гипертрофіи національизма. „Какъ можно писать и печатать подобныя вещи въ 1841-мъ году отъ Р. Х.? — восклицалъ съ негодованіемъ Бѣлинскій.—Европа, изволите видѣть, окружена атмосферою опаснаго дыханія, полна скрытаго яда; она будущій трупъ, которымъ уже и пахнетъ...?!! Помилуйте! Да вѣдь это хула на науку, на искусство, на все живое, человѣческое, на самый прогрессъ человѣчества!..“

Такъ началась борьба западничества со славянофильствомъ, и вотъ почему маленькая статья Бѣлинскаго „Педантъ“ имѣетъ такое большое значеніе въ исторіи русской мысли. Полгода спустя Бѣлинскій вынужденъ былъ выступить противъ своего былого близкаго друга—К. Аксакова,

одного изъ главныхъ представителей „москвитянъ"; и чѣмъ дальше, тѣмъ больше разгорался этотъ бой, эта борьба двухъ системъ міровоззрѣній. Мы знаемъ, что не въ однихъ политическихъ и соціальныхъ разногласіяхъ лежали причины борьбы и распаденія русской интеллигенціи на двѣ враждебныя группы; причины лежали глубже — въ реалистическомъ міропониманіи западниковъ и мистическомъ міровосчувствованіи представителей славянофильства.

II.

Особо обостренныя формы борьба западниковъ и славянофиловъ приняла въ послѣдніе три-четыре года жизни Бѣлинскаго. Годовой обзоръ литературы за 1844 годъ Бѣлинскій посвятилъ разбору поэзіи Хомякова и Языкова, и статья эта была новымъ ударомъ по славянофильству, и ударомъ, повидимому, сильнымъ и мѣткимъ. Когда Герценъ сообщилъ Бѣлинскому изъ Москвы, что статья эта якобы не произвела на славянофиловъ впечатлѣнія и что они будто бы „гордятся" ею, то Бѣлинскій въ письмѣ отъ 26 января 1845 г. отвѣчалъ на это Герцену: „вздоръ! Если ты этому повѣришь, значитъ ты плохо знаешь сердце человѣческое и совсѣмъ не знаешь сердца литературнаго... Штуки, сударь ты мой, изъ которыхъ я вижу ясно, что ударъ былъ страшенъ. Теперь я этихъ каналій не оставлю въ покоѣ"... Да и самъ Герценъ скоро увидѣлъ, какъ глубоко были задѣты славянофилы этой статьей; по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ позднѣе онъ отмѣтилъ въ своемъ „Дневникѣ" (отъ 14 февр. 1845 г.): „славянофилы жестоко освирѣпѣли, *Отечеств. Записки* имъ пришлись солоны"... Разумѣется, онъ имѣлъ въ виду при этомъ именно статью Бѣлинскаго.

Но Бѣлинскій писалъ свое обозрѣніе русской литературы за 1844 годъ еще не зная о появленіи въ Москвѣ „доносительныхъ" стихотвореній Языкова, направленныхъ противъ западниковъ—Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена, Чаадаева (котораго тогда считали тоже „западникомъ"). Стихотворенія эти были сплошнымъ доносительнымъ воплемъ къ николаев-

скимъ жандармамъ о пресѣченiи западническаго зла; такъ напримѣръ, обращаясь къ Чаадаеву, поэтъ восклицалъ: „ты все свое презрѣлъ и выдалъ—и ты еще не сокрушенъ!.. Ты цѣлъ еще!“ Въ злобномъ посланiи ко всѣмъ западникамъ вообще („Къ не нашимъ“) Языковъ называлъ ихъ „опрометчивымъ оплотомъ ученья богомерзкой школы“, говорилъ объ ихъ „предательскихъ мнѣнiяхъ и святотатственныхъ снахъ“ и выражалъ надежду, что раньше или позже „умолкнетъ ваша злость пустая, замретъ проклятый вашъ языкъ!“ Наконецъ въ посланiи къ Шевыреву Языковъ уже прямо мѣтилъ въ Бѣлинскаго, который былъ главнымъ „врагомъ“ Шевырева:

Твои враги...—они чужбинѣ
Отцами проданы съ пеленъ:
Русь не угодна ихъ гордынѣ,
Имъ чуждъ и дикъ родной законъ,
Родной языкъ имъ непонятенъ,
Имъ безотвѣтна и смѣшна
Своя земля, ихъ умъ развратенъ
И совѣсть ихъ прокажена.

Не всѣми славянофилами эти стихотворенiя были встрѣчены такъ же восторженно, какъ напримѣръ Гоголемъ; но зато всѣ западники отнеслись съ одинаковымъ омерзѣнiемъ къ этимъ злобнымъ выходкамъ. Разрывъ между славянофилами и западниками принялъ рѣзкiя формы: дѣло чуть не дошло до дуэли между Грановскимъ и Кирѣевскимъ; Герценъ и К. Аксаковъ прекратили личное знакомство. Въ „Отеч. Запискахъ“ Герценъ немедленно отозвался на стихи Языкова слѣдующей замѣткой въ одной изъ своихъ статей: „Кажется, успокоившаяся отъ суетъ муза г. Языкова рѣшительно посвящаетъ нѣкогда забубенное перо свое поэзiи исправительной и обличительной. Это истинная цѣль искусства: пора поэзiи сдѣлаться трибуналомъ de la poésie correctionnelle. Мы имѣли случай читать еще поэтическiя произведенiя того же исправительнаго направленiя, ждемъ ихъ въ печати; это громъ и молнiя; озлобленный поэтъ не остается въ абстракцiяхъ: онъ указуетъ негодующимъ перстомъ *лица*—при полномъ изданiи можно приложить *адресы*!...“

Бѣлинскій не отозвался печатно на такія произведенія доносительной поэзіи; какъ-разъ въ это время онъ, еще ничего не зная объ этихъ стихотвореніяхъ Языкова, писалъ свое обозрѣніе литературы за 1844 годъ, гдѣ нанесъ не одинъ ударъ именно Языкову. Получивъ эти стихи Языкова, Бѣлинскій писалъ Герцену (26 янв. 1845 г.): „Москва сдѣлала, наконецъ, рѣшительное пронунціаменто"... И затѣмъ, говоря о томъ ударѣ, который онъ нанесъ славянофиламъ этой своей статьей о русской литературѣ въ 1844 году, Бѣлинскій прибавилъ: „теперь я этихъ каналій не оставлю въ покоѣ"... Бѣлинскій ждалъ только случая, только повода, чтобы обрушиться на славянофиловъ всею силою своего безпощаднаго полемическаго таланта. Случай тотчасъ же представился: въ самомъ началѣ 1845 года вышло произведеніе гр. Соллогуба—„Тарантасъ".

Графъ В. Соллогубъ, теперь совершенно забытый беллетристъ, въ сороковыхъ годахъ былъ одной изъ первыхъ литературныхъ знаменитостей; самъ Бѣлинскій ставилъ его очень высоко, считая его первымъ послѣ Гоголя писателемъ въ современной ему русской литературѣ. Правда, не прошло и года послѣ появленія столь расхваленнаго Бѣлинскимъ „Тарантаса", какъ Бѣлинскій, въ своемъ обозрѣніи русской литературы за 1845 годъ, съ оговорками расхваливъ гр. Соллогуба, назвалъ „послѣ Гоголя до сихъ поръ рѣшительно первымъ талантомъ въ русской литературѣ"— В. И. Даля (Луганскаго), такого же второстепеннаго писателя, какъ и гр. Соллогубъ. Мало того, расхваливъ въ этомъ своемъ обозрѣніи «Тарантасъ», какъ „прекрасное литературное произведеніе", Бѣлинскій тутъ же оговорился знаменательной фразой: „мы понимаемъ «Тарантасъ» какъ сатиру (на славянофиловъ—*И.-Р.*) и будемъ его понимать такъ до тѣхъ поръ, *пока онъ не изгладится изъ литературныхъ воспоминаній публики*" (курсивъ мой). Уже отсюда видно, какъ въ сущности вѣрно оцѣнивалъ Бѣлинскій ничтожное значеніе „Тарантаса" для русской литературы; произведеніе это было для Бѣлинскаго только поводомъ нанести тяжелый полемическій ударъ ненавистному славянофильству.

Итакъ, въ этомъ произведеніи гр. Соллогуба Бѣлинскій

якобы хотѣлъ видѣть сатиру на славянофильство, въ то время какъ другіе видѣли въ „Тарантасѣ" (по словамъ самого Бѣлинскаго), „искреннее profession de foi такъ называемаго славянофильства". Кто былъ правъ? Во всякомъ случаѣ не Бѣлинскій, хотя и „другіе" были одинаково неправы: они были неправы потому, что въ сословной нетерпимости и аристократическихъ тенденціяхъ гр. Соллогуба не было ничего славянофильскаго — и это блестяще показалъ годомъ позднѣе Ю. Самаринъ въ своей статьѣ о „Тарантасѣ" въ славянофильскомъ „Московскомъ Сборникѣ" (1846 г.); Бѣлинскій же—если онъ дѣйствительно видѣлъ въ „Тарантасѣ" сатиру—былъ неправъ потому, что отъ сатиры на славянофильство гр. Соллогубъ былъ еще въ тысячу разъ дальше, чѣмъ отъ искренняго исповѣданія славянофильской вѣры: десятью годами позднѣе это неоспоримо доказалъ Добролюбовъ въ своей статьѣ о собраніи сочиненій гр. Соллогуба. Добролюбовъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что въ героѣ „Тарантаса", Иванѣ Васильевичѣ, гр. Соллогубъ хотѣлъ только подчеркнуть „противорѣчіе словъ съ поступками", но вовсе не думалъ „смѣяться надъ убѣжденіями своего героя". Такъ что когда Бѣлинскій издѣвается надъ различными мнѣніями Ивана Васильевича или старается видѣть тонкую иронію въ словахъ гр. Соллогуба, то и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ только иронизируетъ надъ самимъ гр. Соллогубомъ; вопросъ лишь въ томъ—намѣренна ли вѣжливая иронія Бѣлинскаго? т.-е. иными словами: неужели онъ bona fide считалъ „Тарантасъ" сатирой на славянофильство?

Для насъ отвѣтъ очевиденъ: Бѣлинскій прекрасно видѣлъ „аристократическія замашки" гр. Соллогуба (это доказываетъ письмо Бѣлинскаго къ Герцену отъ 4 іюля 1846 г.), видѣлъ его симпатіи къ своему герою, Ивану Васильевичу; Бѣлинскій не могъ не видѣть этого, потому что и въ статьѣ своей слишкомъ часто подчеркиваетъ онъ „странныя" мысли гр. Соллогуба. Нѣсколько примѣровъ: гр. Соллогубъ восхищается дѣдами и прадѣдами своего поколѣнія за то, что они „крѣпко хранили... по какому-то странному внушенію любовь ко всѣмъ нашимъ отечественнымъ постановленіямъ", хотя они—удивляется гр. Соллогубъ—„были точно люди не-

грамотные"... Бѣлинскій въ отвѣтъ на это замѣчаетъ: „мы не можемъ прійти въ себя отъ удивленія, не понимая, чему же тутъ авторъ удивляется"; вѣдь предки наши именно потому и хранили любовь къ „отечественнымъ постановленіямъ", что были не грамотны... Другой примѣръ: гр. Соллогубъ замѣчаетъ отъ своего лица, что „любовь мужика къ барину есть любовь врожденная и почти неизъяснимая", что крестьяне, на колѣняхъ встрѣчающіе съ хлѣбомъ-солью своего помѣщика, „тихо и трогательно" выражаютъ этимъ свой восторгъ и свою преданность; а Бѣлинскій иронически поддакиваетъ автору: „объ этомъ предметѣ мы опять думаемъ точно такъ же, какъ самъ авторъ"—и тутъ же съ невиннымъ видомъ приводитъ два стиха изъ басни Крылова („Рыбьи пляски"), въ которой идетъ рѣчь о рыбкахъ, поджаривавшихся лисою и бившихся на сковородкѣ:

„Да отчего же,—левъ спросилъ,—скажи ты мнѣ
Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?"
—О, мудрый левъ!—лиса отвѣтствуетъ:—онѣ
На радости, тебя увидя, пляшутъ...

И такъ далѣе: цѣлыми страницами продолжается иронія Бѣлинскаго якобы надъ героями „Тарантаса", а въ сущности надъ самимъ гр. Соллогубомъ, когда тотъ занимается проповѣдью не столько славянофильскихъ, сколько просто помѣщичьихъ принциповъ и идеаловъ; когда же самъ гр. Соллогубъ иронизируетъ надъ своими героями, то Бѣлинскій присоединяется къ нему и подчеркиваетъ отрицательное отношеніе автора къ героямъ его произведенія, т.-е. подчеркиваетъ „сатирическую" струю въ „Тарантасѣ". Такимъ образомъ иногда иронія автора и иронія критика сливаются, иногда иронія критика сталкивается съ паѳосомъ автора; Бѣлинскій хотѣлъ сдѣлать видъ, что и паѳосъ этотъ онъ принимаетъ за иронію... Это до извѣстной степени ему и удалось. Такой пріемъ позволилъ ему не разбивать ударовъ своей статьи на два фронта — противъ славянофиловъ съ одной стороны, противъ автора „Тарантаса" съ другой; сдѣлавъ себѣ изъ гр. Соллогуба какъ бы временнаго союзника, Бѣлинскій съ тѣмъ большей силой обрушилъ всѣ

удары на голову славянофильства. Ему не удалось однако скрыть иронію своего отношенія къ гр. Соллогубу; вотъ что̀ самъ онъ говоритъ полгода спустя въ обзорѣ литературы за 1845 годъ: „статья наша (о „Тарантасѣ") была понята двояко: одни приняли ее за восторженную и неумѣренную похвалу, другіе—за что-то въ родѣ памфлета"... Правы были, несомнѣнно, эти „другіе": статья о „Тарантасѣ" дѣйствительно была ѣдкимъ памфлетомъ, такимъ же памфлетомъ, какъ и знаменитый „Педантъ", — но не столько на гр. Соллогуба, сколько на совсѣмъ другое лицо...

Высказанное здѣсь мнѣніе о смыслѣ статьи Бѣлинскаго подтверждается, кромѣ указанныхъ выше данныхъ, мнѣніемъ Чернышевскаго въ его „Очеркахъ гоголевскаго періода", „Современникъ", 1856 г., № 11 (въ полномъ собр. сочин. т. II, стр. 242 — 245). Еще важнѣе слѣдующій разсказъ Панаева, который позволю себѣ привести почти цѣликомъ: „Бѣлинскій обѣдалъ у меня дня черезъ два послѣ напечатанія его критической статьи (о „Тарантасѣ"—*И.-Р.*)... Критика Бѣлинскаго была написана необыкновенно тонко и ловко, и тѣмъ сильнѣе чувствовалась ея ядовитость... Въ началѣ обѣда вдругъ раздался рѣзкій звонокъ и вслѣдъ затѣмъ громкій голосъ «дома?»—самого автора произведенія (гр. Соллогуба). Бѣлинскій измѣнился въ лицѣ и приподнялся на стулѣ: «я уйду», — прошепталъ онъ. Жена моя уговорила его однако остаться. Авторъ вошелъ, переваливаясь и волоча ноги. — «Здравствуйте-съ», — сказалъ онъ, протянувъ руку моей женѣ, потомъ мнѣ и кивнувъ головою Бѣлинскому, который отвѣчалъ ему на это также легкимъ кивкомъ, закусивъ нижнюю губу, что̀ выражало у него всегда неудовольствіе.—«Я не мѣшаю вамъ,—продолжалъ небрежно авторъ:—дайте мнѣ послѣдній номеръ *Отеч. Записокъ*. Тамъ, говорятъ, меня ужасно отдѣлали. Мнѣ хочется пробѣжать эту статью»... Ему подали *Отеч. Записки* и онъ пошелъ въ другую комнату. Когда мы окончили обѣдъ, авторъ вдругъ прямо подошелъ къ Бѣлинскому.—«Что это *вы* надавали мнѣ оплеухъ?»—спросилъ онъ, полу-улыбаясь. Бѣлинскій поблѣднѣлъ. — «Если вы называете это оплеухами,—отвѣчалъ онъ смѣло и глядя ему прямо въ глаза,—

то должны по крайней мѣрѣ сознаться, что для этого я надѣлъ на руку бархатную перчатку»"...(„Современникъ", 1860 г., т. LXXIX, стр. 363—364). Этотъ разсказъ окончательно рѣшаетъ вопросъ: Бѣлинскій вовсе не видѣлъ въ „Тарантасѣ" сатиры, хотя и утверждалъ это иронически въ своихъ статьяхъ; самъ гр. Соллогубъ сразу понялъ, что статья Бѣлинскаго—пощечина ему. Но эту пощечину Бѣлинскій смягчилъ „бархатной перчаткой"; не гр. Соллогубу, а славянофиламъ (и именно одному изъ нихъ) эта статья Бѣлинскаго была рѣзкимъ ударомъ безъ всякой перчатки.

„Я не юмористъ, не острякъ,—писалъ Бѣлинскій, какъ мы видѣли, нѣсколько позднѣе (26 февр. 1847 г.) Боткину;—иронія и юморъ—не мои оружія. Если мнѣ удалось въ жизнь мою написать статей пятокъ, въ которыхъ иронія играетъ видную роль и съ бо̀льшимъ или меньшимъ умѣньемъ выдержана,—это произошло совсѣмъ не отъ спокойствія, а отъ крайней степени бѣшенства, породившаго своею сосредоточенностію другую крайность—спокойствіе. Когда я писалъ *типъ* на Шевырева и статью о «Тарантасѣ», я былъ не красенъ, а блѣденъ, и у меня сохло во рту, отъ чего на губахъ и не было пѣны"... Статья о «Тарантасѣ» была въ сущности такимъ же памфлетомъ, какъ и „Педантъ"; она была рѣзкимъ отвѣтомъ Бѣлинскаго на то московское „пронунціаменто", о которомъ мы говорили выше. „Педантъ" былъ направленъ противъ Шевырева; статья о „Тарантасѣ" противъ одного изъ главныхъ вождей славянофильства, противъ *Ивана Васильевича Кирѣевскаго.*

Главный герой „Тарантаса" носитъ имя *Ивана Васильевича*. Воспользовавшись этимъ, Бѣлинскій могъ свободно обойти всѣ цензурные рифы и безпрепятственно дать характеристику Кирѣевскаго, якобы говоря только о героѣ „Тарантаса"; чтобы сдѣлать это однако для всѣхъ яснымъ, Бѣлинскій обратился къ помощи курсива. Вся статья пестритъ курсивомъ: такъ, всюду подчеркнуто имя *Ивана Васильевича* (а заодно ужъ и его спутника); это упорное подчеркиваніе несомнѣнно должно было обратить вниманіе читателей и навести ихъ мысль на дѣйствительнаго Ивана Васильевича, стоявшаго во главѣ славянофильства—на Кирѣевскаго. Что

Бѣлинскій мѣтилъ именно въ Ивана Васильевича Кирѣевскаго—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но не менѣе несомнѣнно и то, что Бѣлинскій въ то же время расширялъ личность Кирѣевскаго до предѣловъ типа: онъ хотѣлъ одновременно и отождествить „Ивана Васильевича“ съ Кирѣевскимъ и вообще дать характеристику такихъ Ивановъ Васильевичей. „Многимъ покажется страннымъ,—говоритъ Бѣлинскій,—что мы такъ вооружились противъ лица, существующаго въ книгѣ, а не въ дѣйствительности. Въ томъ-то и дѣло, что *Ивановъ Васильевичей* слишкомъ много въ дѣйствительности“... И въ заключительныхъ строкахъ статьи Бѣлинскій восклицаетъ: „прощайте же, *Иванъ Васильевичъ*! Спасибо вамъ: вы заняли насъ, вы и посердили и позабавили насъ на свой счетъ. Прощайте, смѣшной и жалкій донъ-Кихотъ! Вѣчное спасибо вамъ за то, что вы сказали всему свѣту, какъ зовутся по имени и по отчеству люди извѣстнаго разряда: ихъ зовутъ *Иванами Васильевичами*“... Но изъ всѣхъ этихъ Ивановъ Васильевичей Бѣлинскій направляетъ свои удары преимущественно на одного—Ивана Васильевича Кирѣевскаго. Въ самомъ концѣ статьи Бѣлинскій говоритъ о „Тарантасѣ“, что въ немъ „славянофилы въ лицѣ *Ивана Васильевича* получили страшный ударъ... Какъ! эти люди... но оставимъ людей и поговоримъ объ одномъ человѣкѣ—объ *Иванѣ Васильевичѣ*“... И онъ обрушивается съ рѣзкой филиппикой на этого „одного человѣка“, доводя до абсурда его славянофильскіе взгляды и характеризуя его, какъ „жалкаго и смѣшного героя, маленькаго донъ-Кихота въ миньятюрѣ и въ каррикатурѣ“. Когда Писаревъ въ 1862 году написалъ статью объ И. Кирѣевскомъ и озаглавилъ ее „Русскій донъ-Кихотъ“, то въ этомъ заглавіи онъ только повторилъ слова Бѣлинскаго о Кирѣевскомъ.

Не буду больше останавливаться на доказательствахъ того, что Бѣлинскій, говоря объ „Иванѣ Васильевичѣ“, имѣлъ въ виду Кирѣевскаго: это слишкомъ бросается въ глаза при чтеніи самой статьи. Гораздо интереснѣе вопросъ—насколько вѣрно охарактеризовалъ Бѣлинскій вообще славянофильство въ этомъ своемъ „памфлетѣ“? Въ этомъ послѣднемъ словѣ заключается и рѣшеніе вопроса: памфлетъ

не претендуетъ на спокойную, объективную характеристику; его цѣль не въ этомъ. Бѣлинскій писалъ свою статью въ „крайней степени бѣшенства“; его цѣль была—высмѣять славянофильство, а не строго и холодно оцѣнить его. Этой своей цѣли онъ безусловно достигъ: вся статья пронизана такой безпощадной и выдержанной ироніей, какую не часто можно встрѣтить въ статьяхъ Бѣлинскаго; жестоко досталось гр. Соллогубу, но еще хуже пришлось Кирѣевскому, какъ представителю славянофильства. Мы остановимся теперь на внутреннихъ причинахъ той ожесточенной вражды западничества и славянофильства, однимъ изъ проявленій которой была и эта статья Бѣлинскаго о „Тарантасѣ“.

Внутреннія причины этой вражды Бѣлинскій попытался вскрыть въ своей статьѣ „Русская литература въ 1845 году“; основнымъ мотивомъ этой статьи попрежнему является борьба съ „славянофильствомъ“, или, говоря болѣе опредѣленно, съ *романтизмомъ* славянофильства. Вопросъ этотъ, дѣйствительно, заслуживалъ того, чтобы остановиться на немъ подробнѣе.

Мы знаемъ, какъ самъ Бѣлинскій сталъ относиться къ былому „романтизму“ тридцатыхъ годовъ послѣ своего душевнаго перелома 1839—1841 г., послѣ своего разочарованія въ „кружковщинѣ“, въ „прекраснодушіи“ и во всяческомъ „романтизмѣ“. Теперь Бѣлинскій сталъ апологетомъ „дѣйствительности“ въ смыслѣ *реализма*, а подъ „романтизмомъ“ и „романтическимъ“ сталъ понимать все „не-дѣйствительное“, мечтательное, сентиментальное, фантастическое—и всѣ эти глубоко несимпатичныя ему свойства и качества приписалъ славянофильству: въ этомъ заключается смыслъ рѣзкаго выступленія Бѣлинскаго противъ романтизма въ началѣ статьи 1846 года. Высмѣявъ „романтизмъ“ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, Бѣлинскій видитъ въ славянофилахъ наслѣдниковъ этого романтизма: „романтики жизни—говоритъ Бѣлинскій—...не перевелись и теперь;... (они), прикинувшись учеными, облекли старыя претензіи въ новыя фразы“... Или еще опредѣленнѣе: „во что бы ни нарядился романтикъ, онъ все остается романтикомъ. Не понимая этого, романтики обѣими руками начали хвататься за маски и костюмы...

Нѣкоторые, говорятъ, не шутя надѣли на себя терликъ, охабень и шапку-мурмолку; болѣе благоразумные довольствуются только тѣмъ, что ходятъ дома въ татарской ермолкѣ, татарскомъ халатѣ и желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ—все же историческій костюмъ! Назвались они *партіями* и думаютъ, что дѣлать значитъ—разсуждать на пріятельскихъ вечерахъ о томъ, что только они—удивительные люди, и что кто думаетъ не по ихъ, тотъ бродитъ во тьмѣ"... Во всемъ этомъ Бѣлинскій видитъ стремленіе идти мимо жизни, стремленіе вложить жизнь въ искусственныя и надуманныя рамки, противорѣчащія живой „дѣйствительности"; а все идущее противъ дѣйствительности—*романтизмъ*, съ которымъ надо неустанно бороться.

Какъ бы ни относиться ко всѣмъ этимъ построеніямъ критической мысли Бѣлинскаго, но во всякомъ случаѣ необходимо указать на то обстоятельство, что хотя Бѣлинскій во многомъ ошибался, считая все славянофильство въ его цѣломъ далекимъ отъ жизни, искусственнымъ, надуманнымъ (наоборотъ—славянофильство впервые послѣ декабристовъ подошло къ самой соціальной дѣйствительности—хотя бы въ вопросѣ объ общинѣ), однако онъ былъ глубоко правъ—глубже, чѣмъ самъ онъ думалъ,—считая характернымъ признакомъ славянофильства *романтизмъ*. При этомъ, конечно, романтизмъ надо понимать не въ смыслѣ „мечтательности" или „фантастичности", а гораздо глубже—именно такъ, какъ опредѣлилъ его самъ же Бѣлинскій еще въ 1843 году, во второй изъ своимъ пушкинскихъ статей; Бѣлинскій опредѣлилъ тамъ романтизмъ какъ міровоззрѣніе *мистицизма*, какъ внутренній міръ души человѣка. Въ этомъ дѣйствительно заключалась внутренняя сущность славянофильства и внутренняя причина глубокаго расхожденія славянофиловъ и западниковъ. Мы уже имѣли случай указать, что причины распаденія русской интеллигенціи на эти двѣ враждебныя группы лежали глубже соціальныхъ націоналистическихъ и политическихъ разногласій; онѣ лежали *въ реалистическомъ міропониманіи западниковъ и въ мистическомъ (романтическомъ) міровосчувствованіи славянофиловъ*. Такимъ образомъ сущность взгляда Бѣлинскаго на „романтизмъ" славяно-

фильства глубоко вѣрна, несмотря на многія его полемическія преувеличенія и ошибки.

III.

„Москвитяне"-славянофилы не одинъ разъ отвѣчали на статьи противъ нихъ „неистоваго Виссаріона", но эти отвѣты были мало серьезны—въ родѣ доносительной поэзіи Языкова или бранчивой критики Шевырева. Только въ серединѣ 1847 года появилась первая серьезная статья противъ западниковъ и Бѣлинскаго, потребовавшая отъ Бѣлинскаго столь же серьезнаго и основательнаго отвѣта.

Вернувшись въ Петербургъ (24 сентября 1847 г.) изъ своей заграничной поѣздки, Бѣлинскій ознакомился съ вышедшей къ тому времени книжкой „Москвитянина", въ которой была между прочимъ напечатана статья—„О мнѣніяхъ Современника, историческихъ и литературныхъ". Авторомъ этой статьи былъ Ю. Самаринъ, скрывшійся за подписью „М... З... К..."; въ статьѣ своей онъ умно и корректно указалъ на нѣкоторые дѣйствительные и мнимые промахи и самопротиворѣчія „Современника"—новаго журнала Бѣлинскаго и его друзей,—на слишкомъ упрощенное трактованіе славянофильства Бѣлинскимъ и его идейными друзьями. Кое-что въ этихъ указаніяхъ заслуживало вниманія, кое-что было совершенно несправедливо, какъ мы это увидимъ ниже; но во всякомъ случаѣ это была серьезная статья, заслуживавшая серьезнаго отвѣта. Такимъ отвѣтомъ и явился со стороны Бѣлинскаго „Отвѣтъ Москвитянину".

Однако Бѣлинскій не могъ и не хотѣлъ выдержать свою статью въ холодномъ „академическомъ" стилѣ; онъ былъ раздраженъ статьей Самарина и намѣренно отвѣчалъ ему въ полемическомъ тонѣ, сильно обезцвѣченномъ однако цензурою. И дѣйствительно, Бѣлинскій имѣлъ основаніе считать себя задѣтымъ статьей Самарина: не говоря уже о томъ, что въ статьѣ этой дана вообще несправедливо пристрастная отрицательная характеристика Бѣлинскаго, еще болѣе могло быть непріятнымъ Бѣлинскому отношеніе Самарина къ его статьѣ „Взглядъ на русскую литературу въ 1846 году". Въ

этой первой статьѣ „Современника“ Бѣлинскій разорвалъ съ традиціями „Отеч. Записокъ“ и, сохранивъ до извѣстной степени свою прежнюю позицію по отношенію къ славянофиламъ, совершенно измѣнилъ тонъ полемики съ ними; онъ призналъ славянофильство замѣчательнымъ фактомъ русской жизни, съ которымъ надо считаться и мимо котораго во всякомъ случаѣ нельзя пройти съ пренебреженіемъ. Это мнѣніе славянофилы вообще и Самаринъ въ частности сочли полной сдачей Бѣлинскаго на капитуляцію и, не принявъ протянутой руки, продолжали свои нападенія. „Какъ люди, не привыкшіе къ благосклоннымъ о себѣ отзывамъ со стороны не принадлежащихъ къ нимъ литературныхъ партій,—отмѣчаетъ Бѣлинскій въ своей статьѣ,—они до того обрадовались отзыву г. Бѣлинскаго, что начали смотрѣть на всѣхъ своихъ противниковъ, какъ на разбитое въ прахъ войско, а на себя, какъ на великихъ побѣдителей. Вотъ что называется — не давши сраженія, торжествовать побѣду!“ Вѣроятно по этой причинѣ Бѣлинскій вернулся въ настоящей статьѣ къ прежнему своему полемическому тону. Была и еще одна причина — чисто внѣшняя: Бѣлинскій вернулся изъ своей заграничной поѣздки попрежнему измученный смертельной болѣзнью, нервный, раздражительный; немедленно на его голову свалилась куча непріятностей—московскіе друзья его, Боткинъ, Кавелинъ и др., поддерживали Краевскаго, „Современникъ“ давалъ дефицитъ и т. п. И Бѣлинскій поневолѣ слишкомъ раздраженно отнесся къ статьѣ Самарина. „Самаринъ—писалъ Бѣлинскій 20 ноября 1847 г. Анненкову—тиснулъ въ Москвитянинѣ статью, весьма пошлую и подлую, о Современникѣ; мнѣ надо было отвѣтить ему. Взялся-было за работу; не могу: лихорадочный жаръ, изнеможеніе...“ Только черезъ нѣсколько дней Бѣлинскій нѣсколько оправился, „принялся за работу и въ шесть дней намахалъ три съ половиною листа“... Онъ не старался щадить Самарина и впослѣдствіи даже упрекалъ Кавелина (въ свою очередь отвѣчавшаго Самарину) за слишкомъ мягкій тонъ отвѣта: „катать ихъ (славянофиловъ), мерзавцевъ!.. И Богъ вамъ судья, что отпустили живымъ одного изъ нихъ, имѣя его подъ пятою своею!“ (письмо къ Кавелину отъ

7 дек. 1847 г.). Замѣтимъ здѣсь, что отвѣтъ самого Бѣлинскаго Самарину произвелъ большое впечатлѣніе, былъ признанъ очень удачнымъ; тотъ же Кавелинъ написалъ Бѣлинскому восторженное письмо по поводу его „Отвѣта Москвитянину" (см. письмо Бѣлинскаго къ Кавелину отъ 22 ноября 1847 года).

Въ настоящее время такое мнѣніе можетъ быть принято только съ оговорками. Конечно, нечего и говорить, что собственно полемическая сторона статьи Бѣлинскаго могла быть только блестящей: мы уже не разъ видѣли, съ какой силой проявлялся этотъ талантъ Бѣлинскаго, какіе тяжелые удары умѣлъ онъ наносить. Такъ и теперь, въ своемъ отвѣтѣ Самарину Бѣлинскій нанесъ противнику не одинъ тяжелый ударъ. „Баричъ, который изучалъ народъ черезъ своего камердинера и который между служебными и свѣтскими обязанностями изъ году въ годъ высиживаетъ по статейкѣ, имѣя вдоволь времени показаться въ ней умнымъ, ученымъ и, пожалуй, талантливымъ": въ этой ядовитой характеристикѣ кое-что бьетъ прямо въ цѣль. Но, разумѣется, не только этой полемической стороной сильна и цѣнна статья Бѣлинскаго; въ ней мы находимъ рядъ интересныхъ и важныхъ экскурсовъ въ область вопросовъ объ искусствѣ, о „натуральной школѣ", о Гоголѣ и т. п. Все это такъ; однако, что касается самаго главнаго пункта статьи, возраженія на славянофильскія положенія, то тутъ Бѣлинскій во многихъ случаяхъ слишкомъ поверхностно понялъ славянофильство и смѣшалъ его съ явленіями, не имѣющими со славянофильствомъ почти ничего общаго.

Въ этомъ не было вины Бѣлинскаго. Только впослѣдствіи, когда и славянофильство и западничество стали уже пройденнымъ этапомъ русской мысли, возможно было отграничить славянофильство отъ совершенно чуждыхъ ему наслоеній. Надо помнить, что Бѣлинскій считалъ типичными славянофилами (и имѣлъ основаніе на это) такихъ людей, какъ Погодинъ и Шевыревъ; только впослѣдствіи стало ясно, что консервативный націонализмъ „Москвитянина" имѣетъ мало общаго съ подлиннымъ „славянофильствомъ" Хомякова, Кирѣевскаго, Аксакова. Сами славянофилы не

всегда умѣли проводить границы между собою и консервативно-націоналистическими теченіями; и хотя Хомяковъ въ частныхъ разговорахъ отзывался о Погодинѣ — „не нашъ“, однако органомъ славянофильства, даже въ глазахъ Хомякова и его друзей, продолжалъ оставаться „Москвитянинъ“; попытка чисто „славянофильскаго“ изданія, „Московскаго Сборника“, потерпѣла неудачу въ эпоху цензурнаго террора 1848 — 1855 гг. Бѣлинскій подъ „славянофильствомъ“ имѣлъ основаніе понимать и подлинное славянофильство и присосавшійся къ нему консервативный націонализмъ; мало того, Бѣлинскій, какъ человѣкъ „экстремы“, шелъ дальше въ этомъ направленіи: онъ приписалъ къ славянофильству и откровенно-реакціонный „Маякъ“. „*Маякъ* былъ самымъ крайнимъ и самымъ послѣдовательнымъ органомъ славянофильства“,—говоритъ Бѣлинскій въ своей статьѣ; въ эту добросовѣстную ошибку онъ впалъ именно потому, что преувеличилъ консервативные элементы славянофильства и въ то же время недооцѣнилъ его демократичности, не обратилъ достаточнаго вниманія на внутреннюю сущность славянофильства.

Было время, когда Бѣлинскій менѣе всего могъ назваться демократомъ; теперь, наоборотъ, онъ возмущается тѣмъ, что славянофилы „объявляютъ въ пользу своего литературнаго прихода монополію на симпатію къ простому народу. Откуда взялись у этихъ господъ притязанія на исключительное обладаніе всѣми этими добродѣтелями? Гдѣ, когда, какими книгами, сочиненіями, статьями доказали они, что они больше другихъ знаютъ и любятъ русскій народъ?“ Въ „народности“ славянофильства Бѣлинскій видитъ теперь простое повтореніе положеній французскаго соціализма. Въ письмѣ къ Кавелину отъ 22 ноября 1847 г. Бѣлинскій между прочимъ говоритъ: „вамъ, милый мой юноша, понравилось то, что̀ Самаринъ говоритъ о народѣ. Перечтите-ка да переведите эти фразы на простыя понятія, такъ и увидите, что это цѣликомъ взятыя у французскихъ соціалистовъ и плохо понятыя понятія о народѣ, абстрактно примѣненныя къ нашему народу. Если-бъ объ этомъ можно было писать, не рискуя впасть въ тонъ доноса, я бы потѣшился надъ нимъ за эту страницу“... Надо вспомнить, какъ относился въ 1847 году Бѣлинскій къ фран-

цузскимъ соціалистамъ, этимъ „соціальнымъ и добродѣтельнымъ осламъ", чтобы понять все презрѣніе, вложенное въ эту фразу. Характерно между прочимъ, что Бѣлинскій одновременно указывалъ на родство славянофиловъ и съ реакціоннымъ „Маякомъ" и съ утопическимъ соціализмомъ: очевидно, по его мнѣнію, одно другого стоило... Это даетъ лишній штрихъ къ той потерѣ Бѣлинскимъ „вѣры въ соціализмъ", о которой у насъ еще будетъ рѣчь въ слѣдующей статьѣ. Конечно, въ такомъ отношеніи къ славянофильству Бѣлинскій былъ вполнѣ неправъ: вовсе не конкретныя понятія французскихъ соціалистовъ абстрактно примѣняли славянофилы къ русскому народу, а какъ-разъ наоборотъ—абстрактныя построенія утопическаго соціализма были конкретно примѣнены ими къ вопросу о русской общинѣ. Тутъ вѣрно было только одно: что славянофилы многое взяли и переработали изъ западно-европейской мысли, что „они высосали эти понятія (о народѣ) изъ соціалистовъ и въ статьяхъ своихъ цитируютъ Жоржа Занда и Луи Блана",—какъ писалъ Бѣлинскій Анненкову 15 февр. 1848 г. Но именно потому понятія и мнѣнія эти были непріемлемы для Бѣлинскаго, особенно послѣ его потери „вѣры въ соціализмъ"; Бѣлинскій теперь, отказавшись отъ „абстрактныхъ построеній", весь былъ поглощенъ вопросами реальной политики—главнымъ образомъ объ освобожденіи крестьянъ. Поэтому его одинаково отталкивали обѣ стороны, которыя онъ находилъ въ славянофильствѣ—и патріархальная и соціалистическая; обѣ эти стороны онъ преувеличивалъ, а потому и былъ лишенъ возможности заглянуть въ славянофильство такъ глубоко, какъ десятью годами позднѣе это сдѣлалъ Герценъ.

Все это, однако, частные вопросы славянофильства, въ пониманіи которыхъ Бѣлинскій могъ во многомъ ошибаться; гораздо интереснѣе узнать, видѣлъ ли Бѣлинскій, въ чемъ заключена внутренняя сущность славянофильства. Несомнѣнно видѣлъ; но эта первооснова славянофильства показалась ему до того чуждой, имъ уже отброшенной и не стоющей опроверженія, что онъ только мимоходомъ и презрительно говорилъ о ней въ своихъ статьяхъ. Эта внутрен-

няя сущность славянофильства—то, что̀ можно назвать мистическимъ воспріятіемъ міра, „романтическимъ міропониманіемъ“; реализмъ западниковъ и „романтизмъ“ славянофиловъ — это были два полюса, между которыми не могло быть примиренія, это два противоположныхъ психологическихъ типа міропознанія, которые навсегда останутся враждебными другъ другу. Бѣлинскій, какъ мы знаемъ, прекрасно видѣлъ эту внутреннюю сущность славянофильства: и въ этой своей статьѣ и въ предъидущихъ онъ не одинъ разъ ставитъ на видъ славянофильскія „мистическія предчувствія“, „мистическія фразы“, „мистическое воззрѣніе“, „мистическую теорію“; но при этомъ самъ Бѣлинскій былъ до того глубокимъ реалистомъ по натурѣ, что ему и въ голову не могло прійти отнестись серьезно къ этимъ хотя бы чуждымъ и враждебнымъ воззрѣніямъ. Мистицизмъ былъ для него только пережиткомъ дѣтства и юношества; Бѣлинскій и не предполагалъ, что реализмъ и романтизмъ, раціонализмъ и мистицизмъ—два *равноправныхъ* психологическихъ типа міропониманія. Мы не удивимся этому, если вспомнимъ, что для многихъ и до сихъ поръ истина эта является совершенно недоступной. Бѣлинскій, повторяю, былъ глубокій реалистъ по своему психологическому типу; недаромъ онъ любилъ примѣнять къ себѣ слова: „я весь земной!“ Въ интуитивное познаваніе онъ не вѣрилъ; „въ небесахъ“ ему было „и пусто и холодно“... „То ли дѣло земля! — восклицаетъ Бѣлинскій: — на ней намъ и свѣтло и тепло, на ней все наше, все близко и понятно намъ, на ней наша жизнь и наша поэзія“... Прекрасно видя сущность мистическаго міропониманія, Бѣлинскій относился къ нему съ явно подчеркнутымъ презрѣніемъ; въ этомъ случаѣ онъ и славянофилы говорили на различныхъ языкахъ.

И однако друзья Бѣлинскаго „обвиняли“ его, послѣ появленія этой его статьи, въ славянофильствѣ — въ чемъ и были отчасти правы; самъ Бѣлинскій признавалъ это: „вы обвиняете меня въ славянофильствѣ; это не совсѣмъ неосновательно“ — писалъ Бѣлинскій Кавелину въ письмѣ отъ 22 ноября 1847 года. Въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“ Бѣлинскій обрушился на „гуманическихъ

космополитовъ“ и въ этомъ отношеніи приблизился къ славянофильству; и именно въ вопросѣ о народности и національности Бѣлинскій былъ гораздо ближе къ славянофиламъ, чѣмъ къ „гуманическимъ космополитамъ“, хотя желалъ отграничиться и отъ тѣхъ и отъ другихъ. „Терпѣть не могу я,— говоритъ Бѣлинскій въ томъ же письмѣ къ Кавелину,— восторженныхъ патріотовъ, выѣзжающихъ вѣчно на междометіяхъ или на квасу да на кашѣ; ожесточенные скептики для меня въ тысячу разъ лучше, ибо ненависть иногда бываетъ только особенною формой любви; но, признаюсь, жалки и непріятны мнѣ спокойные скептики, абстрактные человѣки, безпачпортные бродяги въ человѣчествѣ“... Эти гуманическіе космополиты не видятъ, что каждый народъ имѣетъ *свою* „основную субстанціальную стихію“, что „всѣ народы потому только и образуютъ своею жизнію одинъ общій аккордъ всемірно-исторической жизни человѣчества, что каждый изъ нихъ представляетъ собою особенный звукъ въ этомъ аккордѣ“. Такъ говорилъ Бѣлинскій еще въ 1844 году; эту же типично шеллингіанскую мысль высказывалъ Бѣлинскій и десятью годами ранѣе, въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“. Теперь, въ самомъ концѣ своей литературной дѣятельности, Бѣлинскій, давно уже отказавшійся и отъ шеллингіанства и отъ гегеліанства, снова возвращается къ этой мысли въ своихъ статьяхъ въ „Современникѣ“. И это сближаетъ его со славянофильствомъ: воюя съ кваснымъ патріотизмомъ, Бѣлинскій далекъ отъ ненавистнаго ему космополитизма и отъ высокомѣрнаго презрѣнія къ русскому народу; Бѣлинскій вѣритъ, что у народа этого есть своя „основная субстанціальная стихія“, что въ общую всемірно-историческую гармонію народъ русскій внесетъ собою свою особую ноту. И вотъ что̀ интересно: эту дорогую для него вѣру—быть можетъ, замѣнившую теперь потерянную „вѣру въ соціализмъ“ — Бѣлинскій не хотѣлъ высказывать полностью въ своихъ статьяхъ; онъ зналъ, какъ легко могутъ опошлить эту вѣру разные восторженные патріоты, выѣзжающіе на квасу да на кашѣ... Вотъ почему только въ письмахъ Бѣлинскаго двухъ послѣднихъ лѣтъ его жизни мы найдемъ эту вѣру, ярко и съ убѣжденіемъ выраженную; письма эти—

особенно къ Боткину отъ 8 марта 1847 г. и къ Кавелину отъ 22 ноября 1847 г.—прямое дополненіе „Отвѣта Москвитянину“. „Я,—пишетъ Бѣлинскій въ первомъ изъ этихъ писемъ, —я натура русская. Не хочу быть даже французомъ, хотя эту націю люблю и уважаю больше другихъ. Русская *личность* пока—эмбріонъ, но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбріона, какъ душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость!... Не думай, чтобъ я въ этомъ вопросѣ былъ энтузіастомъ. Нѣтъ, я дошелъ до его рѣшенія (для себя) тяжкимъ путемъ сомнѣнія и отрицанія. Не думай, чтобы я со всѣми объ этомъ говорилъ *такъ*: нѣтъ, въ глазахъ нашихъ квасныхъ патріотовъ, славяноп......, витязей прошедшаго и обожателей настоящаго, я всегда останусь тѣмъ, чѣмъ они до сихъ поръ считали меня“...

Но тутъ же надо указать, что и въ этой точкѣ кажущагося соприкосновенія со славянофилами Бѣлинскій по существу стоялъ на совершенно иной почвѣ, совсѣмъ на другое возлагалъ свои надежды: это достаточно ясно видно и изъ приведенныхъ выше словъ. Славянофилы вѣрили въ „субстанціальную стихію“ народной жизни, Бѣлинскій все возлагалъ на *личность*. „Вы пустили въ ходъ идею развитія личнаго начала, какъ содержаніе исторіи русскаго народа“,—писалъ Бѣлинскій Кавелину въ указанномъ выше письмѣ, говоря о знаменитой статьѣ Кавелина „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“; со всѣми положеніями этой столь враждебно принятой славянофилами статьи Бѣлинскій былъ всецѣло согласенъ. Нѣсколькими мѣсяцами позднѣе Бѣлинскій еще рѣзче отнесся къ славянофильскому взгляду на народъ. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ Анненкову (отъ 15 февр. 1848 г.) Бѣлинскій между прочимъ говоритъ: „наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности... Странный я человѣкъ! Когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піэтистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли,—

тутъ я и назадъ“... И какъ бы подчеркивая свою діаметральную противоположность со славянофилами, Бѣлинскій высказываетъ мысль, что „для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій“... Замѣтимъ кстати, что въ этомъ пунктѣ Бѣлинскій всегда рѣзко расходился со славянофилами. Не говоря уже о восхваленіи Петра въ письмѣ Бѣлинскаго къ Д. Иванову (отъ 7 августа 1837 г.), достаточно указать на нѣсколько страницъ изъ статьи 1842 года о „Рѣчи“ Никитенко и на цѣлый рядъ восторженныхъ мѣстъ изъ статей слѣдующихъ годовъ. И теперь, въ письмѣ къ Кавелину Бѣлинскій восклицаетъ: „для меня Петръ — моя философія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи“... Если вспомнить, что въ это самое время К. Аксаковъ написалъ свое сердитое обращеніе „Петру“ (1845 г.), то уже одно это можетъ обрисовать всю глубину пропасти между Бѣлинскимъ и славянофилами.

Итакъ, и въ частныхъ вопросахъ и въ общемъ воззрѣніи Бѣлинскій рѣзко расходился со славянофильствомъ; если онъ кое въ чемъ подходилъ ближе къ славянофиламъ, чѣмъ къ неумѣреннымъ западникамъ, „гуманическимъ космополитамъ“, то сближеніе это было очень условнымъ. Бѣлинскій любилъ русскій народъ, вѣрилъ въ его силы и въ его грядущую свободу—вотъ въ сущности то крайне неопредѣленное общее, на чемъ могли сойтись и славянофилы и Бѣлинскій; на этомъ свободно могли сойтись рѣшительно всѣ, кромѣ горсти „спокойныхъ скептиковъ“, „гуманическихъ космополитовъ“. Но даже и здѣсь Бѣлинскій разошелся со славянофилами, чѣмъ дальше, тѣмъ больше возлагая свои надежды не на народъ, а на *личность*, ибо съ потерей былой „вѣры въ соціализмъ“ Бѣлинскій вновь вернулся къ вопросу о личности; приведенныя выше выдержки изъ его писемъ лишній разъ подтверждаютъ это. И въ этомъ былъ опять-таки пунктъ расхожденія Бѣлинскаго со славянофильствомъ.

Много вѣрнаго въ отвѣтѣ Бѣлинскаго „Москвитянину“ и славянофиламъ,—но есть и ошибки, отмѣченныя выше: нельзя было, напримѣръ, отождествлять славянофильство съ консервативнымъ національнымъ „Москвитянина“ или съ патріархальной реакціонностью „Маяка“. Впрочемъ

эта ошибка была въ то же время исторически почти-что неизбѣжна, какъ мы это уже замѣтили выше; гораздо важнѣе была другая ошибка Бѣлинскаго — его презрѣніе къ основной духовной сущности славянофильства, но мы знаемъ, что и эта ошибка была психологически неизбѣжна для Бѣлинскаго, глубокаго и послѣдовательнаго реалиста. Вотъ почему въ эту его статью должны быть внесены и историческія и психологическія поправки; но и безъ нихъ статья эта остается крайне важной для характеристики того, какъ вожди западничества понимали славянофильство.

Но и обратно: изъ этой же статьи можно убѣдиться, насколько лучшіе изъ славянофиловъ плохо понимали западничество; Бѣлинскій приводилъ не одинъ примѣръ этого въ своей статьѣ. Выясняется также, какъ мало знали они Бѣлинскаго, какъ ошибочно смотрѣли на главнаго изъ своихъ противниковъ; достаточно прочесть хотя бы то, что̀ пишетъ о Бѣлинскомъ такой добросовѣстный противникъ, какимъ былъ Самаринъ. „Бѣлинскій почти никогда не является самимъ собою и рѣдко пишетъ по свободному внушенію... Съ тѣхъ поръ, какъ онъ явился на поприщѣ критики, онъ былъ всегда подъ вліяніемъ чужой мысли. Несчастная воспріимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отрекаться скоро и рѣшительно отъ вчерашняго образа мыслей“...—и т. п., и т. п.: вотъ характеристика Бѣлинскаго Самаринымъ; она поистинѣ можетъ считаться классической въ смыслѣ полной противоположности съ дѣйствительностью. Мы знаемъ, какъ глубоко самостоятеленъ былъ всегда Бѣлинскій, какъ строго критически относился онъ всегда къ „чужой мысли“, какъ всегда и всюду былъ онъ самимъ собою, съ какой болью и трудомъ порывалъ онъ со „вчерашнимъ образомъ мыслей“; поэтому вся характеристика Самарина становится только забавной, какъ попадающая, что называется, пальцемъ въ небо. Но Бѣлинскаго она своей несправедливостью задѣла за живое, и онъ далъ на нее великолѣпный отвѣтъ, какъ бы подводя имъ итоги всей своей литературной дѣятельности.

1910 г.

Годовые обзоры литературы.

I.

Годовые обзоры русской литературы Бѣлинскій сталъ послѣдовательно писать лишь съ конца 1840 года—и вплоть до 1847-го; но „обзоръ“ этихъ „годовыхъ обзоровъ“ нельзя не начать съ первой статьи Бѣлинскаго—съ „Литературныхъ мечтаній“, представляющихъ изъ себя тоже „обзоръ“ русской литературы, но только не *годовой*, а *вѣковой*.

„Литературныя Мечтанія“—первое выступленіе Бѣлинскаго въ области критики, опредѣлившее собою всю дальнѣйшую дорогу „неистоваго Виссаріона“. Восторженная любовь къ искусству, жажда осмысленной и цѣльной жизни, тонкое пониманіе художественныхъ произведеній, борьба съ дутыми знаменитостями, вѣрная оцѣнка прошлаго и предвидѣніе будущаго, жгучая ненависть и любовь, стремленіе „къ правдѣ вѣчной“—все отразилось въ этой статьѣ, являющейся великолѣпнымъ „предисловіемъ“ ко всей критической дѣятельности Бѣлинскаго. Въ знаменитыхъ статьяхъ о Пушкинѣ, написанныхъ десятью годами позднѣе (1843—1846 гг.), въ наиболѣе зрѣлый періодъ дѣятельности, Бѣлинскій далъ намъ какъ бы „послѣсловіе“ къ ней (подобно тому, какъ своимъ письмомъ къ Гоголю онъ какъ бы далъ намъ свое „завѣщаніе“, по выраженію Герцена); но, несмотря на все различіе философскихъ воззрѣній и общественныхъ идеаловъ въ эти двѣ эпохи—литературные приговоры Бѣлинскаго остались по существу прежними и стали съ

тѣхъ поръ достояніемъ учебниковъ словесности. Это, кстати замѣтить, показываетъ, что къ началу своего выступленія на критическомъ поприщѣ Бѣлинскій уже вполнѣ закончилъ выработку своихъ литературныхъ взглядовъ,—что является разительнымъ контрастомъ его дальнѣйшему колебанію въ области вопросовъ философскихъ и соціальныхъ. Хотя въ пылкой „элегіи“ юнаго критика были и ошибки, и увлеченія, и невѣрныя сужденія, отъ которыхъ Бѣлинскій впослѣдствіи самъ отказался, но въ цѣломъ и основномъ взгляды „Литературныхъ Мечтаній“ — общіе наши взгляды; вотъ почему именно съ Бѣлинскаго и именно съ его „элегіи въ прозѣ“ ведетъ свое начало русская критика.

И до „Литературныхъ Мечтаній“ было не мало разныхъ литературныхъ „обозрѣній“ (какимъ съ внѣшней стороны является и статья Бѣлинскаго); въ этихъ обозрѣніяхъ и до Бѣлинскаго высказывалось не мало вполнѣ вѣрныхъ критическихъ взглядовъ. Бестужевъ-Марлинскій еще за десять лѣтъ до „Литературныхъ Мечтаній“ высказывалъ нѣкоторые взгляды, повторенные Бѣлинскимъ; Полевой и еще болѣе Надеждинъ были замѣчательными предшественниками Бѣлинскаго въ области критики. Бѣлинскій не въ пустынѣ строился: онъ имѣлъ талантливыхъ предшественниковъ, имѣлъ и подготовленный матеріалъ для постройки; но почему же именно статьи Бѣлинскаго стали краеугольнымъ камнемъ зданія русской критики? Это зависитъ, конечно, и отъ степени таланта, и отъ упорной работы мысли, и отъ яркости проявленія чувства; но главное здѣсь—та органическая *цѣльность воззрѣній*, которая такъ характерна для Бѣлинскаго. И у Надеждина тоже были „цѣльныя воззрѣнія“ на искусство, на литературу, но они не были органически соединены со всѣмъ его существомъ. Для Бѣлинскаго же искусство, литература, наука, религія, общество, природа, вселенная—все это было одно органическое цѣлое, съ которымъ онъ былъ неразрывно связанъ, и которое онъ такъ ярко проявлялъ. Начиная именно съ Бѣлинскаго, критика перестаетъ быть узко-литературной и становится выраженіемъ и проявленіемъ *цѣльнаго міровоззрѣнія*.

„Литературныя Мечтанія“ начинаютъ собою рядъ статей

Бѣлинскаго 1834—1836 гг.—эпохи конца русскаго шеллингіанства; мысли, высказанныя въ своей „элегіи въ прозѣ", Бѣлинскій развиваетъ и дополняетъ въ послѣдующихъ статьяхъ: „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя", „Ничто о ничемъ", „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя". Всѣ эти статьи построены на одномъ и томъ же фундаментѣ, на одномъ и томъ же цѣльномъ воззрѣніи, которое мы теперь намѣтимъ въ общихъ чертахъ, обращаясь для этого къ знаменитой „элегіи въ прозѣ".

Собственно-литературныя положенія этой статьи Бѣлинскаго крайне несложны. „Литературныя Мечтанія" съ внѣшней стороны представляютъ изъ себя не что иное, какъ краткую исторію русской литературы, начиная съ петровской эпохи. Реформа Петра привела къ рѣзкому раздѣленію „общества" и „народа"; русская словесность стала съ этихъ поръ выраженіемъ и отраженіемъ исключительно этого „общества", въ то время какъ истинная литература должна быть типично „народною", должна быть проявленіемъ національнаго, народнаго духа. Слѣдовательно—„у насъ нѣтъ литературы": это основная тема всей „элегіи въ прозѣ" Бѣлинскаго. Съ такой точки зрѣнія Бѣлинскій обозрѣваетъ всю русскую „изящную словесность" послѣ-петровскаго времени,—„отъ Ломоносова, перваго ея генія, до г-на Кукольника, послѣдняго ея генія"... Шагъ за шагомъ разбирая и оцѣнивая литературу этого вѣкового періода, Бѣлинскій находитъ въ ней только немногихъ истинныхъ выразителей народнаго духа. Ихъ всего четверо: Державинъ—„великій, геніальный Русскій поэтъ"; Крыловъ—едва-ли не равный Державину, „геніальный поэтъ Русскій"; Грибоѣдовъ—„едва-ли не равный Пушкину", и, наконецъ, самъ Пушкинъ—о которомъ „грѣшно говорить смиренною прозою"... Вотъ и вся русская литература, „вотъ всѣ ея представители,—говоритъ Бѣлинскій:—другихъ покуда нѣтъ и не ищите ихъ. Но могутъ ли составить цѣлую литературу четыре человѣка, являвшіеся не въ одно время?" А потому—„у насъ нѣтъ литературы: я повторяю это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ"...

Такова основная мысль „Литературныхъ Мечтаній", мысль, которую мы должны и въ настоящее время признать вѣрной по существу—если только вѣрны исходные взгляды Бѣлинскаго. Дѣйствительно, вся русская литература была тогда еще въ будущемъ, ибо только съ Пушкина проявляется во всей своей силѣ та „народная" (въ смыслѣ Бѣлинскаго) литература, литература Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Достоевскаго, Толстого, которая является „своимъ словомъ" русскаго народа въ міровой культурной жизни. Но этотъ выводъ вѣренъ лишь постольку, поскольку вѣрны исходные пункты Бѣлинскаго, его взгляды на „народность", его эстетическія теоріи. Въ этихъ положеніяхъ—сущность „Литературныхъ Мечтаній", на которой надо особенно внимательно остановиться.

Литературно-критическіе выводы Бѣлинскаго основываются на продуманной и глубокой эстетической системѣ, пользовавшейся въ то время большой *народностью* (такъ говорили тогда, вмѣсто „популярностью")—системѣ русскаго шеллингіанства, проповѣдникомъ и апологетомъ которой былъ Бѣлинскій. Это было цѣльное міровоззрѣніе, духомъ котораго пропитана каждая мысль, каждое положеніе статьи великаго критика; горячее убѣжденіе и цѣльность воззрѣній сказываются на каждомъ шагу—даже въ области „полемическихъ сшибокъ" съ безпринципностью Сенковскаго, Булгарина, „Библіотеки для Чтенія" и „Инвалидныхъ Прибавленій къ Литературѣ" (такъ Бѣлинскій юмористически именовалъ журнальчикъ Воейкова—„Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду"). Все у Бѣлинскаго проникнуто цѣльнымъ настроеніемъ и цѣльной мыслью; цѣльное философское воззрѣніе скрывается у него подъ формой литературной критики. Въ рецензіи (1835 г.) на романъ г-жи Монборнъ „Жертва", Бѣлинскій ярко и опредѣленно высказалъ главную мысль своего міровоззрѣнія той эпохи: „жизнь человѣческая—восклицаетъ Бѣлинскій — есть не сонъ, не мечта, не греза; цѣль ея не наслажденіе, не счастіе, не блаженство: нѣтъ, она есть великій даръ Провидѣнія. Безумный хватается за этотъ даръ, какъ за игрушку, и легкомысленно играетъ имъ, какъ игрушкою; мудрый принимаетъ его съ

покорностію, но и съ трепетомъ, ибо знаетъ, что это есть драгоцѣнный залогъ, который онъ долженъ будетъ нѣкогда возвратить въ чистотѣ и цѣлости, что это есть тяжкій страдальческій крестъ, наградою котораго будетъ терновый вѣнецъ и чувство исполненнаго долга. Выразить достоинство человѣческое, проявить въ себѣ идею Божества—вотъ назначеніе смертнаго; и вотъ почему, вслѣдствіе справедливаго закона вѣчной премудрости, сила заключается въ слабости, величіе въ ничтожествѣ, безконечность въ ограниченности; и вотъ почему скудельный, волнуемый своекорыстными страстями сосудъ человѣка можетъ быть жилищемъ Духа Святого. Безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ усилій нѣтъ побѣды. Два пути ведутъ человѣка къ его цѣли: путь *разумѣнія* и путь *чувства*, и благо ему, когда они оба сливаются въ пути *дѣятельности!*"

Это исповѣданіе вѣры кружка Станкевича періода шеллингіанства читатели найдутъ и въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ"; эти же мысли высказаны тамъ Бѣлинскимъ не только по отношенію къ человѣку, но и по отношенію къ человѣчеству; „выразить достоинство человѣческое, проявить въ себѣ идею Божества"— въ этомъ назначеніе не только отдѣльнаго человѣка, но и цѣлаго народа. А внутренняя жизнь народа отражается и закрѣпляется въ его *литературѣ*: такъ подходитъ Бѣлинскій отъ основаній русскаго шеллингіанства къ основной идеѣ своей статьи.

Что̀ такое литература? Литература—отвѣчаетъ по-шеллингіански Бѣлинскій — есть собраніе художественно-словесныхъ произведеній геніевъ искусства, которые выражаютъ въ своихъ творчествѣ всю внутреннюю жизнь своего народа до ея сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній. Это опредѣленіе и пониманіе литературы тѣсно связываетъ ее съ воззрѣніями, во-первыхъ, философско-*эстетическими* и, во-вторыхъ— философско-*соціологическими*. Что̀ такое искусство? что̀ такое народъ? Бѣлинскій понимаетъ, что отвѣты на эти вопросы являются фундаментомъ всей его статьи; отвѣчая на нихъ, онъ набрасываетъ контуры цѣльнаго философскаго воззрѣнія, и только уже на этомъ прочномъ основаніи строитъ свои литературно-критическіе выводы. Намъ необходимо выяснить

эти основныя воззрѣнія Бѣлинскаго, которыя онъ дополнялъ и развивалъ во всѣхъ послѣдующихъ статьяхъ 1835—1836 года.

Вотъ эти воззрѣнія Бѣлинскаго. Искусство есть „выраженіе великой идеи Вселенной“, подобно тому, какъ сама вселенная есть только выраженіе „единой вѣчной идеи, проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ“. Проявленіе этой идеи—борьба между добромъ и зломъ, свѣтомъ и мракомъ, постепенное совершенствованіе человѣчества; отраженіе этой идеи — цѣль искусства. „Изображать, воспроизводить въ словѣ, въ звукѣ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы — вотъ единая и вѣчная тема искусства! Поэтическое одушевленіе есть отблескъ творящей силы природы“. И подобно тому, какъ эта творящая сила обнимаетъ собою все—и ужасное, и великое, и малое, и простое, такъ и поэзія, отблескъ этой силы, должна быть всеобъемлюща, „безпристрастна“ (*объективна*—скажетъ Бѣлинскій позднѣе). Поэзія не должна ограничивать себя рамками, заранѣе намѣченной цѣлью—„ибо поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя“; но въ то же время свободный духомъ и „безпристрастный“ поэтъ не долженъ быть „безстрастнымъ“: поэзія, какъ отблескъ творящей силы въ человѣкѣ, должна быть пронизана горячимъ чувствомъ, пламеннымъ сочувствіемъ, должна быть *субъективна* (по позднѣйшему же выраженію Бѣлинскаго). Поэтъ долженъ откликаться, подобно эхо, на все: въ этомъ объективизмъ поэзіи; но отклики эти должны пройти черезъ „пламенное сочувствіе“, черезъ горнило души поэта: въ этомъ его субъективизмъ. Сочетаніе этихъ двухъ элементовъ — вотъ идеалъ поэта; такова мысль, проходящая черезъ всю статью Бѣлинскаго.

Это соединеніе „объективизма“ съ „субъективизмомъ“ тѣсно связано съ мыслью о *безцѣльности* искусства. Цѣль у искусства есть („изображеніе идеи всеобщей жизни природы“), и въ то же время оно безцѣльно: не трудно узнать въ этихъ словахъ варіаціи на одно изъ положеній эстетики Канта (извѣстное Бѣлинскому хотя бы изъ критическихъ статей Надеждина). „Красота есть форма *цѣле-*

сообразности предмета, поскольку она воспринимается безъ представленія цѣли",—говорилъ Кантъ; прекрасное цѣлесообразно, не будучи представляемо, какъ цѣлесообразное: представленіе *цѣли* унижаетъ прекрасное и уничтожаетъ эстетическое дѣйствіе. Эти же мысли проводилъ и Шеллингъ, находя святость и чистоту искусства въ его абсолютной автономности. Вотъ источникъ утвержденій Бѣлинскаго (мы съ ними встрѣтимся ниже), что „творчество *безцѣльно съ цѣлію*": это значитъ, что поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя—въ этомъ ея объективизмъ, и что въ то же время она должна быть „цѣлесоразмѣрна" (соразмѣрна съ цѣлью въ самой себѣ)—и въ этомъ ея субъективизмъ.

Отсюда борьба Бѣлинскаго со всякой „намѣренностью" въ искусствѣ. „Чувствуешь намѣреніе и теряешь настроеніе"—сказалъ Гете, и слова эти одинаково относятся и къ процессу творчества и къ процессу эстетическаго восприниманія: цѣль уничтожаетъ эстетическое дѣйствіе. И хотя проявленіе единой вѣчной идеи въ нравственномъ мірѣ человѣка сказывается въ формахъ борьбы добра и зла, въ вѣчномъ совершенствованіи человѣчества, однако тотъ, кто вздумалъ бы сознательно проводить эти положенія въ творчествѣ—тотъ не поэтъ. То, что *прекрасно*,—eo ipso и нравственно и разумно; „эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности". „Доколѣ поэтъ слѣдуетъ безотчетно мгновенной вспышкѣ своего воображенія, дотолѣ онъ нравственъ, дотолѣ онъ и поэтъ; но какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тему, онъ—уже философъ, мыслитель, моралистъ, онъ теряетъ надо мной свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованіе и заставляетъ меня сожалѣть о себѣ, если при истинномъ талантѣ имѣетъ похвальную цѣль, и презирать себя, если силится опутать мою душу тенетами вредныхъ мыслей". Если вспомнить при этомъ презрительное отношеніе русскихъ шеллингіанцевъ кружка Станкевича къ „нравственной точкѣ зрѣнія" или къ „морали" (противопоставляемой „нравственности" и „полнотѣ жизни"), то эстетическія воззрѣнія Бѣлинскаго обрисуются передъ нами во всей своей цѣльности и послѣдовательности.

Таковы философско-*эстетическія* основанія, на которыхъ

Бѣлинскій строитъ свое пониманіе и свое опредѣленіе литературы; но это только одна половина вопроса: мы видѣли, что второй половиной его являются положенія философско-*соціологическія*. Литература есть выраженіе въ художественномъ творчествѣ внутренней жизни народа: но что же такое „народъ", въ чемъ его внутренняя жизнь, что такое „народность"? На всѣ эти вопросы отвѣчало русское шеллингіанство тридцатыхъ годовъ, и отвѣты эти въ слѣдующее десятилѣтіе были развиты въ славянофильствѣ; идеи Бѣлинскаго, эпохи „Литературныхъ Мечтаній", очень близко подходятъ поэтому къ основнымъ положеніямъ позднѣйшаго славянофильства.

Народности суть индивидуальности человѣчества — подробное развитіе этого шеллингіанскаго положенія занимаетъ много мѣста въ статьѣ Бѣлинскаго. „Каждый народъ, сообразно съ своимъ характеромъ... играетъ въ великомъ семействѣ человѣческаго рода свою особенную, назначенную ему Провидѣніемъ роль, и вноситъ въ общую сокровищницу его успѣховъ на поприщѣ самосовершенствованія свою долю, свой вкладъ; другими словами: каждый народъ выражаетъ собою одну какую-нибудь сторону жизни человѣчества". „Каждый народъ, вслѣдствіе непреложнаго закона Провидѣнія, долженъ выражать своею жизнью одну какую-нибудь сторону жизни цѣлаго человѣчества; въ противномъ случаѣ этотъ народъ не живетъ, а только прозябаетъ, и его существованіе ни къ чему не служитъ". Все это—основныя положенія шеллингіанской философіи исторіи; славянофильская окраска этихъ мыслей заключается въ подчеркиваніи не единства человѣчества, а различія путей составляющихъ его народностей. Чѣмъ болѣе народъ *самобытенъ*, тѣмъ цѣннѣе его вкладъ „въ общую сокровищницу успѣховъ человѣчества" (характеренъ съ этой точки зрѣнія эпиграфъ изъ „Горе отъ ума" къ четвертой главкѣ „Литературныхъ Мечтаній"); самобытность же эта заключается главнымъ образомъ въ народныхъ *обычаяхъ*. Исконный народный бытъ, соединенный съ „просвѣщеніемъ"—вотъ идеалъ историческаго развитія народа. Реформа или, вѣрнѣе, революція Петра попыталась искоренить народные обычаи,—но была въ со-

стояніи только вогнать клинъ между „народомъ“ и „обществомъ“; русская „изящная словесность“ стала проявленіемъ и отраженіемъ именно этого „общества“,—а потому она и не литература. Только четыре геніальныхъ поэта сумѣли преодолѣть это раздѣленіе и отразить въ своихъ творческихъ произведеніяхъ внутреннюю жизнь народа до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній.

Мы вернулись къ началу статьи Бѣлинскаго—и видимъ теперь, какая главная мысль проходитъ черезъ всѣ „Литературныя Мечтанія“: это—мысль о *свободномъ творчествѣ* поэта, безсознательно проявляющаго въ своемъ творчествѣ внутреннюю жизнь *народа*, къ которому онъ принадлежитъ. Мы видимъ теперь, что именно эта мысль позволяетъ критику закончить свою „элегію въ прозѣ“ бодрымъ и восторженнымъ пророчествомъ, что у насъ еще наступитъ „истинная эпоха искусства“, что у насъ еще будетъ литература, достойная великаго народа. Во взглядахъ Бѣлинскаго на народность и въ эстетическихъ теоріяхъ его заключена та основная мысль „Литературныхъ Мечтаній“, на которой строятся Бѣлинскимъ его литературно-критическіе выводы.

„Литературныя Мечтанія“ начинающаго писателя произвели шумъ въ журнальномъ мірѣ Москвы и Петербурга. Хотя статья и не была подписана полнымъ именемъ (подпись гласила: *—онъ—инскій*), но, конечно, въ литературныхъ кругахъ всѣ знали, кто скрывается за этой подписью, а также и за буквами *В. Б.* (какъ тоже нерѣдко подписывался Бѣлинскій). Изъ переписки Станкевича извѣстно, какъ „взбѣсился“ Шевыревъ, слегка задѣтый въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“; еще болѣе озлобился Воейковъ, вскорѣ осыпавшій Бѣлинскаго цѣлымъ градомъ полемическихъ замѣтокъ. Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ“—уже черезъ годъ послѣ появленія статьи Бѣлинскаго—напалъ на нее съ беззубымъ остроуміемъ въ анонимной полемической статьѣ (Бѣлинскій отвѣчалъ ему короткой, но ядовитой „журнальной замѣткой“ въ № 47 „Молвы“ за 1835 г.). Наконецъ, появилась даже цѣлая повѣсть небезъизвѣстнаго тогда романиста Ушакова, являющаяся прямымъ пасквилемъ на Бѣлинскаго („Піюша“, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1835 г., № 7). Все это показы-

ваетъ, что значеніе и силу юнаго критика сразу оцѣнили— и прежде всего, конечно, во вражескомъ станѣ. Но тутъ же надо упомянуть, что начинающій писатель снискалъ не только лестную ненависть враговъ, но и сочувственное вниманіе такого человѣка, какъ Пушкинъ.

II.

„Литературныя Мечтанія“ были для Бѣлинскаго первымъ опытомъ „обзора“ литературы,—не „годового“, а „вѣкового“ обзора. Первымъ, опять-таки не „годовымъ“, а на этотъ разъ „полугодовымъ“ обзоромъ была статья Бѣлинскаго „Ничто о ничемъ, или отчетъ г. издателю Телескопа за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы“; эта статья является первымъ опытомъ Бѣлинскаго дать обзоръ литературныхъ явленій минувшаго года. Но какъ и въ позднѣйшихъ обзорахъ, такъ и въ этомъ Бѣлинскій не ограничивается сухимъ перечнемъ произведеній минувшаго года, а даетъ цѣльное воззрѣніе на всю русскую литературу. Въ этой статьѣ „Ничто о ничемъ“, появившейся въ началѣ 1836 года, Бѣлинскій повторяетъ и развиваетъ взгляды, высказанные имъ годомъ раньше въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“.

„Литература есть народное самосознаніе, и тамъ, гдѣ нѣтъ этого самосознанія, тамъ литература есть или скороспѣлый плодъ, или средство къ жизни, ремесло извѣстнаго класса людей. Если и въ такой литературѣ есть прекрасныя и изящныя созданія, то они суть исключительныя, а не положительныя явленія, а для исключеній нѣтъ правила“... Эти заключительныя строки статьи „Ничто о ничемъ“ резюмируютъ собою содержаніе всей статьи и въ то же самое время являются главнымъ положеніемъ „Литературныхъ Мечтаній“. Теоретическое обоснованіе этой мысли, — заключающееся, какъ мы знаемъ, въ принципѣ свободнаго творчества, въ первенствѣ эстетическаго чувства и въ безсознательномъ проявленіи „народности“,—еще и еще разъ подтверждается въ статьѣ „Ничто о ничемъ“. „Эстетическое чувство есть

основа добра, основа нравственности, — снова повторяетъ Бѣлинскій: — ...гдѣ нѣтъ владычества искусства, тамъ люди не добродѣтельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны"... Истинно нравственнымъ можетъ быть только „безцѣльное" искусство, искусство, не ставящее себѣ никакой предвзятой моральной цѣли. И въ этомъ „безцѣльномъ" искусствѣ не можетъ не отразиться—но совершенно „безсознательно"—„народность" истиннаго художника. Ибо— „что̀ такое народность въ литературѣ? Отраженіе индивидуальности, характерности народа, выраженіе духа внутренней и внѣшней его жизни, со всѣми ея типическими оттѣнками, красками и родимыми пятнами—не такъ ли?"—спрашиваетъ Бѣлинскій, и продолжаетъ: — „если такъ, то, мнѣ кажется, нѣтъ нужды поставлять такой народности въ обязанность истинному таланту, истинному поэту; она сама собой непремѣнно должна проявляться въ творческомъ созданіи... Если личность поэта должна отражаться въ его твореніяхъ, то можетъ ли не отражаться въ нихъ его народность?" Какъ видимъ, все это является настойчивымъ повтореніемъ главныхъ положеній эстетической теоріи Бѣлинскаго: „безцѣльное творчество" и „безсознательная народность" поэта.

Что касается до собственно критическихъ сужденій Бѣлинскаго о текущей русской литературѣ, то въ этой статьѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ великолѣпная характеристика „Библіотеки для Чтенія". Бѣлинскій справедливо призналъ громадное вліяніе этого журнала на широкую массу читающей публики, вліяніе, слѣды котораго сказываются еще и въ настоящее время: даже орѳографія „Библіотеки для Чтенія" очень скоро стала общепринятой во всей читающей Россіи, перешла во всѣ остальные журналы и примѣняется нами до сихъ поръ. Мало кто знаетъ, что даже обычное теперь въ научныхъ трудахъ отдѣленіе апострофомъ русскихъ падежныхъ окончаній отъ иностранныхъ именъ собственныхъ (напр.: „явленіе, открытое *Wundt'омъ*", „законъ *Hertz'а*" и т. п.) было нововведеніемъ „Библіотеки для Чтенія" и ея редактора Сенковскаго. Эти характерныя мелочи указываютъ на степень распространенности и влія-

нія (конечно, вліянія чисто внѣшняго) „Библіотеки для Чтенія“; недаромъ самъ Бѣлинскій признавалъ, что журналъ этотъ проникъ даже въ такіе углы матушки-Россіи, гдѣ раньше можно было встрѣтить только буквари да сонники... Это тѣсно связано съ той *провинціальностью*, въ которой Бѣлинскій видитъ причину успѣховъ этого журнала. Вся эта характеристика „Библіотеки для Чтенія“ донынѣ остается классической и блестящей.

Бѣлинскій останавливается на одной изъ повѣстей, помѣщенной въ этомъ журналѣ въ серединѣ 1835 года; подробный пересказъ этой слабой повѣсти („Піюша“) былъ сдѣланъ Бѣлинскимъ по той причинѣ, что въ ней подъ именемъ „Висяши“, Виссаріона Кривошеина, выведенъ самъ онъ, Бѣлинскій. Сочинитель этого пасквиля, довольно извѣстный тогда Ушаковъ, авторъ чрезмѣрно расхваленнаго критиками — и Бѣлинскимъ въ томъ числѣ — романа „Киргизъ-Кайсакъ“, былъ жестоко оскорбленъ, во-первыхъ, отзывомъ о себѣ Бѣлинскаго въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, а во-вторыхъ — рецензіей Бѣлинскаго на новую книгу Ушакова „Досуги Инвалида“. Уже въ предисловіи къ этой своей книгѣ Ушаковъ со скрытой злобою оповѣщалъ читателей, что-де онъ имѣетъ счастіе не нравиться нѣкоторымъ „ученымъ“ журналамъ—имѣя въ виду „Телескопъ“ и „Молву“. Бѣлинскій въ своей рецензіи иронически отнесся и къ этому заявленію Ушакова и къ самой его книгѣ. „Ни одной свѣтлой мысли,—писалъ Бѣлинскій,—ни одного занимательнаго положенія, ни одной хорошей картины нѣтъ въ его скучномъ и вяломъ разсказѣ; все такъ обще, истерто, старо, что никакъ не можешь примириться съ мыслью, что читаешь произведеніе автора Киргизъ-Кайсака“. Эта рецензія Бѣлинскаго появилась въ началѣ апрѣля 1835 года („Молва“, № 13); а въ іюльскомъ томѣ „Библіотеки для Чтенія“ уже была напечатана повѣсть Ушакова „Піюша“, съ подзаголовкомъ: „Каррикатура“. Въ карикатурномъ видѣ выводится здѣсь Виссаріонъ Кривошеинъ, нахальный юноша, исключенный изъ университета и занимающійся частными уроками, недоучившійся студентъ, плѣнившійся ученіемъ Шеллинга и дерзающій судить-рядить обо всемъ. „Когда вы читаете хоро-

шую книгу и, наслаждаясь ею, въ душѣ говорите спасибо автору, и вдругъ вамъ приносятъ журналъ, въ которомъ та же книга оцѣнена ниже поношенныхъ лаптей—повѣрьте, что эта оцѣнка сдѣлана Висяшею",—говорилъ въ своей повѣсти Ушаковъ; очевидно, что эта „хорошая книга" — „Досуги Инвалида" самого Ушакова, а оцѣнка этой книги „ниже поношенныхъ лаптей", это—рецензія Виссаріона Бѣлинскаго, переименованнаго авторомъ въ *Виссаріона Кривошеина* (какъ извѣстно, Бѣлинскій былъ сутуловатъ). Этотъ недостойный пасквиль Ушакова былъ первымъ „не литературнымъ" выпадомъ противниковъ Бѣлинскаго; впослѣдствіи ему не одинъ разъ приходилось встрѣчаться съ аналогичными позднѣйшими не-литературными выходками его литературныхъ враговъ. Интересно привести для сравненія одинъ изъ такихъ позднѣйшихъ пасквилей, появившійся уже въ 1843 году. Въ романѣ „Жизнь, какъ она есть" одного бездарнѣйшаго графомана той эпохи, нѣкоего Л. Бранта, выводится между прочимъ на сцену въ карикатурномъ видѣ рядъ литераторовъ—Сенковскій, Гречъ, Краевскій, Панаевъ и др.; въ числѣ ихъ находится и Бѣлинскій, къ которому Л. Брантъ питалъ ненависть за безпощадные отзывы о своихъ произведеніяхъ. Вотъ портретъ Бѣлинскаго (разумѣется, не названнаго по имени): „... тотъ, что̀ пониже ростомъ, немного косой, съ лицомъ, свороченнымъ въ одну сторону—главный критикъ энциклопедіи, человѣкъ не совсѣмъ глупый и не безъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, но съ такими превратными понятіями о вещахъ и съ такимъ страннымъ, ошибочнымъ направленіемъ ума, что лучше было бы для ближнихъ и для него самого, если-бъ онъ былъ совершеннымъ глупцомъ и невѣждой..." Далѣе этотъ критикъ именуется „молодчикомъ", съ которымъ „стыдятся говорить даже собратія по ремеслу", и т. п. Въ этомъ пасквилѣ заслуживаетъ вниманія только одна черта: „лицо, свороченное въ одну сторону": сопоставляя съ этимъ названіе „Кривошеина" изъ пасквиля Ушакова, написаннаго почти десятью годами ранѣе, мы получаемъ, повидимому, объективную черту наружности Бѣлинскаго—ту, которую Кавелинъ смягчалъ словами: „онъ былъ сутуловатъ". Къ слову сказать, къ выпадамъ Л. Бранта Бѣлин-

скій отнесся съ такимъ же спокойнымъ презрѣніемъ, какъ и къ „каррикатурѣ“ Ушакова: онъ подробно выписалъ изъ обоихъ „произведеній“ всѣ задѣвающія его мѣста и предоставилъ ихъ судить читателямъ.

Въ заключеніе необходимо остановиться на выясненіи одной обычной ошибки историковъ литературы, ошибки, связанной съ заглавіемъ этой статьи Бѣлинскаго, ея начальными фразами и отношеніемъ Бѣлинскаго этой эпохи къ Пушкину. Отношеніе это, какъ мы уже отмѣтили выше, было двойственнымъ во всѣхъ статьяхъ Бѣлинскаго „телескопскаго періода“. Съ одной стороны Пушкинъ именуется великимъ поэтомъ, о которомъ „грѣшно говорить смиренною прозою“, а съ другой стороны провозглашается, что „1830-мъ годомъ кончился Пушкинъ“; до 1830 года Пушкинъ — великій художникъ, послѣ 1830 года онъ временно или навсегда замеръ. Еще въ 1829-мъ году Надеждинъ обрушился на Пушкина за его „Графа Нулина“, заявивъ, что произведеніе это вполнѣ соотвѣтствуетъ носимому имъ имени, что изъ ничего ничего не бываетъ, что „Нулинъ“ есть нуль, совершенное ничто... Обыкновенно предполагается, что начальныя строки статьи Бѣлинскаго „Ничто о ничемъ“ (а также и самое заглавіе) отражаютъ собою вліяніе этихъ надеждинскихъ нападеній на Пушкина. „Помните ли вы, — спрашиваетъ Бѣлинскій, обращаясь къ Надеждину, — какъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ писателей, изъ первостатейныхъ геніевъ, угомонилъ на смерть свою литературную славу тѣмъ, что вздумалъ писать о *ничемъ* и весь вылился въ *ничто?..*“ И далѣе: „если я не пользуюсь ни тѣнію той лучезарной славы, которою сіялъ нѣкогда помянутый великій писатель, то вмѣстѣ не имѣю и искры его генія, который нашелся, хотя и къ конечной погибели своей репутаціи, высказаться въ *ничемъ* на нѣсколькихъ страницахъ“. Въ этомъ обыкновенно видятъ рѣзкое нападеніе Бѣлинскаго на Пушкина и намеки на его „Графа Нулина“.

Все это сплошное недоразумѣніе. Бѣлинскій не могъ говорить, что Пушкинъ „угомонилъ на смерть свою литературную славу“, не могъ говорить о „конечной погибели репутаціи“ того самаго Пушкина, о которомъ „грѣшно го-

ворить смиренною прозою“. Бѣлинскій говоритъ здѣсь вовсе не о Пушкинѣ, а иронизируетъ надъ *Булгаринымъ*, который въ 1833 г. помѣстилъ въ смирдинскомъ альманахѣ „Новоселье“ (часть первая, стр. 405—416) небольшую статейку подъ заглавіемъ „*Ничто*, или альманачная статейка *о ничемъ*“. Въ этой статейкѣ — какъ и въ самомъ заглавіи ея — часто встрѣчается сочетаніе тѣхъ двухъ словъ, которыя Бѣлинскій взялъ для заглавія своей статьи. Наши модные авторы— говоритъ, напримѣръ, Булгаринъ — „не два и не три часа говорятъ *ничто*, но всю жизнь будутъ говорить и писать *ничто* и *о ничемъ*“ (стр. 410): это буквально заглавіе статьи Бѣлинскаго. И далѣе Булгаринъ на протяженіи всей статейки склоняетъ „ничто“ на всѣ лады, занимаясь по пути и самовосхваленіемъ, и самооправданіемъ, и разными обычными булгаринскими выходками. Бѣлинскій имѣлъ полное основаніе иронически замѣтить, что этой статейкой о „ничемъ“ на нѣсколькихъ страницахъ Булгаринъ, — этотъ „знаменитѣйшій писатель“ и „первостатейный геній“,—„угомонилъ на смерть свою литературную славу“, ибо журналы того времени (въ томъ числѣ и „Телескопъ“ и „Молва“) очень сурово отнеслись къ этой статейкѣ „знаменитаго“ писателя; Полевой въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1833 г. ядовито отозвался, что „г. Булгаринъ весь *вылился въ Ничто*“. Эти слова Полевого Бѣлинскій дословно повторяетъ въ приведенной выше фразѣ, саркастически именуя Булгарина „первостатейнымъ геніемъ“, сіяющимъ „лучезарною славою“ и т. п. Какъ могли до сихъ поръ относить эти слишкомъ явныя насмѣшки къ Пушкину— совершенно непонятно, тѣмъ болѣе непонятно, что самъ Бѣлинскій впослѣдствіи не одинъ разъ вспоминалъ объ этой статейкѣ Булгарина и ядовитыхъ словахъ Полевого („Отеч. Записки“, 1840 г., № 2; id., № 4 и друг.).

Но зато — и это тоже еще не было замѣчено — въ другомъ мѣстѣ этой своей статьи „Ничто о ничемъ“ Бѣлинскій, дѣйствительно, косвенно задѣлъ Пушкина, разсказывая о томъ, какъ русскіе поэты XVIII вѣка воспѣвали меценатовъ и вельможъ, какъ поэты эти „надѣли на себя ливреи людей богатыхъ и важныхъ, и, за ихъ столами, въ *восторгѣ радости, запѣли пѣсни дивныя, живыя*“. Казалось бы, что это не имѣетъ

отношенія къ Пушкину; но дѣло въ томъ, что когда Пушкинъ написалъ свое великолѣпное посланіе „Къ вельможѣ“ (1830 г.), то Полевой обвинилъ Пушкина въ низкопоклонствѣ и, пародируя одно изъ пушкинскихъ стихотвореній, писалъ, что поэтъ „какъ орелъ“—

Съ земли далеко улетѣлъ,
Въ передней у вельможи сѣлъ,
И пѣсни дивныя, живыя
Въ восторгѣ радости запѣлъ.

Эти недостойные стихи Бѣлинскій теперь повторяетъ — правда, примѣняя ихъ не къ Пушкину; впослѣдствіи, въ своихъ пушкинскихъ статьяхъ, Бѣлинскій восхищался посланіемъ „Къ вельможѣ“ и возмущался, что нѣкоторые „крикливые глупцы“ осмѣлились оскорбить поэта нелѣпыми полемическими выходками.

Несомнѣнно одно: хотя и въ заглавіи, и въ начальныхъ фразахъ статьи „Ничто о ничемъ“ Бѣлинскій нападаетъ вовсе не на Пушкина, однако, онъ позволяетъ себѣ косвенные (быть можетъ, не намѣренные) намеки на мнимо-отрицательныя стороны Пушкина, признавая его въ то же время великимъ, геніальнымъ поэтомъ. Только два года спустя Бѣлинскій взглянулъ болѣе правильно на творчество великаго поэта.

III.

Итакъ, еще въ 1836 году Бѣлинскій далъ „обозрѣніе“ литературы предшествовавшаго года въ статьѣ „Ничто о ничемъ, или отчетъ г. издателю «Телескопа» за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы“. Начиная съ 1841 года, Бѣлинскій будетъ давать ежегодно такіе литературные обзоры минувшаго года, сперва въ „Отеч. Запискахъ“ (обзоры за 1840—1845 гг.), а затѣмъ въ „Современникѣ“ (обзоры за 1846 и 1847 гг.). Не ограничиваясь сухимъ перечнемъ и критической оцѣнкой литературныхъ явленій минувшаго года, Бѣлинскій всегда даетъ въ этихъ обзорахъ синтетическій взглядъ на всю русскую литературу въ ея цѣломъ,

освѣщаетъ ея прошлую исторію, характеризуетъ ея настоящее, намѣчаетъ возможное будущее: поэтому эти ежегодные обзоры являются однѣми изъ наиболѣе интересныхъ и цѣнныхъ статей Бѣлинскаго.

Обзоръ русской литературы 1840 года является особенно интереснымъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія; въ немъ мы имѣемъ съ одной стороны какъ бы резюмированіе всей предыдущей полосы дѣятельности Бѣлинскаго, а съ другой — намѣчающееся новое его направленіе. Заключая этой статьей свою критическую дѣятельность тридцатыхъ годовъ, Бѣлинскій на порогѣ новаго десятилѣтія вновь ставитъ старый вопросъ о существованіи русской литературы. Съ этимъ вопросомъ Бѣлинскій шестью годами ранѣе впервые выступилъ въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, о чемъ самъ онъ упоминаетъ въ настоящей статьѣ, въ которой обращается къ пересмотру этого вопроса. Вопросу этому Бѣлинскій придаетъ громадное значеніе; безъ ложной скромности онъ говоритъ, что съ этого вопроса „начинается новая эпоха нашей литературы и нашего общественнаго образованія, потому что онъ есть живое свидѣтельство потребности сознанія и мысли“.

Какъ же ставитъ теперь Бѣлинскій этотъ вопросъ и какъ рѣшаетъ его? Рѣшаетъ онъ его почти по-старому, но ставитъ по-новому. Рѣшеніе прежнее или почти прежнее: „у насъ нѣтъ литературы“, ибо „литература есть сознаніе народа“, а русская литература не является проявленіемъ этого сознанія; исключенія—Крыловъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, и колоссальнѣйшее исключеніе—Пушкинъ, съ котораго собственно и начинается русская литература и котораго Бѣлинскій считаетъ теперь „великимъ міровымъ поэтомъ“. „Повторяемъ: у насъ еще нѣтъ литературы какъ выраженія духа и жизни народной, но она уже начинается,—а это въ такой короткій періодъ времени—успѣхъ, и успѣхъ великій, который не долженъ обольщать насъ въ настоящемъ, но который долженъ казаться залогомъ великихъ надеждъ въ будущемъ“,—эти заключительныя строки настоящей статьи почти дословно взяты изъ заключительныхъ словъ „Литературныхъ Мечтаній“, съ той только разницей, что въ на-

стоящемъ уже признается начало русской литературы. И еще цѣлый рядъ отдѣльныхъ мѣстъ настоящей статьи, не говоря уже объ основной идеѣ, является буквальнымъ повтореніемъ или изложеніемъ соотвѣтственныхъ мѣстъ первой статьи Бѣлинскаго. Это возвращеніе ко взглядамъ „Литературныхъ Мечтаній“ идетъ такъ далеко назадъ, что Бѣлинскій забываетъ даже, что отъ нѣкоторыхъ взглядовъ своей „элегіи въ прозѣ“ онъ потомъ отказался; такъ, напримѣръ, онъ снова отказывается отъ исторической точки зрѣнія на русскую литературу: „гдѣ ея историческое развитіе? — спрашиваетъ онъ: — скажите, въ какомъ отношеніи между собою находятся эти поэты—Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ? Докажите, что Жуковскій непремѣнно долженъ былъ явиться послѣ Карамзина, а не прежде!..“ Эта совершенно невѣрная точка зрѣнія является утрированнымъ возвращеніемъ къ взглядамъ „Литературныхъ Мечтаній“; Бѣлинскій какъ будто забылъ, что еще въ своей статьѣ 1838 года о „критикѣ“ онъ отказался отъ этого своего прежняго неисторическаго воззрѣнія на русскую литературу и выдвинулъ впередъ историческое ея пониманіе. Но, конечно, Бѣлинскій не забылъ этой своей поправки, а намѣренно отказался отъ нея въ настоящей статьѣ. Въ указанной выше статьѣ о критикѣ къ историческому взгляду его привело „примиреніе съ дѣйствительностью“—и онъ „принялъ“ даже Греча и Сенковскаго, даже Булгарина и Орлова; теперь же, въ эпоху своего духовнаго перелома (статья писана въ декабрѣ 1840 года), въ эпоху разрыва съ „разумной дѣйствительностію“, непримиримое настроеніе Бѣлинскаго заставило его временно отринуть нѣкоторые даже и вѣрные свои взгляды эпохи „примиренія“. Вскорѣ Бѣлинскій отказался отъ этой своей ошибочной точки зрѣнія и окончательно пришелъ къ историческому пониманію развитія русской литературы.

Итакъ, въ рѣшеніи вопроса о существованіи русской литературы мы имѣемъ почти полное возвращеніе къ основнымъ положеніямъ „Литературныхъ Мечтаній“; но въ постановкѣ этого вопроса играютъ роль причины, совершенно не имѣвшія мѣста въ „элегіи въ прозѣ“ и характерныя

только для Бѣлинскаго 1840 года. Эти причины Бѣлинскій намѣчаетъ въ письмѣ къ К. Аксакову (отъ 23 августа 1840 г.). „Мы люди внѣ общества, — писалъ тогда Бѣлинскій, — потому что Россія не есть общество! У насъ нѣтъ ни политической, ни религіозной, ни ученой, ни литературной жизни“... Итакъ, причины отсутствія у насъ литературы—соціальныя: у насъ нѣтъ общества, а потому нѣтъ и литературы. Въ этихъ мысляхъ сказывается новый Бѣлинскій — періода разрыва съ „разумной дѣйствительностью“, начинающагося періода соціальности; и еще долго, вплоть до 1843 года, будутъ звучать у Бѣлинскаго ноты отрицанія литературы за отсутствіемъ ея питающей почвы—общества. Ограничусь двумя примѣрами: „увы, другъ мой, — пишетъ Бѣлинскій Боткину (27 іюня 1841 г.),—безъ общества нѣтъ ни дружбы, ни любви, ни духовныхъ интересовъ, а есть только порыванія ко всему этому... О чемъ писать?.. О движеніи промышленности, администраціи, общественности, о литературѣ, наукѣ? — но у насъ ихъ нѣтъ“. Какъ видимъ, это все одно и то же прежнее положеніе — у насъ нѣтъ литературы; но причины этого лежатъ теперь уже въ соціальной почвѣ. И два года спустя въ письмѣ къ тому же Боткину (отъ 31 марта 1843 г.) Бѣлинскій замѣчаетъ: „будь литература на Руси выраженіемъ общества, а слѣдовательно и потребностью его... ты написалъ бы горы“... Это является только повтореніемъ словъ настоящаго „обзора“. Мы видимъ такимъ образомъ здѣсь тѣ мотивы „соціальности“, которые станутъ главенствующими въ критическомъ творчествѣ Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ.

И въ другихъ отношеніяхъ статья „Русская литература въ 1840 году“ является одной изъ характерныхъ „рубежныхъ“ статей Бѣлинскаго, стоящихъ на рубежѣ между періодами его нѣмецкой „умозрительности“ и французской „соціальности“. Съ этой точки зрѣнія особенно характерно то мѣсто статьи, гдѣ Бѣлинскій даетъ сравнительную характеристику Германіи, Франціи и Англіи, особенно первыхъ двухъ. Въ указанной выше статьѣ 1838 года о критикѣ Бѣлинскій также сопоставлялъ „различіе духа“ нѣмцевъ и французовъ; конечно, это сопоставленіе оказалось крайне

невыгоднымъ для французовъ: мы знаемъ, что Бѣлинскій въ это время былъ ожесточеннымъ „французоѣдомъ" и продолжалъ имъ быть и въ 1839-мъ и въ 1840-мъ году. Но теперь, въ концѣ 1840 года, въ Бѣлинскомъ уже совершался поворотный кризисъ отъ „умозрительной" и „художественной" точки зрѣнія къ соціальной; и именно въ декабрѣ 1840 года, когда писался этотъ годовой обзоръ, Бѣлинскій восклицалъ въ письмѣ къ Боткину (отъ 11 дек. 1840 г.): „тяжело и больно вспомнить! А дичь, которую изрыгалъ я въ неистовствѣ, съ пѣною у рта, противъ французовъ — этого энергическаго, благороднаго народа, льющаго кровь свою за священнѣйшія права человѣчества!.. Проснулся я— и страшно вспомнить мнѣ о моемъ снѣ"... Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ—и Бѣлинскій впадетъ въ противоположную крайность „нѣмцеѣдства" и будетъ восклицать: „Аллахъ, Аллахъ, зачѣмъ ты сотворилъ Нѣмцевъ?!..." (1847 г.); но даже и теперь, въ началѣ 1841 года, Бѣлинскій выражаетъ надежду, что „Нѣмцамъ предстоитъ возможность сдѣлаться людьми, человѣками и перестать быть Нѣмцами" (письмо къ Боткину отъ 1 марта 1841 г.). Въ настоящемъ обзорѣ Бѣлинскій стоитъ еще на рубежѣ совершающагося кризиса: онъ попрежнему отрицаетъ художественное значеніе „эфемерной" французской литературы, „восторженныя бредни Жоржа Занда" и т. п., но тутъ же подчеркиваетъ, какъ нѣчто положительное, „соціальный характеръ" французскаго искусства и признаетъ „огромное вліяніе" французской литературы. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь первое возстаніе Бѣлинскаго противъ своего былого „французоѣдства" и первое признаніе имъ „соціальности", какъ неизбѣжнаго и положительнаго фактора.

Отрицая художественное значеніе французской литературы, и все же признавая за ней „огромное вліяніе", Бѣлинскій, очевидно, стоялъ все на той же проводимой имъ еще много разъ раньше точкѣ зрѣнія о разграниченіи „искусства" и „беллетристики". Это раздѣленіе настойчиво проводилось Бѣлинскимъ, начиная съ 1838 года; мы еще увидимъ, что оно не менѣе настойчиво продолжалось проводиться имъ до конца сороковыхъ годовъ; мы увидимъ

также, какое большое значеніе имѣло это разграниченіе въ развитіи позднѣйшихъ воззрѣній Бѣлинскаго. Наконецъ, мы увидимъ болѣе правильное рѣшеніе Бѣлинскимъ вопроса о существованіи русской литературы. Но уже здѣсь можно указать, что, отрицая существованіе русской литературы, Бѣлинскій былъ и правъ, и неправъ. Онъ былъ неправъ, такъ какъ уклонился отъ исторической точки зрѣнія на русскую литературу; но онъ былъ правъ, отрицая *міровое* значеніе современной ему русской литературы. Только одного Пушкина призналъ онъ міровымъ поэтомъ, но и то вскорѣ взялъ это свое мнѣніе обратно.

Настоящій обзоръ является заключеніемъ цѣлаго ряда предыдущихъ статей Бѣлинскаго и въ то же время введеніемъ къ новому ряду статей сороковыхъ годовъ; онъ стоитъ на рубежѣ разрыва съ невѣрно понятой гегеліанской теоріей „разумной дѣйствительности“ и примиренія съ идеей „соціальности“. Не надо однако думать, что Бѣлинскій отнынѣ вообще порвалъ съ гегеліанствомъ; наоборотъ, 1841—1843 гг. ознаменованы усиленнымъ вліяніемъ гегеліанства на Бѣлинскаго, но это вліяніе теперь ограничено главнымъ образомъ теоріей искусства, хотя и въ этой области Бѣлинскій скоро подвергнется инымъ вліяніямъ. Въ области же общественныхъ и политическихъ вопросовъ Бѣлинскій рѣзко перешелъ къ новой системѣ — „соціальности“ вообще и „соціализма“ въ частности; вѣра въ соціализмъ скоро заступила у него мѣсто былой вѣры въ „разумную дѣйствительность“.

IV.

Слѣдующимъ годовымъ обзоромъ была большая статья „Русская литература въ 1841 году“, въ которой Бѣлинскій еще разъ во многомъ повторилъ мысли изъ „Литературныхъ Мечтаній“.

„Литературныя Мечтанія“ Бѣлинскаго были напечатаны въ мало извѣстной, а въ сороковыхъ годахъ и совершенно

позабытой „Молвѣ“; Бѣлинскій же, очевидно, настолько дорожилъ мыслями этой своей первой критической статьи, что захотѣлъ повторить ихъ семь лѣтъ спустя для болѣе широкой аудиторіи—читателей „Отечественныхъ Записокъ“. Воспользовавшись формой воскрешеннаго имъ годового литературнаго обзора, Бѣлинскій въ этой своей статьѣ снова далъ обобщающее обозрѣніе всей русской литературы послѣпетровскаго времени. Дѣлая это, онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду задуманную имъ „исторію русской литературы“; годовой обзоръ 1841 года можетъ считаться краткимъ конспективнымъ изложеніемъ одного изъ главныхъ отдѣловъ этой предполагавшейся книги: развернуть этотъ конспектъ въ обширную книгу было только дѣломъ времени. Нѣсколько страницъ о Державинѣ изъ настоящей статьи разрослись въ большую статью „Сочиненія Державина“, 1843 года; точно такъ же рядъ страницъ о Пушкинѣ является какъ бы предисловіемъ къ уже задуманнымъ „пушкинскимъ статьямъ“ 1843—1846 гг.

Мнѣ уже приходилось подчеркивать постоянство литературно-критическихъ взглядовъ Бѣлинскаго, столь противоположное измѣнчивости его философскихъ воззрѣній; крайне интереснымъ является поэтому детальное сравненіе настоящаго обзора съ „Литературными Мечтаніями“. Даже въ мелочахъ остался вѣренъ Бѣлинскій своимъ литературнымъ взглядамъ „телескопскаго“ періода: стоитъ сравнить, напримѣръ, мимолетную характеристику Языкова и Хомякова въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ съ такой же характеристикой въ настоящей статьѣ. Я не имѣю возможности шагъ за шагомъ сравнить настоящую статью съ „Литературными Мечтаніями“; въ видѣ частнаго примѣра остановлюсь только на Карамзинѣ. „Карамзинъ предположилъ себѣ цѣлью — *пріучить, пріохотить русскую публику къ чтенію*“, говорилъ Бѣлинскій въ первой своей статьѣ; въ настоящей статьѣ подробно развивается та главная мысль, что „Карамзинъ *первый* родилъ въ обществѣ потребность чтенія, размножилъ читателей во всѣхъ классахъ общества, создалъ русскую публику“; и тогда и теперь Бѣлинскій справедливо видѣлъ въ этомъ главную

литературную заслугу Карамзина, прямое слѣдствіе его стилистической реформы. Прослѣдите подробно за этими двумя характеристиками, отдѣленными одна отъ другой цѣлымъ семилѣтіемъ, и вы увидите, какъ твердо стоялъ Бѣлинскій на разъ выработанной точкѣ зрѣнія; но тутъ же вы увидите, насколько возмужали и развились воззрѣнія Бѣлинскаго: это возмужаніе характеризуется *исторической точкой зрѣнія* на литературу. Бѣлинскій теперь понимаетъ историческую необходимость и законность сентиментализма, въ то время какъ раньше онъ считалъ его только „смѣшнымъ и жалкимъ дѣтствомъ", „маніей странной и неизъяснимой". Мы уже знаемъ, что эта историческая точка зрѣнія была однимъ изъ наиболѣе плодотворныхъ слѣдствій русскаго гегеліанства. Правда, Бѣлинскій уже миновалъ тотъ періодъ принятія „разумной дѣйствительности", когда онъ готовъ былъ дойти до признанія даже романовъ А. А. Орлова; по крайней мѣрѣ тогда онъ признавалъ историческое значеніе Сумарокова и даже его заслуги въ дѣлѣ развитія русскаго театра, а теперь Бѣлинскій, измѣняя своей исторической точкѣ зрѣнія, снова съ презрѣніемъ относится къ этому якобы „бездарному писакѣ". Однако если мы вспомнимъ, что въ томъ же 1841 году издавались С. Глинкою сочиненія Сумарокова съ восторженными комментаріями издателя, то некритическое мнѣніе Бѣлинскаго окажется достаточно понятнымъ и оправданнымъ.

Коснусь еще одной частности—окончательно установившагося къ этому времени отношенія Бѣлинскаго къ такъ называемому „женскому вопросу", такъ какъ въ обзорѣ 1841 года Бѣлинскій впервые (если не считать мелкихъ рецензій 1841 года) высказалъ свой новый взглядъ на назначеніе женщины и рѣзко разорвалъ со своимъ былымъ отрицательнымъ взглядомъ на этотъ вопросъ. Этотъ былой взглядъ особенно выпукло былъ выраженъ въ рецензіи 1835 года на переводный романъ г-жи Монборнъ „Жертва": въ этой рецензіи Бѣлинскій признаетъ только одно назначеніе женщины — быть „ангеломъ-хранителемъ мужчины на всѣхъ ступеняхъ его жизни"; самостоятельная же дѣятельность женщины ему ненавистна. Женщина, стремящаяся къ

самостоятельности, къ „эмансипаціи"—нравственный уродъ, воплощеніе безнравственности; „une femme émancipée—восклицаетъ Бѣлинскій—это слово можно-бъ очень вѣрно перевести однимъ русскимъ словомъ, да жаль, что его употребленіе позволяется въ однихъ словаряхъ, да и то не во всѣхъ, а только въ самыхъ обширныхъ"... Это, кажется, предѣлъ; его же не прейдеши — ненависти къ „женскому вопросу", къ „эмансипаціи"; естественно, что особенно ненавистна была Бѣлинскому „женщина-писательница", какъ представительница типа femme émancipée: отсылаю читателя къ саркастическому восхваленію „эмансипаціи" вообще и женщинъ-писательницъ въ особенности въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя". Естественна также ненависть Бѣлинскаго къ Жоржъ Зандъ, которая не только была талантливой писательницей, но сверхъ того и проповѣдывала въ своихъ романахъ столь ненавистную Бѣлинскому „эмансипацію". Еще въ статьѣ о „Менцелѣ", т.-е. въ 1839—1840 г., Бѣлинскій съ негодованіемъ говоритъ о „г-жѣ Дюдеванъ, или извѣстномъ, но отнюдь не славномъ Жоржъ Зандъ", и о проповѣди ею „идей сенсимонизма" о равноправіи половъ. Но тутъ подошелъ гегеліанскій кризисъ Бѣлинскаго и рѣзкая перемѣна его взглядовъ на общественные вопросы; рѣзко измѣнились взгляды Бѣлинскаго и на женскій вопросъ. Онъ становится все болѣе и болѣе восторженнымъ поклонникомъ таланта Жоржъ Зандъ: если въ одной изъ рецензій начала 1841 года (на повѣсть Ж. Зандъ „Мозаисты") онъ еще дипломатично говоритъ, что „всѣмъ извѣстенъ талантъ знаменитой повѣствовательницы, равно какъ и ея недостатки", то уже мѣсяцъ спустя, въ рецензіи на романъ „Мопрà" того же автора, Бѣлинскій провозглашаетъ Жоржъ Зандъ „геніальной женщиной" и „адвокатомъ женщины". А еще мѣсяцемъ позже Бѣлинскій пишетъ Боткину: „... надо мнѣ познакомиться съ сенсимонистами. Я на женщину смотрю ихъ глазами" (28 іюня 1841 г.; см. также письмо отъ 8 сент. того же года). Наконецъ въ обзорѣ 1841 года Бѣлинскій провозглашаетъ необходимость „эмансипаціи" женщины и съ негодованіемъ возстаетъ противъ обычнаго „истинно киргизъ-

кайсацкаго мнѣнія“ о женщинахъ, мнѣнія, которое онъ самъ такъ еще недавно высказывалъ.

Быть можетъ, въ зависимости отъ этого новаго пониманія „женскаго вопроса“ стоитъ и чрезмѣрно восторженное отношеніе Бѣлинскаго къ нѣкоторымъ русскимъ писательницамъ того времени, особенно къ Фадѣевой-Ганъ, писавшей подъ псевдонимомъ *Зенеида Р—ва*. Бѣлинскій называетъ ее „авторомъ многихъ превосходныхъ повѣстей“, считаетъ ее „примѣчательнѣйшимъ талантомъ современной литературы“ и т. п. Полтора года спустя, послѣ смерти г-жи Ганъ, Бѣлинскій написалъ даже большую статью „Сочиненія Зенеиды Р—вой“ (1843 г.), въ которой снова повторилъ свой „сенсимонистскій“ взглядъ на женщину и далъ краткій этюдъ о женщинахъ-писательницахъ въ Россіи; тутъ онъ болѣе сдержанно относится къ „Зенеидѣ Р—вой“ и подчеркиваетъ многіе недостатки ея произведеній, хотя и признаетъ въ ней „талантъ замѣчательный, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ дарованій“. Современному читателю не трудно убѣдиться, что талантъ „Зенеиды Р—вой“ былъ самый посредственный, обыденный, и что оцѣнка его Бѣлинскимъ крайне преувеличена; но это преувеличеніе было совершенно непроизвольнымъ, такъ какъ Бѣлинскій былъ подкупленъ „присутствіемъ живыхъ общественныхъ интересовъ и идеальнымъ взглядомъ на достоинство жизни, человѣка и женщины въ особенности“—въ произведеніяхъ этой писательницы. О позднѣйшихъ взглядахъ Бѣлинскаго на назначеніе женщины я уже говорилъ, по поводу разбора имъ типа пушкинской Татьяны [1]).

Возвращаюсь къ настоящей статьѣ Бѣлинскаго, къ ея основному тезису: я уже указалъ на ея связь съ „Литературными Мечтаніями“, теперь надо указать, что эта связь доходитъ почти до тождественности главнаго тезиса. „У насъ нѣтъ литературы!“—восклицалъ Бѣлинскій въ своей „Элегіи въ прозѣ“, а лейтмотивомъ настоящей статьи является знаменитый пушкинскій стихъ о книгахъ: „Да гдѣ-жъ онѣ? Давайте ихъ!“ Снова обозрѣвая, какъ и въ „Литературныхъ

---

[1]) См. выше статью «Поэзія душевнаго единства».

Мечтаніяхъ“, всю русскую литературу отъ Ломоносова, Бѣлинскій снова находитъ только нѣсколькихъ писателей, которыхъ еще продолжаютъ читать. Интересно сравнить эти выводы двухъ статей: въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій называлъ въ концѣ концовъ четырехъ „безсмертныхъ“ и „геніальныхъ“ русскихъ писателей — Державина, Крылова, Грибоѣдова и Пушкина; теперь онъ вычеркиваетъ изъ этого списка Державина, но зато прибавляетъ двухъ-трехъ новыхъ, называя Крылова, Жуковскаго, Батюшкова, Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Онъ признаетъ теперь, что „какова бы ни была наша литература, но она— огромное явленіе для какихъ-нибудь ста лѣтъ“; и однако Бѣлинскій все-таки еще отказывается признать существованіе русской литературы. Онъ стоитъ еще на той точкѣ зрѣнія, которую высказалъ годомъ раньше въ своемъ обзорѣ литературы за 1840 годъ: „русская литература только-что начинается, но ея еще нѣтъ“, писалъ онъ тамъ; и теперь онъ повторяетъ, что „вся надежда на будущее“. И это несмотря на то, что самъ Бѣлинскій указываетъ теперь на „историчность“ своего взгляда на литературу (подчеркивая „*историческое* достоинство оригинальныхъ стихотвореній Жуковскаго“); какимъ же образомъ онъ могъ настаивать на своемъ прежнемъ, отнюдь не историческомъ взглядѣ на русскую литературу? Это объясняется тѣмъ, что Бѣлинскій пожелалъ сохранить свое прежнее опредѣленіе литературы, какъ выраженія народнаго духа. „Литература есть народное самосознаніе“,—говорилъ тогда Бѣлинскій и находилъ, что, слѣдовательно, нѣсколько талантовъ не составляютъ еще литературы; теперь онъ неудачно пытается соединить этотъ взглядъ съ исторической точкой зрѣнія. „Вы говорите, что я нашелъ въ нашей литературѣ даже внутреннюю историческую послѣдовательность,—пишетъ теперь Бѣлинскій:—правда, но все это еще не составляетъ литературы въ полномъ смыслѣ слова. Литература есть народное сознаніе, выраженіе внутреннихъ, духовныхъ интересовъ общества, которыми мы пока еще очень небогаты. Нѣсколько человѣкъ еще не составляютъ общества“... Здѣсь новая „общественная“ точка зрѣнія соединяется съ былымъ не-историческимъ пониманіемъ

литературы; такое сочетаніе могло быть только переходнымъ. И дѣйствительно, въ 1843 году, въ статьѣ „Общее значеніе слова литература“, Бѣлинскій опредѣляетъ литературу, какъ „сознаніе народа, исторически выразившееся“, и находитъ въ русской литературѣ „живую, органическую связь“. Въ томъ же году, въ первой изъ „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскій заявилъ, что „несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе, слѣдовательно, у нея есть исторія“... Мы увидимъ, что въ своихъ послѣднихъ статьяхъ 1847—1848 г. Бѣлинскій еще разъ вернулся къ этому вопросу начала своей литературной дѣятельности и далъ на него отвѣтъ единственно возможный при историческомъ пониманіи литературы.

Заключаю двумя мелкими указаніями по поводу этого обзора 1841 года. Достоевскій передаетъ (въ „Дневникѣ писателя“ 1873 г.) разговоръ между Бѣлинскимъ и Герценомъ по поводу этой статьи и по поводу ея діалогической формы. Другой фактъ характернѣе. Боткинъ въ началѣ 1842 года писалъ Краевскому, что эта „статья Бѣлинскаго привела Шевырева въ негодованіе до того, что онъ посвятилъ одну цѣлую лекцію на опроверженіе ея“... Это очень характерно: учёный и небездарный профессоръ русской литературы съ высоты науки опровергалъ статью „недоучившагося студента“; но не прошло и четверти вѣка, какъ почти всѣ положенія этой статьи стали основными для всякаго, изучающаго исторію русской литературы.

V.

Два годовые обзора — „Русская литература въ 1842 году“ и „Русская литература въ 1843 году“ — представляютъ особенный интересъ, первый — въ виду того, что въ немъ Бѣлинскій долженъ былъ отозваться на появленіе въ 1842 году „Мертвыхъ Душъ“, а второй—въ виду заключающагося въ немъ классическаго очерка исторіи русскаго романа.

Небольшой обзоръ литературы за 1842 г. интересенъ, кромѣ того, своимъ историко-литературнымъ вступленіемъ: въ немъ Бѣлинскій даетъ краткій очеркъ исторіи „литературныхъ обозрѣній“, начиная съ Марлинскаго, и характеристику той эпохи, когда у насъ впервые возникли эти обозрѣнія—эпохи „романтизма“ двадцатыхъ годовъ. Кое-что въ этой характеристикѣ является повтореніемъ аналогичныхъ мыслей изъ статьи Бѣлинскаго о „Горѣ отъ ума“.

Изъ литературныхъ событій 1842 года Бѣлинскій подробнѣе всего останавливается, разумѣется, на „Мертвыхъ Душахъ“, изъ-за которыхъ ему уже столько пришлось ломать копій въ этомъ 1842 году [1]. И въ настоящей статьѣ онъ не обинуясь называетъ поэму Гоголя „однимъ изъ тѣхъ капитальныхъ произведеній, которыя составляютъ эпохи въ литературахъ“. Надо ознакомиться съ тономъ всѣхъ—даже наиболѣе благожелательныхъ—критикъ 1842 г., чтобы увидѣть и оцѣнить степень критической прозорливости Бѣлинскаго: за исключеніемъ К. Аксакова, брошюрка котораго была своего рода литературнымъ курьезомъ, всѣ остальные сочувствующіе критики—Плетневъ, Шевыревъ—находили произведеніе Гоголя талантливымъ, замѣчательнымъ, но далеко не понимали его истиннаго значенія, не понимали, что это произведеніе „составляетъ эпоху“ въ русской литературѣ. Мало того: восторгавшійся поэмой Плетневъ—статью котораго Бѣлинскій назвалъ „умной и дѣльной“—находилъ все-таки „важный недостатокъ“ въ поэмѣ Гоголя, а именно—отсутствіе „серьезнаго общественнаго интереса“, „мелочность и ограниченность“... Одинъ Бѣлинскій понялъ и оцѣнилъ все громадное значеніе этого произведенія, которое дѣйствительно составило эпоху во многихъ и многихъ отношеніяхъ. Великій критикъ понялъ великаго художника.

Глубоко-вѣрнымъ мнѣніемъ о Майковѣ, суровымъ сужденіемъ о Баратынскомъ, безпристрастнымъ отзывомъ о Кукольникѣ и общимъ взглядомъ на сборники и журналы заканчивается обзоръ 1842 года. Въ немъ Бѣлинскій является почти исключительно критикомъ и историкомъ литературы,

[1]) См. выше статью „Бѣлинскій и Гоголь“.

хотя изъ-подъ критики чужихъ произведеній и здѣсь всюду проглядываетъ проповѣдникъ своихъ убѣжденій, своей новой вѣры. Въ Шиллерѣ Бѣлинскій видитъ теперь „провозвѣстника двухъ великихъ словъ великаго будущаго—разума и человѣчества"; въ Байронѣ онъ видитъ могучаго генія, который „на свое горе заглянулъ впередъ; не разсмотрѣвъ за мерцающею далью обѣтованной земли будущаго, онъ проклялъ настоящее и объявилъ ему вражду непримиримую и вѣчную"... Бѣлинскій теперь уже вѣрилъ въ обѣтованную землю: „очи наши узрѣли спасеніе наше!"—восклицалъ онъ "въ экстазѣ и сумасшествіи"... И чѣмъ дальше, тѣмъ больше проникался онъ этой вѣрой въ два великихъ слова великаго будущаго — въ разумъ и человѣчество; вмѣстѣ съ этимъ онъ понемногу переходилъ отъ неопредѣленной „соціальности" къ начальнымъ формамъ „соціализма". Интересно слѣдить, какъ въ статьяхъ 1842—1843 годовъ все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе звучатъ эти ноты свѣтлой вѣры въ соціальное устроеніе человѣчества на началахъ разума; этой вѣрой Бѣлинскій хотѣлъ замѣнить свою былую вѣру въ предвѣчное разумное устроеніе всего міра...

Въ каждомъ годовомъ „литературномъ обозрѣніи" Бѣлинскаго мы находимъ рядъ интересныхъ историко-литературныхъ свѣдѣній съ ихъ критической оцѣнкой; обзоръ русской литературы за 1843 годъ особенно богатъ въ этомъ отношеніи. Начинается онъ съ характеристики вліянія „толстыхъ журналовъ" на русскую литературу и съ повторенія мыслей, высказанныхъ Бѣлинскимъ на эту тему въ предыдущемъ годовомъ обзорѣ. Разбирая причины „бѣдности" русской литературы, Бѣлинскій видитъ ихъ въ исчерпывающемъ развитіи всѣхъ родовъ и формъ литературы; доказывая это, онъ даетъ превосходные критическіе очерки развитія русской повѣсти и романа—и возвращается этимъ къ темѣ одной изъ первыхъ своихъ статей „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя". Далѣе онъ даетъ мимоходомъ такой же очеркъ развитія поэзіи послѣ Пушкина; болѣе подробно эта тема была разработана Бѣлинскимъ въ слѣдующемъ годовомъ обозрѣніи литературы за 1844 годъ. Наконецъ, онъ набрасываетъ очеркъ исторіи русской драмы и комедіи—и

во всѣхъ этихъ областяхъ видитъ исчерпанныя темы, изжитыя формы; для новаго расцвѣта русской литературы нужны новые таланты,—говоритъ Бѣлинскій,—которые бы влили вѣчно-человѣческое содержаніе въ новыя формы. „Настаетъ время мысли“, „настаетъ эпоха сознанія“—повторяетъ Бѣлинскій свою постоянную мысль, провозглашенную имъ еще четырьмя годами ранѣе; публика перестала дѣтски восторгаться при мысли о томъ, что и у насъ есть литература: теперь только глубокое содержаніе, соединенное съ прекрасною формою могутъ обратить вниманіе публики на писателя. Единственнымъ такимъ великимъ писателемъ современности Бѣлинскій считаетъ Гоголя; онъ снова довольно много говоритъ о немъ по поводу выхода въ свѣтъ въ началѣ 1843 года четырехтомнаго собранія сочиненій этого писателя.

Все это естественно снова приводитъ Бѣлинскаго къ вопросу о существованіи русской литературы. Мы уже знаемъ, какъ отвѣчалъ Бѣлинскій въ 1843—1844 гг. на этотъ вопросъ, поставленный имъ десятью годами ранѣе. Отрицая „міровое“ значеніе современной русской литературы, Бѣлинскій въ то же время заявляетъ, что „никто не станетъ сомнѣваться въ существованіи русской литературы“, ибо не подлежитъ сомнѣнію историческая преемственность въ развитіи этой литературы: „наша юная, возникающая литература имѣетъ уже свою исторію, ибо всѣ ея явленія тѣсно сопряжены съ развитіемъ общественнаго образованія на Руси, и всѣ находятся въ болѣе или менѣе живомъ, органически послѣдовательномъ соотношеніи между собою“... Такова единственно возможная историческая точка зрѣнія, къ какой пришелъ теперь Бѣлинскій. Лучшимъ доказательствомъ этого взгляда явились знаменитыя „пушкинскія статьи“ Бѣлинскаго, четыре первыя изъ которыхъ появились уже въ „Отеч. Запискахъ“ этого 1843 года. Въ нихъ былъ данъ критико-историческій обзоръ развитія русской поэзіи отъ Державина до Пушкина; непосредственнымъ дополненіемъ къ этому обзору являются критическіе очерки развитія русской повѣсти, романа, драмы, комедіи и послѣ-пушкинской поэзіи, которые мы находимъ въ этомъ годовомъ обзорѣ русской литературы за 1843 годъ.

Обозрѣніе русской литературы за 1844 г. Бѣлинскій посвятилъ ѣдкому анализу литературнаго и художественнаго значенія произведеній трехъ авторовъ: Полевого, Языкова и Хомякова. Двое послѣднихъ выпустили какъ-разъ въ 1844 году по небольшой книжкѣ своихъ стихотвореній, которыя и подверглись теперь разбору Бѣлинскаго; что же касается до Полевого, то Бѣлинскій говоритъ о немъ на протяженіи десятка страницъ, не называя его ни разу по имени, а говоря вообще о „романтической критикѣ". Это были какъ бы послѣдніе счеты Бѣлинскаго съ Полевымъ, начавшіеся еще въ 1839 году; указывая, что Полевой, какъ критикъ, пережилъ самого себя, Бѣлинскій однако воздалъ должное Полевому двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, подчеркнувъ громадное развивающее значеніе „романтической критики" той эпохи.

Не буду останавливаться здѣсь на вопросѣ объ отношеніи Бѣлинскаго къ Полевому, такъ какъ въ своемъ обзорѣ Бѣлинскій говоритъ о „романтической критикѣ" только въ видѣ вступленія къ разбору поэзіи Языкова и Хомякова, въ которыхъ онъ видитъ характерныхъ эпигоновъ эпохи господства „романтической критики".

Не случайно соединилъ Бѣлинскій эти два имени, воспользовавшись одновременнымъ выходомъ въ свѣтъ стихотворныхъ сборниковъ Языкова и Хомякова: уже неоднократно онъ говорилъ объ этихъ двухъ поэтахъ вмѣстѣ. Еще въ статьѣ 1836 года „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя" Бѣлинскій упомянулъ мимоходомъ о Языковѣ и Хомяковѣ, „изъ которыхъ первый есть неоспоримо поэтъ, поэтъ истинный, но поэтъ ...изящнаго матеріализма, второй же — блистательный поэтъ выраженія и только выраженія, поддѣлывающійся подъ мысль, но сильный однимъ только выраженіемъ"... Эти немногія слова Бѣлинскій развилъ пять лѣтъ спустя въ своемъ обзорѣ литературы за 1841 годъ: онъ говоритъ тамъ о „внѣшней поэзіи" Языкова и объ отсутствіи въ его стихахъ внутренняго содержаніи, о духовномъ сродствѣ поэзіи Языкова и Хомякова. Наконецъ, теперь Бѣлинскій только еще подробнѣе развиваетъ и подтверждаетъ примѣрами этотъ свой взглядъ на характеръ поэзіи этихъ двухъ поэтовъ-славянофиловъ;

но кое-что здѣсь есть и новое, и именно—критика славянофильской тенденціи въ поэзіи Хомякова и Языкова.

Начиная съ 1842 года, со статьи о „Педантѣ“, борьба между „западниками“ и „славянофилами“ все болѣе и болѣе разгоралась; за проявленіями этой борьбы мы уже слѣдили по статьямъ Бѣлинскаго [1]). Быть можетъ, въ пылу борьбы Бѣлинскій слишкомъ принижалъ личность своихъ противниковъ, особенно Хомякова; еще въ письмѣ отъ 6 февраля 1843 года къ Боткину Бѣлинскій крайне рѣзко отзывался о Хомяковѣ, называя его „образованнымъ, умнымъ И. А. Хлестаковымъ, человѣкомъ безъ убѣжденія, человѣкомъ безъ царя въ головѣ“, и примѣняя къ нему слова Барбье:

. . . . les charlatans qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase,
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase...

Интересно отмѣтить, что въ обзорѣ 1844 года Бѣлинскій почти буквально повторяетъ эти фразы, косвенно, но вполнѣ прозрачно именуя Хомякова „шутомъ на ходуляхъ“, „жонглеромъ діалектики“ и т. п. Во всемъ этомъ много несправедливаго, высказаннаго въ пылу полемики: Хомякова невозможно назвать „человѣкомъ безъ убѣжденій“, хотя онъ и былъ дѣйствительно „жонглеромъ діалектики“; напротивъ, діалектика только помогала ему сражаться съ идейными противниками и защищать свои убѣжденія. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что въ разгарѣ борьбы Бѣлинскій не могъ отнестись вполнѣ безпристрастно къ личностямъ своихъ противниковъ; да впрочемъ, какъ „человѣкъ экстремы“, онъ и не стремился къ такому безпристрастію, сознавая свою нетерпимость: „я жидъ по натурѣ,—писалъ онъ Герцену въ началѣ мая 1844 года,—и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу“.

Но, быть можетъ, эта нетерпимость, это отсутствіе безпристрастной оцѣнки *личности* противниковъ привели Бѣлинскаго къ несправедливой оцѣнкѣ *поэтовъ*-славянофиловъ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить категорическимъ

---

[1]) См. выше статью «Война со славянофилами».

отрицаніемъ. Очень возможно, что *тонъ* критики Бѣлинскимъ поэзіи Хомякова и Языкова былъ рѣзкимъ, но *сущность* этой критики была тѣмъ не менѣе вполнѣ справедливой. Одинъ примѣръ рѣзкости тона: читателей должно было сильно удивить внезапно мягкое отношеніе Бѣлинскаго къ поэзіи Бенедиктова, о которой онъ всегда былъ совершенно отрицательнаго мнѣнія; но это объясняется тѣмъ, что реторизмъ поэзіи Хомякова показался Бѣлинскому еще анти-поэтичнѣе такого же реторизма въ творчествѣ Бенедиктова. Не буду отстаивать справедливость этой сравнительной оцѣнки, но скажу, что по существу Бѣлинскій какъ нельзя болѣе правъ: поэзія Хомякова была типично *головной* поэзіей, сухой и реторичной; только изрѣдка пробивалось въ ней чувство, искры истиннаго поэтическаго одушевленія. Хомяковъ не былъ поэтомъ—Бѣлинскій это показалъ съ исчерпывающей убѣдительностью; послѣ Бѣлинскаго появилось еще нѣсколько статей о поэзіи Хомякова, но всѣ онѣ не внесли ничего новаго въ рѣшеніе этого вопроса. То же самое можно повторить объ отношеніи Бѣлинскаго къ Языкову. Языковъ былъ дѣйствительно поэтъ, а не только стихотворецъ, и Бѣлинскій не отрицалъ въ немъ ни поэтическаго таланта, ни, главное, большого историческаго значенія его поэзій, ея значенія для двадцатыхъ годовъ. Но тутъ же Бѣлинскій выяснилъ совершенную второстепенность этого таланта, являющуюся слѣдствіемъ такой же „надуманности“ стихотвореній Языкова, какую Бѣлинскій показалъ и въ произведеніяхъ Хомякова. Языковъ—истинный поэтъ въ очень немногихъ стихотвореніяхъ, и всѣ мы знаемъ ихъ наизусть еще со школьной скамьи: это именно тѣ самыя стихотворенія, которыя и Бѣлинскій считаетъ лучшими („Поэту“, „Землетрясеніе“, „Подражаніе псалму 136“ и немн. др.); почти все остальное у него—та же самая надуманная, головная версификація, которую мы видимъ въ Хомяковѣ и которую еще за десять лѣтъ передъ этимъ Бѣлинскій вскрылъ въ произведеніяхъ Бенедиктова.

И вотъ что̀ интересно: методъ критическаго анализа стихотвореній Бенедиктова съ одной стороны и Хомякова съ Языковымъ съ другой у Бѣлинскаго одинъ и тотъ же; это ме-

тодъ тонкаго стилистическаго анализа. Примѣненіе такого метода именно въ этихъ трехъ случаяхъ является лишнимъ доказательствомъ глубокаго критическаго чутья Бѣлинскаго: стилистическій анализъ—вѣрнѣйшій путь для разграниченія поэзіи отъ стихотворчества, для опредѣленія истинной сущности надѣвающаго маску писателя; вотъ почему анализъ этотъ Бѣлинскій примѣнилъ не къ Майкову, не къ Баратынскому, не къ Полежаеву, не къ Козлову и инымъ крупнымъ и мелкимъ поэтамъ, а именно къ Бенедиктову, Языкову и Хомякову (а также и къ Марлинскому). Стиль — это человѣкъ, гласитъ извѣстное изреченіе; анализъ стиля даетъ возможность критику снять маску съ поэта, который въ дѣйствительности, быть можетъ, совсѣмъ не то, чѣмъ онъ старается себя выставить; содержаніе можетъ обмануть, но стиль не обманываетъ. Бенедиктовъ, судя по содержанію стиховъ, былъ человѣкомъ необузданныхъ порывовъ, безмѣрной шири духа, ярко очерченной личностью; но пришелъ Бѣлинскій со стилистическимъ анализомъ его поэзіи—и всѣ въ концѣ концовъ увидѣли въ необузданномъ романтикѣ смиреннаго чиновника, увидѣли позы и реторику его „гремучихъ" стихотвореній. Точно также этимъ же методомъ Бѣлинскій доказалъ, что Хомяковъ вовсе не поэтъ, а только версификаторъ, что Языковъ насильно заставляетъ себя воспѣвать вино и любовь, что въ поэзіи „пѣвца вина и страсти нѣжной" нѣтъ ни „опьяненія", ни „сладострастія", что они у него напускные. Все это настолько вѣрно, что съ тѣхъ поръ о Языковѣ никто не сказалъ чего бы то ни было измѣняющаго мнѣніе Бѣлинскаго; наоборотъ, мнѣніе Бѣлинскаго стало теперь общепринятымъ. Это является лучшимъ подтвержденіемъ правильности примѣненнаго Бѣлинскимъ критическаго пріема; и самъ Бѣлинскій подчеркнулъ законность такого стилистическаго анализа. „Можетъ быть намъ замѣтятъ,—говоритъ онъ въ своей статьѣ,—что способъ нашего анализа, состоящій въ разборѣ фразъ, мелоченъ. Дѣло не въ способѣ, а въ его результатахъ; да, кромѣ того, это единственный и превосходный способъ для сужденія даже и не о такихъ поэтахъ, каковы: Марлинскій, гг. Языковъ, Хомяковъ, Бенедиктовъ и другіе въ томъ же родѣ"...

Характеристикой Полевого и критическимъ анализомъ стихотвореній Языкова и Хомякова заполнены три четверти этой статьи Бѣлинскаго; остальную четверть Бѣлинскій посвящаетъ быстрому обзору беллетристики и журналистики 1844 года. Попрежнему онъ подчеркиваетъ бѣдность и даже „совершенную нищету“ современной литературы, но тутъ же указываетъ, что въ этой бѣдности есть своя „прекрасная сторона“, а именно: „потерявъ въ числительномъ богатствѣ, наша литература много выиграла въ духѣ и направленіи“, такъ что „богата нищета современной русской литературы въ сравненіи съ ея нищенскимъ богатствомъ прежняго времени“. Это тотъ самый взглядъ, который Бѣлинскій проводилъ въ двухъ предыдущихъ годовыхъ обзорахъ и къ которому онъ уже окончательно пришелъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, отказавшись отъ своего былого неисторическаго утвержденія: „у насъ нѣтъ литературы“.

Обзоръ русской литературы за 1845 годъ былъ всецѣло занятъ борьбой со славянофилами,—и въ статьѣ, посвященной исторіи этой борьбы, мы достаточно подробно остановились выше на этомъ обзорѣ „Русская литература въ 1845 году“. Въ немъ Бѣлинскій, какъ мы знаемъ, сосредоточилъ свое нападеніе на понятіи „романтизма“, справедливо считая его свойствомъ подлиннаго славянофильства.

„Романтизму“ славянофиловъ и ихъ литературныхъ представителей Бѣлинскій противопоставилъ „новую школу“, которая вскорѣ получила названіе „натуральной школы“. И это противопоставленіе Бѣлинскій развилъ подробнѣе въ своихъ послѣдующихъ годовыхъ обзорахъ, къ которымъ мы сейчасъ обратимся; здѣсь замѣчу только, что *реализмъ* этой школы былъ тѣмъ главнымъ ея свойствомъ, которое Бѣлинскій противопоставлялъ и „романтизму“ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, и романтизму славянофиловъ. „Романтизмъ“ проявляетъ „внутренній міръ души человѣка“, единичнаго *я*; новая школа обратилась къ изученію „толпы“, къ реалистическому изображенію жизни—и въ этомъ Бѣлинскій видитъ величайшую заслугу „новой школы“ передъ русской литературой, русскимъ обществомъ: „это значило—говоритъ Бѣлинскій—сдѣлать ее (литературу) выраженіемъ и зеркаломъ

русскаго общества, одушевить ее живымъ національнымъ интересомъ"... Критическій анализъ произведеній „натуральной школы", оцѣнка ихъ съ соціальной точки зрѣнія и объясненіе ихъ значенія—все это стало главной задачей критической дѣятельности Бѣлинскаго въ послѣдніе два года его жизни, и главной темой двухъ его послѣднихъ годовыхъ обозрѣній.

VI.

„Русская литература 1845 года" — это былъ послѣдній годовой обзоръ, помѣщенный Бѣлинскимъ въ журналѣ Краевскаго; съ 1-го апрѣля 1846 года Бѣлинскій пересталъ быть сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ", хотя нѣкоторыя его статьи продолжали появляться въ этомъ журналѣ и послѣ его ухода. Самъ же онъ задумалъ цѣлый рядъ работъ, которыя должны были дать ему возможность существовать: въ началѣ мая онъ напечаталъ свою брошюру о Полевомъ; къ этому же времени собирался закончить I-ую часть своей „Исторіи русской литературы",—проектъ, такъ и оставшійся невыполненнымъ (см. письмо къ Герцену отъ 2 янв. 1846 г.); наконецъ, къ этому же самому времени Бѣлинскій собирался выпустить колоссальный сборникъ „Левіаѳанъ",—названіе, данное повидимому Герценомъ (см. письмо къ Герцену отъ 19 февр. 1846 г.). Для этого предполагавшагося сборника Бѣлинскій усиленно собиралъ матеріалы и получилъ такія вещи, какъ „Сороку-Воровку" Герцена, „Обыкновенную исторію" Гончарова, „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи" Кавелина и т. п. Замѣтимъ кстати, что еще въ 1839 году Бѣлинскій собирался выпустить „Альманахъ" изъ произведеній своихъ, Кольцова, Панаева, К. Аксакова, Каткова, Струговщикова, Клюшникова, Красова и др. Однако и тогда и теперь планы эти такъ и остались неосуществленными. Весною 1846 г. Бѣлинскій не успѣлъ издать свой сборникъ, а осенью, вернувшись со своей поѣздки по Россіи, онъ узналъ о намѣреніи его друзей — Некрасова, Панаева и др. — издавать журналъ „Современникъ"; все это подробно разсказано въ „Воспоминаніяхъ"

Головачевой-Панаевой. Однимъ изъ главныхъ руководителей этого журнала (хотя и очень ограниченнымъ въ правахъ) сталъ Бѣлинскій и передалъ въ этотъ журналъ все собранное имъ для „Левіаѳана“; говоря въ одномъ изъ примѣчаній къ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“ объ этомъ предполагавшемся сборникѣ, Бѣлинскій заявляетъ, что „по случаю *Современника* литераторъ, предпринимавшій изданіе этого сборника, счелъ за лучшее оставить свое предпріятіе и передать *Современнику* собранныя имъ статьи“.

Примѣчаніе это не появилось въ журналѣ, а вошло впервые въ собраніе сочиненій Бѣлинскаго 1859 года, редакціи Кетчера; очевидно, такимъ образомъ, что Кетчеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи подлинную рукопись статьи Бѣлинскаго „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“. Свѣряя журнальный текстъ этой статьи съ текстомъ редакціи Кетчера, можно установить въ послѣднемъ текстѣ цѣлый рядъ измѣненій и дополненій; причина такихъ журнальныхъ сокращеній и измѣненій — двоякая: кое-что вычеркивала цензура, кое-что измѣнилъ самъ Бѣлинскій; очень поучительно слѣдить за всѣми этими разночтеніями. Цензура вычеркиваетъ фразы въ родѣ того, что въ XVIII-мъ вѣкѣ въ Россіи „не было общества, а былъ только дворъ“, запрещаетъ говорить о „физическомъ процессѣ нравственнаго развитія“, о „варварскихъ“ обычаяхъ и нравахъ старины и т. п.; что же касается до измѣненій, сдѣланныхъ для печати самимъ Бѣлинскимъ, то они особенно интересны, такъ какъ большая часть ихъ относится къ Достоевскому и его произведеніямъ. Здѣсь необходимо сперва остановиться вообще на исторіи отношеній Бѣлинскаго къ Достоевскому и его первымъ произведеніямъ.

Извѣстно, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтилъ Бѣлинскій первое произведеніе Достоевскаго „Бѣдные люди“, познакомившись съ нимъ еще въ рукописи (въ маѣ 1845 года): онъ былъ „просто въ волненіи“, не могъ оторваться отъ романа нѣсколько дней—какъ разсказывали объ этомъ Некрасовъ, Анненковъ и др. Приведу здѣсь разсказъ Достоевскаго, такъ какъ въ немъ находятся отзывы и слова самого Бѣлинскаго: чего не могъ напечатать Бѣлинскій въ

1846 году, о томъ могъ разсказать Достоевскій черезъ тридцать лѣтъ. Достоевскій разсказываетъ, что Некрасовъ, пришедшій въ восторгъ отъ „Бѣдныхъ людей", снесъ рукопись Бѣлинскому и воскликнулъ, входя: „новый Гоголь явился!"— „У вас Гоголи-то какъ грибы растутъ",—строго отвѣтилъ Бѣлинскій, но все-таки взялъ рукопись, прочелъ ее въ тотъ же день и сейчасъ же пожелалъ познакомиться съ авторомъ. Достоевскій явился. Бѣлинскій встрѣтилъ его важно и сдержанно, „но не прошло и минуты,—разсказываетъ Достоевскій—какъ все преобразилось: важность была не лица, не великаго критика, встрѣчающаго двадцатидвухлѣтняго начинающаго писателя, а, такъ сказать, важность изъ уваженія его къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ мнѣ излить какъ можно скорѣе, къ тѣмъ важнымъ словамъ, которыя чрезвычайно торопился онъ мнѣ сказать. Онъ заговорилъ пламенно, съ горящими глазами: да вы понимаете-ль сами-то,—повторялъ онъ мнѣ нѣсколько разъ и вскрикивая по своему обыкновенію,—что̀ это вы такое написали! (Онъ вскрикивалъ всегда, когда говорилъ въ сильномъ чувствѣ). Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ это уже понимали. Да вѣдь этотъ вашъ несчастный чиновникъ—вѣдь онъ до того заслужился и до того довелъ себя уже самъ, что даже и несчастнымъ себя не смѣетъ почесть отъ приниженности и почти за вольнодумство почитаетъ малѣйшую жалобу, даже права на несчастье за собой не смѣетъ признать и, когда добрый человѣкъ, его генералъ, даетъ ему эти сто рублей— онъ раздробленъ, уничтоженъ отъ изумленія, что такого, какъ онъ, могъ пожалѣть «Ихъ Превосходительство», не «Его Превосходительство», а «Ихъ Превосходительство», какъ онъ у васъ выражается. А эта оторвавшаяся пуговица, эта минута цѣлованія генеральской ручки—да вѣдь тутъ ужъ не сожалѣніе къ этому несчастному, а ужасъ, ужасъ! Въ этой благодарности-то его ужасъ! Это трагедія! Вы до самой сути дѣла дотронулись, самое главное разомъ указали. Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы сло-

вами стараемся разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертою, разомъ въ образѣ выставляете самую суть, чтобы ощупать можно было рукой, чтобъ самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно! Вотъ тайна художественности, вотъ правда въ искусствѣ! Вотъ служеніе художника истинѣ! Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику,—досталась, какъ даръ; цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ, и будете великимъ писателемъ!"

Съ такимъ вполнѣ понятнымъ энтузіазмомъ встрѣтилъ Бѣлинскій „Бѣдныхъ людей"; но онъ не пожелалъ обнаружить этого своего энтузіазма и восторга въ своей статьѣ объ этомъ произведеніи: „литература наша — замѣчаетъ по этому поводу Бѣлинскій—пережила свою эпоху энтузіастическихъ увлеченій, восторженныхъ похвалъ и безотчетныхъ восклицаній. Теперь отъ критика требуютъ, чтобъ онъ *спокойно* и *трезво* сказалъ, какъ понимаетъ онъ поэтическое произведеніе, а до восторговъ, въ которые привело оно его, до счастья, какое доставило оно ему, никому нѣтъ нужды: это его домашнее дѣло..." Но несмотря на это, восхищеніе сквозитъ, помимо воли Бѣлинскаго, во всей его „спокойной и трезвой" оцѣнкѣ произведеній Достоевскаго—„Бѣдныхъ людей" и „Двойника"; и если „Двойникомъ" Бѣлинскій восхищается съ оговорками, то къ „Бѣднымъ людямъ" его отношеніе не измѣнилось за тотъ годъ, который прошелъ отъ его первой встрѣчи съ Достоевскимъ до его первой статьи о немъ.

Характеризуя сущность таланта этого писателя, Бѣлинскій ясно видѣлъ, что съ каждымъ новымъ произведеніемъ могутъ открываться новыя стороны этого таланта; такъ напримѣръ, прочтя „Бѣдныхъ людей", Бѣлинскій ошибочно заключилъ, что „преобладающій характеръ творчества" Достоевскаго—*юморъ*; „но прочтя *Двойника*,—прибавляетъ Бѣлинскій,—мы увидѣли, что подобное заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно... Вообще талантъ г. Достоевскаго, при всей его огромности, еще такъ молодъ, что не можетъ высказаться и высказаться опредѣленно..." Это почти пророчество: только двадцать лѣтъ послѣ этихъ словъ, послѣ цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ произведеній, Достоевскій наконецъ „выска-

зался опредѣленно“ въ своихъ „Запискахъ изъ подполья“, „Преступленіи и наказаніи“ и послѣдующихъ романахъ; „Бѣдные люди“ — совсѣмъ не характерны для того великаго, „міровогo“ писателя Достоевскаго, котораго мы знаемъ теперь. Тѣмъ удивительнѣе, какъ могъ Бѣлинскій такъ проницательно замѣтить, что талантъ Достоевскаго „не описательный, но въ высокой степени творческій“; тѣмъ удивительнѣе, что Бѣлинскій такъ ясно указываетъ „на мѣсто, которое современемъ займетъ Достоевскій въ русской литературѣ“.

И вотъ—вскорѣ Бѣлинскій совершенно отказался отъ подобной высокой оцѣнки Достоевскаго; не прошло и года, какъ онъ сталъ значительно суше отзываться объ этомъ писателѣ и находить недостатки не только въ его новыхъ, малоудачныхъ произведеніяхъ, но и въ „Бѣдныхъ людяхъ“. Много было причинъ такого разочарованія, но главною изъ нихъ несомнѣнно была та, что Бѣлинскій ждалъ отъ Достоевскаго совсѣмъ не того, что̀ хотѣлъ и долженъ былъ дать этотъ великій писатель. Въ „Бѣдныхъ людяхъ“ Бѣлинскій, по словамъ Анненкова, видѣлъ „первую попытку у насъ *соціальнаго романа*“, и несомнѣнно, что отъ Достоевскаго онъ ждалъ именно такихъ „филантропическихъ“, „соціальныхъ“ и „цивилизующихъ“ произведеній; въ своихъ разговорахъ Бѣлинскій въ 1845—6 гг. усиленно „развивалъ“ Достоевскаго именно въ этомъ направленіи, проповѣдывалъ ему соціалистическія теоріи—мы это знаемъ теперь изъ воспоминаній самого Достоевскаго. И хотя Достоевскій одно время дѣйствительно сталъ приверженцемъ соціализма, былъ даже замѣшанъ вскорѣ въ дѣлѣ петрашевцевъ, но ко всему этому не лежала душа его: онъ былъ не соціальный, а религіозный мыслитель и художникъ. И вотъ послѣ „Бѣдныхъ людей“ онъ вдругъ даетъ „Двойника“—въ которомъ нѣтъ ни „соціальнаго“, ни „цивилизующаго“ элемента, а если и есть „филантропическій“, то въ слишкомъ широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ вопроса Богу за человѣка: за что̀ страдаетъ человѣкъ? Въ чемъ вина сошедшаго съ ума чиновника Голядкина?

Бѣлинскій въ 1845—1846 гг. не стоялъ на этой точкѣ

зрѣнія и не желалъ на нее становиться: давно уже прошло то время, когда онъ мучительно бился въ сѣти „проклятыхъ вопросовъ“, боролся съ Богомъ за человѣка, на всѣхъ вещахъ видѣлъ „хвостъ дьявола“; это было въ 1840—1841 году. Но уже давно эта борьба въ немъ закончилась: онъ пришелъ къ новой вѣрѣ, къ вѣрѣ въ Человѣчество, къ вѣрѣ въ соціализмъ; уже давно онъ началъ вести борьбу со всѣмъ „мистическимъ“, „фантастичнымъ“, „романтичнымъ“, уже давно онъ старался убѣдить себя въ истинѣ раціонализма. Теперь, напримѣръ, онъ съ презрѣніемъ отзывается о знаменитой фразѣ Гамлета: „на землѣ есть много такого, о чемъ и не бредила ваша философія“; слова эти, которыя теперь для всякаго — кромѣ нѣкоторыхъ могиканъ позитивизма—кажутся простымъ труизмомъ, для Бѣлинскаго были только примѣромъ „невѣжества и варварства вѣка Шекспира“... И тутъ же онъ заявляетъ: „нашъ вѣкъ имѣетъ передъ XVI-мъ то важное преимущество, что онъ заранѣе знаетъ, въ чемъ послѣдующіе вѣка должны увидѣть его варварство...“ Это—выраженіе, въ рамкахъ николаевской цензуры, соціалистической вѣры Бѣлинскаго. Вѣра эта рушилась у Бѣлинскаго въ 1847 году, но теперь онъ былъ полонъ ею и жаждалъ ея проявленія и въ жизни и въ литературѣ; недаромъ на этихъ же строкахъ онъ предсказываетъ: „пройдутъ еще два вѣка, а можетъ быть и меньше, когда будутъ дивиться варварству XIX-го столѣтія, какъ мы дивимся варварству XVI-го; не найдутъ въ немъ Шекспира, но найдутъ Байрона и Жоржа Занда“...

Шекспиръ и Жоржъ Зандъ: это сопоставленіе звучитъ теперь смѣшно, но оно очень характерно для Бѣлинскаго той эпохи. Соціальные романы Жоржъ Зандъ—вотъ что̀ нужно было Бѣлинскому для русскаго общества того времени, вотъ отчасти почему пришелъ онъ въ такой восторгъ отъ „Бѣдныхъ людей“, вотъ чего ждалъ онъ отъ художественнаго таланта Достоевскаго; но вдругъ тотъ является съ „Двойникомъ“, съ „Хозяйкой“!

Извѣстенъ разсказъ, какъ Бѣлинскій устроилъ чтеніе только-что законченнаго „Двойника“, и какъ онъ хвалилъ его, хотя, повидимому, совсѣмъ не того ждалъ отъ новаго

произведенія Достоевскаго. Но если раньше онъ еще хвалилъ его, хотя и съ оговорками, то теперь, въ своемъ обзорѣ литературы за 1846 г., онъ уже безъ обиняковъ подчеркиваетъ „существенный недостатокъ“ повѣсти: „это ея фантастическій колоритъ. Фантастическое въ наше время можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находиться въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ...“ Мы уже знаемъ объ отрицательномъ отношеніи Бѣлинскаго ко всему „фантастическому“ и „романтическому“; эти ненавистные ему элементы онъ усмотрѣлъ и въ новыхъ, дѣйствительно мало удачныхъ произведеніяхъ Достоевскаго, о которыхъ онъ далъ очень рѣзкіе отзывы въ своихъ обозрѣніяхъ литературы за 1846 и за 1847 года. Рѣшающую роль сыграло появленіе въ 1847 году „Хозяйки“: Бѣлинскій назвалъ эту вещь „нервической чепухой“ (письмо къ Боткину отъ 4 ноября 1846 года) и окончательно поставилъ крестъ на Достоевскомъ. Мѣсяца три спустя, въ письмѣ къ Анненкову (отъ 15 февр. 1848 г.) онъ высказалъ это вполнѣ опредѣленно: „не знаю, писалъ ли я вамъ,—сообщаетъ Бѣлинскій,—что Достоевскій написалъ повѣсть *Хозяйка*—ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши немного Гоголя. Онъ и еще коечто написалъ послѣ того, но каждое его новое произведеніе—новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о *Бѣдныхъ людяхъ.* Я трепещу при мысли перечитать ихъ—такъ легко читаются они! Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-геніемъ!... Обо мнѣ, старомъ чортѣ, безъ палки нечего и толковать. Я, первый критикъ, разыгралъ тутъ осла въ квадратѣ...“

Бѣлинскій напрасно бранилъ себя; первое чувство его не обмануло—Достоевскій дѣйствительно былъ „геніемъ“, былъ тѣмъ геніальнымъ писателемъ, которому—вмѣстѣ съ другимъ великимъ писателемъ земли русской — суждено было дать русской литературѣ значеніе *всемірно-историческое.* „Бѣдные люди“ были только „пробой пера“ начинающаго автора, а послѣдующія его произведенія 1845—1849 гг.—только поисками пути, и поисками въ большинствѣ случаевъ неудачными. Достоевскому надо было еще пройти чрезъ тя-

желыя испытанія—приговоръ къ смертной казни, каторгу,—чтобы найти свой истинный путь—путь величайшаго религіознаго и философскаго мыслителя подъ формой романиста. Но Бѣлинскому не было суждено дожить до „Преступленія и наказанія“, до „Братьевъ Карамазовыхъ“ — онъ видѣлъ передъ собою только „Бѣдныхъ людей“ и „Двойника“, а затѣмъ неудачнаго „Господина Прохарчина“, „Хозяйку“ и другія мелочи. Поэтому отрицательное отношеніе Бѣлинскаго къ этимъ произведеніямъ Достоевскаго 1846—1847 гг. не уничтожаетъ собою первоначальнаго восторженнаго отзыва его о Достоевскомъ. Приходится только изумляться критическому проникновенію Бѣлинскаго, когда онъ (въ рецензіи 1848 года на отдѣльное изданіе „Бѣдныхъ людей“, почти одновременной съ цитированнымъ выше письмомъ къ Анненкову) указываетъ на потрясающія картины въ произведеніяхъ Достоевскаго, замѣчая, что „авторъ подготовляетъ своего читателя къ этимъ картинамъ немножко тяжеловато. Вообще, легкость и текучесть изложенія не въ его талантѣ, что̀ много вредитъ ему. Но зато самыя эти картины, когда дойдешь до нихъ—мастерскія художественныя произведенія, запечатлѣнныя глубиною взгляда и силою выполненія. Ихъ впечатлѣніе рѣшительно и могущественно, ихъ никогда не забудешь...“ Это можно повторить теперь не только о „Бѣдныхъ людяхъ“, но и о всѣхъ даже самыхъ великихъ произведеніяхъ Достоевскаго; надо прибавить только, что въ этой „тяжеловатости“—вопреки мнѣнію Бѣлинскаго—вся сила Достоевскаго, необходимая форма его мыслей: невозможно представить себѣ „Братьевъ Карамазовыхъ“, написанныхъ „легкимъ и текучимъ“ стилемъ хотя бы Тургенева.

Свое сужденіе о Достоевскомъ въ настоящей статьѣ Бѣлинскій заканчиваетъ знаменитымъ пророчествомъ, такъ буквально исполнившимся; заключимъ и мы этимъ пророчествомъ Бѣлинскаго. „Его талантъ — говоритъ Бѣлинскій о Достоевскомъ — принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много въ продолженіе его поприща явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ за-

будутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы...“

Такъ и случилось.

Но случилось это уже много десятилѣтій послѣ смерти Бѣлинскаго; теперь же, въ 1847 году, онъ—мы видѣли—охладѣлъ къ автору „Бѣдныхъ людей“. И насколько быстро шло это охлажденіе—можно судить по тѣмъ самымъ „разночтеніямъ“ въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“, о которыхъ я упомянулъ выше. Написавъ сперва о „силѣ, глубинѣ и оригинальности таланта г. Достоевскаго“, Бѣлинскій вычеркиваетъ для печати „силу и глубину“; сказавъ сперва, что въ „Бѣдныхъ людяхъ“ Достоевскій обнаружилъ „огромную“ силу творчества и „художественнаго мастерства“, Бѣлинскій затѣмъ совершенно зачеркиваетъ послѣднее выраженіе, а вмѣсто „огромный“ ставитъ „замѣчательный“; говоря сначала о „безукоризненной художественности“ романа Достоевскаго, Бѣлинскій замѣняетъ это выраженіе словами „болѣе художественный“; вмѣсто „богатый силами талантъ“ Бѣлинскій просто ставитъ—„авторъ“, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Всѣ эти измѣненія—очень интересны, наглядно обрисовывая процессъ перемѣны мнѣнія Бѣлинскаго о Достоевскомъ, закрѣпленный въ первой же статьѣ великаго критика въ новомъ журналѣ, въ обзорѣ литературы за 1846 годъ.

Съ этой именно статьи начинается послѣдній періодъ дѣятельности Бѣлинскаго—его работа въ „Современникѣ“ 1847—1848 гг. Конечно, Бѣлинскій не измѣнился, перейдя въ новый журналъ—онъ остался все тѣмъ же Бѣлинскимъ, какимъ онъ былъ уже съ начала сороковыхъ годовъ; однако при болѣе внимательномъ изученіи статей и писемъ Бѣлинскаго 1846—1848 гг. не трудно замѣтить и нѣкоторыя новыя струи въ его взглядахъ и мнѣніяхъ, являющіяся или усиленіемъ, или ослабленіемъ старыхъ. *Вѣра въ соціализмъ* становится, напримѣръ, значительно менѣе сильной и почти рушится къ послѣднему году жизни Бѣлинскаго; и хотя Бѣлинскій попрежнему видитъ оправданіе жизни и цѣль бытія въ *человѣчествѣ*, однако онъ теперь, воскрешая свою вѣру 1840—1 г., не мало вниманія удѣляетъ и *личности*.

Другая черта: въ этомъ періодѣ 1846—1848 г. Бѣлинскій, начиная со статьи о „Бѣдныхъ людяхъ“, особенно усиливаетъ свою защиту такъ называемой „натуральной школы“, реализма; особенно подробно говоритъ онъ объ этомъ въ своемъ громадномъ послѣднемъ годовомъ обозрѣніи. Наконецъ, нельзя не отмѣтить попытки объективной оцѣнки славянофильства, такъ непохожей на недавнюю ожесточенную войну Бѣлинскаго противъ славянофиловъ на страницахъ „Отеч. Записокъ“; Бѣлинскій въ рядѣ вопросовъ пожелалъ разорвать съ традиціей журнала Краевскаго и къ числу такихъ вопросовъ принадлежалъ вопросъ о славянофильствѣ. Въ первой статьѣ Бѣлинскаго въ „Современникѣ“ затронуты всѣ эти проблемы, отмѣченныя выше; на вопросѣ о славянофильствѣ Бѣлинскій останавливается особенно тщательно и подробно.

Бѣлинскій въ обзорѣ 1846 года попрежнему возстаетъ противъ славянофильскихъ принциповъ „любви“ и „смиренія“, какъ основныхъ свойствъ славянскихъ народовъ вообще и русскаго въ особенности; попрежнему Бѣлинскій ополчается противъ отрицательнаго отношенія славянофиловъ къ Петру и его реформѣ—и вообще сохраняетъ въ существенномъ свою старую позицію; однако во многомъ есть и перемѣны, не говоря уже о томъ, что *тонъ* отношенія Бѣлинскаго теперь къ славянофильству уже совсѣмъ иной. Еще въ серединѣ 1846 года, въ письмѣ къ Герцену изъ Одессы (отъ 4 іюля), Бѣлинскій сообщалъ, что намѣренъ писать подъ формою своихъ путевыхъ впечатлѣній „журнально-фельетонную болтовню о всякой всячинѣ, сдобренную полемическимъ задоромъ“ и что часть статьи онъ уже пишетъ или будетъ писать: „въ Харьковѣ я прочелъ *Московскій Сборникъ*: луплю и наяриваю объ немъ“. Далѣе Бѣлинскій восхищается статьей Ю. Самарина о „Тарантасѣ“: „статья Самарина умна и зла, даже дѣльна, несмотря на то, что авторъ отправляется отъ неблагопристойнаго принципа кротости и смиренія, и, подлецъ, зацѣпляетъ меня въ лицѣ *Отеч. Записокъ*. Какъ умно и зло казнитъ онъ аристократическія замашки Соллогуба! Это убѣдило меня, что можно быть умнымъ, даровитымъ и

дѣльнымъ человѣкомъ, будучи славянофиломъ [1]). Зато Хомяковъ—я-жъ его, ракалію! Дамъ я ему зацѣплять меня, узнаетъ онъ мои крючки! Ну, ужъ статья! Вотъ безталанный ерникъ! Потѣшусь, чувствую, что потѣшусь"...—Статьи этой („путевыхъ впечатлѣній" вообще и о „Московскомъ Сборникѣ" въ частности) Бѣлинскій не написалъ; но несомнѣнно, что матеріалъ изъ этой предполагавшейся статьи вошелъ въ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года": здѣсь мы находимъ и сочувственный отзывъ о статьѣ Ю. Самарина („особенно замѣчательна умнымъ содержаніемъ и мастерскимъ изложеніемъ статья о *Тарантасѣ*, подписанная буквами М. З. К.") и полемику со славянофилами о „неблагопристойномъ" принципѣ кротости и смиренія. Но форма статьи—совершенно измѣнилась: вмѣсто предполагавшейся рѣзкой полемики съ Хомяковымъ („узнаетъ онъ мои крючки!") мы находимъ въ настоящей статьѣ только спокойное оспариваніе „принципа кротости и смиренія", причемъ Хомяковъ даже и не названъ, а обозначенъ общей фразой—„кто-то изъ"... и т. д. Бѣлинскій, повторяю это еще разъ, хотѣлъ порвать съ традиціями „Отечественныхъ Записокъ", въ которыхъ онъ же самъ такъ рѣзко полемизировалъ со славянофилами; въ своемъ новомъ журналѣ онъ хотѣлъ держаться спокойнаго тона, хотя бы это и не нравилось читающей публикѣ, любящей журнальныя сшибки и схватки. А потому, явно имѣя въ виду „Отеч. Записки", Бѣлинскій заявлялъ въ обзорѣ 1846 года, что „имѣя свое опредѣленное направленіе, свои горячія убѣжденія, которыя намъ дороже всего на свѣтѣ, мы готовы защищать ихъ всѣми силами нашими и вмѣстѣ съ тѣмъ противоборствовать всякому противоположному направленію и убѣжденію; но мы хотѣли бы защищать наши мнѣнія съ достоинствомъ, а противоположнымъ—противоборствовать съ твердостію и спокойствіемъ, безъ всякой

[1]) Въ этомъ же письмѣ дальше есть слѣдующая полу-шутливая фраза: «въ Калугѣ столкнулся я съ Иваномъ Аксаковымъ. Славный юноша! Славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ. Вообще я впадаю въ страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами дѣйствительно могутъ быть порядочные люди. Грустно мнѣ думать такъ, но истина впереди всего!»

вражды. Къ чему вражда? Кто враждуетъ, тотъ сердится, а кто сердится, тотъ чувствуетъ, что онъ неправъ. Мы имѣемъ самолюбіе до того считать себя правыми въ главныхъ основаніяхъ нашихъ убѣжденій, что не имѣемъ никакой нужды враждовать и сердиться, смѣшивать идеи съ лицами, и вмѣсто благородной и позволенной борьбы мнѣній заводить безполезную и неприличную борьбу личностей и самолюбій"...

Однако не въ одной разницѣ тона было тутъ дѣло; сущность вопроса лежитъ глубже. Попытавшись безпристрастно подойти къ славянофильству, Бѣлинскій не только проницательно опредѣлилъ его мистическую подпочву, которой самъ онъ былъ такъ чуждъ по своей натурѣ, но ясно увидѣлъ также и тѣ стороны славянофильства, которыя ему были очень близки. Бѣлинскій увидѣлъ, что, напримѣръ, въ вопросѣ о *національности* и ея значеніи онъ во многомъ сходится со славянофилами—во всякомъ случаѣ сходится съ ними ближе, чѣмъ съ тѣми „гуманическими космополитами", о которыхъ Бѣлинскій съ явнымъ раздраженіемъ говоритъ и въ этой и въ слѣдующихъ своихъ статьяхъ. И прежде чѣмъ говорить о сущности взгляда Бѣлинскаго на національность, мы должны уяснить себѣ причины этого раздраженія. Кого имѣетъ въ виду Бѣлинскій, когда довольно сердито осуждаетъ тѣхъ, которые бросились „въ фантастическій космополитизмъ во имя человѣчества"? Кого упрекаетъ онъ за „абстрактный и книжный дуализмъ" въ построеніи понятія „народности"?

Все это относится къ молодому критику Валеріану Майкову, замѣнившему собою съ 1846 года Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ". Критикъ этотъ затронулъ Бѣлинскаго въ своей статьѣ о Кольцовѣ [1]); и въ другихъ своихъ статьяхъ Вал. Майковъ не одинъ разъ задѣвалъ Бѣлинскаго, иронически замѣчая, что Бѣлинскій умѣетъ только восторгаться тѣми или иными произведеніями, а объяснить и доказать своего восторга не умѣетъ. Всѣ эти нападенія почему-то особенно раздражали Бѣлинскаго—быть можетъ потому, что они исходили отъ симпатичнаго ему по

---

[1]) См. выше статью «Поэзія земледѣльческаго быта».

направленію писателя; самъ онъ годомъ позднѣе и уже послѣ смерти даровитаго юноши (В. Майковъ утонулъ лѣтомъ 1847 года) писалъ 4 ноября 1847 года В. Боткину: „вспомни или, лучше сказать, пойми, что прошлою зимою я былъ на волосъ отъ смерти... Вотъ отчего на меня такъ болѣзненно подѣйствовала выходка покойнаго Майкова, а теперь я совершенно съ тобою согласенъ, что не на что было сердиться“... Такъ или иначе, но фактъ тотъ, что Бѣлинскій въ настоящей статьѣ довольно сердито полемизируетъ съ В. Майковымъ по поводу его взгляда на „народность“. В. Майковъ раздѣлялъ народъ на большинство, зависящее отъ условій среды и мѣста, и на меньшинство, являющееся отрицаніемъ основныхъ свойствъ большинства; говоря современными терминами, онъ грубо подраздѣлялъ всю массу народонаселенія на „интеллигенцію“ и „народъ“,—неизбѣжный дуализмъ, особенно имъ подчеркивавшійся. Бѣлинскій рѣшительно возсталъ противъ такого дуализма, противъ попытки расколоть на́двое „недѣлимую личность народа“; этой попыткѣ онъ противопоставилъ утвержденіе, что „народность“, „національность“ есть первичный факторъ, что *народности суть личности человѣчества*.

Теперь понятно, что̀ приблизило Бѣлинскаго этой эпохи къ славянофильству: это была идея національности. Давно, еще въ самомъ началѣ своей критической дѣятельности, Бѣлинскій исповѣдывалъ и проповѣдывалъ основное положеніе русскаго шеллингіанства, что народности суть индивидуальности человѣчества—мы слѣдили за развитіемъ этой идеи въ самыхъ первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго. Мы видѣли, что Бѣлинскій въ то время былъ очень близокъ по духу славянофильству и можетъ даже считаться однимъ изъ родоначальниковъ его. Но въ то время Бѣлинскій стоялъ на точкѣ зрѣнія, за которую онъ теперь такъ напалъ на Вал. Майкова: вѣдь черезъ всѣ „Литературныя Мечтанія“, черезъ всѣ „телескопскія“ статьи Бѣлинскаго послѣдовательно проходитъ мысль, что реформа Петра вогнала клинъ между „обществомъ“ и „народомъ“, расщепила ихъ на двѣ чуждыя другъ другу и взаимно противоположныя части—а оттого „у насъ нѣтъ литературы!“ Теперь, черезъ двѣнадцать лѣтъ, Бѣлин-

скій не повторяетъ болѣе этого парадокса — и особенно подчеркиваетъ этотъ свой новый взглядъ въ обзорѣ 1846 года. Мы знаемъ, что уже не разъ Бѣлинскій снова поднималъ этотъ вопросъ, все болѣе и болѣе укрѣпляясь въ чисто-историческомъ рѣшеніи его; въ обзорѣ 1846 года онъ повторяетъ это рѣшеніе, придавая своимъ доказательствамъ нѣсколько „славянофильскую“ окраску: у насъ есть своеобразная исторія литературы, потому что у насъ есть исторія русскаго общества, совершенно не похожая на исторію европейскихъ обществъ. Реформа Петра поставила наше „общество“ выше „народа“ въ культурномъ отношеніи, но это вовсе не значитъ, чтобы это „общество“ можно было считать „космополитичнымъ,—нѣтъ, общество не можетъ существовать безъ „внутренней, непосредственной, органической связи—національности“.

Вотъ къ чему пришелъ теперь Бѣлинскій въ своей полемикѣ съ „дуализмомъ“ и „космополитизмомъ“ Вал. Майкова. Онъ призналъ теперь „общество“ выраженіемъ „народа“: „меньшинство всегда выражаетъ собою большинство, въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ“—заявляетъ теперь Бѣлинскій и прибавляетъ, что если это меньшинство противополагаетъ себя большинству, то въ такомъ случаѣ оно, меньшинство, чаще всего выражаетъ собою дурныя стороны національности; примѣры, очень характерные для демократа Бѣлинскаго,—„развратное дворянство“ эпохи Людовика XV-го и французская буржуазія современной Бѣлинскому эпохи. Но несмотря на эти уродливыя явленія соціальной жизни, „личность народа“—недѣлима, и личность эта носитъ названіе *національности*: вотъ пунктъ, въ которомъ Бѣлинскій теперь готовъ былъ согласиться со славянофильствомъ. „Что *личность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣка, то *народность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣчества,—заявляетъ теперь Бѣлинскій; — другими словами: народности суть личности человѣчества. Безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ этомъ отношеніи къ этому вопросу я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ...

Но, къ счастію, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому"...

Итакъ, мы видимъ, что въ обзорѣ 1846 года Бѣлинскій измѣнилъ не только *тонъ* своего отношенія къ славянофильству; нѣтъ, онъ высказался по одному изъ существенныхъ пунктовъ разногласія крайняго западничества со славянофильствомъ — и оказался во всякомъ случаѣ ближе къ славянофильству, чѣмъ къ „гуманическому космополитизму" [1]). Отрицая такой „космополитизмъ" съ точки зрѣнія *національной*, Бѣлинскій тутъ же подчеркивалъ первенство „общечеловѣческаго" съ точки зрѣнія *соціальной*—и въ этомъ не было никакого противорѣчія. Здѣсь мы переходимъ къ вопросу о соціализмѣ Бѣлинскаго, поскольку, конечно, этотъ „соціализмъ" могъ проявляться въ печати при николаевскомъ режимѣ. Въ этомъ вопросѣ Бѣлинскій въ 1846 — 1848 годахъ кое на что сталъ смотрѣть иначе, чѣмъ въ предыдущее пятилѣтіе, въ эпоху своей пламенной „вѣры въ соціализмъ". И теперь Бѣлинскій жадно стремится къ осуществленію *обще-человѣческихъ* идеаловъ, стоящихъ гораздо выше формъ современной ему европейской жизни: въ европейскомъ — замѣчаетъ Бѣлинскій — мы должны любить только человѣческое, „и на этомъ основаніи все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такою же энергіею, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго". Если раскрыть скобки въ этихъ словахъ, то въ нихъ мы увидимъ не только осужденіе крайняго русскаго западничества (представителя котораго Бѣлинскій хотѣлъ видѣть въ В. Майковѣ), но и осужденіе тѣхъ буржуазныхъ формъ европейской жизни, о которыхъ Бѣлинскій говоритъ и въ другомъ мѣстѣ настоящей статьи. Однако тутъ же начинаютъ звучать первыя ноты разочарованія Бѣлинскаго въ его вѣрѣ въ соціализмъ, скептическаго отношенія къ практической

---

[1]) Замѣчу между прочимъ, что, говоря о «*гуманическихъ* космополитахъ», Бѣлинскій имѣетъ въ виду не одного В. Майкова, а намекаетъ также на эпиграфъ къ сборнику стихотвореній А. Плещеева (Homo sum et nihil humani a me alienum puto): В. Майковъ написалъ сочувственную рецензію на этотъ сборникъ, подчеркнувъ въ ней смыслъ выбраннаго Плещеевымъ эпиграфа.

осуществимости этого ученія. „Теперь Европу занимаютъ— пишетъ онъ — новые великіе вопросы. Интересоваться ими, слѣдить за ними намъ можно и должно, ибо ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми. Но въ то же время для насъ было бы вовсе безплодно принимать эти вопросы какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что̀ примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ... У себя, въ себѣ, вокругъ себя, вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ, и ихъ рѣшенія"... Въ этихъ словахъ уже сквозитъ то охлажденіе къ утопическому соціализму, которое годомъ позднѣе ясно выразилось въ предсмертномъ письмѣ Бѣлинскаго къ Анненкову.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить одно интересное обстоятельство, касающееся соціально-философскихъ взглядовъ Бѣлинскаго. Мы знаемъ, что, переживъ полосу увлеченія гегеліанскимъ „Общимъ", Бѣлинскій одно время (1840—1841 г.) сталъ вдохновеннымъ проповѣдникомъ правъ и значенія *личности*; прошелъ еще годъ-другой—Бѣлинскій нашелъ опору этой проповѣди въ своей „вѣрѣ въ соціализмъ". Однако при этой вѣрѣ центръ вниманія Бѣлинскаго вскорѣ былъ перенесенъ съ личности на *человѣчество;* въ этой идеѣ видѣлъ Бѣлинскій опору всей своей вѣры, оправданіе и смыслъ всякой жизни. И хотя самый соціализмъ Бѣлинскаго былъ стремленіемъ къ благу „личности", однако и здѣсь идея „человѣчества" стояла на первомъ мѣстѣ; это наглядно выясняется между прочимъ и изъ того факта, что, постоянно говоря въ своихъ статьяхъ 1842—1845 гг. о „человѣчествѣ", Бѣлинскій очень рѣдко вспоминаетъ о „личности". Но вотъ что̀ интересно: лишь только вѣра Бѣлинскаго въ соціализмъ ослабѣла, какъ мы это видимъ и изъ настоящей статьи, какъ немедленно онъ поднимаетъ вопросъ о личности и ея значеніи. Въ прежнее время онъ ставилъ вопросъ о личности на почву метафизическую; теперь онъ исходитъ изъ физіологическихъ аналогій, ибо по его мнѣнію „психологія, не опирающаяся на физіологію, такъ же несостоятельна, какъ и физіологія, не знающая о существованіи анатоміи". Эта фраза и цѣлый рядъ сосѣднихъ, которыя читатель найдетъ въ текстѣ, являются отголоскомъ ученія не Фейербаха, какъ это полагаютъ

нѣкоторые, а Огюста Конта. Хотя къ этому философу Бѣлинскій и не благоволилъ, проницательно подчеркивая всѣ его недостатки (въ замѣчательномъ письмѣ къ Боткину отъ 17 февраля 1847 года), хотя онъ и считалъ его только предшественникомъ будущаго *призваннаго* генія, хотя и въ указанномъ письмѣ есть черты знакомства съ лѣвой гегеліанской школой, однако несомнѣнно, что въ цитированномъ мѣстѣ статьи Бѣлинскій только повторялъ мысли Конта или, вѣрнѣе, его ученика Литтре, статья котораго „Важность и успѣхи физіологіи" была напечатана въ томъ же томѣ „Современника" рядомъ съ настоящей статьей Бѣлинскаго. „Статья о физіологіи Литтре—прелесть!—писалъ Бѣлинскій 6-го февраля 1847 г. Боткину: — вотъ человѣкъ!.. Отъ него морщится Revue des Deux Mondes, хотя и печатаетъ его статьи; а соціальные и добродѣтельные ослы (— такъ сталъ выражаться теперь Бѣлинскій о французскихъ утопическихъ соціалистахъ!) не въ состояніи и понять его. Я безъ ума отъ Литтре; именно потому, что онъ равно не принадлежитъ ни... ворамъ-умникамъ Journal des Debats и Revue des Deux Mondes, ни... соціалистамъ"... И тутъ же Бѣлинскій прибавляетъ, что соціалисты выродились изъ фантазій Руссо... Все это можетъ служить лучшимъ комментаріемъ къ разочарованію Бѣлинскаго въ соціализмѣ.

Возвращаюсь однако къ вопросу о *личности*. Въ настоящей статьѣ Бѣлинскій во многомъ повторилъ тѣ мысли о личности и обществѣ, которыя были высказаны имъ еще въ статьѣ объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія": и тамъ и здѣсь онъ выдвигаетъ основное положеніе, что *общество есть не ограниченіе, а восполненіе и расширеніе человѣческой индивидуальности*. Но разница въ томъ, что семью годами раньше „личность" была для Бѣлинскаго „сама по себѣ—очень неважная вещь"; теперь же она для него есть великая „тайна", но въ то же время и великая цѣнность, какой она была для него уже съ 1840 года. Цѣнность эта становилась для него теперь тѣмъ бо́льшей, чѣмъ сильнѣе разочаровывался онъ въ своей вѣрѣ въ человѣчество, въ объективную цѣлесообразность жизни его. Въ статьяхъ и письмахъ 1846—1848 гг. Бѣлинскій неоднократно возвращается къ вопросу

о личности, снова воскрешая этимъ свои былые запросы, сомнѣнія, убѣжденія и надежды начала сороковыхъ годовъ.

Такъ началъ Бѣлинскій свою дѣятельность въ новомъ журналѣ, дѣятельность, которой суждено было такъ скоро прекратиться: только полтора года, даже менѣе того, работалъ Бѣлинскій въ новомъ „Современникѣ". Но уже по первой его статьѣ мы можемъ вывести заключеніе о тѣхъ новыхъ струяхъ міровоззрѣнія Бѣлинскаго, которыя не проявлялись имъ въ „Отеч. Запискахъ" и которыя образовались или проявились въ душѣ Бѣлинскаго только въ періодъ его полугодового журнальнаго молчанія въ 1846 году. Именно въ это время въ душѣ Бѣлинскаго происходилъ какой-то новый переломъ, новая переоцѣнка цѣнностей; въ чемъ она заключалась—мы старались выяснить выше. Перемѣна тона по отношенію къ славянофиламъ, даже идейное сближеніе съ ними—все это сравнительно мелочи, явленія производныя; по крайней мѣрѣ даже за раздраженнымъ оспариваніемъ идей „гуманическихъ космополитовъ" мы видимъ не столько сближеніе со славянофильствомъ, не столько полемику съ В. Майковымъ, сколько выпадъ противъ „гуманическаго" и „космополитическаго" соціализма, противъ „соціальныхъ и добродѣтельныхъ ословъ"—какъ рѣзко обозвалъ Бѣлинскій утопическихъ соціалистовъ. Въ основѣ всего этого лежитъ потеря Бѣлинскимъ *вѣры въ соціализмъ*, а потому и переоцѣнка цѣлаго ряда старыхъ вѣрованій и мнѣній. Только этотъ фактъ позволяетъ намъ понять общія воззрѣнія Бѣлинскаго послѣднихъ двухъ лѣтъ его жизни, отразившіяся и въ его статьяхъ, а особенно въ двухъ послѣднихъ его годовыхъ обзорахъ русской литературы.

VII.

Послѣдней большой статьей Бѣлинскаго былъ его „Взглядъ на русскую литературу 1847 года". Статья эта состоитъ изъ двухъ частей: первая была написана въ декабрѣ 1847 г. и появилась въ первой книгѣ „Современника" за 1848 годъ; вторая должна была появиться въ слѣдующей книжкѣ „Современника". Но Бѣлинскій уже не могъ работать,—болѣзнь

истощала его, смерть надвигалась. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ Анненкову (отъ 15 февр. 1848 г.) Бѣлинскій между прочимъ писалъ: „истощеніе силъ страшное, еле двигаюсь по комнатѣ; второй нумеръ Современника вышелъ безъ моей статьи, теперь диктую ее черезъ силу для третьяго“... И вотъ въ этой послѣдней своей статьѣ, статьѣ „черезъ силу“ диктованной, Бѣлинскій проявилъ такую зоркость, такую тонкость анализа, такую упорную работу мысли, „вѣчную движимость“, что вся статья эта является одной изъ замѣчательнѣйшихъ его статей послѣднихъ годовъ дѣятельности. Въ ней какъ бы подведенъ итогъ всему, о чемъ Бѣлинскій говорилъ и на страницахъ „Современника“ и въ статьяхъ „Отеч. Записокъ“: тутъ и послѣднее рѣшеніе вопроса объ искусствѣ; тутъ и разборъ значенія Гоголя; оцѣнка „натуральной школы“ и ея представителей; общій взглядъ на русскую литературу — и такъ далѣе, и такъ далѣе. На всѣхъ этихъ вопросахъ мы подробно остановимся и закончимъ этимъ наше слѣдованіе за Бѣлинскимъ, который самъ настоящей своей статьей закончилъ свое и литературное и земное странствіе...

Мы знаемъ уже, что въ „Современникѣ“ Бѣлинскій въ цѣломъ рядѣ частныхъ и общихъ вопросовъ занялъ иную позицію, чѣмъ въ былое время въ „Отеч. Запискахъ“; къ числу такихъ вопросовъ мы можемъ прибавить теперь и вопросъ *объ искусствѣ*, рѣшенію котораго Бѣлинскій посвящаетъ не мало страницъ въ настоящей статьѣ. Рѣшеніе это является по существу синтезомъ двухъ былыхъ противоположныхъ взглядовъ Бѣлинскаго, синтезомъ былого „объективизма“ и „субъективизма“ въ пониманіи искусства. Намъ не для чего останавливаться подробно на этихъ прежнихъ взглядахъ Бѣлинскаго о самодовлѣющемъ искусствѣ, а также на противоположныхъ взглядахъ его на служебную роль искусства въ обществѣ. Послѣдніе взгляды стали высказываться Бѣлинскимъ все рѣзче и рѣзче къ концу его сотрудничества въ „Отеч. Запискахъ“; и если въ статьяхъ 1842—3 года Бѣлинскій теоретически еще признавалъ большое значеніе чисто „художественной“ стороны искусства, то практически онъ уже далеко отошелъ отъ такого воззрѣнія. А въ статьѣ 1845 года

о „Тарантасѣ“ Бѣлинскій дошелъ уже до крайнихъ предѣловъ отрицанія самодовлѣющаго значенія искусства и признанія его служебной, подчиненной роли: „нашъ вѣкъ враждебенъ чистому искусству, — говорилъ тогда Бѣлинскій,— и чистое искусство невозможно въ немъ... Теперь искусство— не господинъ, а рабъ: оно служитъ постороннимъ для него цѣлямъ“. Это было крайнимъ проявленіемъ „соціальнаго“ отношенія и соціальныхъ требованій Бѣлинскаго къ искусству; перейдя въ „Современникъ“, Бѣлинскій отказался отъ этой своей лапидарной формулы („искусство—не господинъ, а рабъ“) и попытался еще разъ синтезировать два эти противоположныя сужденія. Сдѣлалъ онъ это мимоходомъ—въ своемъ „Отвѣтѣ Москвитянину“, и болѣе подробно—въ первой части обзора 1847 года.

Цѣлый рядъ страницъ посвящаетъ Бѣлинскій въ этой статьѣ вопросу объ искусствѣ и значеніи его. Указывая на мысль о самодовлѣющемъ значеніи искусства, „которое само себѣ цѣль и внѣ себя не признаетъ никакихъ цѣлей“, Бѣлинскій соглашается, что „въ этой мысли есть основаніе“. „Безъ всякаго сомнѣнія, — говоритъ Бѣлинскій, — искусство прежде всего должно быть искусствомъ, а потомъ уже оно можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ извѣстную эпоху...“ И далѣе: „какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотвореніе (нѣсколькими строками ниже Бѣлинскій повторяетъ то же самое и о повѣсти, и о романѣ), какъ бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но если въ немъ нѣтъ поэзіи — въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросовъ, и все, что̀ можно замѣтить въ немъ, это — развѣ прекрасное намѣреніе, дурно выполненное...“ Обращаю вниманіе на это *теоретическое* положеніе; мы скоро увидимъ, какъ далеко расходился съ нимъ Бѣлинскій на дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ онъ готовъ былъ „вполнѣ признать“, что „искусство прежде всего должно быть искусствомъ“; но отсюда далеко до признанія самодовлѣющаго значенія искусства, до признанія „абсолютнаго искусства“: такого искусства,—замѣчаетъ Бѣлинскій, — „никогда и нигдѣ не бывало“... Такое искусство, намѣренно отрѣзанное отъ всечеловѣческой жизни,

отъ всечеловѣческой мысли, было бы только „предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ лѣнивцевъ“ (обращаю вниманіе читателей и на эти слова, съ видоизмѣненіемъ которыхъ мы тоже скоро встрѣтимся). Въ дѣйствительности же, продолжаетъ Бѣлинскій, искусство и литература неизбѣжно являются выраженіемъ общественныхъ вопросовъ и философской мысли своей эпохи, ибо поэтъ—„прежде всего человѣкъ, потомъ гражданинъ своей земли, сынъ своего времени“; и именно потому „поэтъ долженъ выражать не частное и случайное, но общее и необходимое, которое даетъ колоритъ и смыслъ всей его эпохѣ“...

Таковъ былъ теперь синтезъ Бѣлинскаго, такова его новая попытка примирить объективное значеніе творчества съ субъективной свободой художника. Если мы вспомнимъ статью Бѣлинскаго о „Менцелѣ“, то увидимъ, что и тогда Бѣлинскій предъявлялъ къ поэту то же самое требованіе — быть выраженіемъ не частнаго и случайнаго, но общаго и необходимаго. Но какая громадная разница въ томъ смыслѣ, который вкладывался въ это требованіе Бѣлинскимъ 1839—1840-го и Бѣлинскимъ 1847—1848-го года! Тогда „частнымъ и случайнымъ“ были для Бѣлинскаго общественныя воззрѣнія и настроенія, а „общимъ и необходимымъ“—законы творческаго духа художника; теперь же для Бѣлинскаго художественное творчество само по себѣ есть нѣчто „частное и случайное“, пріобрѣтающее значеніе „общаго и необходимаго“ только отъ соприкосновенія общественнаго элемента. Какъ видимъ — это два діаметрально-противоположныхъ воззрѣнія; общимъ является только стремленіе Бѣлинскаго синтезировать эстетическую и соціологическую точку зрѣнія на искусство. Отказавшись отъ своего былого порабощенія искусства обществу, Бѣлинскій настаиваетъ однако на неизбѣжной тѣсной связи искусства съ общественной жизнью: „цѣль искусства — въ искусствѣ, но цѣль художника—въ самой жизни“—вотъ та формула, которой мы уже выражали синтетическую точку зрѣнія Бѣлинскаго. Таково было послѣднее слово Бѣлинскаго въ этомъ вопросѣ, которому, конечно, никогда не придется имѣть общеобязательнаго рѣшенія. Рѣшеніе Бѣлинскаго было широкимъ и синте-

тическимъ, примиряющимъ соціальныя и эстетическія воззрѣнія на искусство; остается только посмотрѣть, насколько самъ Бѣлинскій слѣдовалъ на дѣлѣ этимъ своимъ теоретическимъ построеніямъ и разсужденіямъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно получить изъ слѣдующаго интереснаго сопоставленія. Въ концѣ октября 1847 года Бѣлинскій написалъ извѣстную уже намъ статью „Отвѣтъ Москвитянину"; въ статьѣ этой онъ категорически заявляетъ: „если произведеніе, претендующее принадлежать къ области искусства, не заслуживаетъ никакого вниманія по выполненію, то оно не стòитъ никакого вниманія и по намѣренію, какъ бы ни было оно похвально, потому что такое произведеніе уже нисколько не будетъ принадлежать къ области искусства". Это, какъ видимъ, достаточно опредѣленно сказано. Мы слышали также аналогичныя мнѣнія, твердо высказанныя Бѣлинскимъ въ первой части обзора 1847 года, написаннаго въ декабрѣ того же 1847 года; мы знаемъ, какъ категорически заявляетъ въ этой статьѣ Бѣлинскій, что „прекрасное намѣреніе, дурно выполненное", не придаетъ цѣны произведенію искусства, и что какими бы прекрасными мыслями и современными вопросами не было оно наполнено, но „если въ немъ нѣтъ поэзіи — въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросовъ"; такое произведеніе, чуждое художественности, можетъ удовлетворить только лишенныхъ художественнаго чутья людей, точно такъ же, какъ произведеніе „чистаго искусства", чуждое жизни, можетъ служить только „предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ лѣнивцевъ". Все это, повторяю, достаточно опредѣленно сказано. А теперь прочтемъ слѣдующій отрывокъ изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину, написаннаго въ томъ же декабрѣ того же 1847 года: „будь повѣсть русская хоть сколько-нибудь хороша, главное, хоть сколько-нибудь *дѣльна* — я не читаю, а пожираю съ жадностью собаки, истомленной голодомъ... Ты, Васинька, сибаритъ, сластёна — тебѣ, вишь, давай поэзіи да художества—тогда ты будешь смаковать и чмокать губами. А мнѣ поэзіи и художественности нужно не больше, какъ настолько, чтобы повѣсть была истинна, т.-е. не впадала въ аллегорію,

или не отзывалась диссертаціею. Для меня—дѣло въ дѣлѣ. Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатлѣніе. Если она достигаетъ этой цѣли и вовсе безъ поэзіи и творчества—она для меня *тѣмъ не менѣе* интересна... Я съ удовольствіемъ прочелъ, напримѣръ, повѣсть не повѣсть, даже разсказъ не разсказъ и разсужденіе не разсужденіе — *Записки человѣка* Галахова (въ 12 № „Отеч. Записокъ“), да еще съ какимъ удовольствіемъ! Разумѣется, если повѣсть возбуждаетъ вопросы и производитъ нравственное впечатлѣніе на общество, при высокой художественности — тѣмъ она для меня лучше; но главное у меня все-таки въ дѣлѣ, а не въ щегольствѣ. Будь повѣсть хоть расхудожественна, да если въ ней нѣтъ дѣла-то, братецъ, дѣла-то: je m'en fous“. „Я знаю, — заканчиваетъ свое признаніе Бѣлинскій, — что сижу въ односторонности, но не хочу выходить изъ нея, и жалѣю, и болѣю о тѣхъ, кто не сидитъ въ ней“...

Это поразительное на первый взглядъ противорѣчіе между тѣмъ, что̀ Бѣлинскій писалъ въ своей статьѣ, и тѣмъ, что̀ онъ писалъ въ своемъ письмѣ того же мѣсяца того же года — нельзя обойти молчаніемъ. Передъ нами два положенія, два утвержденія, высказанныхъ въ одно и то же время Бѣлинскимъ. Первое: „*если произведеніе*, претендующее принадлежать къ области искусства, *не заслуживаетъ никакого вниманія по выполненію, то оно не стоитъ никакого вниманія и по намѣренію*, какъ бы ни было оно похвально, потому что такое произведеніе уже нисколько не будетъ принадлежать къ области искусства“. Второе: если произведеніе „дѣльно“ и заслуживаетъ вниманія по намѣренію, то не сто̀итъ и говорить про выполненіе, про художественную сторону произведенія; есть въ немъ художественность—тѣмъ лучше, нѣтъ— и безъ нея сойдетъ, ибо „главное въ дѣлѣ, а не въ щегольствѣ“... Казалось бы, трудно найти большее противорѣчіе; и однако я надѣюсь, что внимательному читателю вполнѣ ясно, что по существу здѣсь ни малѣйшаго противорѣчія нѣтъ.

Дѣйствительно, это становится совершенно яснымъ, если въ приведенномъ выше первомъ положеніи Бѣлинскаго обратить вниманіе не на подчеркнутыя фразы, а на стоящія

рядомъ и обыкновенно малозамѣчаемыя. О какихъ произведеніяхъ говоритъ въ этомъ положеніи Бѣлинскій? О произведеніяхъ *„претендующихъ принадлежать къ области искусства“* и въ то же время не художественныхъ, слабыхъ по выполненію; такія произведенія, говоритъ Бѣлинскій, *„уже нисколько не будутъ принадлежать къ области искусства“*. Во второмъ же своемъ положеніи Бѣлинскій говоритъ о другихъ произведеніяхъ, которыя именно *и не претендуютъ принадлежать къ области искусства*, а которыя просто „дѣльны“, стремятся „вызвать вопросы“, „произвести на общество нравственное впечатлѣніе“. Въ этомъ подраздѣленіи мы безъ труда узнаемъ постоянное и излюбленное *противопоставленіе искусства и беллетристики*, за которымъ можно слѣдить почти съ самаго начала критической дѣятельности Бѣлинскаго.

Итакъ, вотъ въ чемъ здѣсь дѣло, вотъ въ чемъ разрѣшеніе своего рода „эстетической антиноміи“, высказанной Бѣлинскимъ. Вполнѣ признавая теоретически великое значеніе „искусства“, практически Бѣлинскій все болѣе и болѣе тяготѣлъ къ „беллетристикѣ“. Стоя на почвѣ „соціальности“, Бѣлинскій не могъ, конечно, не цѣнить несомнѣннаго общественнаго, развивающаго, такъ сказать „педагогическаго“ значенія того, что̀ онъ называлъ *беллетристикой*; но онъ прекрасно видѣлъ всю громадную разницу между этой прикладной беллетристикой и произведеніями подлиннаго *искусства*. И все же, сознавая это, Бѣлинскій не колеблясь отдавалъ предпочтеніе произведеніямъ перваго рода—по причинамъ, указаннымъ выше; онъ самъ признавалъ, какъ мы видѣли, „односторонность“ такого взгляда, и въ то же время „жалѣлъ и болѣлъ о тѣхъ“, кто не сидитъ въ этой односторонности... Разумѣется, весь „синтезъ“, о которомъ мы говорили выше, оказывался при этомъ чисто теоретическимъ; признавая въ теоріи великое значеніе художественнаго творчества, на дѣлѣ Бѣлинскій—мы это видѣли—считалъ такое художественное творчество только „щегольствомъ“, безъ котораго можно прекрасно обойтись... Взгляды эти теперь не нуждаются въ опроверженіи; но это не мѣшаетъ признавать въ общемъ правильнымъ основное теоретическое рѣшеніе Бѣлинскимъ проблемы объ искусствѣ. Этого мало; не мень-

шаго вниманія заслуживаетъ и практическое рѣшеніе Бѣлинскимъ этого вопроса: Бѣлинскій вполнѣ сознательно („я знаю, что сижу въ односторонности") отдалъ свои симпатіи произведеніямъ, „не претендующимъ принадлежать къ области искусства", если эти произведенія „дѣльны". Этимъ самымъ дано оправданіе и открыта широкая дорога произведеніямъ такъ называемой „тенденціозной беллетристики": ихъ соціальная роль иногда бываетъ очень велика, но тѣмъ не менѣе они не имѣютъ никакого отношенія къ художественному творчеству, эстетическій критерій къ нимъ непримѣнимъ; это — произведенія полезныя, ремесленныя, почтенныя, приносящія иной разъ большую общественную пользу...

И вотъ на сторонѣ такихъ-то произведеній всѣ симпатіи Бѣлинскаго; и хотя мы еще увидимъ ниже, что въ этомъ случаѣ у Бѣлинскаго былъ умъ съ сердцемъ не въ ладу, однако, нельзя не видѣть въ этой симпатіи предвѣстія грядущаго утилитаризма шестидесятыхъ годовъ. Но и разница между эстетическимъ утилитаризмомъ шестидесятыхъ годовъ и воззрѣніями Бѣлинскаго — очень велика, и всецѣло въ пользу Бѣлинскаго, который, отстаивая соціальное значеніе „беллетристики", ясно понималъ, что „искусство" — нѣчто совсѣмъ другое, эстетически неизмѣримо высшее; характерно, что въ настоящей статьѣ онъ вскрываетъ только свое пониманіе искусства, а свою „апологію беллетристики" запрятываетъ въ частное письмо къ Боткину... Но такъ или иначе, въ этомъ послѣднемъ воззрѣніи Бѣлинскаго мы имѣемъ окончательное рѣшеніе имъ вопроса о „беллетристикѣ" и „искусствѣ".

Но, разумѣется, ошибочно было бы понимать это рѣшеніе въ томъ смыслѣ, будто Бѣлинскій теперь окончательно отрекся отъ искусства, чтобы предаться тенденціозной беллетристикѣ—и доказательство этого мы еще найдемъ ниже... Достаточно вспомнить пока восторженное отношеніе Бѣлинскаго къ Гоголю, особенно ярко проявляющееся въ послѣднемъ годовомъ обзорѣ, чтобы увидѣть, какъ дорого было Бѣлинскому подлинное искусство. Но и въ этомъ подлинномъ искусствѣ особенно дорого было Бѣлинскому реаль-

ное воспроизведеніе окружающей жизни со всѣми ея сторонами; само искусство Бѣлинскій дважды опредѣляетъ въ своей послѣдей статьѣ, какъ „воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ"... Цѣлый рядъ страницъ въ этой статьѣ посвященъ обоснованію этого художественнаго реализма или, какъ тогда говорили, натурализма. Терминъ „натуральная школа" былъ пущенъ въ оборотъ Булгаринымъ [1]), какъ на это указываетъ самъ Бѣлинскій; литературные враги Гоголя и молодого русскаго реализма поспѣшили ухватиться за это якобы порочащее названіе... Но Бѣлинскій поднялъ перчатку, поблагодаривъ Булгарина за удачно найденный эпитетъ; въ своей статьѣ онъ подробнѣе, чѣмъ когда-либо, говоритъ о натуральной школѣ и ея значеніи. Истоки реализма Бѣлинскій находитъ въ самомъ началѣ русской литературы: „она началась натурализмомъ,—заявляетъ онъ:— первый свѣтскій писатель былъ сатирикъ Кантемиръ"... И начиная съ этого времени въ русской литературѣ, говоритъ Бѣлинскій, постоянно шли двумя параллельными руслами „реализмъ" и „идеализмъ"; съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій смотритъ теперь на всю русскую литературу: „стремленіе къ идеалу" онъ видитъ въ Ломоносовѣ, Озеровѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ (крайне пестрое сочетаніе именъ!), а стремленіе къ „реализму"—въ Хемницерѣ, Фонвизинѣ, Крыловѣ. Оба эти направленія иногда сливались въ одномъ поэтѣ— напримѣръ, въ Державинѣ; а въ поэзіи Пушкина „слились въ одинъ широкій потокъ оба, до того текшіе раздѣльно, ручья русской поэзіи"... Наконецъ явился Гоголь и окончательно опредѣлилъ своимъ вліяніемъ направленіе русской литературы: стремленіе къ „идеалу", выраженное въ формахъ яркаго „реализма". Въ этомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, вся сущность „натуральной школы"; стремленіе къ натурализму, говоритъ Бѣлинскій, „составляетъ смыслъ и душу исторіи нашей литературы"... (Послѣдняя фраза была почему-то пропущена въ журналѣ). Все это мысли, съ которыми мы уже не разъ встрѣчались у Бѣлинскаго, хотя и въ нѣ-

[1]) Этотъ терминъ въ двадцатыхъ - тридцатыхъ годахъ примѣняли во Франціи къ молодой романтической школѣ;—ср. «Гюго съ товарищи, друзья натуры» (Пушкинъ).

сколько иной формѣ; достаточно вспомнить, что въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ статей, и именно въ статьѣ о томъ же Гоголѣ, Бѣлинскій съ совершенно иной точки зрѣнія высказывалъ по существу тѣ же мысли. Въ настоящей статьѣ Бѣлинскій говоритъ о Гоголѣ только какъ о признанномъ родоначальникѣ натуральной школы; главное вниманіе онъ обращаетъ на различныхъ представителей этой послѣдней.

Герценъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Даль, Григоровичъ, Достоевскій—все это для Бѣлинскаго писатели школы Гоголя, представители „натуральной школы“. Уже одно это сопоставленіе именъ показываетъ, какимъ неопредѣленнымъ, расплывчатымъ понятіемъ являлся „натурализмъ“, какъ былъ смутенъ критерій принадлежности къ „натуральной школѣ“. Поэтому-то и терминъ этотъ впослѣдствіи не удержался, не говоря уже о томъ, что изъ перечисленныхъ выше писателей далеко не всѣхъ можно причислить къ писателямъ „школы Гоголя“. Мы остановимся послѣдовательно на каждомъ изъ нихъ, чтобы выяснить отношеніе къ каждому изъ нихъ Бѣлинскаго.

Отношеніе Бѣлинскаго къ Герцену—автору знаменитаго романа „Кто виноватъ?“ и другихъ болѣе мелкихъ повѣстей и разсказовъ—какъ нельзя болѣе характерно; оно можетъ служить лучшей иллюстраціей къ прослѣженному нами выше разграниченію Бѣлинскимъ „искусства“ и „беллетристики“. Еще въ статьѣ „Русская литература въ 1845 году“ Бѣлинскій съ большой похвалой отозвался о первой части романа „Кто виноватъ?“, указывая, что эта вещь „не принадлежитъ къ числу произведеній, запечатлѣнныхъ высокою художественностію“, но что въ ней умъ доведенъ до поэзіи, мысль обращена въ живыя лица. „Если это не случайный опытъ,—заканчиваетъ Бѣлинскій—не неожиданная удача въ чуждомъ автору родѣ литературы, а залогъ цѣлаго ряда такихъ произведеній въ будущемъ, то мы смѣло можемъ поздравить публику съ пріобрѣтеніемъ необыкновеннаго таланта въ совершенно новомъ родѣ“... Мѣсяца четыре спустя, получивъ отъ Герцена продолженіе романа, Бѣлинскій писалъ ему: „ну, братецъ ты мой, спасибо тебѣ за интермессо къ «Кто виноватъ?» Я изъ него окончательно убѣдился, что ты—

большой человѣкъ въ нашей литературѣ, а не дилетантъ, не партизанъ, не наѣздникъ отъ нечего дѣлать. Ты не поэтъ: объ этомъ смѣшно и толковать; но вѣдь и Вольтеръ не былъ поэтъ не только въ *Генріадѣ*, но и въ *Кандидѣ*, однако его *Кандидъ* потягается въ долговѣчности со многими великими художественными созданіями, а многія невеликія уже пережилъ и еще больше переживетъ ихъ. И такіе таланты необходимы и полезны не менѣе художественныхъ"... Именно эту знакомую намъ мысль Бѣлинскій развиваетъ подробно въ обзорѣ 1847 года, говоря о Герценѣ и разбирая его романъ. „Видѣть въ авторѣ «Кто виноватъ?» необыкновеннаго художника,—говоритъ Бѣлинскій,—значитъ вовсе не понимать его таланта... Главная сила его не въ творчествѣ, не въ художественности, а въ мысли, глубоко прочувствованной, вполнѣ сознанной и развитой"... „Какая же это мысль? Это—страданіе, болѣзнь при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства, оскорбляемаго съ умысломъ и еще больше безъ умысла; это—то, что̀ нѣмцы называютъ *гуманностью*, Humanität"... Но какъ ни дорога, какъ ни близка сердцу Бѣлинскаго эта мысль, она все же не можетъ закрыть ему глаза на отсутствіе художественности въ романѣ Герцена—и это опять-таки очень характерно. „Мысль была прекрасная, исполненная глубокаго трагическаго значенія,—говоритъ Бѣлинскій:—она-то и увлекла большинство читателей и помѣшала имъ замѣтить, что вся исторія... разсказана умно, очень умно, даже ловко, но зато ужъ нисколько не художественно. Тутъ мастерскій разсказъ, но нѣтъ и слѣда живой поэтической картины...—и зритель не вдругъ догадывается, что онъ былъ только увлеченъ, а совсѣмъ не удовлетворенъ"... Это мѣсто крайне цѣнно для пониманія взглядовъ и настроеній Бѣлинскаго. Только-что мы видѣли, какъ въ письмѣ къ Боткину онъ изрекъ хулу на художественное творчество („щегольство"!), какъ онъ принялъ подъ свою защиту „дѣльныя" беллетристическія произведенія; и тутъ же, въ критической статьѣ, съ похвалою разбирая умное и дѣльное беллетристическое произведеніе, Бѣлинскій заявляетъ, что онъ имъ „только увлеченъ, а совсѣмъ не удовлетворенъ"—именно въ виду отсутствія въ немъ художественности! И въ этомъ

случаѣ, какъ видимъ, теорія расходилась у Бѣлинскаго съ практикой, умъ съ сердцемъ былъ не въ ладу: признавая умомъ всю пользу дѣльной беллетристики, Бѣлинскій не могъ удовлетвориться ею—для этого онъ былъ и оставался слишкомъ тонкою художественно-воспріимчивою натурою. Онъ былъ въ восторгѣ отъ романа Герцена, какъ отъ прекраснаго беллетристическаго произведенія, онъ понималъ, что публика нашла въ этомъ романѣ много „ближайшихъ къ ней и потому нужнѣйшихъ и полезнѣйшихъ ей истинъ“— и въ то же время онъ чувствовалъ всю художественную слабость этого произведенія. Теорія говорила, что это—пустякъ, „щегольство“; а на дѣлѣ Бѣлинскій не могъ закрыть на это глаза [1]). Такъ боролась въ немъ теорія соціальной пользы съ теоріей эстетической значимости, сознаніе общественнаго блага съ чувствомъ художественнаго воспріятія; въ декабрьскомъ письмѣ 1847 года къ Боткину побѣдили первыя, въ одновременномъ письму обзорѣ 1847 года—вторыя. И именно потому Бѣлинскій сумѣлъ дать вѣрную оцѣнку беллетристическому таланту Герцена. Оказался онъ правъ и въ своемъ знаменитомъ пророчествѣ, которое мы находимъ въ цитированномъ выше письмѣ его (отъ 6 апр. 1846 г.) къ Герцену: „если ты лѣтъ въ десять напишешь три-четыре томика поплотнѣе и порядочнаго размѣра, ты— большое имя въ нашей литературѣ, и попадешь не только въ исторію русской литературы, но и въ исторію Карамзина“... И Герценъ дѣйствительно попалъ въ „исторію Карамзина“,—но только благодаря своей политической дѣятельности, благодаря своимъ публицистическимъ и философскимъ произведеніямъ, а не своей „беллетристикѣ“, о которой такъ вѣрно и съ такимъ тонкимъ пониманіемъ отозвался Бѣлинскій въ настоящей статьѣ.

Другое дѣло Гончаровъ. Въ его „Обыкновенной исторіи“ Бѣлинскій увидѣлъ соединеніе яркой художественности съ животрепещущей, современной темой—и восторгъ Бѣлин-

---

[1]) Напомню кстати про отношеніе Бѣлинскаго (въ 1846 году) къ «Каменному Гостю»: въ своемъ мѣстѣ я отмѣтилъ, что для Бѣлинскаго всегда существовало, говоря его словами,—«искусство въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности» (см. выше статью «Поэзія душевнаго единства»).

скаго не имѣетъ границъ. „Читаешь—словно ѣшь холодный, полу-пудовый, сахаристый арбузъ въ знойный день",—такъ опредѣлялъ Бѣлинскій свое художественное удовлетвореніе отъ этой повѣсти; и въ то же время онъ восклицалъ: „а какую пользу принесетъ она обществу! Какой она страшный ударъ романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинціализму"... Совершенно справедливо указывая, что талантъ Гончарова—„не первостепенный, но сильный, замѣчательный", Бѣлинскій тутъ же подчеркиваетъ характерную сторону творчества Гончарова—„объективизмъ" его художественнаго творчества. „Онъ поэтъ, художникъ, и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона"... И снова проводя параллель между Герценомъ и Гончаровымъ, Бѣлинскій заключаетъ: „въ талантѣ Искандера (Герцена) поэзія — агентъ второстепенный, а главный—мысль; въ талантѣ г. Гончарова поэзія—агентъ первый, главный и единственный"... И, быть можетъ, именно потому, вопреки всѣмъ доводамъ разсудка, Бѣлинскій отдалъ явное предпочтеніе роману Гончарова. Интересно привести нѣсколько строкъ изъ воспоминаній самого Гончарова о Бѣлинскомъ: „на меня онъ иногда какъ будто накидывался за то, что у меня не было злости, раздраженія, субъективности. «Вамъ все равно, попадается мерзавецъ, дуракъ, уродъ или порядочная, добрая натура—всѣхъ одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни къ кому!» И это скажетъ (и не разъ говорилъ) съ какою-то доброю злостью, а однажды положилъ ласково послѣ этого мнѣ руки на плечи и прибавилъ почти шопотомъ: «а это хорошо, это и нужно, это—признакъ художника!»—какъ будто боялся, что его услышатъ и обвинятъ за сочувствіе къ безтенденціозному писателю"... (Гончаровъ, „Замѣтки о личности Бѣлинскаго"), Къ этому надо только прибавить, что если Бѣлинскій и боялся „обвиненій за сочувствіе къ безтенденціозному писателю", то „обвинителемъ" могъ быть только самъ же онъ, Бѣлинскій, колебавшійся между двумя истинами, двумя критеріями,

двумя мѣрилами. Къ „Обыкновенной исторіи" можно было приложить оба эти критерія—и общественной пользы, и художественной цѣнности,—и этимъ объясняется тотъ восторгъ, съ какимъ Бѣлинскій отнесся къ роману Гончарова.

Но если Гончарова Бѣлинскій „обвинялъ" за отсутствіе „злости, раздраженія" и вообще оцѣнки дѣйствующихъ лицъ романа, то въ своемъ послѣднемъ обзорѣ самъ онъ далъ примѣръ какъ-разъ обратнаго отношенія: онъ напалъ на молодого Адуева, какъ на своего личнаго врага, въ немъ онъ видѣлъ „страшный ударъ романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинціализму"... Мы говорили выше о *реализмѣ* Бѣлинскаго, какъ о психологическомъ типѣ его міроощущенія; мы знаемъ, какъ сурово относился теперь Бѣлинскій ко всякому „романтизму", въ чемъ бы онъ ни выражался—и особенно къ тому поверхностному, напускному романтизму, который былъ своего рода модой молодыхъ поколѣній русскаго общества двадцатыхъ-сороковыхъ годовъ. Самъ Бѣлинскій въ свое время заплатилъ дань этому увлеченію, въ которомъ видѣлъ теперь только первую ступень къ „славянофильству"; онъ уже давно раздѣлался со всяческой *кружковщиной*, и въ послѣдней своей статьѣ свелъ только послѣдніе счеты съ самимъ собой давно минувшихъ лѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ онъ цѣлилъ и во многихъ изъ славянофиловъ — въ К. Аксакова, въ И. Кирѣевскаго,—видя въ молодомъ мечтателѣ и „романтикѣ" Адуевѣ какъ бы типичное предисловіе къ славянофильству; но главное—это была расплата со своимъ собственнымъ „романтизмомъ" эпохи кружковщины. Этого мало: можно предполагать, что Бѣлинскій сводилъ здѣсь послѣдніе счеты и со своей недавней *вѣрой въ соціализмъ*, въ которой были налицо всѣ элементы „романтизма", „кружковщины", мечтательности, фантазіи. Такъ или иначе, но Бѣлинскій, уже давно начавшій борьбу съ „романтизмомъ", заканчиваетъ ее теперь, рѣзко обрушиваясь на молодого Адуева, точно на своего личнаго врага. И одна эта рѣзкость явно показываетъ намъ, что Бѣлинскій въ этомъ случаѣ многое говорилъ pro domo sua: Бѣлинскій пожелалъ окончательно разорвать со всякими своими былыми „фантазіями", будь то философскія или со-

ціальныя „романтическія" теоріи. И этимъ самымъ онъ наносилъ косвенный ударъ славянофиламъ, въ которыхъ онъ видѣлъ дальнѣйшее развитіе типа молодого Адуева. Правильно указывая, что Гончаровъ въ концѣ романа испортилъ цѣльность этого типа, Бѣлинскій ядовито прибавляетъ, что всего лучше и естественнѣе было бы автору сдѣлать въ концѣ концовъ молодого Адуева славянофиломъ: „тогда бы герой былъ вполнѣ современнымъ романтикомъ, и никому бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ"...

Ненависть къ такому „современному романтику" заставила Бѣлинскаго отнестись сочувственно къ противоположному типу, къ дѣловому, положительному и размѣренному дядѣ-Адуеву: „это—въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ дай Богъ, чтобъ было больше"... Правда, сочувствіе это далеко не безусловное, но все же въ немъ ясно видно стремленіе противопоставить нѣчто положительное, „индюстріальное", всѣмъ мечтаніямъ славянофильства, а быть можетъ, и утопическаго соціализма. Объ этомъ мы еще скажемъ нѣсколько словъ ниже; но и здѣсь не можемъ не замѣтить, что сочувствіе Бѣлинскаго къ Адуеву-старшему могло быть только условнымъ и относительнымъ: слишкомъ далекъ былъ отъ этого типа неистовый Виссаріонъ, вѣчно кипящій и волнующійся, вѣчно „человѣкъ экстремы". И неужели же только *адуевщину* могъ противопоставить Бѣлинскій своему былому „романтизму", своей изжитой „вѣрѣ въ соціализмъ"? Насколько далекъ онъ былъ отъ Адуева-старшаго, можно судить хотя бы по слѣдующимъ его словамъ изъ письма къ Боткину отъ 8 марта 1847 года: „уважаю практическія натуры въ hommes d'action, но если вкушеніе сладости ихъ роли непремѣнно должно быть основано на условіи безвыходной ограниченности, душной узкости—слуга покорный, я лучше хочу быть созерцающею натурою, человѣкомъ просто, но лишь бы все чувствовать и понимать широко, привольно и глубоко"... Развитіе *личности* Бѣлинскій противопоставилъ своей былой „вѣрѣ въ соціализмъ", на что̀ мы уже имѣли случай указывать выше.

Возвращаюсь однако къ статьѣ Бѣлинскаго, который

отъ Гончарова переходитъ къ Тургеневу. Было время, когда Бѣлинскій былъ въ восторгѣ отъ Тургенева и даже отъ слабыхъ сторонъ его таланта; познакомившись въ 1843 году съ Тургеневымъ, Бѣлинскій цѣнилъ въ немъ именно вражду къ „романтизму“. „Во всѣхъ его сужденіяхъ — писалъ Бѣлинскій Боткину 31-го марта 1843 года—виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ всего неопредѣленнаго, къ чему я, по слабости характера, неопредѣленности натуры и дурного развитія, довольно падокъ“... Вскорѣ Бѣлинскій разочаровался въ стихотворномъ дарованіи Тургенева, да и самъ Тургеневъ призналъ справедливость такого о себѣ мнѣнія и перешелъ къ „смиренной прозѣ“. Послѣ ряда разсказовъ, мало замѣченныхъ читающей публикой, хотя и дружелюбно привѣтствованныхъ Бѣлинскимъ, Тургеневъ задумалъ рядъ „разсказовъ охотника“. Первый изъ этихъ разсказовъ, „Хорь и Калинычъ“, былъ признанъ Бѣлинскимъ „рѣзко замѣчательнымъ“ (письмо къ Боткину отъ 22 апр. 1847 г.); даже славянофилы, недолюбливавшіе Тургенева, назвали этотъ разсказъ „превосходнымъ“. Поощренный успѣхомъ Тургеневъ сталъ писать цѣлый рядъ такихъ „разсказовъ охотника“—за одинъ 1847 годъ онъ напечаталъ въ „Современникѣ“ семь такихъ разсказовъ; Бѣлинскому показалось, что Тургеневъ нашелъ, наконецъ, свою настоящую дорогу, что сфера его таланта—мелкіе *физіологическіе очерки*. Вотъ почему Бѣлинскій въ обзорѣ 1847 года приравниваетъ Тургенева къ Далю („Казаку Луганскому“); это несправедливое сопоставленіе нельзя обойти молчаніемъ. Одно время Бѣлинскій преувеличенно высоко цѣнилъ Даля, совершенно третьестепеннаго беллетриста, считая его „послѣ Гоголя первымъ талантомъ въ русской литературѣ“. Правда, годомъ позднѣе, въ рецензіи на четыре тома „Повѣстей, сказокъ и разсказовъ“ Даля („Современникъ“ 1847 г., т. I), Бѣлинскій уже не повторяетъ этого курьезнаго мнѣнія [1]), признавая все же за Далемъ „богатый и сильный талантъ“, но въ то же время совѣтуетъ ему обратиться преимущественно къ мелкимъ

---

[1]) Однако еще и въ обзорѣ 1847 года Бѣлинскій говоритъ о нѣкоторыхъ лицахъ изъ повѣсти Даля, какъ о «созданіяхъ геніальныхъ»!..

физіологическимъ очеркамъ, „не теряя болѣе времени на сказки, повѣсти и разсказы"... Еще болѣе правъ былъ Бѣлинскій въ своей первой рецензіи (въ „Молвѣ" 1835 года) о произведеніяхъ Даля: „это—просто балагуръ, иногда довольно забавный, иногда слишкомъ скучный, нерѣдко уморительно веселый и часто приторно натянутый"... И вотъ рядомъ съ такимъ-то писателемъ Бѣлинскій захотѣлъ поставить Тургенева; неудивительно поэтому, что его отзывъ о Тургеневѣ является совершенно несправедливымъ. Вообще надо замѣтить, что въ 1847—1848 г. Бѣлинскій сильно охладѣлъ къ Тургеневу—не какъ къ человѣку, а какъ къ писателю; въ письмѣ къ Анненкову (отъ 15 февр. 1848 г.) Бѣлинскій, сурово отзываясь о рядѣ новыхъ разсказовъ Тургенева („Лебедянь", „Малиновая вода", „Уѣздный лекарь"), тутъ же рядомъ восторгается новой повѣстью Дружинина; о Тургеневѣ онъ добродушно отзывается, какъ о „миломъ младенцѣ", и замѣчаетъ, что его разсказы могутъ нравиться дамамъ, ибо „вѣдь и Иванъ-то Сергѣевичъ—бабье порядочное!" Все это освѣщаетъ ту ошибку, въ которую впалъ Бѣлинскій, категорически заявляя, „что у Тургенева нѣтъ таланта чистаго творчества, что онъ не можетъ создавать характеровъ, ставить ихъ въ такія отношенія между собою, изъ какихъ образуются сами собою романы или повѣсти"... Мы слишкомъ часто отмѣчали выше почти геніальныя критическія прозрѣнія Бѣлинскаго, чтобы замалчивать на этотъ разъ очевидную его ошибку; остается только указать, что въ своей первой статьѣ 1843-го года о Тургеневѣ Бѣлинскій гораздо вѣрнѣе и проницательнѣе охарактеризовалъ сущность таланта этого писателя.

То, что Бѣлинскій говоритъ о Тургеневѣ, съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ можно было бы примѣнить къ Григоровичу, о которомъ тутъ же идетъ рѣчь. Еще въ своей статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года" Бѣлинскій говорилъ о Григоровичѣ, прошумѣвшемъ тогда повѣстью „Деревня", какъ о писателѣ, у котораго „нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ повѣсти, но есть замѣчательный талантъ для тѣхъ очерковъ общественнаго быта, которые теперь получили въ литературѣ названіе *физіологическихъ*"... И

этотъ отзывъ какъ нельзя болѣе справедливъ. Въ 1847 году Григоровичъ еще болѣе надѣлалъ шума своей повѣстью „Антонъ Горемыка“; въ ней онъ какъ нельзя болѣе удачно попалъ въ тонъ смутно бродившихъ въ обществѣ и уже назрѣвшихъ соціальныхъ и этическихъ вопросовъ о крѣпостномъ правѣ. „Вѣроятно, ты уже получилъ одиннадцатый нумеръ Современника,—писалъ Бѣлинскій Боткину 5 ноября 1847 г.:—тамъ повѣсть Григоровича, которая измучила меня; читая ее, я все думалъ, что присутствую на экзекуціяхъ... страшно! Вотъ поди ты: дуракъ пошлый [1]), а талантъ! Цензура чуть ее не прихлопнула“... И мѣсяцемъ позднѣе Бѣлинскій писалъ тому же Боткину: „ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія: читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣщикъ поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину—законное наслѣдіе его благородныхъ предковъ“... Высказаться подробно объ этой повѣсти—нечего было и думать: цензура не пропустила бы ни слова по существу; Бѣлинскій принужденъ былъ ограничиться намекающей фразой, что по прочтеніи этой повѣсти „въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя“... Интересно при этомъ то обстоятельство, что Бѣлинскій ясно видѣлъ отсутствіе художественности въ этой повѣсти и справедливо причислялъ ее къ произведеніямъ „беллетристики“. Когда Кавелинъ въ полномъ восторгѣ, назвалъ эту повѣсть „божественной“, Бѣлинскій отвѣтилъ ему: „повѣсть прекрасна, хотя и не божественна, какъ вы говорите; читать ее—пытка: точно присутствуешь при экзекуціи“ (письмо отъ 22 ноября 1847 года). Въ извѣстномъ уже намъ письмѣ къ Боткину отъ начала декабря 1847 года Бѣлинскій, заступаясь за „беллетристику“, приводитъ въ примѣръ не-художественной, но „дѣльной“ повѣсти именно „Антона-Горемыку“: „вотъ почему—говоритъ Бѣлинскій—въ

---

[1]) Бѣлинскій былъ невысокаго мнѣнія о глубинѣ ума и натуры Григоровича; въ письмѣ къ Кавелину отъ 7 декабря 1847 г. Бѣлинскій пишетъ: «примѣръ поразительный замѣчательнаго таланта, какъ таланта—Григоровичъ; если бы вы увидѣли этого добраго, но пустѣйшаго малаго вашему удивленію не было бы конца»...

Антонъ я не замѣтилъ длиннотъ или, лучше сказать, упивался длиннотами"... Бѣлинскій былъ правъ: повѣсть Григоровича — произведеніе типично „беллетристическое" въ смыслѣ Бѣлинскаго; Григоровичъ вообще былъ типичнымъ „беллетристомъ", очень похожимъ на Даля и по размѣру и по направленію таланта. Только однажды удалось Григоровичу попасть въ струю напряженной общественной мысли эпохи своимъ „Антономъ-Горемыкой"; эта повѣсть доставила ему мѣсто въ первыхъ рядахъ русской литературы— мѣсто, на которомъ онъ былъ не въ силахъ удержаться. Вотъ почему Григоровичъ является въ исторіи русской литературы совершенно второстепеннымъ „беллетристомъ", одно изъ произведеній котораго имѣетъ, однако, первостепенное историко-литературное значеніе.

Не будемъ болѣе останавливаться на писателяхъ „натуральной школы", о которыхъ еще говоритъ Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ: сѣромъ и скучномъ Дружининѣ, съ его повѣстью „Полинька Саксъ"; Достоевскомъ, объ отношеніи къ которому Бѣлинскаго мы уже говорили; Далѣ, о которомъ уже сказано выше. Вернемся теперь къ началу — къ общему сужденію Бѣлинскаго о Гоголѣ и всей „натуральной школѣ", которая понимаетъ искусство, какъ „воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ"... Бѣлинскій слишкомъ настойчиво подчеркивалъ тождество Гоголя и „натуральной школы" по существу и направленію; необходимо указать, что такое утвержденіе далеко отъ истины, и что гораздо ближе къ послѣдней стоялъ Ю. Самаринъ, отмѣчавшій не сходство, а различіе между Гоголемъ и „натуральной школой". Въ одной изъ статей Бѣлинскій издѣвался надъ мыслью Самарина, будто Гоголь спустился въ міръ пошлости не только благодаря счастливому внушенію художественнаго инстинкта, но и вслѣдствіе „личной потребности внутренняго очищенія"; между тѣмъ несомнѣнно истина была въ этомъ случаѣ на сторонѣ Самарина. Несомнѣнно, съ другой стороны, что „натуральная школа" вся вышла изъ Гоголя—объ этомъ еще Достоевскій заявилъ во всеуслышаніе; и Бѣлинскому необходимо было особенно подчеркнуть эту истину, тѣмъ болѣе, что славянофилы, при-

нимая Гоголя, желали совершенно отвергнуть „натуральную школу". Въ своемъ „Отвѣтѣ Москвитянину" Бѣлинскій вполнѣ сознательно и намѣренно перегнулъ палку въ другую сторону: онъ заявилъ, что между „натуральной школой" и Гоголемъ нѣтъ разницы, что ихъ можно объединить формулой—„Гоголь и его литературная школа"; эти же мысли Бѣлинскій высказываетъ и въ обзорѣ 1847 года. Но все это со стороны Бѣлинскаго было только, повторяю еще разъ, вполнѣ намѣреннымъ перегибаніемъ палки въ другую сторону; о причинахъ этого мы узнаемъ изъ письма Бѣлинскаго отъ 22 ноября 1847 года къ Кавелину, который не былъ согласенъ съ указанной мыслью Бѣлинскаго. „Насчетъ вашего несогласія со мною касательно Гоголя и натуральной школы,—пишетъ Бѣлинскій,—я вполнѣ съ вами согласенъ, да и прежде думалъ такимъ же образомъ. Вы, юный другъ мой, не поняли моей статьи, потому что не сообразили, *для кого* и *для чего* она писана. Дѣло въ томъ, что писана она не для насъ, а для враговъ Гоголя и натуральной школы, въ защиту отъ фискальскихъ обвиненій. Поэтому я счелъ за нужное сдѣлать уступки, на которыя внутренно и не думалъ соглашаться, и кое-что изложилъ въ такомъ видѣ, какой мало имѣетъ общаго съ моими убѣжденіями касательно этого предмета. Напримѣръ, все, что̀ вы говорите о различіи натуральной школы отъ Гоголя, по-моему, совершенно справедливо; но сказать это печатно я не рѣшусь: это значило бы наводить волковъ на овчарню, вмѣсто того, чтобы отводить ихъ отъ нея. А они и такъ напали на слѣдъ и только ждутъ, чтобы мы проговорились. Вы, юный другъ мой—хорошій ученый, но плохой политикъ, какъ слѣдуетъ быть истому москвичу. Повѣрьте, что въ моихъ глазахъ г. Самаринъ не лучше г. Булгарина по его отношенію къ натуральной школѣ, а съ этими господами надобно быть осторожному"... Можно быть разнаго мнѣнія объ этой „политикѣ" Бѣлинскаго, но во всякомъ случаѣ ясно, что самъ Бѣлинскій хорошо видѣлъ разницу между Гоголемъ и „натуральной школой". Вопросъ этотъ имѣетъ теперь цѣлую литературу и въ общемъ рѣшается согласно со словами Самарина и съ мыслью Бѣлинскаго.

Но Бѣлинскому важнѣе было подчеркнуть не разницу, а преемственную связь въ русской литературѣ; съ этого онъ и начинаетъ свою статью. Подробно останавливаясь на опредѣленіи понятія *„прогрессъ“*, подъ которымъ Бѣлинскій въ сущности понимаетъ „эволюцію“ (о разницѣ между этими двумя понятіями впослѣдствіи много писалъ Михайловскій), Бѣлинскій всѣ эти теоретическія разсужденія строитъ только для того, чтобы приложить ихъ къ исторіи русской литературы. „Всякое органическое развитіе—говоритъ онъ—совершается черезъ прогрессъ, развивается же органически только то, что̀ имѣетъ свою исторію, а имѣетъ свою исторію только то, въ чемъ каждое явленіе есть необходимый результатъ предыдущаго и имъ объясняется“... А что натуральная школа была „необходимымъ результатомъ“ творчества Гоголя—въ этомъ, разумѣется, не могло быть сомнѣнія. Но тутъ дѣло было не въ одной натуральной школѣ, не въ одномъ Гоголѣ, а во всей русской литературѣ: связано ли въ ней послѣдующее съ предыдущимъ, подвержена ли она закону „прогресса“, органическаго развитія? „Если можно представить себѣ литературу, въ которой являются отъ времени до времени сочиненія замѣчательныя, но чуждыя всякой внутренней связи и зависимости...—у такой литературы не можетъ быть исторіи. Ея исторія—каталогъ книгъ“... Но вѣдь это какъ-разъ то, что̀ говорилъ Бѣлинскій въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“! „У насъ нѣтъ литературы“—съ доказательства этого положенія началъ Бѣлинскій свою критическую дѣятельность, доказывая, что у насъ есть нѣсколько геніальныхъ писателей, но нѣтъ внутренней литературной преемственности—а значитъ нѣтъ и литературы. Мы внимательно слѣдили за развитіемъ и измѣненіемъ этой мысли въ статьяхъ Бѣлинскаго; мы видѣли, что въ концѣ концовъ Бѣлинскій призналъ свою ошибку, сталъ на историческую точку зрѣнія и увидѣлъ въ русской литературѣ преемственность органическаго развитія. И теперь, въ послѣдней своей статьѣ, Бѣлинскій возвращается все къ тому же вопросу первой своей статьи, только рѣшая его въ противоположномъ смыслѣ указаніемъ на постоянный „прогрессъ“ въ русской литературѣ, на ея историческое развитіе.

Такъ самъ Бѣлинскій связалъ начало своей дѣятельности съ ея концомъ.

Но вѣдь литература является только проявленіемъ жизни народа, и „органическое развитіе“ литературы можетъ имѣть мѣсто только на почвѣ соціальнаго прогресса народа,—таково было убѣжденіе Бѣлинскаго. Говоря о литературномъ прогрессѣ, онъ не могъ не имѣть въ виду прогресса соціальнаго, но гдѣ и въ чемъ видѣлъ онъ этотъ „прогрессъ“ теперь, послѣ потери былой вѣры въ соціализмъ? чѣмъ теперь замѣняетъ свою былую „вѣру въ соціализмъ“ Бѣлинскій? У Бѣлинскаго теперь снова появилась вѣра въ *личность*, а былой утопическій соціализмъ его замѣнился къ 1848-му году неопредѣленнымъ либерализмомъ и радикализмомъ. Прежде Бѣлинскій ненавидѣлъ „буржуазію“—и высказывалъ это еще въ 1846—7 г.; теперь же онъ отрицательно относится къ нападкамъ на „буржуазію“ Герцена въ его „Письмахъ изъ Avenue Marigny“. А въ письмѣ къ Анненкову отъ 15 февр. 1848 г. Бѣлинскій писалъ: „Когда я, въ спорахъ съ вами о буржуазіи, называлъ васъ консерваторомъ — я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной“. Все это какъ нельзя лучше объясняетъ то сочувственное отношеніе Бѣлинскаго къ Адуеву-старшему, которое мы находимъ въ обзорѣ 1847 года: въ этомъ героѣ Гончарова Бѣлинскій справедливо увидѣлъ представителя нарождающейся русской буржуазіи. „Внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи—читаемъ мы въ томъ же письмѣ Бѣлинскаго—начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію“... Но если Бѣлинскій и жаждалъ теперь развитія русской буржуазіи, то только какъ средства для гражданскаго развитія Россіи—т.-е. раскрѣпощенія „мужика“, о которомъ Бѣлинскій горячо говоритъ въ рядѣ страницъ своего послѣдняго годового обзора. Бѣлинскій самъ сознавалъ, что развитіе русской буржуазіи — дѣло далекое, а потому надежды свои онъ возлагаетъ пока на „реформы свыше“; съ симпатіей также относится Бѣлинскій и къ общественной благотворительности, вопросъ о которой дебатировался въ

журналахъ 1847 года, и противъ которой возставали славянофилы. Вообще надо сказать, что отъ былого воинствующаго соціализма Бѣлинскій несомнѣнно перешелъ въ 1847—1848 гг. къ нѣкоторому оппортунизму, что можно замѣтить и въ настоящей статьѣ. Разочарованіе въ соціализмѣ, какъ мы это уже замѣчали, окрасило собою послѣдніе два года жизни и дѣятельности Бѣлинскаго. Въ книгѣ „Великія исканія“ объ этомъ я говорю подробнѣе.

Въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“ мы имѣемъ какъ бы итогъ всей дѣятельности Бѣлинскаго эпохи „Современника“; мало того, въ ней мы находимъ итогъ и многимъ изъ вопросовъ, разрабатывавшихся Бѣлинскимъ съ самаго начала его литературной дѣятельности. Вопросъ объ искусствѣ и вопросъ о народѣ—съ этого началъ Бѣлинскій въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, и этимъ онъ кончилъ во „Взглядѣ на русскую литературу 1847 года“. Когда оглядываешься на этотъ тринадцатилѣтній путь, то невольно преклоняешься передъ величіемъ этихъ страстныхъ, мучительныхъ поисковъ истины; пройдя шагъ за шагомъ вслѣдъ за Бѣлинскимъ этотъ путь, отдаешь себѣ отчетъ во всемъ значеніи Бѣлинскаго для русской мысли, для русской жизни. „Великій критикъ земли русской“; первый и геніальный историкъ русской литературы; борецъ за великіе общественные идеалы; „геніальная философская организація“; непримиримый искатель Бога, искатель правды жизни и правды міра,—все это совмѣщалось въ личности Бѣлинскаго, все это является вѣчной цѣнностью въ исторіи русской жизни и литературы. Пусть многое изъ этого является теперь только исторической цѣнностью, пусть отвергнуты нѣкоторыя критическія и историко-литературныя сужденія Бѣлинскаго, пусть превзойдены его соціальныя и философскія воззрѣнія; но духовныя исканія Бѣлинскаго, его душевныя муки, его нравственныя, философскія и религіозныя скитанія въ поискахъ смысла бытія—все это не только цѣнно до настоящаго времени, но и останется такимъ навсегда. „Бѣлинскій умеръ—живъ Бѣлинскій!“—со злобою восклицалъ когда-то кн. П. Вяземскій, воюя съ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ; онъ и не подозрѣвалъ, какая истина имъ сказана! И

мы, кончая свое слѣдованіе за Бѣлинскимъ, можемъ только заключить нашъ путь этими же словами: Бѣлинскій умеръ— живъ Бѣлинскій—и будетъ жить вѣчно!

1909—1910 г.

1 р. 50 к.

ИЗДАНІЕ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ
М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.
Петроградъ. Вас. остр., 5 линія, соб. д. № 28.